

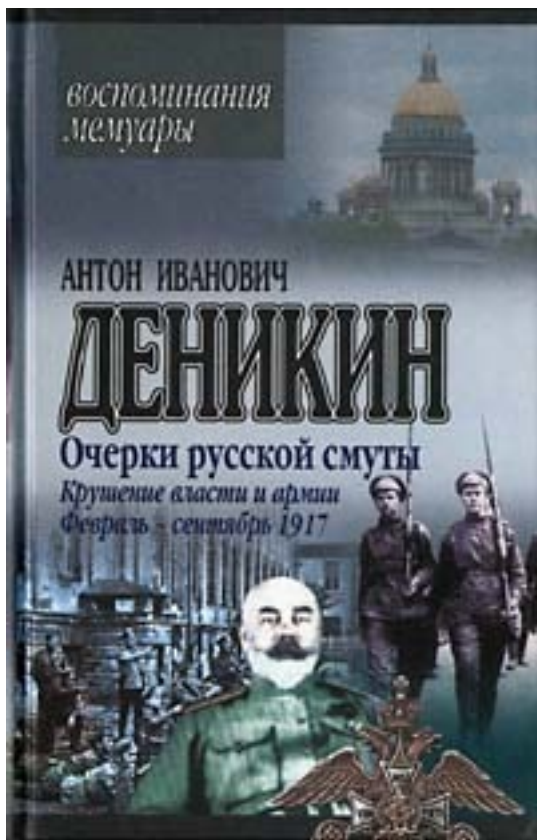
*воспоминания
мемуары*

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

*Крушение власти и армии
Февраль - сентябрь 1917*

Антон Иванович Деникин
Крушение власти и армии.
(Февраль-сентябрь 1917 г.)
Серия «Очерки русской смуты», книга 1

*Нет данных; доп. обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153394
Деникин А.И. Очерки русской смуты.: Париж; 1921*

Аннотация

В данной книге автор рассказывает о событиях, происходивших в России в феврале–сентябре 1917 года: предреволюционная смута, военные реформы Временного правительства, потеря армией управления и, как следствие, – ее развал.

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Устои старой власти: вера, царь и отечество	8
Глава II. Состояние старой армии перед революцией	33
Глава III. Старая армия и государь	53
Глава IV. Революция в Петрограде	65
Глава V. Революция и царская семья	82
Глава VI. Революция и армия. – Приказ № 1	97
Глава VII. Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года	119
Глава VIII. Ставка; ее роль и положение	131
Глава IX. Мелочи жизни в Ставке	153
Глава X. Генерал Марков	160
Глава XI. Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов	174
Глава XII. Власть: борьба за власть большевиков, власть армии, идея диктатуры	196
Глава XIII. Деятельность Временного правительства: внутренняя политика, гражданское управление; город и деревня, аграрный вопрос	215

Глава XIV. Деятельность Временного правительства: продовольствие, промышленность, транспорт и финансы	241
Глава XV. Положение центральных держав к весне 1917 г.	269
Глава XVI. Стратегическое положение русского фронта к весне 1917 г.	278
Глава XVII. Вопрос о переходе русской армии в наступление	295
Глава XVIII. Военные реформы: генералитет и изгнание старшего командного состава	311
Глава XIX. «Демократизация армии»: управление, служба и быт	327
Глава XX. «Демократизация армии»: комитеты	339
Глава XXI. «Демократизация армии»: комиссары	366
Глава XXII. «Демократизация армии»: история «декларации прав солдата».	378
Глава XXIII. Печать и пропаганда извне	417
Глава XXIV. Печать и пропаганда изнутри	442
Глава XXV. Состояние армии ко времени июльского наступления	457
Глава XXVI. Офицерские организации	488
Глава XXVII. Революция и казачество	505
Глава XXVIII. Национальные части	524
Глава XXIX. Суррогаты армии: «революционные», женские батальоны и т. д.	539

Глава XXX. Конец мая и начало июня в области военного управления. Уход Гучкова и ген. Алексеева. Мой уход из Ставки. Управление Керенского и генерала Брусилова	549
Глава XXXI. Служба моя в должности главнокомандующего армиями Западного фронта	567
Глава XXXII. Наступление русских армий летом 1917 г. Разгром	584
Глава XXXIII. Совещание в Ставке 16 июля министров и главнокомандующих	603
Глава XXXIV. Генерал Корнилов	633
Глава XXXV. Служба моя в должности главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Московское совещание. Падение Риги	650
Глава XXXVI. Корниловское выступление и отзвуки его на Юго-западном фронте	673
Глава XXXVII. В Бердичевской тюрьме. Переезд «бердичевской» группы арестованных в Быхов	693
Глава XXXVIII. Некоторые итоги первого периода революции	709

АНТОН ИВАНОВИЧ ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

**Том I. Крушение
власти и армии.**

(Февраль–сентябрь 1917)

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о русской армии, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в

той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним, с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин

Брюссель.

1921 г.

Глава I. Устои старой власти: вера, царь и отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог манчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное

понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта – с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от 3-летней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях – распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров – некогда надменных и бесстрастных.

– Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы – собственными руками...

– Нет, не мы – наше правительство – отвечали они.

Зимой 1918 года я, как командующий Добровольческой армией, получил предложение от группы германских офи-

церов, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота – было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами, изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции? Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле:

– За веру, царя и отечество.

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик,

подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все – и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов – имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны моральное огрубение и ожесточение, с другой – как будто несколько углубленное чувство веры, на-

веянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно несколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для религиозного экстаза. Но, вместе с тем, духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось^[1].

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-ой стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл

¹ Съезды духовенства в Ставке и в штабах армий не имели никакого реального значения.

ровик для...

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

В общероссийском масштабе православное духовенство также осталось за бортом разбушевавшейся жизни, разделив участь с теми социальными классами, к которым примыкало: высшее – причастное, к сожалению, некоторыми именами (митрополиты Питирим и Макарий, архиепископ Варнава и др.) к распутинскому периоду петроградской истории – с правившей бюрократией; низшее – со средней русской интеллигенцией.

Для успокоения религиозной совести русского народа Святейший Синод впоследствии посланием от 9 марта санкционировал совершившийся переворот и призвал *довериться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни...* Но когда жизнь эта стала принимать донельзя уродливые, аморальные формы, духовенство оказалось совершенно бессильным для

борьбы: русская революция в первой стадии своей не создала ни одного сколько-нибудь заметного народно-религиозного движения, хотя бы в таком масштабе, как некогда у лжеучителей Иллиодора и Иннокентия, не выдвинула ни одного яркого имени поборника поруганной правды и христианской морали. Я не берусь судить о действенном начале в русской православной церкви после пленения ее большевиками. Жизнь церкви в советской России покрыта пока непроницаемой для нас завесой. Но процесс духовного возрождения ширится несомненно, а мученический подвиг сотен, тысяч служителей церкви, по-видимому, бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к идее монархизма, и к личности государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов. Реже – крушением идеалов, переме-

ной мировоззрения или мотивами государственной целесообразности. Наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет «социалист и республиканец». Он – воспитанный в традициях старой гвардии, близкий к придворным кругам, проникнутый насковозь их мировоззрением, «барин» – по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению. Нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно.

Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, расследование не разрешалось. Мне лично пришлось вести длительную борьбу с киевским штабом по поводу маленьких назначений (командира роты и начальника пулеметной команды) двух офицеров 17-го Архангелогородского полка, которым я командовал до последней войны. Явная несправедливость их обхода легла бы тяжелым бременем на совесть и авторитет командира полка, а объяснить ее не представлялось возможным. С большим трудом удалось отстоять этих офицеров, и впоследствии оба они пали слав-

ную смертью в бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии.

Не ограничиваясь этим, Сухомлинов создал еще свою сеть шпионажа (контрразведки), возглавлявшуюся неофициально казненным впоследствии за шпионаж в пользу Германии полковником Мясоедовым. В каждом штабе округа учрежден был орган, во главе которого стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности его официально определялся борьбой с иностранным шпионажем – цель весьма полезная; неофициально – это было типичное воспроизведение аракчеевских «профостов». Покойный Духонин до войны, будучи еще начальником разведывательного отделения киевского штаба, горько жаловался мне на тяжелую атмосферу, внесенную в штабную службу новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, фактически держал под подозрением и следил не только за штабом, но и за своими начальниками.

Действительно, жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против «существующего строя». Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость. Офицерский корпус с половины 19 века совершенно утратил свой сословно-кастовый

характер. Со времени введения общеобязательной воинской повинности и обнищания дворянства, военные училища широко распахнули свои двери для «разночинцев» и юношей, вышедших из народа, окончивших гражданские учебные заведения. Таких в армии было большинство. Мобилизации в свою очередь влили в офицерский состав большое число лиц свободных профессий, принесших с собою новое мировоззрение. Наконец, громадная убыль кадрового офицерства заставила командование поступиться несколькими требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат, как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.

Последние два обстоятельства, неизбежно присущие народным армиям, вызвали два явления: понизили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и демократии. Этого не поняли или, вернее, не хотели понять вожди революционной демократии в дни революции.

Везде в дальнейшем изложении я противопоставляю «революционную демократию» – конгломерат социалистических партий – истинной русской демократии, к составу которой, без сомнения, принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент.

Но и кадровое офицерство постепенно изменяло свой

облик. Японская война, вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, Государственная Дума и несколько более свободная после 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины – от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение. Появились слухи – и не совсем безосновательные – о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения. Однако, они сильно беспокоили военное министерство, и Сухомлинов, в 1908 или в 1909 году, секретно сообщал начальникам о необходимости принятия мер против тайного общества, образовавшегося из офицеров, недовольных медленным и бессистемным ходом реорганизации армии и желавших, якобы, насильственными мерами ускорить ее...

Настроения в офицерском корпусе, вызванные многообразными причинами, не прошли мимо сознания высшей военной власти. В 1907 году вопросы об улучшении боевой подготовки армии и удовлетворении насущных ее потребностей, в том числе и офицерский вопрос, обсуждались в «Особой подготовительной комиссии при Совете государствен-

ной обороны», в которую входили, между прочим, такие крупные генералы старой школы, как Н. И. Иванов, Эверт, Мышлаевский, Газенкампф и др. . . Интересно их отношение к данному вопросу^[2].

Генерал Иванов говорил:

«Упрекнуть наших офицеров в готовности умереть нельзя, но подготовка их, в общем, слаба, и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается, как обычное явление, что на лицо в роте всего один ротный командир. Старшие начальники мало руководят делом обучения; их роль сводится, по преимуществу, к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры» . . .

О повальном бегстве из строя «всего наиболее энергичного и способного» говорил и генерал Эверт. А генерал Мышлаевский добавил: «с полным основанием можно сказать, что наши военные училища пополняют не столько войска, сколько пограничную стражу, главные управления и даже в значительной мере гражданские учреждения». Мышлаевский, в качестве начальника Главного штаба, имевше-

² Из секретного журнала заседаний.

го постоянное соприкосновение с бытом войск, указывал на новые явления: на «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава», вызванное, по его мнению, непопулярностью вновь введенного аттестационного порядка, принудительным увольнением по предельному возрасту и «неопределенностью новых требований»; на пропаганду среди «самого молодого офицерского состава», которая уже «достигла некоторых успехов».

Все они – Иванов, Эверт, Мышлаевский и другие – видели главную, некоторые исключительную причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения – надежнейшее средство разрешения офицерского вопроса. Не отрицая большого значения этого материального фактора, нельзя, однако, ограничиться таким элементарным объяснением перелома в жизни офицерской среды; в его возникновении играли роль и другие причины, более глубокие: и суженные тяжелыми внешними условиями духовные запросы и интересы военной среды, и те обстоятельства, которые, вероятно, впервые в таком высоком собрании умудренных жизнью и опытом военных сановников изложил молодой подполковник генерального штаба, князь Волконский:

«Что важно и что неважно, определяют теперь прежде всего соображения политические... Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие

оградить армию от революционирования... Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили – „офицеры преданы царю“. Морские офицеры были не менее преданы. Говорят: „морские бунты совпали с разгаром революции“. Но революция может вновь разгореться; аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во флоте. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти – тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям»...

При этих условиях можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно левым противогосударственным течениям. Процент деятелей, ушедших в подполье или изблеченных властью, был ничтожен.

Что касается отношения к трону, то, как явление общее, в офицерском корпусе было стремление выделить особу го-

сударя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страны и к поражению армии. Государю прощали, его старались оправдать. Как увидим ниже, к 1917 году и это отношение в известной части офицерства поколебалось, вызвав то явление, которое князь Волконский называл «революцией справа», но уже на почве чисто политической.

Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе – привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства³. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была большим местом армейской жизни и вызывала не раз и в военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымал этот вопрос в печати. Один из военных писателей, полковник Залесский (ныне генерал) – тот даже лекцию о применении в бою технических средств связи заканчивал катоновской формулой:

– Кроме того, полагаю, что необходимо упразднить привилегии гвардии.

Заметьте – только привилегии. Так как никто не посягал

³ Быстрое чинопроизводство, перевод в армию высшим чином, несоразмерный процент назначений гвардейцев командирами армейских полков и т. д.

на существование старых испытанных частей, многие из которых имели выдающуюся боевую историю.

Замкнутый в кастовых рамках и устаревших традициях корпус офицеров гвардии комплектовался исключительно лицами дворянского сословия, а часть гвардейской кавалерии – и плутократией. Эта замкнутость поставила войска гвардии в очень тяжелое положение во время мировой войны, которая опустошила ее ряды. Страшный некомплект в офицерском составе гвардейской пехоты вызвал такое, например, уродливое явление: ряды ее временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалерии, но не допускали армейских пехотных офицеров. Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8 армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, – офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду.

Нет сомнения, что гвардейские офицеры, за редкими исключениями, были монархистами *par excellence* и пронесли свою идею нерушимо через все перевороты, испытания, эволюции, борьбу, падение, большевизм и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они – только члены своей касты, своего класса и разделяют с ним его пороки и достоинства. И если в минувшую

войну в гвардейских корпусах было больше крови, чем успеха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачные назначения старших начальников, проведенные в порядке придворного фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходе. Офицерство же дралось и гибло с высоким мужеством. Но, наряду с доблестью, иногда – рыцарством, – в большинстве своем, в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм – иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции.

В солдатской толще, вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка «испокон века», внушение церкви – все это создавало определенное отношение к существующему строю, как к чему-то вполне естественному и неизбежному.

В уме и сердце солдата идея монарха, если можно так выразиться, находилась в потенциальном состоянии, то подымаясь иногда до высокой экзальтации при непосредственном общении с царем (смотры, объезды, случайные обращения), то падая до безразличия.

Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии, и для династии. Его

легко было поддержать.

Но в Петрограде, в Царском Селе ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступлений. Правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство. Члены Романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения.

Война не изменила обстановки. Создание ненужных, дорого стоивших должностей для лиц императорской фамилии (Верховный санитарный инспектор, инспектор войск гвардии, походный атаман казачьих войск и т. д.), назначение их на строевые должности, на которых без надлежащей подготовки они или приносили вред, или служили игрушкой в руках штабов – все это было хорошо известно армии, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявлению внимания к ним, к признанию их заслуг. Ко мне в дивизию и в корпус четыре раза приезжали великие князья награждать от имени государя георгиевскими крестами. Эти приезды всегда вызывали подъем настроения и кончались полным разочарованием. После славного и тяжелого боя так много у всех накопилось переживаний, так хотелось поделиться своими горестями и радостями, хотелось по крайней мере, чтобы тот, кто приехал награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытом, подвигами их...

В ответ – полное обидное безразличие: приехал, раздал и уехал, как будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатление одного думского заседания, на которое я попал случайно.

Первый раз с думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутине:

– В стране нашей неблагополучно...

Думский зал, до тех пор шумный, затих, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно в отдаленных углах. Нависало что-то темное, катастрофическое над мерным ходом русской истории...

Я не стану копаться в той грязи, которая покрыла и министерские палаты, и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык.

Рассказывали, что попытки Распутина попасть в Ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повесить его. Так же резко отрицательно относился к нему Алексеев. Этим двум лицам мы обязаны всецело тем обстоятельством, что гибельное влияние Распутина не коснулось старой армии.

Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских письмах из действующей армии.

Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово:

– Измена.

Оно относилось к императрице.

В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера, о поездке которого она, якобы, сообщила немцам, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции.

Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя:

– При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах – для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...

Больше ни слова. Переменил разговор...

История выяснит, несомненно, то исключительно отрицательное влияние, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русским государством в период, предшествовавший революции. Что же касается вопроса об «измене», то этот злосчастный слух не был подтвер-

жден ни одним фактом, и впоследствии был опровергнут расследованием Специально назначенной Временным правительством комиссии Муравьева, с участием представителей от Совета р. и с. депутатов.

* * *

Наконец, третий устой – Отечество. Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма.

Теперь незачем уже ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева; после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того – оправдания его; после польско-петлюровского договора и польско-советского мира; после распродажи русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам...

Нет сомнения, что явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того

бедлама, который представляет из себя «Советская республика». Но жизнь, к сожалению, не останавливается на практическом осуществлении такого, в своем роде санитарного, кордона, а поражает самую идею государственности. Даже в землях крепких, как, например, казачьи области. Правда – не в толще, а в верхах. Так, в Екатеринодаре в 1920 г. на Верховном круге трех казачьих войск, после горячего спора, из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России...

Или распятую Россию любить не стоит?

Какую же роль в сознании старой армии играл стимул «отечества»? Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о причинах разгоравшегося мирового пожара – борьбы государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колонии, борьбы, в которой России принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялись зачастую только поводами – более яркими, доступными и понятными. Войны не хотели, за исключением разве пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; верили, что власть примет все возможные меры к предотвращению столкновения; мало-помалу, однако, приходили к сознанию роковой неизбежности его; поводы были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в

полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч... И потому, когда началась война, стих голос и тех, в которых таился страх, что уровень культуры и экономического состояния нашей страны не даст ей победы в борьбе с сильным и культурным противником. Войну приняли с большим подъемом, местами с энтузиазмом.

Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему отечеству во всех областях его жизни. Поражение повело бы к территориальным потерям, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться. Это упрощенное, но полное глубокого жизненного смысла и национального самосознания отношение к войне не было понято левым крылом русской общественности и привело ее в Циммервальд и Киенталь. Неудивительно поэтому, что когда у анонимных и русских вождей революционной демократии перед сознательным разрушением ими армии в феврале 1917 года предстала дилемма:

– Спасение страны или революции?..

Они избрали последнее.

Еще менее идея национальной самозащиты была понята темным народом. Народ подымался на войну покорно, но без

всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов. «Вооруженный народ», каким была, по существу, армия, воодушевлялся победой, падал духом при поражении; плохо уяснял себе необходимость перехода Карпат, несколько больше – борьбу на Стыри и Припяти, но все же утешал себя надеждой:

– Мы Тамбовские, до нас немец не дойдет...

Мне приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо в ней глубокая психология русского человека.

Сообразно с таким преобладанием материальных ценностей в мировоззрении «вооруженного народа», в его сознание легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства в борьбе и достижения победы, за недопустимость поражения: чужая немецкая власть, разорение страны и хозяйств, тягость предстоящих в случае поражения податей и налогов, обесценение хлеба, проходящего через чужие проливы и т. д. Кроме того, было все же некоторое доверие к власти, что она делает то, что нужно. Тем более, что ближайшие представители этой власти – офицеры – шли рядом, даже впереди, и умирали так же безотказно и безропотно, по велению свыше или по внутреннему убеждению.

И солдаты шли мужественно на подвиг и на смерть. Потом, когда это доверие рухнуло, сознание солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и проч. оказались

более абстрактными и непонятными, чем старая отметаемая, заглохшая, но не вырванная из подсознания идея родины.

И для удержания солдат на фронте с подмостков, осененных красными флагами, слышались вновь и преимущественно знакомые мотивы материального порядка – немецкое рабство, разорение хозяйств, тяжесть налогов и т. д. Раздавались они уже из уст социалистов-оборонцев.

Итак, три начала, на которых покоился фундамент армии, были несколько подорваны.

Указывая на внутренние противоречия и духовные недочеты русской армии, я далек от желания поставить ее ниже других: они в той или иной степени свойственны всем народным армиям, получившим почти милиционный характер, и не мешали ни им, ни нам одерживать победы и продолжать войну. Но выяснение облика армии необходимо для уразумения ее последующих судеб.

Глава II. Состояние старой армии перед революцией

Огромное значение в истории развития русской армии имела японская война.

Горечь поражения, ясное сознание своей ужасной отсталости вызвали большой подъем среди военной молодежи и заставили понемногу или переменить направление, или уйти в сторону элемент устаревший и косный. Невзирая на пассивное противодействие ряда лиц, стоявших во главе военного министерства и генерального штаба – лиц неспособных, или донельзя безразлично и легкомысленно относившихся к интересам армии, работа кипела. В течение десяти лет русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого манчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны.

Но чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства – засорили списки командующего генералитета вредным элементом.

Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала...

Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальных назначений: пришлось впоследствии удалить четырех главнокомандующих (из них один, правда временный, оказался с параличом мозга...), нескольких командующих армиями, много командиров корпусов и начальников дивизий.

Генерал Брусилов в первые же дни сосредоточения 8-ой армии (июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира.

Бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции. У того же Брусилова генерал Д., последовательно отрешаемый, переменял одну кавалерийскую и три пехотных дивизии, пока, наконец, не успокоился в немецком плену.

И обиднее всего, что вся армия знала несостоятельность многих из этих начальников и изумлялась их назначению...

Неудивительно поэтому, что стратегия за всю кампанию не отличалась ни особенным полетом, ни смелостью. Таковы операции Северо-западного фронта в Восточной Пруссии^[4], в частности – позорный маневр Рененкампа, таково упорное форсирование Карпат, о которые разбились войска Юго-западного фронта в 1915 году и, наконец, весеннее наступление наше 1916 года.

Последний эпизод настолько характерен для высшего ко-

⁴ Вызваны были, впрочем, исключительно желанием Ставки выручить французскую армию из отчаянного положения.

мандования и настолько серьезен по своим последствиям, что на нем следует остановиться.

Когда армии Юго-западного фронта в мае перешли в наступление, увенчавшееся огромным успехом – разгром нескольких австрийских армий, когда после взятия Луцка моя дивизия большими переходами шла к Владимир-Волынку, – я, да и все мы, считали, что в нашем маневре – вся идея наступления, что наш фронт наносит главный удар.

Впоследствии оказалось, что нанесение главного удара предназначено было Западному фронту, а армии Брусилова производили лишь демонстрацию. Штаб хорошо сохранил тайну. Там, в направлении на Вильну собраны были большие силы, небывалая еще у нас по количеству артиллерия и технические средства. Несколько месяцев войска готовили плацдармы для наступления. Наконец, все было готово, а успех южных армий, отвлекая внимание и резервы противника, сулил удачу и западным.

И вот, почти накануне предполагавшегося наступления между главнокомандующим Западным фронтом генералом Эвертом и начальником штаба Верховного главнокомандующего, генералом Алексеевым происходит исторический разговор по аппарату, сущность которого заключается приблизительно в следующем:

А. Обстановка требует немедленного решения. Вы готовы к наступлению, уверены в успехе?

Э. В успехе не уверен, позиции противника очень сильны.

Нашим войскам придется наступать на те позиции, на которых они терпели раньше неудачи...

А. В таком случае, сделайте немедленно распоряжение о переброске войск на Юго-западный фронт. Я доложу государю.

И операция, так долгожданная, с таким методическим упорством подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистых берегах Стохода, где, между прочим, прибывшая гвардия потеряла весь цвет своего состава.

А Восточный германский фронт переживал тогда дни смертельной тревоги: «это было критическое время; мы израсходовали все наши средства и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать»^[5].

Впрочем, и с Брусиловым случился однажды эпизод, мало распространенный и могущий послужить интересным дополнением к общеизвестной характеристике этого генерала – одного из главных деятелей кампании. После блестящей операции 8-ой армии, завершившейся переходом через Карпаты и вторжением в Венгрию, в декабре 1914 года наступил какой-то психологический надрыв в настроении командующего армией, ген. Брусилова: под влиянием частной неудачи одного из корпусов, он отдал приказ об общем отступ-

⁵ Людендорф. *Mes souvenirs de guerre.*

лении, и армия быстро покати́лась назад. Всюду мерещи-лись прорывы, окружения и налеты неприятельской конни-цы, угрожавшей, якобы, самому штабу армии. Дважды гене-рал Брусилов снимал свой штаб с необыкновенной поспеш-ностью, носившей характер панического бегства, уходя да-леко от войск и теряя с ними всякую связь.

Мы отходили изо дня в день, совершая большие, утоми-тельные марши, в полном недоумении: австрийцы не превос-ходили нас ни численно, ни морально и не слишком тесни-ли. Каждый день мои стрелки и соседние полки Корнилова переходили в короткие контратаки, брали много пленных и пулеметы.

Генерал-квартирмейстерская часть штаба армии недоуме-вала еще более. Ежедневные доклады ее о неосновательно-сти отступления сначала оставлялись Брусиловым без вни-мания, потом приводили его в гнев. Наконец, генеральный штаб обратился к иному способу воздействия: пригласили друга Брусилова – старика генерала Панчулидзева^[6] и вну-шили ему, что, если так пойдет дальше, то в армии может возникнуть мысль об измене, и дело окончится очень пе-чально...

Панчулидзе́в пошел к Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, в результате которой Брусилова застали в слезах, а Панчулидзе́ва в глубоком обмороке. В тот же день был подписан приказ о наступлении, и армия с быстротой и

⁶ Начальник санитарной части армии.

легкостью двинулась вперед, гоня перед собой австрийцев, восстановив стратегическое положение и репутацию своего командующего.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники, получая редко и мало сведений о действиях на фронте, плохо разбирались в общих стратегических комбинациях. Войска же относились к ним критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Так было в Карпатских горах, на Стоходе, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нет нужды прибавлять, что технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса мобилизациями, не находились на должной высоте.

Наиболее угнетающее влияние на психику войск имело великое галицийское отступление и безрадостный ход войны (без побед) Северного и Западного фронтов, а затем нудное сидение их на опостылевших позициях в течение более года.

* * *

Об офицерском корпусе я уже говорил. Большие и малые недочеты его увеличивались по мере расслоения кадрового

состава. Не ожидали такой длительности кампании, и потому организация армии не берегла надлежаще ни офицерских, ни унтер-офицерских кадров, вливая их в ряды действующих частей все сразу в начале войны.

Я живо помню один разговор в период мобилизации, первоначально имевшей в виду одну Австрию, в квартире В. М. Драгомирова, одного из авторитетных генералов армии. Подали телеграмму: объявление войны Германией... Наступило серьезное молчание... Все сосредоточились, задумались.

– Как вы думаете, сколько времени будет продолжаться война? – спросил кто-то Драгомирова.

– Четыре месяца...

Роты выступали в поход иногда с 5–6 офицерами. Так как неизменно, при всех обстоятельствах кадровое офицерство (потом и большая часть прочих офицеров), в массе своей, служило личным примером доблести, бесстрашия и самоотвержения⁷, то, естественно, оно было в большинстве перебито. Так же нерасчетливо был использован другой прочный элемент – запасные унтер-офицеры, число которых в первый период войны на должностях простых рядовых достигало иногда до 50% состава роты.

Отношения между офицерами и солдатами старой армии не везде были построены на здоровых началах. Нельзя отри-

⁷ В этом отношении нельзя поставить упрека и большинству старшего командного состава. Личная храбрость, часто безрассудная, явление далеко не редкое.

дать известного отчуждения между ними, вызванного недостаточно внимательным отношением офицерства к духовным запросам солдатской жизни. Но, по мере постепенного падения кастовых и сословных перегородок, эти отношения заметно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще более, установив во многих, по преимуществу армейских частях, подлинное боевое братство. Здесь необходимо, однако, оговориться: на внешних отношениях лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не одних лишь народных масс, а и русской интеллигенции. Оттого, наряду с сердечным попечением, трогательной заботливостью о нуждах солдата, простотой и доступностью офицера, по целым месяцам лежавшего вместе с солдатом в мокрых, грязных окопах, евшего с ним из одного котла, и тихо, без жалоб ложившегося с ним в одну братскую могилу... наряду с этим были нередко грубость, ругня, иногда самодурство и заушения.

Несомненно, такого же рода взаимоотношения существовали и в самой солдатской среде, с тою лишь разницей, что свой брат взводный или фельдфебель бывал и грубее и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношений, в связи с нудностью и бестолковостью казарменного режима и мелкими ограничениями внутренним уставом солдатского быта, – давала всегда обильную пищу для подпольных прокламаций, изображавших солдата «жертвой произвола золотопогонников».

Здоровой сущности не замечали: она умышленно затемнялась неприглядной внешностью.

А между тем, все мотивы обвинений, исходящих от начальников солдата, были хорошо известны. Они излагались в наводнивших армию в 1905 году листовках, повторялись заученными фразами на всех митингах, перепечатывались с некоторыми вариантами и в 1917 году. Кажется, кроме пресловутой формулы «без аннексий и контрибуций», солдатская революционная литература не обогатилась ни одним новым понятием. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнее к психологии солдатской среды, изъела из уставов все несущественные для сохранения дисциплины ограничения и некоторые смешные или казавшиеся унижительными требования, то потом не пришлось бы отменять их под давлением, не вовремя и в расширенных размерах.

Все эти обстоятельства имели тем большее значение, что закрепление внутренней связи во время войны и без того встречало большие затруднения: с течением времени, неся огромные потери и меняя 10–12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части. Одной из причин сохранения относительной прочности артиллерии и отчасти других специальных родов оружия было то обстоятельство, что в них процент потерь в сравнении с пехотой составлял не более 1/20

– 1/10.

Два фактора имели несомненное значение в создании неблагоприятного настроения в войсках. По крайней мере, впоследствии, во время «словесной кампании» министров и военных начальников, солдатские ораторы очень часто касались этих двух тем: введенное с 1915 года официально дисциплинарное наказание розгами и смертная казнь – «палечникам». Насколько необходимость борьбы с дезертирством путем саморанения^[8] не возбуждала ни малейшего сомнения и требовала лишь более тщательного технического обследования для избежания возможных судебных ошибок, настолько же крайне нежелательным и опасным, независимо от этической стороны вопроса, являлось телесное наказание, применяемое властью начальника. Военные юристы не сумели разрешить иначе этого вопроса. Между тем, судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни. Ибо для элемента преступного, праволишения не имеют никакого значения, а всякое наказание, сопряженное с уходом из рядов, является только поощрением. Революционная демократия этого вопроса также не разрешила.

Впрочем, после полной демократизации, после завоевания всех свобод и даже самостоятельности, войсковой круг Дон-

⁸ «Палечники» – явление нерусское. Наши солдаты выучились этому способу у австрийцев, которые первыми начали практиковать его массами еще летом 1914 года.

ского казачьего войска, весьма демократического состава, ввел в свою армию в 1919 году наказание розгами за ряд воинских преступлений.

Такова непонятная психология русского человека!

Значительно сложнее вопрос о взаимоотношениях во флоте. Сословные и кастовые перегородки, замкнутость офицерского корпуса, консерватизм и неподвижность уставных форм быта и взаимоотношений, большая отчужденность от матросской среды – все это не могло не повлиять впоследствии на значительно большую обостренность борьбы этих двух элементов. Кронштадт, Свеаборг, Гельсингфорс, Севастополь, Новороссийск – все эти кровавые этапы несчастного морского офицерства, нещадно избивавшегося, приводят в ужас и содрогание своим бессмысленным жестоким зверством, и, вместе с тем, требуют глубокого и внимательного изучения...

В конечном итоге, все эти обстоятельства создавали не совсем здоровую атмосферу в армии и флоте, и разъединяли, где в большей, где в меньшей степени, два их составных элемента. В этом несомненный грех и русского офицерства, разделяемый им всецело с русской интеллигенцией. Грех, вызвавший противоположение «барина» мужику, офицера – солдату и создавший впоследствии благоприятную почву для работы разрушительных сил.

В стране не было преобладания анархических элементов. В особенности, в армии, которая отражает в себе все недо-

статки и достоинства народа. Народ – крестьянская и казачья массы – страдал другими пороками: невежеством, инертностью и слабой волей к сопротивлению, к борьбе с порабощением, откуда бы оно ни исходило – от вековой традиционной власти или от внезапно появившихся псевдонимов. Не надо забывать, что наиболее яркий представитель чистого русского анархизма – Махно – недолго мог держаться на юге России своим первоначальным лозунгом: «долгой всякую власть, свободное соглашение между собой деревень и городов. Вся земля и все буржуйское добро – ваше»... Дважды разбитый, весной 1920 года он уже сам приступает к организации гражданского управления и произносит слово:

– Порядок.

Правда, лозунг этот не получил реального осуществления, но уже сама потребность в нем знаменательна.

В армии отнюдь не было преобладания анархических элементов. И потребовалось потрясение слегка подгнивших основ, целый ряд ошибок и преступлений новой власти, огромная работа сторонних влияний, чтобы инерция покоя перешла, наконец, в инерцию движения, кровавый призрак которого долго еще будет висеть над несчастной русской землей.

Сторонним разрушительным влиянием в армии не противопоставлялось разумное воспитание. Отчасти, по крайней мере, неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти, вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы «политики», хотя

бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относился, впрочем, не только к социальным и внутренним проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики. Так, например, незадолго до войны был издан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам где бы то ни было вести разговор на современную политическую тему (Балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны, старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом.

Признаться, я, как и многие другие, не исполнил приказа и подготавливал соответственно настроение Архангелогородского полка, которым командовал. А в военной печати выступил против приказа с горячей статьей на тему: «Не угашайте духа».

Ибо для меня нет сомнений, что обвитая траурным флером статуя Страсбурга на площади Согласия сыграла огромную роль в воспитании героической армии Франции.

Пропаганда проникала и в старую армию с разных сторон. Нет сомнения, что судорожные потуги быстро сменявшихся правительств Горемыкина, Штюмерера, Трепова – остановить нормальный ход русской жизни – сами по себе давали достаточно материала, возбуждая все больше и больше нараставший народный гнев, переливавшийся и в армию; его

использовала социалистическая и пораженческая литература; Ленин нашел первоначальный путь в Россию своему учению через социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Еще более интенсивно работали немцы. Об этих вопросах говорится подробно в главе XXIII.

Должен, однако, отметить, что вся эта пропаганда извне и изнутри, оказывая воздействие, главным образом, на тыловые части, гарнизоны и запасные батальоны крупных центров и в особенности Петрограда, до революции имела сравнительно небольшое влияние на войсковые части фронта. И сбитые с толку пополнения, придя на фронт и попадая в тяжелую, но более здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро меняли к лучшему свой облик.

Тем не менее, местами влияние разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революции еще были один-два случая, когда целые части оказали неповиновение, сурово подавленное.

Наконец, перед главной массой армии – крестьянской – вставал один практический вопрос, который заставлял ее инстинктивно не торопиться с социальной революцией:

– Без нас поделят землю... Нет, уж когда вернемся, тогда и будем делить!..

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта. Но особенно тяжело отозвался на армии недостаток техники и, главным образом, боевых припасов.

Только в 1917 году процесс Сухомлинова вскрыл перед русским обществом и армией главные причины, вызвавшие военную катастрофу 1915 года. Еще в 1907 г. был разработан план пополнения запасов нашей армии и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, как это ни странно, часто по инициативе комиссии государственной обороны, а не военного ведомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансов никогда не отказывали и не урезывали военных кредитов. В течение управления Сухомлинова, ведомство получило особый кредит в 450 миллионов рублей, и не израсходовало из них 300 миллионов! До войны вопрос о способах усиленного питания армии боевыми припасами, после израсходования запасов мирного времени, даже не подымался... Если действительно напряжение огневого боя с самого начала войны достигло неожиданных и небывалых размеров, опрокинув все теоретические расчеты и нашей, и западноевропейской военной науки, то тем более ге-

роические меры нужны были для выхода из трагического положения.

Между тем, уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-западным фронтом телеграфировал в Ставку: «источники пополнения боевых припасов иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»...

А в то же время (конец сентября) на вопрос Жофра «достаточно ли снабжена российская императорская армия артиллерийским снаряжением для беспрепятственного продолжения военных действий», военный министр Сухомлинов отвечал: «настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает серьезного опасения»... Иностранных заказов не делалось; от японских и американских ружей, «для избежания неудобств от разнообразия калибров», отказывались.

Когда в августе 1917 года на скамью подсудимых сел виновник военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатление. Гораздо серьезнее, болезненнее встал вопрос, как этот легкомысленный, невежественный в военном деле, быть может, сознательно преступный человек мог продержаться у кормила власти 6 лет. Какая среда военной бюрократии – «к добру и злу постыдно равнодушная»

– должна была окружать его, чтобы сделать возможным и действия и бездействия, шедшие неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году.

Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-ой стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены – одним огнем...

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности:

Когда, после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...

И какой тогда тяжелой, обидной иронией звучало для нас циркулярное послание Брусилова, в котором он, не имея возможности дать снаряды, с целью подбодрить, «поднять дух войск», убеждал нас не придавать такого исключительно-го значения преобладанию немецкой артиллерии, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерия, выпустив по нашим участкам позиции огромное число снарядов, не наносила им почти никаких потерь...

21 марта генерал Янушкевич⁹ сообщил военному министру: «свершился факт очищения Перемышля. Брусилов ссылается на недостаток патронов – эту „bete-noire“ вашу и мою... Из всех армий вопль – дайте патронов»...

* * *

Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фари-сеи – вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, – они лгут.

Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений

⁹ Начальник штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. В 1918 г. убит большевиками.

и комплектовании высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ. Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего сделать для их уврачевания, да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцелила бы, или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрепощение» личности солдата? Отбрасывая все преувеличения, связанные с этим понятием, можно сказать, что самый факт революции внес известную переменную в отношения между офицером и солдатом, и это явление обещало при нормальных условиях, без грубого и злонамеренного вмешательства извне, претвориться в источник большой моральной силы, а не в зияющую пропасть. Но революционная демократия в эту именно рану влила яд. Она поражала беспощадно самую сущность военного строя, его вечные, неизменные основы, оставшиеся еще непоколебленными: дисциплину, единоначалие и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тем, падение старой власти как будто открывало новые широчайшие горизонты для оздоровления

и поднятия в моральном, командном, техническом отношениях народной русской армии.

Каков народ, такова и армия. И, как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение; и своей обильной кровью^[10] искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т. е., 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу.

¹⁰ Французский депутат Люи Мартэн исчисляет потери армий одними убитыми следующими цифрами (в миллионах): Россия – 2,5, Германия – 2, Австрия – 1,5, Франция – 1,4, Англия – 0,8, Италия – 0,6 миллионов и т. д. На долю России приходится 40% мартиролога всех союзных армий.

Глава III. Старая армия и государь

В августе 1915 года государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись с одной стороны трудность совмещения работы управления и командования, с другой – риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной Думой и страной, поведет к разложению армии.

Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возраставшей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича...

23 августа армии и флоту был отдан приказ, в котором после официального текста государь собственноручно написал:

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай.

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос:

– Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев. На фоне русской военной истории и русской смуты фигура генерала Алексеева занимает такое большое место, что нельзя в кратких словах очертить его значение. Для этого необходимо специальное историческое исследование жизненного пу-

ти человека, вызвавшего различное отношение – и положительное, и отрицательное – к своей военной и политической деятельности, но никогда не давшего повода сомневаться в том, что «крестный путь его озарен кристаллической честностью и горячей любовью к Родине – и великой, и растоптанной»^[11]...

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам старого режима.

Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексеева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине.

Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец – чудный и святой человек», что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье...

Алексеев сухо ответил, что для него это вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не про-

¹¹ Слова из приказа по Добровольческой армии.

стившись с Алексеевым.

Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношений к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.

Государь никого не любил, разве только сына. В этом был трагизм его жизни – человека и правителя.

Несколько раз, когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и об ответственном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ.

– Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверялся Алексееву, выслушивая долгие, слишком, быть может, обстоятельные доклады его. Выслушивал терпеливо и внимательно, хотя, по-видимому, эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных – о назначениях приближенных, о создании им должностей и т. п.

Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии

определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта – записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством государя из всех главнокомандующих и высших чинов Ставки, для обсуждения плана кампании 1917 года и общего наступления.

Подробная запись каждой произнесенной фразы создавала впечатление о властности и руководящей роли временного заместителя начальника штаба – генерала Гурко, о несколько эгоистических устремлениях главнокомандующих, пригонявших стратегические аксиомы к специальным интересам своего фронта и, наконец... о полном безучастии Верховного главнокомандующего.

Такие же взаимоотношения между государем и начальником штаба существовали во время исполнения последней должности генералом Гурко. Алексеев осенью 1916 г. тяжело заболел и лечился в Севастополе, не прекращая, однако, связи со Ставкой, с которой он сносился по прямому проводу.

* * *

Между тем, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все

более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916-го г.^[12], с историческими речами Шульгина, Милюкова и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях.

– Я был крайне поражен, – говорил мне один видный социалист и деятель городского союза, побывав впервые в армии в 1916 г. – с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране – «слова и дела»!.. Вначале мне казалось, что меня просто провоцируют...

Связь Думы с офицерством существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекла при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому к кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии (Поливановская комиссия). Там не было ни малейшего стремления к «потрясению основ», а лишь желание подтолкнуть тяжелый бюрократический воз, дать импульс работе и инициативу инерт-

¹² Появился в газетах в урезанном виде только в начале января 1917 года.

ным военным управлениям.

По словам Гучкова, кружок работал совершенно открыто, и военное ведомство первое время снабжало его даже материалами. Но затем отношение Сухомлинова круто изменилось, кружок был взят под подозрение, пошли разговоры о «младотурках»...

Как бы то ни было, осведомленность комиссии государственной обороны была очень большая. Генерал Лукомский, бывший начальником мобилизационного отдела, потом помощником военного министра, рассказывал мне, как серьезно надо было готовиться к докладам и какое жалкое впечатление производил во время своих редких выступлений легкомысленный и несведущий министр Сухомлинов, терзаемый со всех сторон членами комиссии...

Во время процесса сам Сухомлинов рассказал эпизод, как однажды он явился в заседание комиссии, в которой рассматривались два больших военных вопроса и как его остановил Родзянко:

– Уходите, уходите... Вы для нас красное сукно: как только вы приезжаете, дела ваши проваливаются.

После галицийского отступления Государственной Думе удалось, наконец, добиться постоянного участия своих членов в деле правильной постановки военных заказов, а земским и городским союзам – образования «главного комитета по снабжению армий».

Кровавый опыт привел, наконец, к простой идее моби-

лизации русской промышленности. И дело, вырвавшееся из мертвящей обстановки военных канцелярий, пошло широким ходом. По официальным данным на армию посылалось в июле 1915 г. по 33 парка вместо затребованных 50-ти, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов – 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 г. армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомерную и широкую операцию на всем своем фронте.

Это обстоятельство также было учтено надлежаще в войсках, укрепляя доверие к Государственной Думе и общественным организациям.

Но в области внутренней политики положение не улучшалось. И к началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство:

– Переворот!

* * *

В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они со-

вершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению «итак не слишком прочно держится», и просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее, некоторые обстоятельства стали известны.

Целый ряд лиц обращались к государю с предостережением о грозившей опасности стране и династии, в том числе Алексеев, Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, великие князья Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

После приезда в армию, осенью 1916 года, председателя Государственной Думы Родзянко, у нас распространилось письмо его к государю; оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожает трону и династии, благодаря гибельному участию в управлении государством Александры Феодоровны.

Одно из подобных «вмешательств» Родзянки вызвало высочайший выговор, переданный письменно председателю Государственной Думы по приказанию государя генералом Алексеевым. Это обстоятельство, между прочим, весьма существенно отразилось на последующих отношениях этих двух государственных деятелей.

Великий князь Николай Михайлович в своем письме, прочтенном государю 1 ноября, после указания на недопустимость сделавшегося известным «всем слоям общества» порядка назначений министров при посредстве ужасной среды, окружающей императрицу, говорит:

«...Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных... Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед Тобою и законодательными учреждениями. Это делается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный

акт 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, что Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Но никакие представления не действовали. В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивно-го блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович.

В то же время большая группа прогрессивного блока, земских и городских деятелей, причастная или осведомленная о целях кружка, имела ряд заседаний для выяснения вопро-

са «какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума»^[13]. Тогда же был намечен и первый состав кабинета, причем выбор главы его, после обсуждения кандидатур М. Родзянко и князя Львова, остановился на последнем.

Но судьба распорядилась иначе.

Раньше предполагавшегося переворота началась, по определению Альбера Тома, «самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная русская революция»...

¹³ Миллюков. «История 2-ой русской революции».

Глава IV. Революция в Петрограде

С событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов государственного совета в ночь на 28 февраля – положение определялось следующим образом:

«Вследствие полного расстройтва транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением»...

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно ве-

лась давно. В ней приняли участие самые разнородные элементы: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно и протопоповское министерство, как говорили, провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы – по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами шли к одной конечной цели...

Вместе с тем, прогрессивный блок и общественные организации, учитывая неизбежность больших событий, начали готовиться к ним, а некоторые круги, идейно или персонально близкие к указанным организациям, как я уже говорил, приступили к подготовке дворцового переворота, как последнего средства предотвратить надвигающуюся революцию.

Тем не менее, восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта^[14] видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне

¹⁴ При посещении его генералом Корниловым.

переворота никакой связи не имели» и что «восстание подготовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления».

Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа загрохотали улицы, собирались митинги, и ораторы призывали к борьбе против ненавистной власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение приняло грандиозные размеры, и начались кровавые столкновения с полицией, с применением ею пулеметов.

26-го получен был указ об отсрочке сессии Государственной Думы, а 27-го утром в заседании Думы решено было не разъезжаться из Петрограда...

Между тем, в тот же день утром обстановка в корне изменилась, так как на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и саперного гвардейских полков. Именно запасные батальоны, так как настоящие гвардейские полки находились тогда на Юго-западном фронте. Эти батальоны не отличались ни дисциплиной, ни настроением от прочих имперских запасных частей.

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойствен-

ность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти.

Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию.

Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся...

Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич: – Да здравствует свобода!

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выделив из своей среды «Комитет Государственной Думы»^[15], который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существовании своего назначения:

¹⁵ М. В. Родзянко. Н. В. Некрасов. А. И. Коновалов. И. И. Дмитрюков. А. Ф. Керенский. В. В. Шульгин. С. И. Шидловский. П. Н. Милюков. М. А. Караулов. В. Н. Львов. В. А. Ржевский. М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая председательствовать в совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

«Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка... Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским советом рабочих депутатов, который тогда еще не претендовал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение тогда к Государственной Думе породило иллюзию «всенародности» Временного правительства, ею созданного.

Поэтому, наряду с частями, смешавшимися с вооружен-

ной толпой и громившими все, что слишком резко напоминало старую власть, наряду с отрядами, оставшимися ей верными и оказавшими сопротивление, к Таврическому дворцу стали подходить войсковые части с командирами и офицерами, с музыкой и знаменами, и по всем правилам старого ритуала приветствовали новую власть в лице председателя Государственной Думы Родзянко.

Таврический дворец представлял из себя необыкновенную картину: законодатели, сановники, солдаты, рабочие, женщины... Палата, военный бивак, тюрьма, штаб, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасения, жаждавшее руководства и ответа на вставшие вдруг недоуменные вопросы...

Но в тот же день 27 февраля из стен Таврического дворца вышло объявление:

«Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»...

Этот факт имел чрезвычайное и роковое влияние на весь ход последующих событий: 1) создал параллельно Временному правительству орган неофициальной, но, несомненно, более сильной власти Совета рабочих и солдатских депутатов, борьба с которым оказалась не под силу правительству; 2) придал политическому перевороту и буржуазной революции организованные формы и характер революции социальной, которая была немислима при современном состоянии страны и не могла пройти без страшных потрясений в период тяжелой внешней войны; 3) установил тесную связь между тяготевшим к большевизму и пораженчеству Советом и армией, что внесло в нее постоянный бродящий фермент, приведший к разложению.

И когда войска стройными рядами, с командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврического дворца, это была лишь показная внешность. Связь между офицерством и солдатами была уже в корне нарушена, дисциплина подорвана, и с тех пор войска петроградского округа до последних своих дней представляли опричнину, тяготеющую своей грубой и темной силой над Временным правительством. Впоследствии все усилия Гучкова, Корнилова и Ставки повлиять на них или вывести на фронт остались тщетными, встречая резкое сопротивление Совета.

Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Чле-

ны Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с ген. Потаповым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробивались с большим трудом. По свидетельству Потапова, бывшего председателя военной комиссии, ведавшей внешней обороной Петрограда, к 3-му марта полки пришли в полное расстройство. «Только 176 полк сохранял еще порядок и занял Царскосельский вокзал; Балтийский же и Варшавский вокзалы и впередилежащие позиции, в ожидании подходивших с фронта эшелонов, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Те же офицеры пробивались навстречу направленным войскам и смело среди них разъясняли происходившие события, чем много содействовали общему успеху и предотвратили кровопролитие».

Фактически к Петрограду подходили, главным образом по собственной инициативе, войсковые части из его окрестностей, вливавшиеся затем в состав гарнизона.

Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат, – и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице

Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести.

Большое собрание офицеров, находившихся в Петрограде, 1 марта вынесло постановление: «идя рука об руку с народом... признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного Собрания».

* * *

Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

В мои намерения не входит исследование деятельности правительства, приведшей к революции, и борьбы его с народом и представительными учреждениями. Я суммирую

лишь те обвинения, которые справедливо предъявлены были ему накануне падения Государственной Думой.

Все государственные, сословные и общественные учреждения – Государственный Совет, Государственная Дума, дворянство, земство, городское самоуправление и объединение – были взяты под подозрение в неблагонадежности, и правительство вело с ними формальную борьбу, парализуя всякую их государственную и общественную работу.

Бесправие и сыск доведены были до небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был «требованиям политического момента».

В то время, как в союзных странах вся общественность приняла горячее участие в работе на оборону страны, у нас эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумелыми, иногда преступными руками, вызвав фатальные явления сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитет, оказавший делу снабжения армии большие услуги, систематически разрушался. Незадолго до революции рабочая группа его была без причины арестована, что едва не вызвало кровавых беспорядков в столице.

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промыш-

ленников.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения – в начале, и затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, голоду в городе и репрессиям в деревне.

Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал.

Назначения министров поражали своей неожиданностью и казались издевательством. Страна устами Государственной Думы и лучших людей требовала ответственного министерства. Этот минимум политических чаяний русского общества еще утром 27 февраля считался Государственной Думой достаточным, чтобы задержать «последний час, когда решалась судьба Родины и династии»^[16]...

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая пределы своего ведения военная цензура внутренних округов (в том числе Московского и Петроградского) была неуязвимой, скрываясь за военное положение, в котором находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положения о полевом управлении войск, в силу которых от коман-

¹⁶ Телеграмма Родзянко Государю.

дующих и главнокомандующих «никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут требовать отчетов». Общая цензура не уступала в удушении. В одном из заседаний Думы обсуждался такой поразительный факт. Когда в феврале 1917 года, не без участия немецкой руки, начало распространяться по заводам забастовочное движение, члены рабочей группы военно-промышленного комитета составили воззвание:

«Товарищи рабочие Петрограда! Считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно приступить к работам. Рабочий класс, в сознании своей ответственности переживаемого момента, не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам».

Это воззвание, невзирая на обращение Гучкова^[17] к министру внутренних дел и к главному цензору, дважды было снято с печатных станков и пропущено не было...

Если в государственной деятельности павшего правительства в области хозяйственно-экономической – подлежит исследованию и выяснению вопрос, что должно быть отнесено за счет деятелей и системы, и что за счет непреодолимых условий потрясенного мировой войной организма страны, то

¹⁷ Председатель комитета.

удушение совести, мысли, духа народного и общественной инициативы – не найдет оправдания.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинция присоединились почти без борьбы к перевороту. Вне Петрограда, где, за многими исключениями, не было той жути от кровавых столкновений и бесчинства опьянелой толпы, переворот был встречен еще с большим удовлетворением, даже ликованием. И не только революционной демократией, но и просто демократией, буржуазией и служилым элементом. Небывалое оживление, тысячные толпы народа, возбужденные лица, возбужденные речи, радость освобождения от висевшего над всеми тяжелого маразма, светлые надежды на будущее России и, наконец, повисшее в воздухе, воспроизводимое в речи, в начертаниях, в образах, музыке, пении, волнуемое – тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью – слово:

– Свобода!

«Эта революция – единственная в своем роде» – писал князь *Евгений Трубецкой*. – Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат и войска, и буржуазия, даже дворянство... все вообще живые общественные силы страны... Только

бы это объединение сохранилось»...

В этих словах отразились чаяния и тревоги русской интеллигенции, но не печальная русская действительность. И кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, гибель адмирала Непенина и многих офицеров служили первым предостережением для оптимистов...

* * *

Жертвы первых дней революции в столице были невелики: регистрация Всероссийского союза городов определила их для Петрограда общим числом убитых и раненых в 1 443, в том числе воинских чинов 869 (офицеров 60). Конечно, много раненых избегло учета.

Однако, положение Петрограда, выбитого из колеи, насыщенного горючим материалом и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопределенным и напряженным.

От членов Государственной Думы и правительства впоследствии я слышал, что весы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочке с порохом, который ежеминутно мог вспыхнуть и уничтожить их всех и создаваемое ими государственное здание.

Товарищ председателя Совета р. и с. д., Скобелев гово-

рил журналистам: «должен сознаться, что когда я в начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную Думу, и обратился к ним с речью, я был почти убежден, что я говорю одну из своих последних речей, что пройдет несколько дней и я буду расстрелян или повешен».

А несколько офицеров – участников событий уверяли меня, что растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что один твердый батальон, во главе с начальником, понимающим чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку.

Как бы то ни было, 2 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства^[18], которое, после длительных переговоров с параллельным органом «демократической власти» – Советом рабочих депутатов, издало декларацию:

1) «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военнотехническими условиями.

¹⁸ Князь Львов, Милюков, Гучков, Коновалов, Мануилов, Терещенко, Львов, Шингарев, Годнев, Керенский.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

7) Не разоружение и не вывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении воинской дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

Эта декларация носила слишком явные следы давления «параллельной» власти. Последняя, в свою очередь, изда-

ла воззвание, в котором, между прочим, говорилось: «...в той мере, в какой зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказать ей свою поддержку», и далее: «ради успеха революционной борьбы, надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом».

Как известно, той же демократической властью накануне был издан приказ № 1.

«Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны – говорит Людендорф^[19]. Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно. Я почувствовал, что с меня спала очень большая тяжесть. Но я не мог предположить, что она станет могилой для нашего могущества».

Важнейший деятель Германии – страны, так много поработавшей для отравления души русского народа, пришел к позднему сознанию, что «наше моральное падение началось с началом русской революции»...

¹⁹ «Mes souvenirs de Guerre».

Глава V. Революция и царская семья

Государь – одинокий, без семьи, без близких, не имея возле себя ни одного человека, которому мог или хотел довериться, переживал свою тяжелую драму в старом губернаторском доме в Могилеве.

Вначале Протопопов и правительство представляли положение серьезным, но не угрожающим: народные волнения, которые надо подавить «решительными мерами». Несколько сот пулеметов были предоставлены в распоряжение командовавшего войсками петроградского округа генерала Хабалова; ему и председателю совета министров, князю Голицину, расширены значительно права в области подавления беспорядков; наконец, утром 27 с небольшим отрядом двинут генерал Иванов, с секретными полномочиями – полноты военной и гражданской власти, о которой он должен был объявить по занятии Царского села. Трудно себе представить более неподходящее лицо для выполнения поручения столь огромной важности – по существу – военной диктатуры. Дряхлый старик, честный солдат, плохо разбиравшийся в политической обстановке, не обладавший уже ни силами, ни энергией, ни волей, ни суровостью... Вероятно вспомнили удачное усмирение им Кронштадта в 1906 году.

Просматривая впоследствии последние донесения Хабалова и Беляева^[20], я убедился в полной их растерянности, малодушии и боязни ответственности.

Тучи сгущались.

26 февраля императрица телеграфировала государю: «Я очень встревожена положением в городе»... В этот же день Родзянко прислал историческую телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». Эта телеграмма послана была Родзянко и всем главнокомандующим, с просьбой поддержать его.

27-го утром председатель Думы обратился к государю с новой телеграммой: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Трудно думать, что и в этот день государь не отдавал себе ясного отчета о катастрофическом положении; вернее, он – слабовольный и нерешительный человек – искал малейшего предлога, чтобы отдалить час решения, фаталистически

²⁰ Военный министр.

предоставляя судьбе творить неведомую волю...

Во всяком случае, новое внушительное представление генерала Алексеева, поддержанное ответными телеграммами главнокомандующих на призыв Родзянко, не имело успеха, и государь, обеспокоенный участием своей семьи, утром 28 февраля поехал в Царское село, не приняв никакого определенного решения по вопросу об уступках русскому народу.

Генерал Алексеев – этот мудрый и честный патриот – не обладал достаточной твердостью, властностью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого сознавалась тогда даже императрицей, телеграфировавшей 27-го: «уступки необходимы».

Два дня бесцельной поездки. Два дня без надлежащей связи, осведомленности о нараставших и изменявшихся ежеминутно событиях... Императорский поезд, следуя кружным путем, распоряжением из Петрограда дальше Вишеры пропущен не был и, после получения ряда сведений о признании гарнизоном Петрограда власти Временного комитета Государственной Думы, о присоединении к революции царскосельских войск, – государь велел повернуть на Псков.

Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. «Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский корреспонденту

ту, – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от исполнительного комитета Государственной Думы, и предложил переговорить с Родзянко»^[21].

Всю ночь телеграфные провода передавали разговоры, полные жуткого, глубокого интереса, и решавшие судьбы страны: Рузский с Родзянко и Алексеевым, Ставка с главнокомандующими, Лукомский^[22] – с Даниловым^[23].

Во всех – ясно сознаваемая неизбежность отречения.

Утром 2-го Рузский представил государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан^[24] и передал телеграмму об отречении.

Если верить в закономерность общего исторического процесса, то все же приходится задуматься над фаталистическим влиянием случайных эпизодов – обыщенно-житейских, простых и предотвратимых. Тридцать минут, протекавшие вслед за сим, изменили в корне ход событий: не успели разослать телеграмму, как пришло сообщение, что в Псков едут делегаты Комитета Государственной Думы, Гучков и Шульгин... Этого обстоятельства, доложенного Рузским го-

²¹ Chessin. La revolution russe.

²² Генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего.

²³ Начальник штаба Северного фронта (Рузского).

²⁴ Акт был составлен в Ставке и прислан государю.

сударю, было достаточно, чтобы он вновь отложил решение и задержал опубликование акта.

Вечером прибыли делегаты.

Среди глубокого молчания присутствующих^[25], Гучков нарисовал картину той бездны, к которой подошла страна, и указал на единственный выход – отречение.

– Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола, – ответил государь. – До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата.

Делегаты, застигнутые врасплох такой неожиданной постановкой вопроса, не протестовали. Гучков – по мотивам сердца – «не чувствуя себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считая невозможным в этой области какое-нибудь давление»^[26]. Шульгин – по мотивам политическим: «быть может, в душе маленького царя будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью; кроме того, большой вопрос, может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего императора!..»

«Чувства» маленького царя – это был вопрос отдаленного будущего. Что касается юридических обоснований, то са-

²⁵ Фредерикс, Нарышкин, Рузский, Гучков, Шульгин.

²⁶ Рассказ В. В. Шульгина.

мо существо революции отрицает юридическую законность ее последствий; слишком шатко было юридическое обоснование всех трех актов: вынужденного отречения императора Николая II, отказа его от наследственных прав за несовершеннолетнего сына и, наконец, впоследствии – передача верховной власти Михаилом Александровичем – лицом, не воспринявшим ее, – Временному правительству, путем подписания акта, в котором великий князь «просил» всех российских граждан подчиниться этому правительству.

Неудивительно, что «в общем сознании современников этого первого момента, – как говорит Милюков, – новая власть, созданная революцией, вела свое преемство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля»...

Я могу прибавить, что и впоследствии в сознании многих лиц высшего командного состава, ставивших на первый план спасение родины, в этом вопросе соображения юридического, партийно-политического и династического характера не играли никакой роли. Это обстоятельство имеет большое значение для уяснения многих последующих явлений.

Около 12 час. ночи на 3 марта, после некоторых поправок, государь вручил делегатам и Рузскому два экземпляра манифеста об отречении.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое

тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных

испытаний, и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России. Николай».

Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства бо-ролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексеев, «чтобы не смущать умы», никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки.

Между тем, около полудня 3 марта у великого князя Михаила Александровича, который с 27 февраля не имел связи со Ставкой и государем, собрались члены правительства и Временного комитета^[27]. В сущности вопрос был предрешен и тем настроением, которое царило в Совете рабочих депутатов по получении известия о манифесте, и вынесенной исполнительным комитетом Совета резолюцией протеста, доведенной до сведения правительства, и непримиримой позицией Керенского, и общим соотношением сил: кроме Милюкова и Гучкова – все прочие лица, «отнюдь не имея никакого намерения оказывать на великого князя какое-либо давление», в страстных тонах советовали ему отречься. Милюков предостерегал, что «сильная власть... нуждается в опоре привычного для масс символа», что «Временное правительство – одно – может потонуть в океане народных волнений и до Учредительного собрания не доживет»^[28]...

Переговорив еще раз с председателем Государственной Думы Родзянко, великий князь заявил о своем окончательном решении отречься.

²⁷ Князь Львов, Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов, Гучков, Родзянко, Шульгин, Ефремов, Караулов.

²⁸ Милюков. «История второй русской революции».

В тот же день обнародовано «заявление» великого князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил».

После отречения великий князь поселился возле Гатчины, не принимал решительно никакого участия в политической жизни страны и жил там до середины марта 1918 г., ко-

гда по инициативе местного большевистского комитета был арестован, препровожден в Петроград и затем вскоре сослан в Пермскую губернию.

Первоначально ходили слухи, что около половины июля 1918 года ему, вместе с преданным секретарем-англичанином, удалось бежать от большевиков; с тех пор об участи его никто ничего определенного не знает. Все розыски, произведенные органами Южного и Сибирского правительств и по инициативе вдовствующей императрицы не привели к достоверным результатам. Точно также со стороны большевиков не было дано никаких официальных разъяснений. Позднейшие исследования, однако, заставляют думать, что «освобождение» явилось провокацией, великий князь увезен был тайно большевиками, убит недалеко от Перми, и тело его спущено под лед.

Эта таинственность исчезновения великого князя родила много легенд и вызвала даже появление в Сибири самозванцев. Летом 1918 года, ко времени первых успехов Сибирской армии распространился широко по советской России и Югу слух о том, что сибирские войска ведет против большевиков великий князь Михаил Александрович. Газеты печатали его манифест. Периодически эти слухи и печатание апокрифических манифестов в провинциальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже в 20-м году (в Крыму).

Нужно заметить, впрочем, что когда летом 1918 года ки-

евские монархисты вели сильную кампанию за придание антибольшевистскому военному движению монархического характера, они отказались от легитимного принципа, как по некоторым соображениям персонального свойства кандидатов, так – в отношении Михаила Александровича – и потому, что он «связал себя» торжественным обещанием перед Учредительным Собранием.

Учитывая всю создавшуюся к марту 1917 года обстановку, я прихожу к убеждению, что борьба за оставление власти в руках императора Николая II вызвала бы анархию, падение фронта и окончилась бы неблагоприятно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена с некоторой борьбой, но без потрясений и с безусловным успехом. Несколько труднее, и все же возможным представлялось утверждение на престоле Михаила Александровича, при условии введения им широкой конституции.

И члены Временного правительства и Временного комитета, за исключением Милюкова и Гучкова, терроризованные Советом рабочих депутатов и переоценивая силу и значение возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую ответственность – убедить великого князя отказаться от немедленного восприятия верховной власти.

Дело не в монархизме и не в династии. Это – вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о России.

Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какие метаморфозы испытала бы она впоследствии, но, если бы только на время войны она спасла от распада армию, весь ход дальнейшей истории русской державы мог бы стать на путь эволюции и избавиться от тех небывалых потрясений, которые ныне ставят вопрос о дальнейшем ее существовании.

* * *

7 марта Временное правительство постановило «признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». Выполнение этого постановления в отношении императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Федоровна после объявления ей об аресте, высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...

В отношении государя, исполнение правительственного распоряжения возложено было на четырех членов Государственной Думы.

8 марта, простившись со Ставкой, государь уехал из Мо-

гилева, при гробовом молчании собравшегося на вокзале народа; в последний раз его провожали полные горячих слез глаза матери.

Чтобы понять казавшееся странным отношение правительства к государевой семье во время пребывания ее и в Царском Селе, и в Тобольске, нужно напомнить следующее обстоятельство: невзирая на то, что за все 7 с половиной месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению арестованных, они пользовались исключительным вниманием Совета рабочих и солдатских депутатов; и в заседании Совета 10 марта товарищ председателя Соколов при полном одобрении собрания докладывал: «вчера стало известным, что Временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласия и без ведома исполнительного комитета совета рабочих депутатов. Мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили дело так, чтобы Николай II фактически не мог уехать из Царского Села без нашего согласия. По линиям железных дорог были разосланы соответствующие телеграммы... задержать поезд с Николаем II, буде таковой уедет... Мы командировали своих комиссаров... отрядив соответствующее количество воинской силы с броневыми автомобилями, и окружили Александровский дворец плотным кольцом. Затем мы вступили в переговоры с Временным правительством, которое

санкционировало все наши мероприятия. В настоящее время бывший царь находится не только под надзором Временного правительства, но и нашим надзором»...

1 августа 1917 года царская семья была отправлена в Тобольск, а после утверждения в Сибири советской власти император с семьей был перевезен в Екатеринбург, и там, подвергаясь невероятному глумлению черни, мучениями и смертью своею и своей семьи^[29] – заплатил за все вольные и невольные прегрешения против русского народа.

Когда во время второго Кубанского похода, на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати...

Забыли мудрое слово: «мне отмщение и аз воздам»...

²⁹ Убийство произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Глава VI. Революция и армия. – Приказ № 1

События застали меня далеко от столицы, в Румынии, где я командовал 8-м армейским корпусом. Оторванные от родины, мы, если и чувствовали известную напряженность политической атмосферы, то не были подготовлены вовсе ни к такой неожиданно скорой развязке, ни к тем формам, которые она приняла.

Фронт был поглощен своими частными интересами и заботами. Готовились к зимнему наступлению, которое вызвало совершенно отрицательное отношение к себе у всего командного состава нашей 4-ой армии; употребляли все усилия, чтобы ослабить до некоторой хотя бы степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то, в Новороссии, на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья, и заболели тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, преувеличивая отдельные эпизоды, волновала, искала виновных...

Местами, в особенности на фронте 9-ой армии, на высо-

ких горах, в жестокую стужу, в холодных землянках по неделям жили на позиции люди – замерзавшие, полуголодные; с огромным трудом по козьим тропам доставляли им хлеб и консервы.

Потом с большим трудом жизнь как будто немного наладилась. Во всяком случае, едва ли когда-нибудь в течение отечественной войны, войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте зимою 1916–17 года. Я подчеркиваю это обстоятельство, принимая во внимание, что войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились впоследствии позже всех. Этот факт свидетельствует, что со времен Суворовского швейцарского похода и Севастополя не изменилась необыкновенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имела значения в вопросе о моральном ее состоянии и что растление шло в строгой последовательности от центра (Петрограда) к перифериям.

Утром 3-го марта мне подали телеграмму из штаба армии «для личного сведения» о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, что власть перешла к Государственной Думе, и что ожидается опубликование важных государственных актов. Через несколько часов телеграф передал и манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить их, потом, к немалому моему смущению (телефоны разнесли уже весть), задержать, потом, наконец, – снова распростра-

нить. Эти колебания, по-видимому, были вызваны переговорами Временного комитета Государственной Думы и штаба Северного фронта о задержке опубликования актов, ввиду неожиданного изменения государем основной их идеи: наследование престола не Алексеем Николаевичем, а Михаилом Александровичем. Задержать, однако, уже не удалось.

Войска были ошеломлены – трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-ой и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю произвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...

Спустя некоторое время, когда улеглось первое впечатление, я два раза собирал старших начальников обеих дивизий, с целью выяснить настроение войск, и беседовал с частями. Эти доклады, личные впечатления, донесения соседних корпусов, которые я читал потом в штабе армии, дают мне возможность оценить объективно это настроение. Главным образом, конечно, офицерской среды, ибо солдатская масса – слишком темная, чтобы разобраться в событиях, и слишком инертная, чтобы тотчас реагировать на них – тогда не вполне еще определилась.

Чтобы передать точно тогдашнее настроение, не преломленное сквозь призму времени, я приведу выдержки из своего письма к близким от 8 марта :

«Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

1) Возврат к прежнему немыслим.

2) Страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию.

3) Конец немецкому засилию, и победное продолжение войны».

Отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобления лично против него и против царской семьи не было. Все было прощено и забыто. Наоборот, все интересовались их судьбой и опасались за нее.

Назначение Верховным главнокомандующим Николая Николаевича и его начальником штаба генерала Алексеева было встречено и в офицерской и в солдатской среде вполне благоприятно.

Интересовались, будет ли армия представлена в Учредительном Собрании.

К составу Временного правительства отнеслись довольно безучастно, к назначению военным министром штатского человека – отрицательно, и только участие его в работах по

государственной обороне и близость к офицерским кругам сглаживали впечатление.

Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи...

Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером^[30] и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления «мятежа»...

Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех их являлись два обстоятельства: первое – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе – боязнь междоусобной войной

³⁰ Убит в Киеве в 1918 году петлюровцами.

открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все главнокомандующие – признали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

* * *

Время шло.

От частей корпуса стало поступать ко мне множество крупных и мелких недоуменных вопросов:

Кто же у нас представляет верховную власть: Временный комитет, создавший Временное правительство, или это последнее? Запросил, не получил ответа. Само Временное правительство, по-видимому, не отдавало себе ясного отчета о существовании своей власти.

Кого поминать на богослужении?

Петь ли народный гимн и «спаси Господи люди Твоя»?..

Эти кажущиеся мелочи вносили, однако, некоторое смущение в умы и нарушали установившийся военный обиход. Начальники просили скорее установить присягу. Был и такой вопрос: имел ли право император Николай Александрович отказаться от прав престолонаследия за своего несовершеннолетнего сына?..

Скоро, однако, другие вопросы стали занимать войска: получен был первый приказ военного министра Гучкова, с изменениями устава внутренней службы в пользу «демократизации армии»^[31]. Этим приказом, на первый взгляд довольно безобидным, отменялось титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений, установленных для солдат уставом – воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения клубов и собраний, игры в карты и т. д.

Последствия были совершенно неожиданные для лиц, не знавших солдатской психологии. Строевые же начальники понимали, что, если необходимо устранить некоторые отжившие формы, то делать это надо исподволь, осторожно, а главное, отнюдь не придавая этому характера «завоеваний революции»... Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто, как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания.

– Свобода, и кончено!

³¹ От 5 марта.

Впоследствии военному министру, в приказе 24 марта, пришлось разъяснять такие, например, положения: «воинским чинам предоставлено право свободного посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако, право свободы посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по-видимому, понято некоторыми солдатами»...

Нарушение дисциплины и неуважительное отношение к начальникам усилились. В частях, и особенно в тыловых, начала сильно развиваться карточная игра с дурными последствиями для солдат, имевших на руках казенные деньги или причастных к хозяйству. Командовавший 4-ой армией для прекращения этого явления принял весьма демократическую меру, запретив на время войны карточную игру всем – генералам, офицерам и солдатам. Временное правительство только 22 августа 1917 года, обеспокоенное последствиями этого, казалось, мелкого изменения устава в пользу демократизации, сочло себя вынужденным особым постановлением «воспретить военнослужащим на театре военных действий, а также в казармах, дворах, военных помещениях и вне театра войны – всякую игру в карты».

Но если все эти мелкие изменения устава, распространительно толкуемые солдатами, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разре-

ние военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью»... представляло уже угрозу самому существованию армии.

Ставка, обеспокоенная этим обстоятельством, прибегнула тогда к небывалому еще в армии способу плебисцита: всем начальникам, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу новых приказов в телеграммах, адресованных непосредственно военному министру. Я не знаю, справился ли телеграф со своей задачей, достигла ли назначения эта огромная масса телеграмм, но все те, которые стали мне известны, были полны осуждения, во всех сквозил страх за будущее армии.

А в то же время Военный совет, состоявший из старших генералов – якобы хранителей опыта и традиции армии – в Петрограде, в заседании своем 10 марта постановил доложить Временному правительству:

«...Военный совет считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии, в убеждении, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорейшей победе нашего оружия и освобождению Европы от гнета прусского милитаризма».

Я не могу после этого не войти в положение штатского

военного министра.

Нам трудно было понять, какими мотивами руководствовало военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной^[32].

* * *

1-го марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников, – приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии.

³² На съезде советов (30 марта) Церетелли признал, что в контактной комиссии не было случая, чтобы в важных вопросах Временное правительство не шло на соглашение.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа, всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота – для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда – для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота – немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, – которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета

Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности, обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

*Петроградский Совет
Рабочих и Солдатских Депутатов.*

Генерал Монкевиц уверяет, что приказ такого же содержания он читал в 1905 году в Красноярске, изданный советом депутатов 3-го железнодорожного батальона^[33]. Несомненно приказ этот – штамп социалистической мысли, не поднявшейся до понимания законов бытия армии или, вернее, наоборот – сознательно ниспровергавшей их. Редактирование приказа приписывают присяжному поверенному Н. Д. Соколову, который извлек, якобы, образец его из своего архива, как бывший защитник по делу совета 1905 года. Генерал Потапов называет имена составителей приказа № 2, дополнившего первый, в предположении, что та же комиссия редактировала и № 1^[34].

Милюков упоминает о том, будто 4 марта решено было расклеить заявление Керенского и Чхеидзе, что приказ № 1 не исходит от Совета рабочих и солдатских депутатов. Такое заявление не попало ни в печать, ни на фронт и совершенно не соответствовало бы истине, ибо выпуск приказа Советом не подлежит никакому сомнению и подтверждается его руководителями.

Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное воен-

³³ Монкевиц. La decomposition de l'armee russe.

³⁴ Соколов, Доброницкий, Борисов, Кудрявцев, Филипповский, Падергин, Засас, Чекалин, Кремков.

ными властями расследование «не обнаружило» авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергли участие свое личное и членов комитета в редактировании приказа.

Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертание своего же символа веры. Ибо в отчете о секретном заседании правительства, главнокомандующих и исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов 4 мая 1917 года записаны их слова^[35].

Церетелли: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать»...

Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были».

Еще более искренним был Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор «Но-

³⁵ См. главу XXII.

вой Жизни». Он говорил французскому писателю Claude Anet^[36]:

«Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы „сделали революцию“, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство».

5 марта Совет рабочих и солдатских депутатов отдал приказ № 2 «в разъяснение и дополнение № 1». Приказ этот, оставляя в силе все основные положения, установленные 1-м, добавлял: приказ № 1 установил комитеты, но не выборное начальство; тем не менее, все произведенные уже выборы офицеров должны остаться в силе; комитеты имеют право возражать против назначения начальников; все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совета рабочих и солдатских депутатов, а в вопросах, относящихся до военной службы – военным властям. Этот приказ, весьма несущественно отличавшийся от 1-го, был уже скреплен председателем военной комиссии

³⁶ La revolution russe.

Временного правительства...

Генерал Потапов, именовавшийся «председателем военной комиссии Государственной Думы», так говорит о создавшихся взаимоотношениях между Советом рабочих и солдатских депутатов и военным министром: «6 марта вечером на квартиру Гучкова пришла делегация Совдепа в составе Соколова, Нахамкеса и Филипповского (ст. лейтенант), Скобелева, Гвоздева, солдат Падергина и Кудрявцева (инженера) по вопросу о реформах в армии... Происходившее заседание было очень бурным. Требования делегации Гучков признал для себя невозможными и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра. С его уходом я принимал председательствование, вырабатывались соглашения, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано: от совдепа – Скобелевым, от комитета Государственной Думы – мною и от правительства – Гучковым. Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии более реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат». Эти реформы должна была провести комиссия генерала Поливанова.

Единственным компетентным военным человеком в этом своеобразном «военном совете» являлся генерал Потапов, который и должен нести свою долю нравственной ответственности за «более реальные реформы»...

В действительности же, воззвание, опубликованное в газетах 8 марта, вовсе не аннулировало приказов № 1 и № 2, а лишь разъяснило, что они относятся только к войскам Петроградского военного округа. «Что же касается армий фронта, то военный министр обещал незамедлительно выработать, в согласии с Исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов, новые правила отношений солдат и командного состава». Как приказ № 2, так и это воззвание не получили никакого распространения в войсках, и ни в малейшей степени не повлияли на ход событий, вызванных к жизни приказом № 1.

Быстрое и повсеместное, по всему фронту и тылу, распространение приказа № 1 обуславливалось тем обстоятельством, что идеи, проведенные в нем, зрели и культивировались много лет – одинаково в подпольях Петрограда и Владивостока, как заученные прописи проповедовались всеми местными армейскими демагогами, всеми наводнившими фронт делегатами, снабженными печатью неприкосновенности от Совета рабочих и солдатских депутатов.

Были и такие факты: в самом начале революции, когда еще никакие советские приказы не проникли на Румынский фронт, командующий 6-ой армией генерал Цуриков, по требованию местных демагогов, ввел у себя комитеты, и даже пространной телеграммой, заключающей доказательства пользы нововведения, сообщил об этом и нам – командирам корпусов чужой армии.

С другой стороны, некоторые солдатские организации отнеслись отрицательно к приказу, считая его провокацией. Так, нижегородский совет солдатских депутатов 4 марта постановил не принимать к исполнению полученную «прокламацию», и призвать войска «повиноваться Временному правительству, его органам и командному составу».

* * *

Мало-помалу, солдатская масса зашевелилась. Началось с тылов, всегда более развращенных, чем строевые части; среди военной полуинтеллигенции – писарей, фельдшеров, в технических командах. Ко второй половине марта, когда в наших частях только усилились несколько дисциплинарные проступки, командующий 4-ой армией в своей главной квартире ожидал с часу на час, что его арестуют распущенные нестроевые банды...

Прислали, наконец, текст присяги «на верность службы Российскому государству». Идея верховной власти была выражена словами:

«...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему российское государство, впредь до установления воли народа при

посредстве Учредительного собрания».

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идиллических ожиданий начальников не оправдало: ни подъема, ни успокоения в смятенные умы не внесло. Могут отметить лишь два характерных эпизода. Командир одного из корпусов на Румынском фронте во время церемонии присяги умер от разрыва сердца. Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования^[37] верховной власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть удалены или оставить свои посты... Князь Репнин 20 века после судебной волокиты ушел на покой, и до самой смерти своей не одел маскеры...

Было ли действительно принесение присяги маскерой? Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью – далеко не одних монархистов – это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасение Родины и для сохранения армии...

В половине марта я был вызван на совещание к командующему 4-ой армией, генералу Рагозе. Участвовали генералы

³⁷ На вопрос толпы, кто выбрал Временное правительство, Милюков ответил: – Нас выбрала русская революция.

Гаврилов, Сычевский и начальник штаба Юнаков^[38]. Отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти.

Нам прочли длинную телеграмму генерала Алексеева, полную беспросветного пессимизма, о начинающейся дезорганизации правительственного аппарата и развале армии, демагогическая деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов, тяготевшего над волей и совестью Временного правительства; полное бессилие последнего; вмешательство обоих органов в управление армией. В качестве противодействующего средства против развала армии намечалась... посылка государственно мыслящих делегатов из состава Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов на фронт для убеждения...

На всех телеграмма произвела одинаковое впечатление: Ставка выпустила из своих рук управление армией. Между тем, грозный окрик верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры. Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петрограда, превзошли все ожидания революционной демократии.

³⁸ Впоследствии – начальник штаба Петлюры.

Корниловское выступление запоздало...

Мы составили сообща ответную телеграмму, предлагая решительные меры против чужого вмешательства в военное управление.

В штабе я ознакомился с телеграммами Родзянко и Алексеева главнокомандующим, и от них – государю. Как известно, все главнокомандующие^[39] присоединились к просьбе Родзянко. Но Западный фронт долго задерживал ответ; Румынский также долго уклонялся от прямого ответа, и все добивался по аппарату у соседних штабов, какой ответ дали другие. Наконец, от Румынского фронта послана была телеграмма, в первой части которой высказывалось глубокое возмущение «дерзким предложением председателя Государственной Думы», а во второй, принимая во внимание сложившуюся обстановку, как единственный выход, указывалось принятие предложения...

18 марта я получил приказание немедленно отправиться в Петроград к военному министру. Быстро собравшись, я выехал в ту же ночь, и, пользуясь сложной комбинацией повозок, автомобилей и железных дорог, на 6-ой день прибыл в столицу.

По пути, проезжая через штабы Лечицкого, Каледина, Брусилова, встречая много лиц военных и причастных к армии, я слышал все одни и те же горькие жалобы, все одну и ту же просьбу:

³⁹ Вел. кн. Николай Николаевич, Рузский, Эверт, Брусилов, Сахаров.

– Скажите им, что они губят армию...

Телеграмма не давала никакого намека на цель моего вызова. Полная, волнующая неизвестность, всевозможные догадки и предположения.

Только в Киеве слова пробежавшего мимо газетчика поразили меня своей полной неожиданностью:

– Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего...

Глава VII. Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года

Перед своим отречением, император подписал два указа – о назначении председателем Совета министров кн. Львова, и Верховным главнокомандующим – великого князя Николая Николаевича. «В связи с общим отношением к династии Романовых», как говорили петроградские официозы, а в действительности, из опасения Совета рабочих и солдатских депутатов попыток военного переворота, великому князю Николаю Николаевичу 9 марта было сообщено Временным правительством о нежелательности его оставления в должности Верховного главнокомандующего.

Министр-председатель, князь Львов писал: «создавшееся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку

звание Верховного главнокомандующего».

Письмо это застало великого князя уже в Ставке, и он, глубоко обиженный, немедленно сдал командование генералу Алексееву, ответив правительству: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась»...

Возник огромной важности вопрос о заместителе... Ставка волновалась, ходили всевозможные слухи, но ко дню моего проезда через Могилев ничего определенного не было еще известно.

23-го я явился к военному министру Гучкову, с которым раньше никогда не приходилось встречаться.

От него я узнал, что правительство решило назначить Верховным главнокомандующим генерала М. В. Алексеева. Вначале вышло разногласие: Родзянко и другие были против него. Родзянко предлагал Брусилова... Теперь окончательно решили вопрос в пользу Алексеева. Но, считая его человеком мягкого характера, правительство сочло необходимым подпереть Верховного главнокомандующего боевым генералом в роли начальника штаба. Остановились на мне, с тем, чтобы, пока я не войду в курс работы, временно оставался в должности начальника штаба генерал Клембовский, бывший тогда помощником Алексеева^[40].

⁴⁰ Генерал Клембовский был назначен на эту должность генералом Гурко во время исправления им должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, когда Алексей был болен.

Несколько подготовленный к такому предложению отделом «вести и слухи» киевской газетки, я все же был и взволнован, и несколько даже подавлен теми широчайшими перспективами работы, которые открылись так неожиданно, и той огромной нравственной ответственностью, которая была сопряжена с назначением. Долго и искренно я отказывался от него, приводя достаточно серьезные мотивы: вся служба моя прошла в строю и в строевых штабах; всю войну я командовал дивизией и корпусом и к этой боевой и строевой деятельности чувствовал призвание и большое влечение; с вопросами политики, государственной обороны и администрации – в таком огромном, государственном масштабе – не сталкивался никогда... Назначение имело еще одну не совсем приятную сторону: как оказывается, Гучков объяснил генералу Алексееву откровенно мотивы моего назначения, и от имени Временного правительства поставил вопрос об этом назначении, до некоторой степени, ультимативно.

Создалось большое осложнение: навязанный начальник штаба, да еще с такой не слишком приятной мотивировкой...

Но возражения мои не подействовали. Я выговорил себе однако право, прежде чем принять окончательное решение, переговорить откровенно с генералом Алексеевым.

Между прочим, военный министр во время моего посещения вручил мне длинные списки командующего генералитета до начальников дивизий включительно, предложив сде-

лать отметки против фамилии каждого известного мне генерала об его годности или негодности к командованию. Таких листов с пометками, сделанными неизвестными мне лицами, пользовавшимися очевидно доверием министра, было у него несколько экземпляров. А позднее, после объезда Гучковым фронта, я видел эти списки, превратившиеся в широкие простыни с 10–12 графами.

В служебном кабинете министра встретил своего товарища, генерала Крымова^[41], и вместе с ним присутствовал при докладе помощников военного министра^[42]. Вопросы текущие, не интересные. Ушли с Крымовым в соседнюю пустую комнату. Разговорились откровенно.

– Ради Бога, Антон Иванович, не отказывайся от должности – это совершенно необходимо.

Он поделился со мною впечатлениями, рассказывая своими отрывочными фразами, оригинальным, несколько грубоватым языком и всегда искренним тоном.

Приехал он 14 марта, вызванный Гучковым, с которым раньше еще был в хороших отношениях и работал вместе. Предложили ему ряд высоких должностей, просил осмотреться, потом от всех отказался. «Вижу – нечего мне тут делать, в Петрограде, не по душе все». Не понравилось ему

⁴¹ Генерал Крымов – начальник Уссурийской дивизии, потом командир 3 конного корпуса, сыгравший такую видную роль в корниловском выступлении. До революции – один из инициаторов предполагавшегося дворцового переворота.

⁴² Филатьев, Новицкий, Маниковский и сенатор Гарин.

очень окружение Гучкова. «Оставляю ему полковника генерального штаба Самарина для связи – пусть хоть один живой человек будет». Ирония судьбы: этот, пользовавшийся таким доверием Крымова офицер, впоследствии сыграл роковую роль, послужив косвенно причиной его самоубийства...

К политическому положению Крымов отнесся крайне пессимистически:

– Ничего ровно из этого не выйдет. Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией – конечно, не без кровопролития... Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: «помилуйте, это вызвало бы такие потрясения!» Будет хуже. На днях уезжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда – до сих пор корпус сохранился в полном порядке; может быть, удастся поддержать это настроение.

* * *

Четыре года я не видел Петрограда. Но теперь странное и тягостное чувство вызывала столица... начиная с разгромленной гостиницы «Астория», где я остановился, и где в вестибюле дежурил караул грубых и распущенных гвардей-

ских матросов; улицы – такие же суетливые, но грязные и переполненные новыми господами положения, в защитных шинелях, – далекими от боевой страды, углубляющими и спасающими революцию. От кого?.. Я много читал раньше о том восторженном настроении, которое, якобы, царило в Петрограде, и не нашел его. Нигде. Министры и правители, с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях, представителям, толпе... Искусственный подъем, бодрящая, взвинчивающая настроение, опостылевшая, вероятно, самому себе фраза, и... тревога, глубокая тревога в сердце. И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...

Рядовое офицерство, несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции, и никак не могло взять надлежащий тон с солдатской массой. А на верхах, в особенности среди генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнках Совета и нового правящего рабоче-солдатского класса, старавшийся угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-об-

щественной карьеры.

Следует, однако, признать, что в то время еще военная среда оказалась достаточно здоровой, ибо, невзирая на все разрушающие эксперименты, которые над ней производили, не дала пищи этим росткам. Все лица подобного типа, как например, молодые помощники военного министра Керенского, а также генералы Брусиллов, Черемисов, Бонч-Бруевич, Верховский, адмирал Максимов и др., не смогли укрепить своего влияния и положения среди офицерства.

Наконец, петроградский гражданин – в самом широком смысле этого слова – отнюдь не ликовал. Первый пыл остыл, и на смену явилась некоторая озабоченность и неуверенность.

Не могу не отметить одного общего явления тогдашней петроградской жизни. Люди перестали быть сами собой. Многие как будто играли заученную роль на сцене жизни, обновленной дыханием революции. Начиная с заседаний Временного правительства, где, как мне говорили, присутствие «заложника демократии» – Керенского придавало не совсем искренний характер обмену мнений... Побуждения тактические, партийные, карьерные, осторожность, чувство самосохранения, психоз и не знаю еще какие дурные и хорошие чувства заставляли людей надеть шоры и ходить в них в роли апологетов или, по крайней мере, бесстрастных зрителей «завоеваний революции» – таких завоеваний, от которых явно пахло смертью и тлением.

Отсюда – лживый пафос бесконечных митинговых речей. Отсюда – эти странные на вид противоречия: князь Львов, говоривший с трибуны: «процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души»... И тот же Львов, в беседе с Алексеевым горько жалующийся на невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые все более растущей в Совете и в стране демагогией.

Керенский – идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский – в своем вагоне нервно бросающий адъютанту: – Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!..

Чхеидзе и Скобелев – в заседании с правительством и главнокомандующими горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же, – в перерыве заседания в частном разговоре за стаканом чая признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести ее идею через Совет...

Повторяю, что и тогда уже, в конце марта, в Петрограде чувствовалось, что слишком долго идет пасхальный перезвон, вместо того, чтобы сразу ударить в набат. Только два человека из всех, с которыми мне пришлось беседовать, не делали себе никаких иллюзий:

Крымов и Корнилов.

С Корниловым я встретился первый раз на полях Галиции, возле Галича, в конце августа 1914 г., когда он принял 48 пех. дивизию, а я – 4 стрелковую (железную) бригаду. С тех пор, в течение 4 месяцев непрерывных, славных и тяжелых боев, наши части шли рядом в составе XXIV корпуса, разбивая врага, перейдя Карпаты^[43], вторгаясь в Венгрию. В силу крайне растянутых фронтов, мы редко виделись, но это не препятствовало хорошо знать друг друга. Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова – военачальника: большое умение воспитывать войска: из второсортной части Казанского округа он в несколько недель сделал отличнейшую боевую дивизию; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжелой, казалось, обреченной операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, – высокое соблюдение военной этики, в отношении соседних частей и соратников, – свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части.

После изумившего всех бегства из австрийского плена,

⁴³ Корнилов – у Гуменного, я – у Мезоляборча.

в который Корнилов попал тяжело раненым, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат, к началу революции он командовал XXV корпусом.

Все, знавшие хоть немного Корнилова, чувствовали, что он должен сыграть большую роль на фоне русской революции.

2 марта Родзянко телеграфировал непосредственно Корнилову: «Временный комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной Думы – Временному правительству, образованному под председательством князя Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии назначение на должность главнокомандующего петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом ваше превосходительство, как известного всей России героя. Временный комитет просит вас, во имя спасения родины, не отказать принять на себя долж-

ность главнокомандующего в Петрограде, и прибыть незамедлительно в Петроград. Ни минуты не сомневаемся, что вы не откажетесь вступить в эту должность и тем оказать неоценимую услугу родине. № 159. Родзянко».

Все построение этой телеграммы и такой «революционный» путь назначения, минуя военное командование, очевидно, не понравились Ставке: на телеграмме, проходившей через Ставку, имеется пометка «не отправлена», но в тот же день генерал Алексеев отдал свой приказ (? 334): «допускаю ко временному главнокомандованию войсками петроградского военного округа... генерал-лейтенанта Корнилова».

Я подчеркнул этот маленький эпизод для уяснения, как путем целого ряда мелких личных трений, возникли впоследствии не совсем нормальные отношения между двумя крупными историческими деятелями...

С Корниловым я беседовал в доме военного министра, за обедом – единственное время его отдыха в течение дня. Корнилов – усталый, угрюмый и довольно пессимистически настроенный, рассказывал много о состоянии Петроградского гарнизона и своих взаимоотношениях с Советом. То обаяние, которым он пользовался в армии, здесь – в нездоровой атмосфере столицы, среди деморализованных войск – поблекло. Они митинговали, дезертировали, торговали за прилавком и на улице, нанимались дворниками, телохранителями, участвовали в налетах и самочинных обысках, но не нес-

ли службы. Подойти к их психологии боевому генералу было трудно. И, если часто ему удавалось личным презрением опасности, смелостью, метким, образным словом овладеть толпой во образе воинской части, то бывали случаи и другие, когда войска не выходили из казарм для встречи своего главнокомандующего, подымали свист, срывали георгиевский флажок с его автомобиля (финляндский гвардейский полк).

Общее политическое положение Корнилов определял так же, как и Крымов: отсутствие власти у правительства и неизбежность жестокой расчистки Петрограда. В одном они расходились: Корнилов упрямо надеялся еще, что ему удастся подчинить своему влиянию большую часть петроградского гарнизона – надежда, как известно, несбывшаяся.

Глава VIII. Ставка; ее роль и положение

25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым.

Алексеев, конечно, обиделся.

– Ну что же, раз приказано...

Я снова, как и в министерстве, указал ряд мотивов против своего назначения, и в том числе – отсутствие всякого влечения к штабной работе. Просил генерала Алексеева совершенно откровенно, не стесняясь никакими условностями, как своего старого профессора, высказать свой взгляд, ибо без его желания я ни в каком случае этой должности не приму.

Алексеев говорил вежливо, сухо, обиженно и уклончиво: масштаб широкий, дело трудное, нужна подготовка, «ну что же, будем вместе работать»...

Я, за всю свою долгую службу не привыкший к подобной роли, не мог, конечно, помириться с такой постановкой вопроса.

– При таких условиях я категорически отказываюсь от должности. И чтобы не создавать ни малейших трений между вами и правительством, заявлю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев вдруг переменял тон.

– Нет, я прошу вас не отказываться. Будем работать вместе, я помогу вам; наконец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится – уйти на первую открывающуюся армию. Надо вот только поговорить с Клембовским: он, конечно, помощником не останется...

Простились уже не так холодно.

Но прошел день, два – результатов никаких. Я жил в вагоне-гостинице, не ходил ни в Ставку, ни в собрание^[44] и, не желая долее переносить такое нелепое и незаслуженное положение, собрался уже вернуться в Петроград. Но 28 марта приехал в Ставку военный министр и разрубил узел: Клембовскому было предложено назначение командующим армией, или членом Военного совета; он выбрал последнее. Я 5-го апреля вступил в должность начальника штаба.

Тем не менее, такой полупринудительный способ назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень и только к концу его командования она рассеялась. – Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства... Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию Петрограду, служа исключительно делу, оберегая Верховного – часто без его ведома – от многих трений и столкновений своим личным участи-

⁴⁴ «Сел в бест», как острили в Ставке, которую очень волновал ход переговоров.

ем в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его смерти.

2-го апреля генералом Алексеевым получена была телеграмма: «Временное правительство назначает Вас Верховным главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под Вашим твердым руководством исполнят свой долг перед родиной до конца». Числа 10-го состоялся приказ и о моем назначении.

Итак, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Множество поздравительных телеграмм и писем – искренних и... с расчетом. Действительно огромный масштаб и такой навал работы, которого ранее никогда в жизни я не испытывал и который вначале буквально придавил меня физически и духовно. Установился невозможный режим: два раза в день в собрание и обратно – завтракать и обедать, вот и вся прогулка; прочее время – текущая переписка, изучение истории возникавших вопросов, доклады, приемы – и так до глубокой ночи. Запас здоровья, приобретенный за три года полевой боевой жизни, оказался весьма кстати. Без него было бы худо. Постепенно, однако, создавалась некоторая преемственность в работе и почва под ногами в смысле определенности решений и осведомленности.

Оба ближайшие помощника начальника штаба ушли: генерал-квартирмейстер Лукомский, не ладивший с Алексеевым и, может быть, не хотевший подчиниться младшему,

был назначен командиром первого армейского корпуса; дежурный генерал Кондзеровский обиделся на Гучкова, сказавшего ему, что дежурство^[45] Ставки вызывает всеобщую ненависть в армии, и также ушел, получив назначение членом Военного совета, сохранив со мной прекрасные отношения. Здесь крылось глубокое недоразумение и личные счёты каких-то осведомителей, ибо в Кондзеровском я встретил редкую доброту и отзывчивость к интересам самых маленьких чинов армии.

Их уход также осложнил несколько положение. Первого заменил приглашенный ранее Алексеевым, генерал Юзефович, второго – Минут. Ушел еще со своего поста по политическим мотивам генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович. Его заменил генерал Ханжин, впоследствии командовавший армией в войсках адмирала Колчака. Два доклада Сергея Михайловича нарисовали мне такую отчетливую картину состояния русской артиллерии, подчеркнули такое изумительное знание им личного состава, что я искренно пожалел об уходе такого сотрудника.

* * *

⁴⁵ «Дежурство» – административно-организационный отдел Ставки.

Ставка вообще не пользовалась расположением. В кругах революционной демократии ее считали гнездом контрреволюции, хотя она решительно ничем не оправдывала это название: при Алексееве – высоколояльная борьба против развала армии, без всякого вмешательства в общую политику, при Брусилове – оппортунизм с уклоном даже в сторону искательства перед революционной демократией. Что касается корниловского движения, то оно, не будучи в своей основе контрреволюционным, как увидим ниже, действительно имело целью борьбу против полубольшевистских советов. Но и тогда лояльность чинов Ставки определилась достаточно наглядно: в корниловском выступлении активно участвовало из них лишь несколько человек; после ликвидации института верховных главнокомандующих и введения нового института – «главковерхов» – почти вся Ставка (при Керенском) или довольно большая часть ее (при Крыленко) продолжали текущую работу.

Армия также не любила Ставку – и за дело, и по недоразумению, так как там плохо разбирались в определении служебных функций, и многие недочеты снабжения, быта, прохождения службы, наград и т. д. относили к Ставке, тогда как эти вопросы составляли всецело компетенцию военного министерства и подчиненных ему органов. Ставка всегда стояла несколько вдали от армии. И если при сравнительно нормальных, налаженных взаимоотношениях дореволюционного периода, это обстоятельство не отражалось слиш-

ком резко на действиях правящего механизма, то теперь, когда жизнь армии не шла, а кипела в водовороте событий, Ставка поневоле отставала от жизни.

Правительство также относилось к Ставке отрицательно. Министры, посетившие ее 18–19 марта, вынесли впечатление о «громоздкости Ставки, невозможности определения ответственности, смешении прав и обязанностей, особенно в отношении великих князей, занявших созданные для них посты инспекторов кавалерии, авиации, казачьих войск, гвардии и т. д. . . . Назначения начальников делались по связям. Система учета живых и материальных сил неудовлетворительна: ошибка в оценке боевых сил допускалась до трех миллионов (!), оценка снабжения делалась с огромными допусками^[46], и т. д. Не оспаривая известные недочеты Ставки, о которых говорится ниже, считаю преувеличенным обвинение в «назначениях по связям», возводимых в общее правило. Несомненно, эта слабость человеческая имела место в старой Ставке, но никогда не доходила до той вакханалии, какая проявилась в революционный период, когда были опрокинуты всякие стажи знания, опыта, заслуг – под пленительным лозунгом:

– Дорогу талантам!

Но беда в том, что таланты зачастую определялись под большим давлением столь компетентных учреждений, как войсковые комитеты.

⁴⁶ В передаче генерала Потапова.

Помню, как самому мне приходилось выдержать большую борьбу с генеральным штабом по поводу требования моего, не считаясь со старшинством чинов, предоставлять все же высшие командные должности только офицерам, прошедшим практическую школу полкового командира. В частности, я навлек на себя большое неудовольствие будущего военного министра, полковника Верховского, не допустив его назначения с должности начальника штаба дивизии – начальником дивизии.

Наконец, в отношениях правительства к Ставке не могли не возникнуть некоторые трения, вследствие постоянного протеста против целого ряда правительственных мероприятий, разрушавших армию. Никаких других серьезных причин к разногласию не существовало, так как вопросы внутренней политики ни в малейшей степени ни генералом Алексеевым, ни мною, ни отделами Ставки не затрагивались. Ставка была, в полном смысле этого слова, аполитична, и Временное правительство в первые месяцы революции имело в ней совершенно надежный технический аппарат. Ставка оберегала лишь высшие интересы армии и, в пределах ведения войны и армии, добивалась полной мощи Верховному главнокомандующему. Я скажу более: личный состав Ставки казался мне бюрократическим, слишком погруженным в сферу чисто специальных интересов и – плохо ли, хорошо ли – мало интересующимся общими политическими и социальными вопросами, выдвигаемыми жизнью.

Штаты Ставки были поистине велики. Они росли и непрерывно развивались, обуславливаясь иногда «устройством» определенного лица или приданием ему определенного антуража. Особенно отличались «военные сообщения» и «пути сообщения», функции которых, зачастую одноименные, переплетались и перемешивались. В течение войны дважды изменялась система управления сообщениями и, соответственно с этим, функционировала еще ликвидационная комиссия с полными штатами и окладами главных управлений. Это учреждение каждые три месяца (при мне, кажется, в пятый раз) возобновляло ходатайство о продлении своей деятельности.

Но едва ли не в самых худших условиях, и уже по причинам, от него не зависевшим, находился Главный полевой интендант. Представляя только орган надзора, статистики и высшего распределения, он оперировал цифрами, заведомо ложными, доставляемыми с фронтов, особенно ввиду полного отсутствия общего учета людского и конского составов. Затруднения в снабжении, боязнь перемещения запасов с более обеспеченного фронта на менее обеспеченный, и общее отсутствие превалирования государственных интересов над местными создали грандиозную ложь, сокрытие от учета и преуменьшение цифр всюду – начиная полковым обозом и кончая фронтом.

Характерной чертой Ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращения с миллионами, безотказно извле-

каемыми из военного фонда. Не хищение, отнюдь, а именно легкость. Сомнительной пользы предприятия, проведение новых железных и шоссейных дорог, стратегическая необходимость которых была весьма условна, и т. д. Управление путей, например, было настолько предусмотрительно, что представило мне раз на утверждение заказ в несколько десятков миллионов рублей на возобновление в будущем оборудования... Варшавско-Венской железной дороги, находившейся на польской территории, оккупированной немцами!

И когда я мучительно изучал вопрос военной целесообразности представленного мне однажды проекта какой-то новой ветки, начальник управления, генерал Кисляков^[47] – человек большого ума и таланта – положительно недоумевал:

– Ведь всего на 8 миллионов. Неужели вам жалко их...

Со времени революции эта легкость обращения с народными деньгами нашла и другое применение: многие начальники, и на фронте и в Ставке, уступая напору всяких комитетов и делегаций, отчасти желая снискать известную популярность, возбуждали неосновательные ходатайства о значительной прибавке содержания, преимущественно тыловым, нестроевым элементам. Иногда напор, помимо меня, велся на доброго и стеснявшегося отказать Михаила Васильевича. И мне больших усилий стоило поставить вопрос этот в

⁴⁷ Растерзан большевиками на улицах Полтавы в 1919 году.

общегосударственные рамки, указывая, что нельзя благодетельствовать некоторым разрядам служилых людей, а необходимо планомерно улучшать материальное положение всех чинов армии, и прежде всего, находящегося в худших и более тяжелых условиях, боевого элемента.

Как известно, к маю правительство довело солдатские оклады по разным званиям в армии до 7 руб. 50 – 17 руб., во флоте 15 – 50 рублей. Что касается офицерского состава, то все наши усилия остались тщетными: ему даже сбавили содержание путем упразднения добавочных выдач, существовавших под архаическими названиями: «на представительство» и «фуражные».

К моему вступлению в должность все «великокняжеские инспектуры» были упразднены, артиллерийская сокращена при мне. Но упрощения и сокращения всей системы мы не достигли. Ибо тотчас же снизу, в стремлении самоорганизации и верховного возглавления, начался жесточайший напор на правительство, военное министерство и командование. Постепенно возрождались инспектуры – санитарная, инженерная, авиационная, задержано расформирование казачьей. Общественные организации – красного креста, земства и городов также выбивались всеми силами из фронтового военного управления и требовали для себя верховного возглавления в Ставке. Приходилось вести борьбу против этих индивидуальных стремлений, грозивших затопить полевой штаб волною не боевых интересов. Помню, как ка-

кой-то фронтовой или всероссийский ветеринарный съезд на этой почве выразил мне «недоверие» за недостаток культурности и непонимание высокого научно-общественного значения ветеринарии...

Но едва ли не наибольшее нетерпение и бурное стремление к абсолютной самостоятельности проявил военно-медицинский мир. Состоявшийся в начале апреля съезд врачей армии и флота требовал полной автономии, изъятия полевого санитарного инспектора из власти военного начальства и реорганизации ведомства снизу доверху на выборных коллективных началах^[48]. Фактически, захватным правом эта автономность начала осуществляться на фронтах в чрезвычайно разнообразных, иногда уродливых формах, далеко выходя за пределы компетенции и специальности. Как одно из ее проявлений, во многих армиях к числу прочих коллективов, расхищавших власть командира полка, прибавился еще один – санитарно-гигиенический, в составе командира полка, врача и выборного солдата – с большим кругом ведения и прав.

Все это грозило большим расстройством организации. Новый главный полевой санитарный инспектор, профессор Вельяминов, был совершенно терроризован съездом, выразившим ему «недоверие, ввиду несоответствия требованиям

⁴⁸ Вместе с тем, съездом был послан привет «русской демократии в лице Советов, как оплоту решительной и полной демократизации страны против попыток контрреволюции».

момента», и своими подчиненными, отказывавшими ему в послушании. Он то слал покаянные телеграммы на фронт, обещаясь «освободить русское врачебное сословие от вмешательства в его деятельность некомпетентных лиц, раскредитовать русского врача», то приходил ко мне просить защиты от своеволия низших инстанций, требовавших его самоупражнения и нарушавших общие директивы и планы военно-медицинской и санитарной работы. Характерно, что проект реорганизации ведомства, представленный Вельяминовым, наряду с мерами действительно необходимыми и своевременными, представлявшими врачам полную свободу по специальности, заключал в себе все самые вредные и чуждые армии положения, вложенные в основание «демократизации армии»: выборное начало, комитеты, коллегиальную безответственную власть, вмешательство и расхищение власти начальника.

Болезнь, очевидно, имела весьма распространенный характер.

Как бы то ни было, технический аппарат Ставки, как в отношении служебного элемента, так и конструкции своей, все-таки был достаточно приспособлен для управления и командования.

Наконец, стратегия...

Когда говорят о русской стратегии в отечественную войну с августа 1915 года, надлежит помнить, что это стратегия — исключительно личная Мих. Вас. Алексеева. Он один несет историческую ответственность за ее направление, успехи и неудачи.

Необыкновенно трудолюбивый, добросовестный, самоотверженный работник, он обладал в этом отношении одним крупным недостатком: всю жизнь делал работу за других. Так было в должности генерал-квартирмейстера генерального штаба, начальника штаба Киевского округа, потом Юго-западного фронта, и наконец, начальника штаба Верховного главнокомандующего. Никто не имел влияния на стратегические решения^[49], и зачастую готовые директивы, написанные мелким бисерным почерком Алексеева, появлялись совершенно неожиданно на столе генерал-квартирмейстера, на которого законом возложена была и обязанность, и огромная ответственность в этой области. И если такой порядок мог иметь до некоторой степени оправдание, при безличном или

⁴⁹ Некоторые придают преувеличенное значение сотрудничеству в этом отношении состоявшего при генерале Алексееве генерала Борисова. Борисов впоследствии поступил на службу к большевикам.

обезличенном условиями службы генерале Пустовойтенко, то являлся совершенно ненормальным, в отношении позднейших генерал-квартирмейстеров – Лукомского и Юзефовича. Примириться с этим они не могли.

Генерал Лукомский выражал обыкновенно свой протест путем подачи записок, с изложением своего мнения, не согласного с планом операции. Конечно, этот протест имел чисто академическое значение, но гарантировал, во всяком случае, от суда истории. Генерал Клембовский, исполнявший должность начальника штаба Верховного главнокомандующего до меня, вынужден был поставить условием своего пребывания в должности – невмешательство в законный круг его ведения...

Ранее Михаил Васильевич держал в своих руках все отрасли управления. Со значительным расширением их объема, это оказалось физически невыполнимым, и мне уже предоставлена была вся полнота обязанностей во всем, кроме... стратегии.

Опять пошли собственноручные телеграммы стратегического характера, распоряжения, директивы, обоснование которых иногда не было понятно мне и генерал-квартирмейстеру (Юзефович). Много раз втроем (я, Юзефович, Марков^[50]) мы обсуждали этот вопрос; экспансивный Юзефович волновался и нервно просил назначения на дивизию: «Не могу я быть писарем. Зачем Ставке квартирмейстер, когда

⁵⁰ 2-ой генерал-квартирмейстер.

любой писарь может перепечатывать директивы»...

И я, и он стали поговаривать об уходе. Марков заявил, что без нас не останется ни одного дня. Наконец, я решил поговорить откровенно с Михаилом Васильевичем. Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не разрешили.

– Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе; что вы, Антон Иванович – совершенно искренно удивился Алексеев, в течение всей войны привыкший к определенному служебному режиму, казавшемуся ему совершенно нормальным.

Опять «конференция» втроем. После долгих дебатов решили, что общий план кампании 17-го года разработан давно, и подготовка ее находится уже в такой стадии, что существенные перемены невозможны, что детали сосредоточивания и развертывания войск, при современном состоянии их, – вопрос спорный и трудно учитываемый; что некоторые изменения плана нам удастся провести; наконец, что наш уход *in corpore* мог бы повредить делу и пошатнуть, и без того непрочное, положение Верховного. И поэтому решили потерпеть.

Терпеть пришлось недолго, так как в конце мая ген. Алексеев, а за ним вскоре и мы трое, оставили Ставку.

Что же представляла из себя Ставка в ряду военно-политических факторов революционного периода.

Значение Ставки пало.

Ставка императорских времен занимала положение главенствующее, по крайней мере, в отношении военном. Ни одно лицо и учреждение в государстве не имело права давать указаний или требовать отчета от Верховного главнокомандующего, каким фактически являлся не царь, а Алексеев. Ни одно мероприятие военного министерства, хоть несколько затрагивающее интересы армии, не могло быть проведено без санкции Ставки. Ставка давала императивные указания военному министру и подчиненным ему органам по вопросам, касавшимся удовлетворения потребностей армии. Голос ее, вне общего направления внутренней политики, имел известный вес и значение и в практической области управления на театре военных действий. Такая власть, если и не осуществлялась в надлежащей мере, то давала принципиальную возможность вести дело защиты страны, при широком полуподчиненном сотрудничестве других органов ее управления.

С началом революции, обстановка резко изменилась. Ставка, вопреки историческим примерам и велению военной науки, стала органом, фактически подчиненным военно-

му министру. Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте^[51], а вытекали из смешения в коллективном лице Временного правительства, – верховной и исполнительной власти, и из сочетания характеров более сильного Гучкова и уступчивого Алексеева. Ставка не могла уже предъявлять законных требований довольствующим органам министерства; она вела длительную переписку и просила. Военный министр, подписывавший прежние высочайшие приказы, оказывал сильное давление на назначение и смещение высшего командного состава; иногда назначения проходили его приказом, по соглашению с фронтами, минуя Ставку. Важнейшие военные законы, в корне изменявшие условия комплектования, жизни и службы войск, издавались министерством без всякого участия верховного командования, которое узнавало о выходе их только из газет. Впрочем, это участие было бы действительно бесполезным. Два произведения поливановской комиссии – о новом суде и о комитетах – данные мне случайно на просмотр Гучковым, были мною возвращены с целым рядом существенных возражений, и Гучков тщетно отстаивал их перед советскими представителями. Приняты были только... редакционные поправки.

Гражданское управление прифронтового района, частью

⁵¹ По смыслу «положения о полевом управлении войск», Верховный Главнокомандующий подчинялся Временному правительству, как верховной власти, но отнюдь не военному министру.

захватным правом местных комитетов, частью санкцией правительства вышло из рук военного управления. Все права в этом отношении военных начальников, основанные на положении о полевом управлении войск, остались не отмененными, не практикуемыми, и никому не переданными.

Все эти обстоятельства, несомненно, подорвали авторитет Ставки в глазах армий, а среди высшего командующего генералитета вызвали стремление к непосредственным сношениям, минуя Ставку, с более властными центральными правительственными органами с одной стороны, и проявление чрезмерной частной инициативы в принципиальных военно-государственных вопросах, с другой. Так, в мае Северный фронт, вместо определенного процента старослужащих, уволил всех, создав огромные затруднения соседям; Юго-западный начал формирование украинских частей; командующий Балтийским флотом снял погоны с офицеров и т. д.

Ставка потеряла силу и власть и не могла уже играть довлеющей роли – объединяющего командного и морально-го центра. И это произошло в самый грозный период мировой войны, на фоне разлагающейся армии, когда требовалось не только страшное напряжение всех народных сил, но и проявление исключительной по силе и объему власти. Между тем, вопрос был ясен: если Алексеев и Деникин не пользовались доверием и не удовлетворяли условиям, требуемым от верховного командования и управления, их следовало сменить, назначить новых людей и дать им и доверие,

и полноту власти. Фактически, дважды эта смена была произведена. Но смена только людей, а не принципов командования. Ибо, при создавшихся взаимоотношениях и безвластии, центра военной власти в своих руках не имел никто: ни вожди, пользовавшиеся репутацией исключительно бескорыстного и лояльного служения родине, как Алексеев, ни впоследствии «железные полководцы», каким был Корнилов и считался Брусилов, ни все те хамелеоны, которые шли в поводу у социалистических реформаторов армии. На фронте высший командный состав был более или менее однороден и приблизительно с одинаковой, если не политической, то военной идеологией. Быть может, это обстоятельство препятствовало сохранению власти и авторитета? Но ведь, кроме армий фронта, у нас были едва ли не более многочисленные армии тыловые, находившиеся в подчинении командующих военными округами. На эти должности правительство зачастую назначало и людей совершенно другой среды – весьма мало или никакого отношения не имевших к строю, но за то с революционным формуляром. Во главе этих тыловых армий стояли такие разнородного характера люди: Петроградского округа – ген. Корнилов – полководец; Московского – подполковник Грузинов – председатель московской губернской управы, октябрист; Киевского – полковник Оберучев – социал-революционер, бывший политический ссыльный; Казанского – подполковник Коровиченко, присяжный поверенный, социалист. Как известно, войска всех этих округов

не особенно отличались друг от друга быстротой темпа, которым шли к развалу, и глубиной этого развала.

Вся военная иерархия была потрясена до основания, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядок сношений: директивы, которые не могли сдвинуть армии с места, приказы, которые не исполнялись, судебные приговоры, над которыми смеялись. Пресс принуждения всей своей тяжестью лег по линии наименьшего сопротивления – исключительно на лояльный командный состав, который безропотно подчинялся гонению и сверху, и снизу. А правительство и военное министерство, отбросив репрессии, прибегло к новому способу воздействия на массы: возваниям. Возвания к народу, к армии, к казакам, ко всем, всем, всем – наводняли страну, приглашая к исполнению долга; к несчастью успех имели только те возвания, которые, потворствуя низким инстинктам толпы, приглашали ее к нарушению долга.

В результате не контрреволюция, не авантюризм, не бонапартизм, а стихийное стремление государственных элементов восстановить нарушенные законы ведения войны, выдвинули впоследствии новое течение:

– Взять военную власть!

Эта задача была не по характеру ни Алексееву, ни Брусилову. Попытку ее разрешения принял на себя впоследствии Корнилов, начав проводить самостоятельно ряд важных военных мероприятий, и обращаясь к правительству с ульти-

мативными требованиями по военным вопросам^[52].

Крайне интересно сопоставить это положение с тем, в котором находилось командование армиями нашего могущественного тогда врага. Людендорф – 1-й генерал-квартирмейстер германской армии, говорит^[53]:

«В мирное время, имперское правительство обладало полною властью над своими ведомствами... С началом войны, министрам трудно было привыкнуть видеть в главной квартире власть, которую грандиозность дела заставляла действовать с тем большей силой, чем ее меньше было в Берлине. Я бы хотел, чтобы правительство отдало себе отчет в этом, настолько простом положении... Правительство шло своим собственным путем, и для удовлетворения пожеланий главной квартиры не поступилось никогда ни одним своим намерением. Наоборот, оно пренебрегало многим, что мы считали необходимым в интересах ведения войны»...

Если к этому прибавить, что в марте 1918 года с трибуны рейхстага Гаазе с большим основанием говорил: «Канцлер – это не более как вывеска, прикрывающая военную партию. Фактически правит страной Людендорф», – то станет понят-

⁵² Первоначально вопрос ставился только о «полной мощи» верховного командования в пределах его компетенции.

⁵³ «Souvenirs de guerre».

ным, какую огромную властью считало необходимым обладать немецкое командование для выигрыша мировой войны.

Я нарисовал общую картину Ставки, ко времени вступления моего в должность начальника штаба. Учтя всю создавшуюся обстановку, я поставил себе главными целями: для сохранения в русской армии способности хотя бы к удержанию восточного фронта мировой борьбы, препятствовать всемерно разрушающим ее течениям, и поддержать права, власть и авторитет Верховного главнокомандующего.

Предстояла лояльная борьба. В этой борьбе, продолжавшейся всего два месяца, вместе со мною приняли участие почти все отделы Ставки.

Глава IX. Мелочи жизни в Ставке

Я приведу несколько мелких, но характерных штрихов из жизни и быта Ставки, чтобы более к ним не возвращаться.

Губернский город Могилев – небольшой, тихий, наполовину еврейский – стал сосредоточием военной жизни страны. И в Ставке, и в обществе с первых же дней полушутя, полусерьезно говорили о провиденциальном наименовании города: Могилев – могила... Императорский двор, поместившийся в небольшом губернаторском доме, был обставлен чрезвычайно скромно, и присутствие его выдавали разве только усиленная охрана и паспортные затруднения. Со времени вступления на пост Верховного – генерала Алексеева, эта патриархальная простота достигла еще больших размеров: всякий церемониал отменен, наружная тайная охрана была снята; у входа в губернаторский дом стояли парные часовые, в вестибюле – дежурный жандарм и далее... зачастую до самой спальни Верховного Главнокомандующего можно было пройти, не встретив ни одной живой души.

Вообще, в связи с общим тревожным положением, солдатскими бунтами в Орше, Брянске и на ближайших железнодорожных станциях, беспорядками в проходивших через Могилев эшелонах и аграрными волнениями в уездах, – положение Ставки было по меньшей мере оригинальным. В Могилеве не было решительно никакой вооруженной силы

для защиты Ставки. Единственная строевая часть – Георгиевский батальон, в силу своего особенного прошлого^[54], старался подчеркнуть свою «революционность» будированием, иногда неповиновением. Генерал Алексеев имел возможность вызвать в Ставку какую-либо сохранившуюся часть, но не хотел этого делать, ввиду подозрительности Петрограда. Все прочие команды, главным образом технические, были недисциплинированы, распущены и представляли прямые очаги брожения.

В Могилеве еще до моего приезда образовались два комитета: солдатский комитет Могилевского гарнизона из представителей мелких частей, не причисленных к Ставке, и всякого рода дезертиров, и солдатско-офицерский комитет Ставки. Первый, к которому потом примкнули самозванные рабочие и крестьянские представители, при главном участии еврея-дезертира, именовавшего себя прапорщиком Гольманом, терроризовал губернские, уездные власти и городское самоуправление, которое покорно подчинялось его нелепым демагогическим требованиям, предоставляя даже в его распоряжение городские суммы. Губернский комиссар и прокурор не решались противодействовать комитету. Ставка выслала Гольмана, но скоро он вернулся с мандатом Петроградского Совета и при молчаливом одобрении министерства внутренних дел продолжал свою деятельность – сравнительно скромно при нас, с большой наглостью при оказывав-

⁵⁴ Участие в карательном отряде ген. Иванова.

шем ему всякие знаки внимания Брусилове, пока наконец, перед корниловским выступлением, не был посажен в тюрьму.

Солдатский комитет Ставки возник вскоре после переворота, и с согласия Алексеева к нему примкнули офицеры, чтобы своим участием дать надлежащий тон, и сдерживать в определенных рамках солдатские настроения. Вначале это как будто удавалось. И стоявшие во главе комитета полковники Значко-Яворский и Сергиевский, с которыми я беседовал еще по пути в Ставку, были полны иллюзий о возможности «плодотворной работы комитета». Скоро надежды рухнули, оба полковника вышли из состава президиума, а комитет стал трибуной для агитации против начальства, вмешиваясь в вопросы местных ставочных назначений, службы, быта, вынося и публикуя свои постановления – подчас вызывающие, оскорбительные, деморализующие. Даже прислуга офицерского собрания Ставки, поддержанная комитетом, сместила эконома и ввела некоторые ограничения во времени, распорядке и меню без того неважного офицерского стола. Правда, разгон части будирующей прислуги, вызвавший протесты и осложнения, несколько исправил дело.

Это солдатское засилие не встречало сколько-нибудь сильного противодействия. Комитет вынес, например, постановление, чтобы шоферы не смели возить начальствующих лиц на прогулку, а возили только по службе. Алексей говорит мне как-то:

– Хорошо бы поехать за город, отдохнуть, погулять в лесу – там есть чудная аллея. Да противно с этими господами...

Он мог, конечно, ехать куда угодно, но ему действительно было противно, и Верховный Главнокомандующий лишил себя столь заслуженного и столь необходимого отдыха, под влиянием комитетского постановления.

Комитет постановил: удалить с должности коменданта главной квартиры генерала С. Я категорически отказал, и комитет решил применить в отношении его вооруженную силу. Ген. Алексеев, узнав об этом, пришел в негодование, в каком мне редко приходилось его видеть.

– Пусть попробуют. Я сам пойду туда. Возьму взвод полевых жандармов и перестреляю этих...

Произвести испытание верности полевой жандармерии не пришлось. С. сам умолял не оставлять его в должности и отпустить: «Бог знает, чем это все кончится»...

К сожалению, в комитетской практике были, хотя и редко, случаи, когда офицеры Ставки не оказывались на высоте своего положения, и постановления комитета, недопустимые юридически, были по существу правильны. Это обстоятельство осложняло мою позицию: кара виновных истолковывалась не как признание факта преступления, а как признание авторитета комитета.

Непротивление было всеобщее. Тяжело было видеть офицерские делегации Ставки, во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших

1-ое мая, – в колонне, среди которой реяли и большевистские знамена, и из которой временами раздавались звуки интернационала... Зачем? Во спасение Родины или живота своего?

Не лучше обстояло дело сношений с центром. На целый ряд обращений – министерства, особенно внутренних дел и юстиции, не давали вовсе ответа. Военное министерство оказало такое, например, удивительное невнимание: я трижды просил об установлении содержания Верховному главнокомандующему, так как в законе оно определялось лишь формулой «по особому Высочайшему повелению».

Так и не ответили; и генералу Алексееву мы выдавали содержание по прежней должности – начальника штаба, до самого его ухода... И только через два месяца после ухода, уже в конце июля, правительство соблаговолило назначить ему содержание в размере... 17 тысяч рублей в год.

Быть может, все это многим покажется неинтересным, все это мелочи... Но мне необходимо было коснуться этих мелочей, чтобы выяснить, какая тягостная, пошлая, принижающая атмосфера царила в повседневной жизни Ставки – этого центра мозга, воли и работы великой армии.

В более или менее одинаковом со Ставкой положении были штабы фронтов и армий.

Я ни на одну минуту не верил в чудодейственную силу солдатских коллективов, и потому принял систему полного их игнорирования. Думаю, что это было правильно, ибо оба

могилевские комитета начали понемногу хиреть и терять интерес в среде, вызвавшей их к жизни.

Так шли дни за днями.

К часу мы с Михаилом Васильевичем ходили в собрание завтракать, к 7-ми обедать. В собрании вечная толчея. Благодаря гучковским проскрипционным спискам, деятельности комитетов и «голосу народа», в Ставку хлынула масса генералов – уволенных, смещенных, получивших «недоверие». Много таких, которые при старом режиме были отставлены или оставались в тени, и теперь надеялись пробить себе дорогу. У всех наболело в душе, все требовали исключительного внимания к своим переживаниям – быть может заслуженного – но безбожно отнимавшего время у Верховного и у меня, и парализовавшего нашу работу.

Петроградский совет получал, очевидно, сведения об этом «контрреволюционном съезде», и волновался. Мне было и смешно, и грустно: в том огромном калейдоскопе «бывших», который прошел тогда перед моими глазами, я видел самые разнородные чувства и желания, но очень мало стремления к действенному протесту и борьбе.

Приезжало много прожектёров с планами спасения России. Был у меня, между прочим, и нынешний большевистский «главком», тогда генерал, Павел Сытин. Предложил для укрепления фронта такую меру: объявить, что земля – помещичья, государственная, церковная – отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, ко-

торые сражаются на фронте.

– Я обратился – говорил Сытин – со своим проектом к Каледину, но он за голову схватился: «что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!..»

Уехал Сытин без земли и без... дивизии. Легко примирился впоследствии с большевистской теорией коммунистического землепользования.

Начало съезжаться также множество рядового офицерства, изгоняемого товарищами-солдатами из частей. Они приносили с собой подлинное горе, беспросветную и жуткую картину страданий, на которые народ обрек своих детей, безумно расточая кровь и распыляя силы тех, кто охранял его благополучие.

Глава X. Генерал Марков

Обязанности генерал-квартирмейстера Ставки были настолько разносторонни и сложны, что пришлось создать, по примеру иностранных армий, должность второго генерал-квартирмейстера, выделив первому лишь ту область, которая непосредственно касалась ведения операций.

На новую должность я пригласил генерала С. Л. Маркова, который связал свою судьбу неразрывно с моею до самой своей славной смерти во главе добровольческой дивизии; дивизия эта с честью носила потом его имя, ставшее в Добровольческой армии легендарным.

Война застала его преподавателем академии генерального штаба; на войну он пошел в составе штаба генерала Алексева, потом был в 19-ой дивизии, и наконец, попал ко мне, в декабре 1914-го года, в качестве начальника штаба 4-ой стрелковой бригады, которой я тогда командовал.

Приехал он к нам тогда в бригаду, никому не известный и неожиданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может, и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи», очевидно, не подойдет

– «профессор»^[55]...

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло несколько очередей шрапнели.

Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков – веселый, задорно смеющийся.

– Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...

С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье «железной» дивизии.

Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой^[56], увлекающийся, общительный, обладавший даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде – офицерской, солдатской, к толпе – иногда далеко не расположенной – и внушать им свой воинский символ веры – прямой, ясный и неоспоримый. Он прекрасно разбирался в боевой обстановке, и облегчал мне очень работу.

У Маркова была одна особенность – прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточно знания, энергии или мужества. Отсюда – двойственность отно-

⁵⁵ Так мы часто потом звали его дружески – шутливо.

⁵⁶ Убит в бою летом 1918 г. – 39 лет от роду.

шений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно (в бригаде) или даже нетерпимо (в ростовский период Добровольческой армии). Но стоило Маркову уйти в строй, и отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова – штабного офицера; но свой Марков – в обычной короткой меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника – мог быть сколько угодно резок, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойными признания своего начальника.

Вспоминаю тяжелое для бригады время – февраль 1915 г. в Карпатах^[57].… Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующими высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении нас на этих позициях, но… соседняя 14 пехотная дивизия доносит в высший штаб: «кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови».… И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб

⁵⁷ Позиция у горы Одриль.

переносу на позицию – в деревню Творильню.

Приезжает, потратив одиннадцать часов на дорогу по непролазной грязи и горным тропам, граф Келлер – начальник нашего отряда. Отдохнул у нас.

– Ну теперь поедем осмотреть позицию.

Мы засмеялись.

– Как «поедем»? Пожалуйте на крыльцо, если только неприятельские пулеметы позволят...

Келлер уехал с твердым намерением убрать бригаду из западни.

Бригада тает. А в тылу – один плохенький мостик через Сан. Все в руках судьбы: вздуется бурный Сан или нет. Если вздуется – снесет мост, и нет выхода.

В такую трудную минуту тяжело ранен ружейной пулей командир 13 стрелкового полка, полковник Гамбурцев, входя на крыльцо штабного дома. Все штаб-офицеры выбиты, некому заменить. Я хожу мрачный из угла в угол маленькой хаты. Поднялся Марков.

– Ваше Превосходительство, дайте мне 13-й полк.

– Голубчик, пожалуйста, очень рад!

У меня самого мелькала эта мысль. Но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. Заслужил уже и георгиевский крест, и георгиевское оружие, а Ставка 9 месяцев не утверждала его в должности – не подошла мертвая линия стар-

шинства.

Помню дни тяжкого отступления из Галиции, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется через Стырь, у которого столпилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев.

Он не жил, а горел в сплошном порыве.

Однажды я потерял совсем надежду увидеться с ним... В начале сентября 1915 г., во время славной для дивизии первой Луцкой операции, между Ольшой и Клеванью, левая колонна, которую командовал Марков, прорвала фронт австрийцев и исчезла. Австрийцы замкнули линию. Целый день не было никаких известий. Наступил вечер. Встревоженный участью 13-го полка, я выехал к высокому обрыву, наблюдая цепи противника и безмолвную даль. Вдруг издалека, из густого леса, в глубоком тылу австрийцев, раздались бравурные звуки полкового марша 13-го стрелкового полка. Отлегло от сердца.

– В такую кашу попал – говорил потом Марков, – что сам чёрт не разберет – где мои стрелки, где австрийцы; а тут еще ночь подходит. Решил подбодрить и собрать стрелков музыкой.

Колонна его разбила тогда противника, взяла тысячи две

пленных и орудие, и гнала австрийцев, в беспорядке бегущих к Луцку.

Человек порыва, он в своем настроении иногда переходил из одной крайности в другую. Но когда обстановка слагалась действительно отчаянно, он немедленно овладевал собою. В октябре 1915 г., 4-ая стрелковая дивизия вела известную свою Чарторийскую операцию, прорвав фронт противника на протяжении 18 верст, и на 20 с лишним верст вглубь. Брусилов, не имевший резервов, не решался снять войска с другого фронта, чтобы использовать этот прорыв. Время шло. Немцы бросили против меня свои резервы со всех сторон. Приходилось тяжело. Марков, бывший в авангарде, докладывает по телефону:

– Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны света. Так трудно, что даже весело стало.

Только один раз я видел его совершенно подавленным, когда весной 1915 г. под Перемышлем он выводил из боя остатки своих рот, весь залитый кровью, хлынувшей из тела стоявшего рядом командира 14-го полка, которому осколком снаряда оторвало голову.

Никогда не берег себя. В сентябре 1915 г. дивизия вела бой в Ковельском направлении. Правее работала наша конница, подвигавшаяся нерешительно, и сбивавшая всех нас с толку маловероятными сведениями о появлении значительных сил противника против ее фронта на нашем берегу Стыри. Маркову надоела эта неопределенность. Получаю доне-

сение:

«Съездил вдвоем с ординарцем попоить лошадей в Стыри; вплоть до Стыри нет никого – ни нашей конницы, ни противника.»

Представил его за ряд боев в чин генерала – не пропустили: «молодой». Какой большой порок молодость!

Весною 1916 г. дивизия лихорадочно готовилась к Луцкому прорыву. Сергей Леонидович не скрывал своего заветного желания:

– Одно из двух: деревянный крест или Георгий 3 степени.

Но Ставка после многократных отказов заставила его принять «повышение» – повторную должность начальника штаба дивизии^[58].

Я простился с Марковым следующими словами приказа:

«В тяжелые дни Творильни полковник Марков принял 13-й стрелковый полк.

С тех пор, сроднившись с ним, в течение более года с высокой доблестью, самоотверженно и славно провел его через Журавин, Зубовецкий лес, Мыслятычи, по крестному пути отхода армий, через Дюксин, Олешву,

⁵⁸ Эта общая мера вызвана была огромным недостатком офицеров генерально-го штаба, ввиду прекращения нормальной деятельности академии. Полковников и генералов перед получением дивизии заставляли нести повторно, на особых основаниях, должность начальника дивизионного штаба.

Новоселки, Должицу и Будки.

Нам всем и памятно, и дороги эти имена. С чувством искреннего сожаления расставаясь со своим сотрудником (по штабу), соратником и другом, желаю ему на новом фронте признания, счастья и удачи».

Пробыв несколько месяцев на Кавказском фронте, где Марков томился от безделья, и затем лектором в открывшейся тогда Академии, он вновь вернулся в армию, и революция застала его в должности генерала для поручений при командующем 10-ой армией.

* * *

Интересны отрывочные заметки, сделанные им в это время в дневнике.

В них отражаются те внутренние переживания, и то постепенное изменение настроения, которые во многом переживало одинаково с ним русское офицерство.

1 Марта. «Был у Горбатовского^[59]. Говорили о событиях в Питере. Дай Бог успеха тем, кто действительно любит Россию. Любопытна миссия

⁵⁹ Командующий 10-ой армией.

Иванова^[60]...

3, 4 Марта. «Все отодвинулось на второй план, даже война замерла. Телеграмма за телеграммой рисуют ход событий. Сначала все передавалось под сурдинку, затем громче и громче. Эверт^[61] проявил свою обычную нерешительность, задержав ответ Родзянке. Мое настроение выжидательное, я боюсь за армию, меня злит заигрывание с солдатами, ведь это разврат, и в этом поражение. Будущее трудно угадать, оно трезво может разрешиться (если лишь) когда умолкнут страсти. Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-монархический строй, и пока не представляю себе Россию республикой».

5 Марта. «Написал статью для „Армейского вестника“, и ее приняли как приказ по армии. Все думы, разговоры и интересы свелись к современным событиям. Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере; все мирно, хорошо...

6 Марта... «Все ходят с одной лишь думой – что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой – хватит ли сил достигнуть противоположного берега.

7, 9 Марта. «Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи. Уже в № 8 от 7-го марта „Известий Петроградского Совета рабочих

⁶⁰ Карательный отряд генерала Иванова, направленный на Петроград.

⁶¹ Главнокомандующий Западным фронтом.

и солдатских депутатов“ появились постановления за немедленное окончание войны. Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию.»

10 Марта... «Получено приказание выехать в Минск для поездки в Брянск. Мое первое выступление перед толпой.»

11 Марта. «В Брянске волнуется гарнизон, требуют от меня привести его в порядок»...

12 Марта. «Еду вместе с Большаковым, он член петербургского совета р. и. с. депутатов.»

В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков многократно выступал в многочисленном совете военных депутатов, и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений, ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины, и освобождении 20 арестованных. Однако после полуночи, несколько вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекрычать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза:

– ...Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!..

– Я служил в 13-м полку – отозвался какой-то солдат из

толпы.

– Ты?..

Марков с силою оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели.

– Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка...

Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск.

Возвращаюсь к дневнику.

18 Марта... «Приняли все радушно^[62], я, оказывается, уже избран почти единогласно в наш офицерский комитет»...

19 Марта... «организуем офицерско-солдатский комитет штаба X-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание совета, в который я попал в числе шести единогласно»...

Далее говорится о непрерывной работе во всяких советах и комитетах.

24 Марта. «...Приезд полковника Кабалова, которому, вместе с князем Крапоткиным, было

⁶² По возвращении в свой штаб.

выражено недоверие 133 дивизией... Возвращение членов Думы с позиций к нам. Отказ двух эшелонов 445-го полка ехать на позицию: „воевать хотим, а на позицию не желаем, дайте отдых месяц, два“. До двух часов ночи уговаривал и разговаривал»...

26 Марта. «События во 2-ом Кавказском корпусе, отказ 2-ой кавказской гренадерской дивизии стать на позицию, смещение Мехмандарова, начальника дивизии, и его наштадива»^[63].

30 Марта. «Спокойное, плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи. В перерыве, до обеда, я собрал лишь председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-ой кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии».

31 Марта. «Вместо Минска, куда меня приглашали на митинг в качестве оратора, поехал по приказанию Командарма во 2-ой кавказский корпус. Видел Бенескула, принявшего управление корпусом из рук прапорщика Ремнева^[64]. Затем отправился в Залесье, где был собран корпусный комитет 2 кавк. к-са... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-ой кавк. грен. дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу...»

⁶³ Начальник штаба дивизии.

⁶⁴ Известный демагог прапорщик Ремнев с толпой солдат арестовал и сместил командира корпуса ген. Мехмандарова и вручил командование ген. Бенескулу. Марков очень горячо обрушился по этому поводу на ген. Бенескула.

2 Апреля. «Утром узнал о самоубийстве ген. Бенескула. Днем Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го кавк. корпуса обвиняют меня в этом, и что они решили написать три письма одинакового содержания ген. Мехмандарову, мне и г-же Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что и я виновен. Не надо мне было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел, и заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты, с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил, как честный солдат и генерал, и мой уход – сплошная овация всего собрания. И все же, это великий урок на будущее».

3 Апреля. «Продолжаю чувствовать физическую слабость и моральную подавленность»...

10 Апреля. «Утром подал заявления в оба комитета о своем отказе. Устал я, да вероятно, скоро получу наконец назначение».

13 Апреля. «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой. Мало говорить – война до победы, но надо и хотеть этого»...

Как знакомы русскому офицерству эти переходы от радостного настроения до подавленного, от надежды до отчаяния, от лихорадочной работы в комитетах, советах, съездах до сознания, что они «погубят армию и Россию». Сколько драм, подобных смерти Бенескула, разыгралось на темном фоне великой русской драмы...

Маркова захватила волна нараставших событий, и он ушел с головой в борьбу, не думая о себе и семье, то веря, то отчаиваясь, любя Родину, жалея армию, которая в его сердце и мысли никогда не переставала занимать большое место.

Не раз еще на протяжении своих очерков я буду останавливаться на личности Сергея Леонидовича Маркова.

Но я не мог отказать себе в душевной потребности теперь же вплести еще несколько скромных листков в его венок.

Венок, который в июле 1918 г. два верных друга положили на его могилу.

И написали: «И жизнь, и смерть за счастье Родины».

Глава XI. Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов

То исключительное положение, в котором оказалась русская держава – мировой войны и революции – повелительно требовало установления в ней сильной власти.

Государственная Дума, которая, как я уже говорил, пользовалась несомненным авторитетом в стране, после долгих и горячих обсуждений, от возглавления собою революционной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшим указом 27 февраля, она сохранила лояльность и «не пыталась открыть формальное заседание», исходя из взгляда на себя, как на «законодательное учреждение старого порядка, координированное основными законами с остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на слом»^[65]. Последующие акты исходили уже от «частного совещания членов Государственной Думы». Это же частное заседание избрало Временный Комитет Государственной Думы, осуществлявший первые дни верховную власть. При комитете существовала еще военная комиссия комитета Государ-

⁶⁵ Миллюков. История второй русской революции.

ственной Думы, возглавляемая генералом Потаповым^[66]. Она пыталась оказать влияние на управление армией, но встретила решительный отпор со стороны Ставки. Сам генерал Потапов так претенциозно определял ее значение: «я состоял председателем военной комиссии, в которой, с арестом членов царского правительства, сосредоточивалась вся власть в стране... Я настаивал на скорейшем принятии отменя всех функций образовавшимся Временным правительством». Это оригинальное самодовлеющее учреждение, находившееся в оживленной связи с Советом раб. и солд. деп., «являясь посредником между совдепом, комитетом и правительством», существовало, однако, до 17 мая, когда на запрос Родзянко, военный министр Керенский уведомил его, что «военная комиссия блестяще исполнила все поручения и задачи в первые два месяца после переворота», но что «в продолжении деятельности комиссии надобности нет».

С передачей власти Временному правительству, Госуд. Дума и Комитет ушли в сторону, но не прекращали своего существования, пытаясь давать моральное обоснование и поддержку первым трем составам правительства. Но если 2 мая во время первого правительственного кризиса комитет боролся еще за право назначать членов правительства, то позднее он ограничивался уже только требованием участия в составлении правительства. Так, 7 июля, комитет Гос. Думы

⁶⁶ Впоследствии жил в Японии, противодействовал адмиралу Колчаку. В 1921 г. поступил на службу к советскому правительству.

протестовал против устранения своего от участия в образовании Керенским нового состава Временного правительства, считая это явление «юридически недопустимым и политически пагубным». Между тем, Гос. Дума имела неотъемлемое право на участие в руководстве жизнью страны, ибо даже в лагере ее противников признавалась огромная услуга, оказанная революции Думой, «покорившей ей сразу весь фронт и все офицерство»^[67]. Несомненно, революция, возглавленная Советом, встретила бы кровавое противодействие, и была бы раздавлена. И может быть, дав тогда победу либеральной демократии, привела бы страну к нормальному эволюционному развитию? Кто знает тайны бытия!

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своим вначале добровольным, потом вынужденным бездействием, начали проявлять некоторый абсантеизм, с которым пришлось бороться председателю. Тем не менее, и Дума и Комитет горячо отзывались на все выдающиеся события русской жизни, выносили постановления осуждающие, предостерегающие, взывающие к разуму, сердцу и патриотизму народа, армии и правительства. Но Дума была отмечена уже революционной стихией. Ее обращения, полные ясного сознания грядущей опасности и несомненно государственные, не пользовались уже никаким влиянием в стране, и игнорировались правительством. Впрочем, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума, вызывала опасения в среде революционной демократии,

⁶⁷ Станкевич. Воспоминания.

и советы вели яростный поход за упразднение Гос. Думы и Гос. Совета. В августе декларативная деятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенский, по требованию Совета, распустил Гос. Думу⁶⁸, это известие не произвело уже в стране сколько-нибудь заметного впечатления.

Потом долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собрания Дум всех созывов, как опоры власти, гальванизировал М. В. Родзянко, пронеся ее через Кубанские походы и «Екатеринодарский добровольческий» период антибольшевистской борьбы...

Но Дума умерла.

Трудно сказать, был ли неизбежным отказ от власти Гос. Думы в мартовские дни, вызывался ли он реальным соотношением сил, боровшихся за власть, могла ли «цензовая» Дума удержать социалистические элементы, в нее входившие, и сохранить то влияние в стране, которое она приобрела в результате борьбы с самодержавием?.. Одно несомненно, что в годы русского безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во все периоды и все правительства чувствовали потребность в каком-либо суррогате его, хотя бы для создания себе трибуны, для выхода накопившимся настроениям, для опоры и разделения нравственной ответственности. Таковы «Временный совет Российской республики» – в Петрограде (октябрь 1917 г.), инициатива которого исходила, впрочем, от революционной

⁶⁸ Законный 5-тилетний срок оканчивался 25 октября.

демократии, видевшей в нем противовес предположенному большевиками второму съезду советов; осколок учредительного собрания 1917 г. – на Волге (лето 1918 г.); подготовлявшийся созыв Высшего совета и Земского собора – на юге России и в Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявление коллективной диктатуры, каким является «совет народных комиссаров», дойдя до небывалого еще в истории деспотизма и подавления общественности и всех живых сил страны, обратив ее в кладбище, все же считает необходимым создать театральный декорум такого представительства, периодически собирая «всероссийский съезд советов».

Власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия. Эта власть, как говорил Миллюков, не имела привычного для масс «символа». Власть подчинилась давлению Совета, систематически искажавшего и подчинявшего все государственные начинания классовым и партийным интересам.

В составе ее находился и «заложник демократии» – Керенский, который так определял свою роль: «я являюсь представителем демократии, и Временное правительство должно смотреть на меня, как на выразителя требований демократии, и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать»^[69]... Наконец, что едва ли не самое главное, в состав правительства входили элементы русской передовой интеллигенции, разделявшие всецело ее хо-

⁶⁹ Речь в Совете.

рошие и дурные свойства и, в том числе, полное отсутствие волевых импульсов – той безграничной в своем дерзании, жестокой в устранении противодействий и настойчивой в достижении силы, которая дает победу в борьбе за самосохранение – классу, сословию, нации. Все четыре года смуты для русской интеллигенции и буржуазии прошли под знаком бессилия, непротivления и потери всех позиций, мало того – физического истребления и вымирания. По-видимому, только на двух крайних флангах общественного строя была настоящая сильная воля; к сожалению, воля к разрушению, а не к созиданию. Один фланг дал уже Ленина, Бронштейна, Апфельбаума, Урицкого, Дзержинского, Петерса... Другой, разбитый в февральские дни, быть может, не сказал еще последнего слова...

Русская революция, в своем зарождении и начале, была явлением без сомнения национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но когда пришло время нового строительства, столкнулись две силы, вступившие в борьбу, две силы, возглавлявшие различные течения общественной мысли, различное мировоззрение. По установившейся терминологии – это была борьба буржуазии с демократией, хотя правильнее было бы назвать борьбой буржуазной демократии с социалистической. Обе стороны черпали свои руководящие силы из одного источника – немногочисленной русской интеллигенции, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными

особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки, инертный ранее народ, в частности армия, обратились «в стихию расплавленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм»^[70]. Не соглашаться с этим взаимодействием, значит, по толстовскому учению, отрицать всякое влияние вождей на жизнь народов – теория, в корне опровергнутая большевизмом, покоровшим надолго чуждую ему и враждебную народную стихию.

В результате борьбы, с первых же недель правления новой власти, обнаружилось то явление, которое позднее, в середине июля, комитет Гос. Думы, в своем обращении к правительству, охарактеризовал следующими словами: «захват безответственными организациями прав государственной власти, создание ими двоевластия в центре и безвластия в стране».

⁷⁰ Слова Керенского.

Власть Совета была также весьма условна.

Невзирая на ряд кризисов правительства, на возможность взять при этом власть в свои руки безраздельно и безотказно^[71], революционная демократия, представленная Советом, категорически уклонилась от этой роли, прекрасно сознавая, что в ней недостаточно ни силы, ни знания, ни умения вести страну, ни надлежащей в ней опоры.

Устами одного из своих вождей – Церетелли, она говорила: «не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач,.. Мы поняли, что совершается буржуазная революция... И не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы... не захотели взять на себя ответственность за крушение движения, если бы в отчаянной попытке решились навязать событиям свою волю в данный момент. Они предпочитали путем постоянного организованного давления заставлять правительство исполнять их требования» (Нахамкес).

Член исполнительного комитета Станкевич в своих «Воспоминаниях», отражающих неисправимую идеологию сбившегося с пути социалиста, дошедшего ныне до оправдания

⁷¹ Я говорю только о несопротивлении этому со стороны Временного правительства.

большевизма, но вместе с тем производящих впечатление искренности, дает такую характеристику Совету: «Совет – это собрание полуграмотных солдат – оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие»... Две тысячи тыловых солдат, и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое «представительство» России.

Мало-помалу в кругах интеллигенции, демократической буржуазии, в офицерской среде накалилась глухая и бессильная злоба против Совета; на нем сосредоточивался весь одиум, его поносили в этих кругах самыми грубыми, унижительными словами. Эту ненависть против Совета, проявлявшуюся зачастую открыто, революционная демократия совершенно неправильно относилась к самой идее демократического представительства.

С течением времени приоритет Петроградского совета, приписывавшего выдвинувшей его среде исключительную заслугу свержения старой власти, стал заметно падать. Огромная сеть комитетов, советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственной работе. В ре-

зультате, в апреле состоялся съезд делегатов советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет реорганизован на началах более равномерного представительства, а в июне открылся Всероссийский съезд представителей советов рабочих и солдатских депутатов. Интересен состав этого, уже более полного, демократического представительства.

Соц.-революционеров – 285
Соц.-дем. меньшевиков – 248
Соц.-дем. большевиков – 105
Интернационалистов – 32
Внефракц. социалистов – 73
Объединен. соц.-демократов – 10
Бундовцев – 10
Группы «Единства» – 3
Народн. социалистов – 3
Трудовиков – 5
Анархо-коммунистов – 1

Таким образом, подавляющие массы не социалистической России не были представлены ни одним человеком. Даже те, чуждые политике или принадлежавшие к более правым группировкам элементы, которые прошли от советов и армейских комитетов под рубрикой «внепартийных», по побуждениям далеко не государственным, поспешили нацепить на себя социалистический ярлык, и растворились в партийном составе. Чисто социалистическими были и все со-

ставы исполнительного комитета совета. При этих условиях невозможно было рассчитывать на самоограничение революционной демократии, и надеяться на удержание народного движения в рамках буржуазной революции. Фактически, у полусгнившего кормила власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков, с явным преобладанием вначале первых, потом последних. В сущности, этот узко-партийный блок, тяготевший над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции.

Состав Совета был крайне разнороден: интеллигенты, мелкая буржуазия, рабочие, солдаты, много дезертиров... По существу, Совет и съезды, в особенности первый, представляли из себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную в политическом отношении: центр тяжести всей работы руководства и влияния перешел поэтому в исполнительные комитеты, представленные почти исключительно социалистическим интеллигентским элементом. Самую уничтожающую критику Исполнительного комитета совета вынес из недр самого учреждения член его, В. Б. Станкевич: хаотичность заседаний, политическая дезорганизованность, неопределенность, торопливость и случайность в решении вопросов, полное отсутствие административного опыта, и наконец демагогия членов комитета: один призывает в «Известиях» к анархии, другой рассылает разрешительные грамоты на экспроприацию помещичьих земель, третий

разъясняет пришедшей военной делегации, пожаловавшейся на военное начальство, что необходимо его сместить, арестовать и т. д.

«Поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента, — пишет Станкевич. — Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране».

Я приведу список первого президиума Всерос. центр. комит. советов р. и с. д. :

Чхеидзе — грузин

Саакян — армянин

Крушинский — поляк

Никольский — если не псевдоним, то вероятно русский

Гендельман, Гурвич (Дан), Гольдман (Либер), Розенфельд (Каменев), Гоц — евреи

Это исключительное преобладание инородческого элемента, чуждого русской национальной идее, не могло, конечно, не повлиять в свою очередь на все направление деятельности Совета в духе, губительном для русской государствен-

ности.

Правительство с первых же шагов своих попало в плен к Совету, которого значение, влияние и силу оно переоценивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению и борьбе. Правительство не надеялось на успех этой борьбы, так как, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такие пленительные для взбаламученного народного моря лозунги, какие выходили из Совета. Правительство говорило больше об обязанностях, Совет – о правах. Первое «запрещало», второй «позволял». Правительство было связано со старой властью преемственностью всей государственной идеологии, организации, даже внешних приемов управления, тогда как Совет, рожденный из бунта и подполья, являлся прямым отрицанием всего старого строя.

Если до сих пор еще среди небольшой части умеренной демократии сохранилось убеждение в «сдерживающей народную стихию» роли Совета, то это результат прямого недоумения.

Совет, в действительности, не прямо разрушал русскую государственность – он ее расшатывал, и расшатал до крушения армии и прития большевизма.

Отсюда двойственность и неискренность направления его деятельности.

Не желая и не имея возможности принять власть, Совет, вместе с тем, не допускал укрепления этой власти в руках

правительства. Наряду с призывом революционной демократии «оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции, и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений», недоверием и прямой угрозой звучит дальнейший призыв: «организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов р. и с. д., быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств». (Резолюция первого съезда 4 апр. 17 г.).

Но помимо декларативных выступлений, в повседневной жизни Совета и Исполнительного комитета все речи, все разговоры, разъяснения, выступления – устные, печатные – пленума, отдельных групп, отдельных лиц, рассылаемых по стране и фронту – клонились к разрушению авторитета правительства. «Не нарочно, но постоянно, – говорит Станкевич, – комитет наносил смертельные удары правительству».

Сознательно разрушая дисциплину в армии приказом № 1, декларацией прав солдата и постоянным воздействием на военное законодательство и войсковые организации, унизив и обезличив командный состав, Совет одновременно возвещал, что «армия сильна лишь союзом солдат и офицерства», что «командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и бо-

ево́й подгото́вки».

Любопытно, кто же направлял военное законодательство по пути демократизации, ломая все устои армии, вдохновляя Поливановскую комиссию, связывая по рукам двух военных министров? Состав лиц, выбранных в начале апреля от солдатской части Совета в исполнительный комитет, определяется так^[72]:

Солдат – 1

Офицеров – 2

Чиновников военного времени – 2

Юнкеров и писарей – 9

Тылов. и частей нестроевых – 5

Характеристику же их предоставлю Станкевичу: «вначале попали истерические, крикливые и неуравновешенные натуры, которые в результате ничего не давали комитету»... Потом вошли новые с «Завадьей и Бинасиком во главе. Последние добросовестно, насколько в силах, старались справиться с морем военных дел. Но оба были, кажется, мирными писарями в запасных батальонах, никогда не интересовавшимися ни войной, ни армией, ни политическим переворотом»...

Наиболее ярко двойственность и неискренность Совета выражались в вопросе о войне. Левые интеллигентские

⁷² Ранее состояло в комитете три офицера военного времени и несколько солдат.

круги и революционная демократия в большей части своей исповедывали идеи Циммервальда и интернационализма. Естественно поэтому, что первое слово, с которым Совет обратился «к народам всего мира» (14 марта 1917 года), было: – Мир!

Но мировые проблемы, бесконечно сложные в сплетении национальных, политических, экономических интересов народов, расходящихся в понимании предвечной мировой правды, не могли быть разрешены таким элементарным путем. Бетман-Гольвег ответил презрительным молчанием. Рейхстаг 17 марта 1917 года большинством всех голосов, против голосов обеих социал-демократических фракций, отклонил предложение о заключении мира без аннексий. Немецкая демократия устами Носке сказала: «нам из-за границы предлагают устроить революцию; если мы последуем этому совету, то рабочие классы постигнет несчастье»; в стане союзников и среди союзной демократии советский манифест вызвал лишь недоумение, тревогу и неудовольствие, особенно ярко выраженные в речах прибывших в Россию Тома, Гендерсона, Вандервельде и даже нынешнего французского большевика Кашэна.

В дальнейшем к слову «мир» Совет прибавил новое определение «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Теоретичность этой формулы немедленно же столкнулась с реальным вопросом об оккупированной немцами западной и южной России, о Польше, о разо-

ренных немцами странах – Румынии, Бельгии и Сербии, об Эльзас-Лотарингии и Познани, наконец о том рабстве, экспроприациях и принудительном труде для войны, которым были подвергнуты немцами все страны, подпавшие под их власть. Ибо, согласно программе немецких социал-демократов, опубликованной наконец в Стокгольме, – для французов в Эльзасе и Лотарингии, поляков в Познани и датчан в Шлезвиге предназначалась только культурно-национальная автономия, под скипетром германского императора.

В то же время, всемерно поощрялась идея самостоятельности Финляндии, русской Польши, Ирландии. Требование возвращения немецких колоний находилось в каком-то трогательном единении с обещаниями самостоятельности Индии, Сиаму, Корее...

Chanteclair не вызвал солнца. Протянутая рука стыдливо повисла в воздухе. Совет вынужден был признать, что «нужно время, чтобы народы всех стран восстали и железною рукою принудили своих царей и капиталистов к миру»... А пока «товарищи-солдаты, поклявшись защищать русскую свободу», не должны «отказываться от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка»... В среде революционной демократии наступила растерянность, ярко выраженная в словах Чхеидзе: «мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолжению войны, к стоянию на фронте!»^[73].

⁷³ Станкевич. «Воспоминания».

Но слова «война» и «наступление» были все-таки произнесены. Они разделили советских социалистов на два лагеря – «оборонцев» и «пораженцев». Теоретически, к первым принадлежали только правые группы соц. революционеров, народные социалисты, «Единство» и трудовики. Прочие социалисты исповедовали немедленную ликвидацию войны, и углубление революции путем внутренней классовой борьбы. Практически же, при голосовании вопроса о войне, к оборонцам присоединялась большая часть соц. рев. и соц. дем. меньшевиков. Но выносимые формулы носили на себе печать этой двойственности – ни мира, ни войны. Церетелли призывал «пробудить движение против войны во всех странах, как союзных, так и враждебных». Съезд делегатов советов р. и с. депутатов в конце марта, вынес не совсем определенное постановление, в котором, после требования отказа от «аннексий и контрибуций», предъявленного всем воюющим державам, указывалось все же, что «пока война продолжается, крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям, было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны». В начале июня второй съезд вынес новую резолюцию, которая наряду с определенным заявлением, что «вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто военных и стратегических соображений», вместе с тем, внушала явно пораженческую идею: «окончание войны путем разгрома одной из групп воюю-

щих сторон послужило бы источником новых войн, еще более усилило бы рознь между народами и довело бы их до полного истощения, голода и гибели». Революционная демократия, очевидно, смешала два понятия: стратегическую победу, знаменующую окончание войны, и условия мирного договора, которые могут быть человечны и бесчеловечны, справедливы и несправедливы, дальновидны и близоруки.

Итак, следовательно – война, наступление, но без победы.

Небезынтересно указать, что такую же формулу произнес еще в 1915 году прусский депутат и редактор «Vorwaerts'a» Стребель: «я исповедую открыто, что полная победа империи не послужит на пользу социал-демократии»...

Не было той области государственного управления, в которую бы не вмешивался Совет и Исполнительный комитет, с той же двойственностью и той же неискренностью, которые вызывались, с одной стороны, боязнью нарушить основные догмы своих учений, и с другой – явной невозможностью претворения их в жизнь. В государственном строительстве, творческой работы его не было и не могло быть. В области экономической жизни страны, в аграрном и рабочем вопросе, эта деятельность ограничивалась опубликованием широковещательных партийных социалистических программ, осуществление которых даже в глазах министров-социалистов, в обстановке анархии, войны и экономической разрухи, было невыполнимо. Тем не менее, эти резолюции и воззвания принимались в народе, на фабрике и в деревне, как «раз-

решение», возбуждали страсти, вызывали желание к немедленному и самочинному проведению их в жизнь. А вслед за такой подготовкой народных стремлений, тут же следовали сдерживающие воззвания: «потребовать немедленного и беспрекословного исполнения всех предписаний Временного Правительства, которые оно сочтет необходимым издать в интересах революции и внешней безопасности страны»^[74]

...

Но декларативная литература далеко еще не определяет характер деятельности Совета.

Главную чертой Совета и Комитета было полное отсутствие дисциплины среди их членов. Говоря о взаимоотношениях особой делегации Комитета (контактной) с Временным Правительством, Станкевич прибавляет: «но что могла сделать эта делегация, если в то время, как она беседовала и приходила к полному единодушию с министрами, десятки Александровских^[75] рассылали письма, печатали статьи в «Известиях», разъезжали от имени Комитета делегатами по провинции и в армии, принимали ходоков в Таврическом дворце, каждый выступая по своему, не считаясь ни с какими разговорами, инструкциями или постановлениями и решениями»...

Обладал ли действительной властью Совет (Центральный комитет)?

⁷⁴ Кронштадтцам 26 мая 1917 года.

⁷⁵ Член комитета, выдававший разрешения на захваты земель.

Я отвечаю словами обращения организационного комитета рабочей социал-демократической партии (июль 1917 года):

«И тот лозунг, за которым идут многие рабочие – „вся власть советам“ – есть опасный лозунг. Ибо за советами идет меньшинство населения, и мы должны всеми силами добиваться, чтобы те буржуазные элементы, которые еще могут и хотят вместе с нами отстаивать завоевания революции, вместе с нами взяли на себя и то тяжкое наследство, какое досталось нам от старого режима, и ту огромную ответственность за исход революции, какая ложится на нас перед лицом всего народа».

Но Совет (позднее и Всерос. Центр. Комитет), в силу своего состава и политической идеологии, не мог и не хотел оказывать в полной мере хотя бы сдерживающего влияния на народную стихию, вырвавшуюся из оков, мятущуюся и бушующую, ибо члены его были вдохновителями этого движения, и все значение, влияние и авторитет Совета находились в строгой зависимости от степени потворствования инстинктам народных масс. А эти массы, как говорит даже сторонний наблюдатель из марксистского лагеря, Карл Каутский^[76], «как только революция втянула их в свое движение, знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях и плевали

⁷⁶ Терроризм и коммунизм.

на то, осуществимы ли и общественно полезны или нет их требования». И сколько-нибудь твердое и решительное противодействие их давлению, грозило смести бытие Совета.

К тому же день за днем, шаг за шагом Совет подпадал, все больше и больше, под влияние анархо-большевистских идей.

Глава XII. Власть: борьба за власть большевиков, власть армии, идея диктатуры

Первый период деятельности большевиков – от начала революции до октябрьского переворота заключался в борьбе за власть путем упразднения всего буржуазного строя страны и дезорганизации армии, подготавливая тем почву для пришествия большевизма (*L'avenement*, как торжественно называет Бронштейн-Троцкий).

На другой день после своего приезда в Россию, Ленин опубликовал свои «тезисы», которые я привожу в извлечении:

1. Война, веденная «капиталистическим правительством», остается грабительской, империалистской, и потому недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

Представителям революционного оборончества и действующей армии разъяснить, что кончить войну истинным демократическим, ненасильственным миром нельзя без свержения капитала.

Братанье.

2. Переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму, который должен дать власть проле-

тариату и беднейшим слоям крестьянства.

3. Никакой поддержки Временному правительству; разъяснение полной лживости его обещаний.

4. Признание факта, что в большинстве советов рабочих депутатов партия большевиков – в меньшинстве, и поэтому пока нужно вести работу критики и выяснения ошибок, проповедуя, в то же время, необходимость перехода всей государственной власти к совету рабочих депутатов.

5. Россия – не парламентарная республика, – это было бы шагом назад, – а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции (милиции?), армии, чиновничества.

6. В аграрной программе – перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране; распоряжение землею местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советских депутатов от беднейших крестьян.

7. Немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов.

8. Пока – не введение социализма, а только переход к контролю со стороны Совета рабочих депутатов за общественным производством, и распределением продуктов.

9. Требование государства-коммуны, и перемена названия партии социал-демократов большевиков – на коммуни-

стическую партию.

Я не буду останавливаться над этой программой, проведение которой в жизнь началось с конца октября, с известными отступлениями. Для первого периода деятельности большевиков важнее тактика их, исходившая из следующих конкретных положений:

- 1) свержение правительства и разложение армии;
- 2) возбуждение классовой борьбы в стране и даже внутриклассовой – в деревне;
- 3) отрицание демократических форм государственного строя и переход власти к меньшинству (партии с.-д. большевиков) – «меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному» (Ленин).

Но идеология партии была недоступна пониманию, не только темных масс русского народа, но и второстепенных работников большевизма, которые были рассеяны по стране. Массам нужны были лозунги простые, ясные, немедленно проводимые в жизнь и отвечающие их желаниям и требованиям, чрезмерно возросшим в бурной атмосфере революции. Этот упрощенный большевизм – с типичными чертами русского бунта – проводить было тем легче, что он отрешился от всяких сдерживающих моральных начал, поставив целью первоначальной своей деятельности одно чистое разрушение, не останавливаясь при этом перед угрозой военного разгрома и разорения страны.

Первым объектом борьбы было Временное правитель-

ство. Во всей большевистской печати, в словесной агитации, в выступлениях советов, съездов, даже в дискуссиях с членами Временного правительства, главари большевиков проводили резко и настойчиво идею его устранения, как «орудия контрреволюции и международной реакции».

Но переходить к решительным действиям большевики все же воздерживались, опасаясь «отсталой в политическом отношении провинции». Начался ряд действий, имевших, по военной терминологии, характер усиленной разведки: захват особняков в Петрограде^[77] и демонстрация 20–21 апреля. Это был первый «смотр» пролетариату и подсчет большевистских сил. Демонстрация, в которой приняли участие рабочие и войска, имела внешним^[78] поводом ноту Милюкова по международной политике, и следствием – волнение в столице и вооруженное столкновение, с убитыми и ранеными. Толпа носила плакаты с надписями: «Долой захватную политику Милюкова», «Долой Временное правительство».

«Смотр» не удался. И хотя в прениях по этому поводу в Совете, большевики требовали свержения правительства, в речах их звучала однако нота некоторой неуверенности: «...но прежде, чем пойти на это, пролетариат должен обсудить существующее положение, и подсчитать свои силы». Совет вынес осуждение и захватной политике правитель-

⁷⁷ Дача Дурново, дача Кшесинской и т. д.

⁷⁸ Внутренние причины лежали, несомненно, в том основном расхождении двух течений, о котором я говорил раньше. Все остальное – только поводы.

ства, и выступлению большевиков и, вместе с тем, «горячо приветствовал революционную демократию Петрограда, своими митингами, резолюциями и демонстрациями засвидетельствовавшую свое напряженное внимание к вопросам внешней политики!..» (Из воззвания Совета).

10-го июня, во время съезда советов, Ленин готовил новую крупную вооруженную демонстрацию, но ввиду совершенно отрицательного отношения к ней огромного большинства съезда, ее пришлось отменить. Демонстрация имела своей целью также переход власти к советам. Весьма оригинальна была эта борьба внутри самой революционной демократии, между двумя ее крылами, ставшими в непримиримые отношения друг к другу. Левое крыло всеми силами предлагало оборонческому блоку – так как за ним было большинство – порвать с буржуазией и взять в свои руки власть. Блок также всеми силами отрещивался от этой власти. В среде советов шла некоторая дифференциация, выражавшаяся в сближении по частным вопросам с большевиками левых социалистов-революционеров, и социал-демократов интернационалистов; но тем не менее, до сентября большевики не имели еще абсолютного большинства, как в Петроградском совете, так и во многих провинциальных. Только 25-го сентября место председателя в Петроградском совете занял Бронштейн (Троцкий), сменивший Чхеидзе. Формула «вся власть советам» казалась, поэтому, в их устах или самопожертвованием, или провокацией. Бронштейн (Троцкий)

разъясняет это недоразумение. По его словам^[79], «благодаря постоянным перевыборам, механизм советов мог отражать правильное (?) настроение рабочих и солдатских масс, все время уклоняющееся влево; а после порыва с буржуазией, крайние тенденции должны были возобладать в советах».

По мере выяснения истинной физиономии большевизма, это расхождение принимало более глубокие формы, не ограничиваясь рамками социал-демократической программы (максимум и минимум) и партийной тактики. Это была борьба демократии с пролетариатом; большинства с меньшинством – интеллектуально наиболее отсталым, но сильным своим бунтарским дерзанием и возглавляемым людьми сильными и абсолютно беспринципными; демократических принципов – всеобщего избирательного права, политических свобод, равенства и т. д. – с диктатурой привилегированного класса, с безумием и грядущим рабством.

2-го июля произошел второй министерский кризис, по внешнему поводу несогласия либеральных министров с актом об украинской автономии. А 3–5-го июля большевики подняли опять мятеж в столице, произведенный вооруженными толпами рабочих, солдат и матросов – на этот раз в широких размерах, вызвавший грабежи, убийства, много жертв и поставивший правительство в тяжелое положение. Керенский был в это время у меня на Западном фронте, и переговоры его по прямому проводу с Петроградом, свиде-

⁷⁹ «L'avenement du bolchevisme».

тельствовавали о крайне подавленном состоянии председателя кн. Львова, и членов правительства. Кн. Львов вызывал Керенского немедленно в Петроград, но предупреждал, что не ручается за безопасность его жизни...

Восставшие требовали от Совета рабочих и солдатских депутатов и Центрального комитета съезда – взять власть в свои руки. Органы революционной демократии вновь категорически отказались.

Провинция не поддержала. Восстание было подавлено, главным образом, благодаря Владимирскому военному училищу и казачьим полкам; приняли участие на стороне правительства и несколько рот гарнизона. Бронштейн (Троцкий) пишет по этому поводу, что выступление оказалось явно преждевременным, в гарнизоне было слишком еще много элементов пассивных и нерешительных. Но что оно доказало все же, что «за исключением юнкеров, никто не был расположен сражаться против большевиков, за правительство или за руководящие партии совета».

В этом заключался весь трагизм положения правительства Керенского и Совета. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и к родине, и к революции, и к интернационалу, и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать свою кровь, и жертвовать своей жизнью. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам.

Исследуя понятие «власть», по отношению ко всему до-октябрьскому периоду русской революции, мы в сущности говорим лишь о внешних формах ее. Ибо в исключительных условиях мировой войны, небывалого в истории масштаба, когда 12% всего мужского населения было под ружьем, вся власть находилась в руках

– Армии.

Армии, сбитой с толку, развращенной ложными учениями, потерявшей сознание долга и страх перед силой принуждения. А главное – потерявшей «вождя»... Ни правительство, ни Керенский, ни командный состав, ни Совет, ни войсковые комитеты, по причинам весьма разнообразным и взаимно исключаящим друг друга, не могли претендовать на эту роль. Их взаимоотношения и столкновения, болезненно преломлявшиеся в сознании солдатской массы, еще более усиливали ее развал. Бесполезно делать предположения, которые нельзя обосновать воплощением их в жизнь, тем более при отсутствии исторической перспективы. Но вопрос этот настолько жгучий и мучительный, что невольно будет привлекать к себе внимание всегда: можно ли было поставить плотину, которая в состоянии была бы сдерживать напор народной стихии, и удержать в повиновении армию? Я ду-

маю, что можно было. Вначале могло и верховное командование, и правительство – настолько решительное, чтобы раздавить советы, или настолько сильное и мудрое, чтобы привлечь их в орбиту государственности, и истинно демократического строительства.

С другой стороны, армия представляла из себя плоть от плоти, и кровь от крови русского народа. А этот народ в течение многих веков того режима, который не давал ему ни просвещения, ни свободного политического и социального развития, не сумел воспитать в себе чувства государственности, и не мог создать лучшего демократического правительства, чем то, которое говорило от его имени в дни революции.

* * *

В начале революции Временное правительство, несомненно, пользовалось широким признанием всех здоровых слоев населения. Весь старший командный состав, все офицерство, многие войсковые части, буржуазия и демократические элементы, не сбитые с толку воинствующим социализмом, – были на стороне правительства. Газеты того времени полны огромным количеством телеграмм, адресов, обращений, поступавших со всех концов России, от самых разнообраз-

разных общественных, сословных, военных групп, организаций, учреждений, конечно и таких, демократизм которых был вне всякого сомнения. Это доверие, по мере обезличения, обессиления правительства и перехода его последовательно к двум коалициям, в этих кругах все более падало, и взамен не компенсировалось большим признанием революционной демократии, ибо в ее среде все более росли течения анархического характера, отрицавшие всякую власть.

К началу мая, после вооруженного выступления на улицах Петрограда, происшедшего без ведома Совета, но при участии его членов, после ухода Гучкова и Милюкова, полное бессилие Временного правительства стало настолько очевидным, что князь Львов, в согласии с комитетом Государственной Думы и кадетской партией, обратился к Совету, приглашая «к непосредственному участию в управлении государством... те активные творческие силы страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного в нем участия». Совет, после некоторой борьбы, счел вынужденным согласиться на вступление в состав правительства своих членов^[80], и тем возложить на себя прямую ответственность за судьбы революции. Совет не пожелал взять всю власть, так как «переход всей власти к Советам р. и с. д., в переживаемый период русской революции, значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способ-

⁸⁰ Вошли: Скобелев (м. труда), Чернов (м. землед.), Пешехонов (м. продов.), Церетелли (почт и телегр.).

ные еще ей служить, и грозил бы крушением революции»^[81]. Легко можно представить себе то впечатление, которое производили подобные резолюции на буржуазию, и ее «заложников» в коалиционном министерстве.

И хотя Совет выражал новому правительству свое полное доверие, и призывал демократию «оказать ему деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти»^[82], но эта «власть «была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна. Социалистическая среда, давшая своих представителей в правительство, нисколько не изменила и не усилила этим его интеллектуальных качеств. Наоборот – ослабила еще более, увеличив эту зияющую трещину, которая образовалась между двумя политическими группировками, представленными в нем. Совет, выражая официально доверие правительству, продолжал фактически расшатывать его власть, охладев вместе с тем к министрам-социалистам, вынужденным несколько уклониться от прямолинейного выполнения партийных социалистических программ, под влиянием реальных условий жизни. А народ и армия отнеслись к факту совершенно равнодушно, утрачивая постепенно сознание существования власти, не проявлявшейся сколько-нибудь заметно в области их повседневной жизни.

Кровавое восстание в Петрограде, поднятое 3–5-го июля

⁸¹ Резолюция Всер. съезда; июнь 17 года.

⁸² Резолюция Совета 5 мая.

левым крылом Совета (анархо-большевистское), уход князя Львова и новое коалиционное министерство, в котором представители социалистических партий, проведенные Советом, получили окончательное преобладание^[83], явились не более как этапами, приближающими к окончательному падению государственной власти. Поводы, вызвавшие и первый и второй правительственные кризисы (декларация прав солдата, международная политика Совета, отделение Украины, аграрные реформы Чернова и т. д.), при всей их государственной важности, были все же только поводами. Коалиция, в которой демократической буржуазии представлялась пассивная роль, когда ее «временное» участие требовалось только для разделения ответственности, а все дела решались за кулисами правительства, в кругах близких к Совету, такая коалиция не была жизненной, и не могла примирить с революционной демократией, – даже наиболее оппортунистически настроенную буржуазию.

В соотношении сил, независимо от политических и социальных признаков, несомненно играли большую роль факты чисто объективные: неудовлетворенность широких народных масс, в силу общего положения страны, деятельностью правительства.

Народные массы воспринимали революцию не как тяж-

⁸³ Керенский (с.-р.), Некрасов (р.-д.), Авксентьев (с.-р.), Терещенко (бесп.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Ольденбург (к.-д.), Зарудный (с.-р.), Ефремов (р.-д.), Юренев (к.-д.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.), Кошкин (к.-д.), Карташов (к.-д.).

кий переходный этап, связанный тысячью нитей с прошлым и настоящим русского и мирового государственного развития, а как самодовлеющее реальное явление сегодняшнего дня, с такими же реальными бедствиями – войны, бандитизма, бесправия, бессудности, бестовария, холода и голода. Народные массы не разбирались вовсе в чрезвычайно сложной обстановке происходящих событий, не отделяли причин непредотвратимых, космических, неизбежно сопровождавших пришествие революции, от доброй или злой воли тех или других органов власти, организаций и лиц. Они ощущали ясно и напряженно невыносимость создавшегося положения и искали выхода. В результате всеобщего признания несостоятельности установившейся власти в общественном сознании возникла мысль о

– Диктатуре.

Я категорически утверждаю, что в известных мне общественных и военных кругах, в которых возникло течение в пользу диктатуры, оно было вызвано высоким патриотизмом и ясным, жгучим сознанием той бездонной пропасти, в которую бешено катился русский народ. Но ни в малейшей степени не вызывалось стремлением к реакции и контрреволюции. Несомненно, к этому движению примыкали люди и этого направления, и просто авантюристы, но они составляли привходящий, наносный элемент. Керенский так объясняет начало движения или, как он выражается, «заговорщической волны»: «военный разгром (Тарнополь) создал, на почве

оскорбленного национального самолюбия, сочувствующую заговорам среду, а большевистское восстание (3–5 июля) вскрыло для непосвященных глубину распада демократии, бессилие революции против анархии и силу меньшинства, действующего организованно и внезапно»^[84]. Вряд ли можно дать лучшее оправдание начавшемуся движению. Действительно, в обстановке глубокого разочарования народных масс, всеобщего развала и надвигавшейся анархии, в силу неизбежного исторического и психологического процесса, жизнь должна была создать попытки диктатуры; и русская жизнь действительно создала их – как мучительное искание сильной, национальной, демократической власти, но не реакции.

Вообще революционная демократия жила в атмосфере, отравленной беспокойным ожиданием контрреволюции. Начиная с разрушения армии и кончая упразднением сельской полиции, все ее заботы, мероприятия, резолюции, воззвания так или иначе, клонились к борьбе с этим воображаемым врагом, грозившим якобы завоеваниям революции. Насколько искренне было это убеждение среди сознательных руководителей Совета, и не было ли разжигание беспричинного опасения просто тактическим приемом, оправдывавшим разрушительный характер деятельности его? Я склонен остановиться на последнем выводе – до того ясно, очевидно не только для меня, но и для Совета должен был, каза-

⁸⁴ Керенский. Дело Корнилова.

лось, определиться оппозиционный, а не контрреволюционный характер действий демократической буржуазии. Тем не менее, и в русской партийной литературе, и в широких зарубежных кругах, именно в этом последнем освещении представляют себе дооктябрьский период революции.

Временное правительство, в первые дни своего создания объявившее широко-демократическую программу^[85], даже в правых кругах, встречало критику этой программы и неудовольствие, но не активное противодействие^[86]. В первые четыре-пять месяцев после начала революции, во всей стране не было ни одной, хоть сколько-нибудь серьезной, контрреволюционной организации. Оживление деятельности одних и появление других тайных кружков, преимущественно офицерских, относится к июлю, в связи с предположениями о диктатуре. В состав этих кружков входило, несомненно, немало лиц и с ярко выраженными реставрационными тенденциями, но целью своею и они ставили, по преимуществу, борьбу с фактом существования классового неофициального правительства, и с личным составом Совета и Исполнительного комитета, членам которых действительно грозило бы физическое истребление, если бы эти кружки не распались преждевременно, благодаря своей слабости, малочисленности и неорганизованности.

А наряду с постоянным противодействием такой контр-

⁸⁵ См. гл. IV.

⁸⁶ Неприемлемым был лишь пункт, предрешавший декларацию прав солдата.

революции справа, Совет обеспечивал полную возможность подготовки подлинной контрреволюции, исходившей из недр его, со стороны большевиков.

Помню, что первые разговоры на тему о диктатуре, в виде легкого зондирования почвы, начали со мной различные лица, приезжавшие в Ставку, приблизительно в начале июня. Все эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить их:

– Россия идет неизбежно к гибели. Правительство совершенно бессильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже, нам нужно перейти к диктатуре.

Но никто не говорил о реставрации или о перемене политического курса в сторону реакции. Называли имена Корнилова, Брусилова.

Я предостерегал от поспешного решения этого вопроса. Должен сознаться, что тогда была еще некоторая иллюзорная надежда, что правительство путем внутренней эволюции, под влиянием нового вооруженного выступления, опекаемых им, крайних антигосударственных элементов, или в сознании бесцельности и безнадежности своего дальнейшего управления страной, – само придет к необходимости создания единоличной власти, придав известную закономерность ее появлению. Вне этой закономерности, будущее представлялось чреватым грозными потрясениями. Я указывал, что в данное время нет военных вождей, которые пользовались бы достаточным авторитетом среди развращенной солдатской

массы, но что если назреет государственная необходимость, и возможность проведения военной диктатуры, то Корнилов и теперь уже пользуется большим удельным весом, по крайней мере в глазах офицерства, тогда как репутация Брусилова сильно подорвана его оппортунизмом.

Интересно, что и в самом правительстве однажды возник вопрос о диктатуре. По сведениям «Русского Слова», министр путей сообщения Некрасов в Киеве, на кадетском заседании рассказал следующее: «Вы не знаете, как того не знает и вся Россия, какая колоссальная опасность грозила России! В ночь на 3 мая, когда было достигнуто соглашение о коалиционном министерстве^[87], вдруг оказалось, что... на одно место (портфель) предъявлено два ультимативных требования. Мы, желая сохранить преемственность власти, остановились на возможном исходе – создать личную диктатуру. Мы решили передать всю власть в руки одного человека. Были даже созваны знатоки государственного права, чтобы оформить новый порядок правления, в виде указа Временного правительства сенату. Но... удалось достигнуть полного соглашения».

Сам Керенский в своей книге говорит, что ему неоднократно делали предложения заменить бессильное правительство личной диктатурой «казацкии круги и некоторые общественные деятели»^[88]. И только, когда «общественность»

⁸⁷ Первое коалиционное министерство Львова.

⁸⁸ Керенский. «Дело Корнилова».

разочаровалась в нем, «как в возможном организаторе и главном деятеле изменения системы управления в сторону сильной власти», тогда уже «начались поиски другого человека».

Нет никакого сомнения, что те лица и общественные круги, которые обращались к Керенскому по вопросу о диктатуре, не были его апологетами, и не принадлежали к составу «революционной демократии». Но одно уже это обращение именно к нему доказывает, что они не могли руководствоваться стремлениями к реакции, отражая лишь патриотическое желание всей русской общественности, – видеть у руля русского государственного корабля, отданного на произвол стихии, сильную власть.

Впрочем, может быть, и другой мотив побуждал их к этому обращению... Был несомненно такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского – военного министра – я его отношу приблизительно к июню – когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство, подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклатие, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии. И уже не фразой звучало их обещание – умереть в первых рядах.

И больно становилось много раз, во время объездов Керенского, когда у этих обреченных разгорались глаза, а в сердце светлая надежда – скоро, очень скоро безжалостно и

грубо растоптанная.

Замечательно, что несколько раньше в той же книге Керенский, оправдывая временную «концентрацию власти», перешедшей 27 августа^[89] единолично к нему, говорит: «В борьбе с заговором, руководимым единоличной волей, государство должно противопоставить этой воле власть, способную к быстрым и решительным действиям. Такой властью не может быть никакая коллегия, тем более коалиционная».

Полагаю, что внутреннее состояние русской державы, перед лицом чудовищного коллективного заговора немецкого генерального штаба, и антигосударственных и антинациональных элементов русской демократии, было в достаточной степени грозно, и давно уже требовало власти, «способной к быстрым и решительным действиям».

⁸⁹ День Корниловского выступления.

Глава XIII. Деятельность Временного правительства: внутренняя политика, гражданское управление; город и деревня, аграрный вопрос

В этой и следующей главах, я приведу краткий схематический очерк внутреннего состояния России в первый период революции, лишь в той мере, в какой оно отражалось на ведении мировой войны.

Я уже говорил о двоевластии в верховном управлении страной, и о непрестанном давлении Совета на Временное правительство, взаимоотношения которых метко охарактеризовал в совещании Думы В. Шульгин: «старая власть сидит в Петропавловской крепости, а новая – под домашним арестом».

Но и помимо этого, в характере деятельности правительства были некоторые, в обычном понимании положительные и отрицательные черты, которые в исключительной обстановке смуты, одинаково приводили к бессилию и обреченности.

Временное правительство, являясь представительством далеко не всенародным, не хотело и не могло предрешать во-

ли Учредительного собрания, путем проведения реформ, в корне ломающих политический и социальный строй государства. Оно поневоле должно было ограничиваться временными законами, полумерами, в то время как возбужденная народная стихия проявляла огромное нетерпение, и требовала немедленного осуществления капитальной перестройки всего государственного здания. Правда, и Совет, и отдельные представители его в коалиционных министерствах, в теории зачастую признавали идею исключительного права в этом отношении Учредительного собрания. Но только в теории. Ибо на практике все они предрешали, предвосхищали эти права, путем широкой проповеди социального переворота, словесного и письменного ведомственного разъяснения, и наконец, на местах – прямыми действиями явочного и захватного порядка.

Временное правительство «в основу государственного управления полагало не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственных преград»⁹⁰... Это непротивление в тот момент, когда шла жестокая, и не стеснявшаяся нравственными и патриотическими побуждениями, борьба за самосохранение одних групп населения, и за осуществление захватным путем неограниченных домогательств других, – явля-

⁹⁰ Из правительственной декларации 25 апреля 1917 года.

лось несомненным признанием своего бессилия. В позднейших декларациях второго и третьего коалиционных министерств, мы читаем уже о «самых решительных мерах» против дезорганизующих страну сил. Слова – не претворившихся в дело.

Идею «не предрешения» воли Учредительного собрания соблюсти правительству не удалось, в особенности, в области национального самоопределения. Правительство объявило акт о самостоятельности Польши, поставив, однако, в полную зависимость от Всероссийского Учредительного собрания «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши». Акт этот, юридически спорный, находился, однако, в полном соответствии с общественным правосознанием. В отношении Финляндии правительство, не изменяя юридических отношений ее к России, подтвердило права и привилегии страны, отменило все ограничения финляндской конституции и созывало сейм, которому должны были быть переданы проекты новой формы правления великого княжества. В дальнейшем правительство, самым широким образом, шло навстречу всем справедливым стремлениям финляндцев к местному строительству. Тем не менее, на почве общего стремления к немедленному и наиболее полному осуществлению частных национальных интересов, между Временным правительством и Финляндией возникла длительная борьба за власть. 6 июля сейм, большин-

ством голосов социал-демократов, принял закон о переходе к нему, после отречения «великого князя финляндского», верховной власти, предоставив Временному правительству лишь внешние сношения, военное законодательство и военное управление. Это постановление находилось в известном соответствии с резолюцией Съезда советов рабочих и солдатских депутатов, требовавшей, чтобы финляндцам, еще до решения Учредительного собрания, дана была полная независимость, с приведенными выше ограничениями. На это, по существу, фактическое отторжение Финляндии от России, правительство ответило роспуском сейма, который, впрочем, в сентябре самовольно собрался вновь.

В этой борьбе, которая то принимала острые формы, то затихала, сообразно политическому барометру Петрограда (правительственные кризисы), финляндские деятели, не считаясь ни в малейшей степени с общегосударственными интересами, и не имея опоры в вооруженной силе, играли исключительно на лояльности, или вернее, слабости Временного правительства.

На почве этой создалась серьезная угроза финляндскому театру, с некоторых пор привлекавшему к себе усиленное внимание: как фланг армий Северного фронта, база Балтийского флота, прикрытие столицы и Мурманской железной дороги, – театр этот, связанный с центральной Россией одним лишь железнодорожным путем, который не трудно было прервать, стал вызывать большие опасения; этому способ-

ствовал развал Балтийского флота и 42-го армейского корпуса, и нараставший шовинизм финляндцев.

Финляндская социал-демократия, прежде всего, начала с отрицания войны, опираясь на «компетентное мнение» своих русских товарищей в Совете рабочих и солдатских депутатов. Затем губернаторы, городские и сельские управы, одни за другими, потребовали вывода со своей территории русских войск, присутствие которых «нарушало – якобы – конституцию страны». Создавались серьезные затруднения по расквартированию, питанию и снабжению войск. Русский рубль был обесценен, что создавало тяжелое экономическое положение для военного и служилого элемента, а Финляндия отказала в валютном займе 350 миллионов марок Временному правительству^[91], на содержание войск финляндского фронта, невзирая на то, что в течение всей войны получала с России замаскированную контрибуцию, и на разнице курса, и на вывозных ценах произведений своей промышленности, и на ввозимом дешевом, по твердым ценам русском хлебе...

До открытого восстания дело не дошло: благоразумная часть населения, если не из побуждений лояльности, то учитывая последствия междуусобной борьбы, в особенности теми методами действий, которых можно было ожидать от распущенной солдатской и матросской вольницы, удержала

⁹¹ Любопытно, что убеждать финляндцев в необходимости поддержки метрополии ездил, в числе других, и грузинский шовинист Гегечкори.

край в известных границах.

Весь май и июнь протекали в борьбе за власть, между правительством и самочинно возникшей на Украине Центральной Радой, причем собравшийся без разрешения 8 июня, Всеукраинский военный съезд потребовал от правительства, чтобы оно немедленно признало все требования, предъявляемые Центральной Радой и съездами, а Раде предложил не обращаться более к правительству, а немедленно приступить к созданию автономного строя Украины. 11 июня объявлен универсал об автономии Украины, и образован секретариат (совет министров), во главе с Винниченко. В результате переговоров послов Правительства, министров Керенского, Терещенко и Церетелли с Радой, явилась декларация Временного правительства 2 июля, которая, предвещая постановление Учредительного собрания, признавала (с некоторыми оговорками) автономию Украины. Центральная рада и секретариат, захватывая постепенно в свои руки управление, создавали на местах двоевластие, дискредитировали общерусскую власть, вызывали междуусобную рознь, и давали моральное обоснование всяким проявлениям отказа от исполнения гражданского и военного долга перед общей родиной. Мало того, с самого начала своего существования, Центральная Рада таила в себе немцефильские симпатии, и имела несомненную связь через «Союз освобождения Украины» с генеральными штабами центральных держав. Учитывая обширный материал, собранный Ставкой, полупри-

знание Винниченко французскому корреспонденту о немецко-фильских течениях в кругах Рады, и наконец, доклад прокурора Киевской судебной палаты в конце августа 1917 года, я нисколько не сомневаюсь в оценке той преступной роли, которую играла Рада. Прокурор жаловался, что полное разрушение аппарата контрразведки и уголовного сыска не дают прокурорскому надзору возможности разобраться надлежаще в обстановке, но что все нити немецкого шпионажа и пропаганды, бунтов украинских войск и течения темных сумм – несомненно австро-германского происхождения... ведут и обрываются возле Центральной Рады.

Правительство не считало возможным, до Учредительного собрания, установить автономные начала и в сфере областного управления^[92]. Правда, были созданы Туркестанский и Закавказский комитеты в целях устройства и гражданского управления этих областей. Первый – с правами генерал-губернатора, второй даже «с правами Временного правительства». О деятельности их у меня мало данных. Во всяком случае, полная неопределенность прав и обязанностей этих областных комитетов, и вторжение их в область власти военной, особенно вредное на Кавказском фронте – с одной стороны, засилие над ними советов рабочих и солдатских депутатов – с другой, – все это отнюдь не способствовало

⁹² В декларации 2-го коалиционного министерства от 8 июля имеется, впрочем, обещание «привлечь местных представителей к образованию коллегиальных органов областного управления, объединяющего ряд губерний».

нормальной их деятельности. По крайней мере, Туркестанский комитет, через месяц после своего назначения, обратился уже с воззванием к населению области, что ввиду трений с Ташкентским советом и Сыр-Дарьинским комитетом, он просит Временное правительство об увольнении. Дальнейшая жизнь области представляет длительное состояние беспорядков и мятежа.

Правительство, как я уже говорил, проявляло полнейшее игнорирование Верховного главнокомандующего, даже в таких вопросах, которые непосредственно затрагивали его компетенцию, как управление областями театра войны. О создании, например, Закавказского комитета и назначении генерала Аверьянова, с совершенно неопределенными функциями, военным комиссаром на Кавказ, Ставка узнала только из газет. Генерал Алексеев 10 мая, по жалобе генерала Юденича, вынужден был телеграфировать министру-председателю, «прося поставить его в известность о положении, выработанном и утвержденном, правах и обязанностях особого Закавказского комитета⁹³»; устранить всякое вмешательство комитета в оперативные и внутренние дела армии, со всеми ее учреждениями, предоставив надлежащую власть войсковым начальникам». Без (соблюдения) этого условия, – заканчивалась телеграмма, – нужно уничтожить войсковых начальников, и их дело передать комитетам».

⁹³ К концу августа «положение» еще не вышло.

Точно так же, без ведома Верховного главнокомандующего, состоялось назначение комиссаром Галиции и Буковины Дорошенко, и без всякого участия Ставки разрабатывалась «схема управления» этими областями, хотя комиссар в военном отношении был подчинен главнокомандующему Юго-западного фронта. Такое игнорирование верховного командования вызвало подражание со стороны второстепенных агентов правительства: тот же Дорошенко, вызванный генералом Алексеевым в Могилев, отказался приехать за недосугом, и проследовал непосредственно в Киев, для согласования своих действий с украинскими кругами.

* * *

Министерство внутренних дел – некогда фактически державшее в своих руках самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть – ударилось в другую крайность: оно по существу самоупразднилось. Функции ведомства фактически перешли, в распыленном виде, к местным самозванным организациям.

История органов министерства внутренних дел имеет большое сходство, во многом, с судьбой военного командования.

5-го марта, министр-председатель отдал распоряжение о

повсеместном устранении губернаторов, и исправников и замене их, в качестве правительственных комиссаров, председателями губернских и уездных управ, а также о замене полиции милицией, организуемой общественными учреждениями. Эта мера, вызванная общим ненавистным отношением к агентам прежней власти, в сущности, была единственным реальным волеизъявлением правительства, потому что до сентября месяца не было установлено, в законодательном порядке, положение комиссаров, а инструкции и распоряжения правительства имели, в общем, лишь академический характер, так как жизнь шла своим путем, регулируемая, или вернее, разрушаемая местным революционным правотворчеством.

Должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом. Не имея в своем распоряжении ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно, и попали в полную зависимость от революционных организаций. Вынесенное «неодобрение» прекращало фактически деятельность комиссара. Организации избирали нового, и утверждение со стороны Временного правительства являлось простою формальностью. В течение первых шести недель, таким путем было устранено 17 губернских комиссаров, и множество уездных. Позднее, в июле, управляющий министерством внутренних дел Церетелли⁹⁴ оформил этот порядок, приглашая циркуляром местные советы и комите-

⁹⁴ Церетелли занимал этот пост с 10-го по 24 июля.

ты указывать ему желаемых кандидатов, вместо не соответствующих своему назначению комиссаров. Таким образом, представителей центральной власти на местах не стало.

Если в начале революции так называемые «общественные комитеты», или «советы общественных организаций», представляли из себя начало действительно общественное – представительство союза городов и земств, думы, профессиональных союзов, кооперативов, магистратуры и т. д., то обстановка значительно ухудшилась, когда эти общественные комитеты распались на организации классовые и партийные. Власть на местах перешла к советам р. и с. депутатов, и местами – к насильственно, до введения закона, «демократизованным» социалистическим думам, мало чем отличавшимся от полубольшевистских советов.

Бытописатель русской смуты едва ли почерпнет поучительные примеры из лоскутной деятельности этих учреждений, где невежество, бесхозяйственность, провинциальный эгоизм, вопиющее нарушение самых элементарных свобод и права, прикрывались «волею революционной демократии». Местные советы рабочих и солдатских депутатов, – усвоили себе все навыки ушедшего абсолютизма, с той только разницей, что худшие представители прежней власти, все же чувствовали над собой иногда карающую десницу, тогда как советы были абсолютно безответственны. Эта коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд, и преступления людей злой воли. При этом советы распространяли

свою компетенцию на все области управления и жизни, даже на церковную⁹⁵].

Страна, как и правительство, как и армия, попала под власть советов. Прав был комиссар Москвы, Н. Кишкин, который считал совершенно безнадежным строительство местной власти, пока власть самого Временного правительства не станет национальной, единой и независимой от каких-либо партийных и классовых организаций.

В дальнейшем, предполагалось все функции активного управления передать демократизованным земским и городским управлениям, а за комиссарами сохранить только правительственный надзор за законностью действий указанных органов.

Изданное 15-го апреля, постановление правительства об устройстве городского самоуправления, заключало в себе следующие главные положения:

- 1) Пассивным и активным правом выбора пользуются все граждане города обоего пола, достигшие 20-летнего возраста;
- 2) ценз проживания не введен;
- 3) пропорциональная система выборов;
- 4) воинские чины пользуются правом выборов по месту нахождения гарнизона.

⁹⁵ Циркуляр министра-председателя в половине мая.

Я не буду входить в обсуждение этих норм, едва ли не наиболее демократичных из всех, которые знает муниципальное право, ввиду отсутствия опытных данных их применения. Отмечу лишь одно явление извращенной русской действительности, сопровождавшее введение в жизнь положения осенью 1917 года. Свобода выборов во многих местах оказалась злой насмешкой. Как явление широко распространенное по России – все несоциалистические, даже политически нейтральные группы, взятые под подозрение, подверглись гонению. Агитация их не допускалась, собрания срывались; в выборном делопроизводстве практиковались вопиющие злоупотребления; нередко в отношении их представителей применялось и прямое насилие – избивание и уничтожение избирательных списков. А в то же время, солдатская масса многочисленных гарнизонов, буйных и распропагандированных – случайных гостей города, быть может, только вчера появившихся в нем – повалила к урнам, заполняя их списками крайних противогосударственных партий. Были случаи, что войсковые части, пришедшие после выборов, требовали переизбрания, подкрепляя это требование угрозами, иногда убийствами. Несомненно, среди других причин, наличие в Петрограде огромного разложившегося гарнизона не осталось без влияния на выборы в августовскую столичную думу, в которой большевики получили 67 мест из 200.

Власть безмолвствовала, ибо ее не было.

Мелкая буржуазия, трудовая интеллигенция, словом городская демократия – в самом широком смысле слова – в этой революционной борьбе являлась стороной, наиболее слабой и неизменно побеждаемой. Все предтечи кровавого советского правления – мятежи, восстания, «отложения республик» – отзывались наиболее тяжело на ее жизни. «Самоопределение» солдат вносило страх и зависимость от грубой уничтожающей силы, и до крайности затрудняло, или даже лишало возможности передвижения по стране, так как дороги попали во власть к дезертирам. «Самоопределение» рабочих привело к невозможности, ввиду страшного повышения цен, удовлетворения предметами первой необходимости. «Самоопределение» деревни остановило подвоз припасов, и обрекало ее на недоедание. Я не говорю уже о моральных переживаниях класса, обреченного на поношение и унижение. Революция всем дала надежды на улучшение условий жизни, только не буржуазной демократии. Ибо даже те моральные завоевания, которые возведены были новой революционной властью – свобода слова, печати, собраний и т. д. – скоро стали достоянием одной лишь революционной демократии. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазия имела известную организацию в лице органов конст.-демократ. партии (кадет), то вся мелкая буржуазия (буржуазная демократия) была лишена всякой организации и всяких организованных средств борьбы. Демократические городские самоуправления – не в результате нового

муниципального закона, а в силу революционной практики – теряли свою общедемократическую форму, и получали характер классовых органов пролетариата, или представительства оторванных от массы, чисто социалистических партий.

* * *

Приблизительно такой же характер имело самоуправление уезда и деревни, в первый период революции. К осени, оно должно было принять формы демократической системы земского управления, в основу которого были положены приблизительно те же начала, что и в городском, причем компетенции мелкой единицы – волостного земства – представлялось все местное хозяйство, народное просвещение и охрана общественного порядка и безопасности. Фактически деревня управлялась, если только можно применить это слово к состоянию анархии, чрезвычайно пестрым сплетением революционных и бытовых организаций, в виде крестьянских съездов, продовольственных и земельных комитетов, «народных советов», сельских сходов и т. д. А над всеми ими доминировала, зачастую, еще одна самобытная организация – дезертиров. По крайней мере, Всероссийский крестьянский союз согласился с заявлением, шедшим слева и поэтому достаточно компетентным: «вся наша работа по со-

зданию различных комитетов не будет иметь никакого значения, если эти общественные органы будут постоянно находиться под угрозой воздействия, со стороны случайно организовавшихся вооруженных шаяк».

Главный, более того – единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собою все прочие явления и события – вымученный, выстраданный веками:

– Вопрос о земле.

Необыкновенно сложный и запутанный, он вспыхивал много раз в безрезультатных попытках бунта и насилия, подавлявшихся кроваво и беспощадно. Уже в годы первой революции (1905–1906 гг.) волна аграрных беспорядков, пронесшаяся над Россией и оставившая за собою след пожаров и разгромов помещичьих имений, указывала на то, какие последствия будут сопровождать свершившийся в 1917 году государственный переворот. Вопрос весьма сложный, какими мотивами руководствовался класс земельных собственников (помещиков), охраняя с такой страстностью и силой свои права: атавизмом, природным ли тяготением к земле, соображениями государственными о повышении культурности землепользования, стремлением сохранить непосредственное влияние на народ, или наконец, просто своекорыстием... Одно бесспорно, что аграрная реформа запоздала. Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное, – той страшной духовной темноты, в которой власть и правя-

щие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, – не могли не вызвать исторического отщепеня.

То спокойствие, с которым народ ждал некогда «освобождения» в дни работ «Главного» и «губернских» комитетов, невзирая на их резко классовый, сословный характер, (1857–1861), теперь оказалось не под силу. Крестьянство пожелало немедленной передачи ему всей земли, не дожидаясь ни выработки основных норм демократическим главным земельным комитетом, ни решения всенародного Учредительного Собрания.

Нет никакого сомнения, что такое нетерпение обусловилось, в значительной мере, слабостью власти и сторонними влияниями, о которых говорится ниже.

В основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство – совершенно определенно говорили о «переходе земли в руки трудящихся».

Точно так же единодушно все эти элементы ставили вопрос о порядке законодательного разрешения земельного переустройства, предоставляя его Учредительному Собранию.

Расхождение, притом непримиримое, возникло в определении самого существа земельной реформы. Либеральные круги русской общественности отстаивали частную собственность на землю⁹⁶, – идея все больше и больше за-

⁹⁶ Партия к.-д. допускала национализацию недр и лесов.

хватывавшая крестьянство – и требовали наделения крестьян, а не общего передела; революционная же демократия во всех партийных, классовых и профессиональных организациях отстаивала положение, проведенное Всероссийским крестьянским съездом (25 мая), при участии министра Чернова, о «переходе всех земель... в общее народное достояние для уравнительного пользования, без всякого выкупа». Эта резолюция социал-революционерского происхождения вносила смуту. Ее крестьяне не понимали или не хотели понять. По натуре – собственники, они не признавали национализации. Уравнительное же пользование, принимая во внимание огромное число безземельных крестьян, наличие 20 миллионов крестьянских дворов и размеры не крестьянской пахотной земли, определяемые всего лишь в 45 миллионов десятин, – грозило отнятием земли у многомиллионного крестьянства, владеющего сверхтрудовой или даже сверх-«потребительной» нормой, и обращением общего земельного передела в нескончаемую междуусобную кровавую распрю. Это обстоятельство впоследствии было учтено, даже и социал-демократами, которые в резолюции по аграрному вопросу, относящейся к концу августа, допускали сохранение мелкоземельной собственности, ограничивая однако возможность перехода ее, лишь к органам самоуправления и государству^[97].

⁹⁷ В отчете о состоянии Советской России, представленном VIII Всероссийскому съезду, история землевладения представляется в следующих цифрах: *В поме-*

Временное правительство, не считая себя вправе разрешать основные вопросы земельного устройства, и вместе с тем, испытывая стихийный напор снизу, переложило свои права отчасти на министерство земледелия, отчасти на созданный, на началах широкого демократического представительства, Главный земельный комитет; на него, кроме сбора сведений и подготовки земельной реформы, возложено было урегулирование существовавших земельных отношений^[98]. Фактическое заведование всеми землями в смысле использования, отчуждения их, арендных отношений, условий найма рабочих рук – перешло в волостные земельные комитеты^[99] – органы, состоявшие зачастую из людей темных – интеллигенция обычно была устранена – слишком заинтересованных, и не имевших никакого представления о существе и пределах своей компетенции. В то же время, центральные представительные учреждения и министерство Чернова, наряду с возваниями правительства о недопустимости само-

щичьем владении земли имелось (млн. десятин): до 1861 г. – 105 После 1861 г. – 71 в 1877 г. – 64 в 1905 г. – 53 в 1917 г. – 42 в 1918 г. – 0 Перемещение крестьянской земельной собственности при советском режиме выражается для Великокороссии следующими сравнительными цифрами в % %: **Безземельных хозяйств:** в 1917 г – 11,4; в 1919 г. – 6,5 **Мелких:** в 1917 г – 29,6; в 1919 г. – 41,5 **Средних:** в 1917 г – 51,1; в 1919 г. – 45,9 **Выше средних:** в 1917 г – 7,1; в 1919 г. – 3,0 **Крупных крестьянских:** в 1917 г – 0,9; в 1919 г. – 0,1 (*В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-книги*)

⁹⁸ Официально на комитет возлагалось, – вносить в правительство проекты временных норм земельных отношений.

⁹⁹ Под наблюдением – обычно фиктивным – уездных и губернских комитетов.

управства, и о сохранении в неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительного Собрания, явно поощряли «временное пользование землями», как назывались тогда захваты, объясняя эти действия «государственной необходимостью» полного использования земли под посев. Агитация – в самых широких размерах, веденная в деревне безответственными представителями социалистических и анархических кругов, дополняла работу Чернова.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Управлявший министерством внутренних дел Церетелли, в одном из циркуляров губернским комиссарам^[100], констатировал явление полной деревенской анархии: «захваты, запашки чужих полей, снятие рабочих, и предъявление непосильных для сельских хозяев экономических требований; племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубаются, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова – задерживаются и расхищаются. Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасеянными, а посевы и сенокосы неубранными». Министр обвинял местные комитеты и крестьянские съезды в организации самочинных захватов, и приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств «грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства».

Если к этой картине прибавить местами пожары, убий-

¹⁰⁰ Циркуляр 17 июля.

ства, самосуды, разрушение усадеб, представлявших из себя иногда хранилища предметов огромной исторической ценности, то получим истинную картину тогдашнего деревенского быта.

Вопрос о помещичьем землевладении вышел, таким образом, далеко из рамок эгоистических классовых интересов. Тем более, что насилиям подвергались не только помещики, но и крестьяне – хуторяне, отрубники. По постановлениям комитетов и помимо них. Подымалось не раз и село на село. Дело шло теперь – вовсе не о перемещении богатств из одних рук в другие, от одного сословия к другому, а об истреблении ценностей, разрушении земельной культуры и экономическом потрясении государства.

Стихия бушевала. «Учредительные» функции оказались не по плечу волостному комитету. Следственные власти не смели появляться в деревне. Суд бездействовал, ибо все равно приговоры его не нашли бы исполнителей. И деревня, предоставленная самой себе и агитации крайних элементов, кипела в котле страстей, давно назревших и никем, ничем не сдерживаемых.

Жизнь мстила за попрание своих требований. Вместе с захватами и разделами, росли неудержимо собственнические инстинкты крестьянства. Его идеология опрокидывала все планы революционной демократии и, обращая крестьянство в класс мелкой буржуазии, грозила надолго отдалить торжество социализма. Деревня замкнулась в узкий круг своего

быта и, поглощенная «черным переделом», совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни социальными вопросами, выходящими за пределы ее интересов. Война отнимала и калечила ее работников, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельным захватам, и стесняла монополией и твердыми ценами сбыт хлеба, – и деревня невзлюбила власть. Город перестал давать произведения промышленности и товары – и деревня отгородилась от города, уменьшая и временами прекращая подвоз туда хлеба. Единственное вполне реальное «завоевание революции» было в известной мере осуществлено, и те, кто воспользовался им, с некоторым смущением и неуверенностью ждали, как отнесется к самочинному разрешению ими земельного вопроса грядущая власть.

При таких настроениях, пролетарский большевизм оказался чужим и ненужным в деревне. Предвидя необходимость в будущем борьбы с такими «мелко-буржуазными стремлениями» крестьянской массы, Ленин и включил в свою программу «перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов» и «выделение советов депутатов от беднейших крестьян»... Однако, с этим лозунгом, вносящим начала раскола и борьбы в крестьянскую среду и осуществленным позднее, летом 1918 г., большевики не посмели явиться открыто в деревню в 1917 г. И деятельная работа их поэтому вылилась в поддержание деревенской анархии, оправдание захватов и подрыв авторитета Временного пра-

вительства.

Этим путем они стремились создать в лице крестьянской массы сторону, если не сочувствующую, то по крайней мере, нейтральную в предстоящей решительной борьбе своей за власть.

* * *

Одним из правительственных актов, вносивших крайние осложнения в нормальное течение народной жизни, явилось упразднение постановлением от 17 апреля общей полиции. В сущности, акт подтвердил лишь то положение, которое создалось почти повсеместно с первых же дней революции, и которое явилось результатом народного гнева, в отношении исполнительных органов старой власти, в особенности же – результатом озлобления со стороны тех лиц, которые подвергались наибольшему угнетению и произволу полиции, и теперь вдруг поднялись на гребень народной волны. Защищать русский полицейский институт – дело безнадежное. Отрицательная репутация его несколько поколебалась, лишь под влиянием сравнения с милицией и чрезвычайками... Точно так же напрасно было бы в то время противиться его упразднению – оно вызывалось психологической необходимостью. Но также несомненно, что старый

полицейский институт в своих действиях руководствовался не столько личными политическими убеждениями, сколько требованиями хлебодателя и собственными интересами. Неудивительно, что жандармы и чины полиции – гонимые, оскорбляемые, затравленные, поступив принудительно в армию, составили там элемент весьма отрицательный. Революционная демократия, в самооправдание, до крайности преувеличивала контрреволюционную роль их в армии; тем не менее безусловная правда, что многие бывшие жандармские и полицейские чины избрали себе, быть может, из чувства самосохранения, ремесло, ставшее тогда наиболее выгодным – демагога-агитатора.

Станем на почву фактов.

Упразднение полиции в самый разгар народных волнений, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантии, обеспечивающие общественную и имущественную безопасность граждан, являлось прямым бедствием. Но этого мало: с давних пор функции русской полиции незаконно расширялись, путем передачи ей части своих обязанностей, как всеми правительственными учреждениями, так и органами самоуправления, даже ведомствами православного и инославных вероисповеданий. На полицию возлагалось таким путем взывание всяких сборов и недоимок, исполнение обязанностей судебных приставов, и участие в следственном производстве, наблюдение за выполнением санитарного, технического, пожарного уставов, соби́рание все-

возможных статистических данных, призрение сирот и лиц, впавших в болезнь вне жилищ и проч., проч. Достаточно сказать, что проект реорганизации полиции, внесенный в Государственную думу в конце 1913 года, предусматривал 317 отдельных обязанностей, незаконно возложенных на полицию и подлежащих сложению.

Весь этот аппарат и сопряженная с ним деятельность – охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая – были изъяты из жизни и оставили в ней пустое место.

Созданная взамен милиция была даже не суррогатом полиции, а ее карикатурой. В то время, как в западных государствах проводится принцип объединения полиции под властью правительственного центрального органа, Временное правительство поставило милицию в ведение и подчинение земских и городских управлений. Правительственные комиссары, в отношении милиции, имели лишь право пользоваться ею, для исполнения законных поручений.

Кадры милиции стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, без всякого технического опыта, или же заведомо преступным элементом. Отчасти этому способствовал новый закон, допускавший в милицию лиц, даже подвергшихся заключению в исправительных арестантских отделениях, с соответственным поражением прав, отчасти же благодаря системе набора их, практиковавшейся многими городскими и земскими учреждениями, насильственно «демократизованными». По компетентному заявлению на-

чальника главного управления по делам милиции, при этих выборах в состав милиции, даже в ее начальники попадали нередко уголовные преступники, только что бежавшие с каторги...

Волость зачастую вовсе не организовывала милиции, предоставляя деревне управляться, как ей заблагорассудится.

В послании к народу 25 апреля, Временное правительство весьма удачно определило положение страны, в которой «рост новых социальных связей, ее скрепляющих, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя». Это несоответствие проявлялось роковым образом во всех областях народной жизни.

Глава XIV. Деятельность Временного правительства: продовольствие, промышленность, транспорт и финансы

С начала весны 1917 года, усилился значительно недостаток продовольствия в армии и в городах. Теперь, после опытов советского режима, когда безграничным терпением и выносливостью русского человека превзойдены, как будто, все минимумы, когда-либо существовавшие для человеческого питания, кажутся не слишком тягостными те официальные нормы, которые были установлены к лету 1917-го года – 1? фунта хлеба для армии^[101] и ? фунта для населения. Эти теоретические цифры, впрочем, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтам, за исключением Юго-западного, не раз угрожал кризис, предотвращаемый, обыкновенно, дружными усилиями всех органов правительственной власти и советов,.. самопомощью тыловых частей и... дезертирством. Тем не менее, армия недоедала, в особенности на Кавказском фронте. А конский состав армии весной, при теоретической норме в 6–7 фунтов зернового фуража^[102], фактиче-

¹⁰¹ Весною 1917 г. 2 фунта.

¹⁰² Армия поглощала 390 миллионов пудов сухого фуража в год!

ски падал от бескормицы в угрожающих размерах, ослабляя подвижность армии и делая бесполезным комплектование ее лошадьми, которым грозила та же участь.

В одном из воззваний Совета к крестьянам говорилось: «враги свободы, сторонники свергнутого царя пользуются недостатком хлеба в городах, ими же созданным, чтобы вести подкоп под нашу и вашу свободу. Они говорят, будто революция оставила страну без хлеба»... Это элементарное объяснение, которое революционная демократия выдвигала, во всех случаях тяжкого неустройства народной жизни, грешило большой односторонностью. Помимо наследия старого режима и неизбежных последствий трехлетней войны, вызвавшей почти полное прекращение ввоза сельскохозяйственных машин, отвлечение рабочих рук и, как результат, сокращение посевной площади, – причины продовольственного кризиса в богатейшей хлебом стране – кризиса, который к осени правительство считало катастрофическим, слишком многообразны: продовольственная политика Временного правительства и колебание твердых цен; обесценение рубля и непомерное, не эквивалентное твердым ценам на хлеб вздорожание предметов первой необходимости, вызванное, кроме общих экономических условий, и неудержимым ростом фабричной заработной платы; аграрная политика правительства, недосев полей и деревенская смута; расстроенный транспорт; полное устранение торгового ап-

парата^[103] и передача всего дела продовольствия продовольственным комитетам – органам до основания демократическим, но, за исключением, быть может, представителей кооперации, недостаточно опытным и во всяком случае не проявившим никакого творчества. И много можно бы привести еще больших и малых причин, которые, при полной объективности и беспристрастии, можно объединить в короткой формуле: старый режим, война и революция.

29-го марта Временное правительство ввело хлебную монополию. Весь излишек запаса хлеба, за исключением норм продовольственной, на обсеменение и на корм скота, поступал государству. Вместе с тем, правительство вновь увеличило твердые цены на хлеб и обещало установить их и на все предметы первой необходимости, как то: железо, ткани, кожи, керосин и т. д. Это последнее мероприятие, справедливость которого чувствовалась всеми, и которому министр продовольствия Пешехонов придавал огромное психологическое значение, – среди той общей разрухи, в которую была свергнута страна, оказалось провести невозможно.

Страну покрыла огромная сеть продовольственной организации, стоимость которой определялась в 500 миллионов рублей в год, но которая оказалась бессильной справиться со своим делом.

¹⁰³ В августе в декларации революционной демократии, уже находим требование привлечения торгового аппарата к продовольствию страны, не отказываясь, однако, от монополии.

Деревня, прекратившая внесение податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за них никакого товарного эквивалента, задерживала подвоз хлеба. Агитация и воззвания не действовали, приходилось местами применять силу.

Если кампания 16 года (1 августа 1916 года – 1 июля 1917 г.) дала 39,7%, то июль 1917 года дал 74%, а август – 60–90% невыполнения наряда продовольственных заготовок^[104]. Только на фронте, в ущерб питанию городов, ко второй половине июня удалось сосредоточить некоторый запас хлеба.

Положение становилось грозным. Правительство, министры земледелия и продовольствия – Шингарев и Пешехонов беспомощно взывали «к разуму и совести» земледельцев. Петроградский и Московский советы рабочих и солдатских депутатов, видя, что продовольственные органы бессильны справиться с надвигающимся бедствием, каждый порознь, решили послать своих эмиссаров во все хлебобродные губернии, поручив им выяснить наличные запасы на местах, и самыми решительными мерами организовать подвоз к станциям и пристаням. В свою очередь, армейские войсковые комитеты, с согласия министерства и Ставки, организовали свои комиссии для той же цели. Все эти обособленные, не раз самочинные действия, нисколько не усиливая интенсивности поступления хлебных грузов, вносили еще боль-

¹⁰⁴ Эти месяцы, впрочем, всегда наименее благоприятные.

шую путаницу в план заготовок и подвоза.

В конечном результате, воззванием, обнародованным 29 августа, правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положение страны: правительственные запасы беспрерывно уменьшаются; «города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, хотя его в стране достаточно»^[105]; многие не сдали даже прошлогоднего урожая, многие агитируют, запрещают другим выполнять свой долг... Правительство, с целью «предотвратить грозящую родине смертельную опасность», вновь увеличило твердые цены, угрожало применением крайних мер воздействия против ослушников, и вновь обещало принять меры к нормировке цен и распределению предметов, нужных деревне.

Но заколдованный круг переплетавшихся между собой политических, социальных, классовых интересов, затягивал все более тугую петлю на шею правительства, и парализовал его волю и деятельность.

* * *

Не менее тяжелым было положение промышленности, которая быстрыми шагами шла к разрушению. И здесь, как и

¹⁰⁵ Вывоз хлеба из России за границу до войны составлял в среднем ежегодно (1909–1914) – 870 мил. пуд.

в вопросе продовольствия, нельзя искать причин бедствия в одной серии явлений, как это имело место в односторонних обвинениях друг друга торгово-промышленниками и рабочими: одних – в хищнической сверхприбыли и саботаже в целях провала революции, других – в бездельничаньи и непомерной корысти, в целях использования в личных интересах революции.

Причины можно свести в три категории.

Еще до войны, в силу разнообразных политических и экономических условий, в том числе и недостаточного внимания власти к развитию производительных сил страны, промышленность наша находилась в состоянии неустойчивом, и в большой зависимости от иностранных рынков, даже в отношении таких материалов, которые, казалось бы, можно добывать дома. Так, в 1912 году в русской промышленности ощущался сильный недостаток чугуна, а в 1913 – серьезный топливный кризис; заграничный ввоз металла возрастал с 1908 по 1913 г. с 29% до 34%; хлопка до войны мы получали извне 48%; при общем производстве 5 миллионов пудов пряжи, требовалось 2,75 миллионов пудов иностранной шерсти^[106] и т. д.

Война оказала, несомненно, глубокое влияние на состояние промышленности: прекращение нормального ввоза и потеря Домбровских копей; ослабление транспорта, в си-

¹⁰⁶ Статистические данные для этой главы взяты из доклада проф. Г-ра 1920 г.; заявлений Кутлера, Шингарева, Покровского, Скобелева и др. в 1917 году.

ду стратегических перевозок и следовательно, уменьшение подвоза топлива и сырья; переход большей части фабрик и заводов на работу по обороне, уменьшение и ослабление рабочего состава мобилизациями, и т. д. В экономическом отношении, эта милитаризация промышленности легла тяжким бременем на население, ибо по исчислениям министра Покровского, армия поглощала 40–50% всех материальных ценностей, которые создает страна^[107]. Наконец, в социальном отношении война углубила рознь между двумя классами – торгово-промышленным и рабочим, доведя до чудовищных размеров прибыли и обогащение первых^[108] и ухудшив положение вторых: приостановкой некоторых профессиональных гарантий, ввиду военного положения, прикреплением военнообязанных к определенным предприятиям, и более тяжелыми условиями жизни, ввиду общего поднятия цен и ухудшения питания.

Но если, при всех этих ненормальных условиях, русская промышленность кое-как справлялась с возлагаемыми на нее задачами, то революция нанесла ей последний удар, приведший к постепенному замиранию и ликвидации. Временное правительство в своей законодательной деятельности ис-

¹⁰⁷ В частности, 75% вырабатываемых тканей шло на армию.

¹⁰⁸ В конце ноября 1916 г. с кафедры Государственной Думы были оглашены некоторые «военные прибыли» за отчетный 1915–1916 год: Товарищество Рябушинских – 75% чистой прибыли; Тверская мануфактура – 111%; Товарищество меднопрокатного завода Кольчугина – 12,2 мил. руб., при основном капитале 10 миллионов.

ходило из двух положений: с одной стороны, необходимости правительственного контроля и регулирования хозяйственной жизни страны путем сурового обложения доходов и «военной» сверхприбыли промышленников, а также правительственного распределения топлива, сырья, продовольствия, последняя мера вызвала фактическое устранение из хозяйственной жизни страны торгового класса и замену его демократическими организациями; исчезли ли при этом сверхприбыли или произошло простое «классовое» перемещение их, учесть трудно. С другой стороны, правительство всемерно заботилось об охране труда, проводя и разрабатывая законопроекты о свободе коалиций, биржах труда, примирительных камерах, социальном страховании и т. д.

К сожалению, то нетерпение и то стремление к самостоятельному «правотворчеству», которое охватило деревню, в равной мере повторилось на фабриках и заводах. С первых же дней революции рабочие захватным порядком провели 8-часовой рабочий день, фабрично-заводские комитеты и примирительные камеры; позднее – рабочий контроль. Но комитеты не могли возвыситься до понимания общенародных интересов, а примирительные камеры приобрести должный авторитет. Агитация, находившая благодарную почву в эгоистических устремлениях и торгово-промышленников, и рабочей массы, шла полным ходом, применяя те же приемы, что и в армии. Началась полнейшая разруха. Власть против нее принимала только одно средство – воззвания.

Во-первых, повторилась история с командным составом армии: организационно-технический аппарат был разрушен. Началось массовое изгнание лиц, стоящих во главе предприятий^[109], массовое смещение технического и административного персонала. Устранение сопровождалось оскорблениями, иногда физическим насилием, как месть за прошлые фактические и мнимые вины. Часть персонала уходила добровольно, не будучи в состоянии переносить того тяжелого нравственного положения, в которое ее ставила рабочая среда. При нашей бедности в технически образованных людях, эти методы грозили непоправимыми последствиями. Как и в армии, комитеты избирали и ставили на места ушедшего персонала, зачастую, совершенно неподготовленных и невежественных людей. Местами рабочие захватывали всецело в свои руки промышленные предприятия – без знания, без оборотных средств – ведя их к гибели и себя к безработице и обнищанию.

В промышленных предприятиях пала совершенно трудовая дисциплина и изъяты все способы нравственного, материального и, в необходимых случаях, судебного воздействия и принуждения. Одной «сознательности» оказалось совершенно недостаточно. Тот технический и административный персонал, который остался или был избран, не имел уже ни возможности руководить делом, ни авторитета, будучи все-

¹⁰⁹ В уральской промышленности, например, из 20 руководителей предприятий к середине 1917 г. осталось 4.

цело терроризован рабочими. В результате – фактическое сокращение 8-часового рабочего дня, крайняя небрежность в работе и страшное падение производительности. Московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле пала на 32%, производительность петроградских фабрик и заводов – на 20–40%, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к июлю на 30% и т. д. Расстроилась также добыча нефти на бакинских и грозненских промыслах.

Но особенно разрушительное влияние на промышленность оказали чудовищные требования повышения заработной платы, несообразанные ни с ценою жизни, ни с продуктивностью труда, ни с реальными платежными способностями предприятий – требования, значительно превосходившие всякие сверхприбыли. В докладе Кутлера Временному правительству приводятся такие, например, цифры: на 18 предприятиях Донецкого бассейна, с общей валовой прибылью за последний год в 75 миллионов рублей, рабочие потребовали повышения заработной платы в 240 миллионов рублей в год. Общая сумма повышенной платы на всех горнопромышленных и металлургических заводах Юга – 800 миллионов рублей в год; на Урале – 300 миллионов рублей при общем обороте 200 миллионов; добавочная плата одного Путиловского завода до конца 1917 года простиралась до 90 миллионов рублей. При этом ставки рабочей платы возросли на 200–300 процентов, а прядильщикам московской

текстильной промышленности и на 500% в сравнении с 1914 годом. Конечно, ставки эти перекладывались в значительной мере на казну, так как большинство предприятий работало на оборону.

Сообразно с таким направлением промышленной деятельности и психологии рабочих масс, предприятия стали гибнуть, в стране появился громадный недостаток предметов первой необходимости, и цена на них возросла до крайних пределов. Как один из результатов такого расстройтва хозяйственной жизни страны – поднятие цен на хлеб и нежелание деревни давать городу продовольствие.

В результате, – к июню месяцу было закрыто 20% петроградских промышленных заведений. Вообще, за первые месяцы революции зарегистрированный и, конечно, неполный мартиролог промышленности выражался в следующих цифрах.

Месяцы / Число закрытых заведений / Число уволенных рабочих

Март: 74 / 6 644

Апрель: 55 / 2 816

Май: 108 / 8 701

Июнь: 125 / 38 755

Июль: 206 / 47 754

Итого: 568 / 104 670

(В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-

Кроме того, встали 72 мельницы – за недостатком зерна. Было бы ошибочно считать, что классовые организации, в лице советов рабочих депутатов и профессиональных союзов, наконец, членов правительства – социалистов, не боролись с разрухой. Но борьба эта была неискренняя. Неискренняя по существу – со стороны людей, видящих идеал и конечную цель в национализации или социализации промышленности; неискренняя и по форме, ибо осуждение и назидание по адресу рабочих, по установившемуся демократическому ритуалу, требовало вящего опорочения буржуазного элемента предприятий. В то же время большевизм внес в рабочую среду постоянное бродящее начало, потворствуя низменным инстинктам, разжигая ненависть против имущих классов, поддерживая самые неумеренные требования, парализуя всякие попытки власти и умеренных демократических организаций локализовать распад промышленности. «Все для пролетариата и все через пролетариат»... Большевизм рисовал рабочему классу широчайшие и заманчивые перспективы политического господства и экономического благосостояния, путем сокрушения капиталистического строя и перехода в руки рабочих власти, предприятий, орудий производства и ценностей. И притом не в порядке длительного социально-экономического процесса и длительной организованной борьбы, а сейчас, немедленно. Раз-

горяченное воображение, не сдерживаемое ни знанием, ни авторитетом руководящих профессиональных органов, морально разрушаемых большевиками и все более падавших, рисовало соблазнительные возможности отмищения за свою тяжелую, нудную, трудовую жизнь, возможности приобщения к благам, ненавидимой всеми фибрами души и столь же страстно желанной – жизни буржуазии. Теперь или никогда. Все или ничего. А когда жизнь разбивала иллюзии, когда беспощадный экономический закон мстил дороговизной, голодом, безработицей, то большевизм с еще большей убедительностью настаивал на необходимости восстания, указывая и причины народного бедствия, и способы его устранения.

Причины – политика Временного правительства, «отстаивающего восстановление буржуазной кабалы», саботаж предпринимателей и попустительство революционной демократии, до меньшевиков включительно «продавшейся буржуазии». Средство – переход власти к пролетариату.

Все эти обстоятельства мало-помалу убивали русскую промышленность.

Что касается боевого снабжения, то, невзирая на все эти потрясения, ввиду крайнего напряжения и концентрации его за счет всех самых насущных потребностей страны, а также длившегося несколько месяцев затишья, расстройство промышленности непосредственно армией не ощущалось в таких значительных размерах, и к июню 1917 года мы обла-

дали не богатыми, но достаточными материальными средствами для серьезного наступления. Ввоз военного материала через Архангельск, Мурманск и в незначительной степени через Владивосток, несколько оживился; но, в силу трудных естественных условий морских путей и малой провозоспособности сибирской магистрали и мурманской дороги, не получил надлежащего развития, достигая всего лишь 16% общей военной потребности. Для военного управления было, однако, очевидным, что мы живем лишь старыми запасами, созданными патриотическим подъемом и напряжением страны в 1916 году. Ибо уже к августу 1917 года важнейшие производства военных материалов понизились: орудийное на 60%, снарядное на 60%, авиационное на 80%. Впрочем, возможность продления войны при худших условиях в материальном отношении, с наибольшей очевидностью доказало впоследствии советское правительство, в течение более чем трех лет питающее войну в большой мере запасами, оставшимися от 1917 года, частью же обломками русской промышленности; но, конечно, путем такого чудовищного сжатия потребительского рынка, которое возвращает нас к первобытным формам человеческого бытия.

* * *

Разрушался и транспорт. Еще в мае 1917-го года на очередном съезде железнодорожных представителей в Ставке, я услышал мотивированный доклад г. Шуберского, подтвержденный многими специалистами, что наш транспорт, если не изменятся общие условия, через полгода станет. Практика посмеялась над теорией: три с лишним года в невероятных условиях междуусобной борьбы и большевистского режима железные дороги продолжают работать, правда, не обслуживая почти вовсе нужд населения, но удовлетворяя все же стратегические потребности. Нет сомнения, однако, что эта работа идет уже не на разрушение, а на полное истребление русской железнодорожной сети.

История железнодорожной разрухи повторяет в подробностях те моменты, которые я отметил касаясь армии, деревни и в особенности промышленности: наследие нерациональной железнодорожной политики прошлого; необыкновенно возросшие требования войны, изнашивание подвижного состава и солдатская анархия на дорогах; общие экономические условия страны, отсутствие рельс, недостаток металла и топлива; «демократизация» железнодорожного строя, выразившаяся возникновением в нем коллегияльных организаций, захватывавших власть, дезорганизацией административного и технического состава, подвергнувшегося гонению, сильнейшим понижением производительности труда и неуклонным ростом экономических требований железнодорожных служащих и рабочих.

Но эта история имеет и некоторые особенности. Во-первых, рядом лет нерациональной экономии, без достаточной заботливости об улучшении положения служащих, власть создала среди некоторых категорий их то явление «побочных доходов», которое было почти узаконено жизнью и которое впоследствии в антибольшевистских образованиях приобрело характер народного бедствия... Железнодорожники, надо отдать им справедливость, позже рабочих промышленных предприятий и не в таких необузданных размерах предъявляли свои требования^[110]. Тем не менее, прибавка железнодорожникам потребовала 350 миллионов рублей.

Вторая особенность: тот систематический захват государственной власти частными организациями, который во всех других областях встречал хоть некоторое противодействие правительства, в министерстве путей сообщения насаждался самим правительством, в лице министра Некрасова.

Друг и вдохновитель Керенского, последовательно министр путей сообщения, финансов, товарищ и заместитель председателя, финляндский генерал-губернатор, октябрист, кадет и радикал-демократ, балансировавший между правительством и Советом, – Некрасов наиболее темная и роковая фигура среди правивших кругов, оставлявшая яркую печать злобного разрушения на всем, к чему он ни прикасался: будь

¹¹⁰ В марте, например, путевой сторож получал 24 рубля в месяц; начальник депо (при готовой квартире) 100 рублей, а его слесарь 300 руб.; начальник участка службы пути 120 рублей, а его рабочие более 200 и т. д.

то создание «Викжеля», украинская автономия или Корниловское выступление...

Общего плана – экономического и технического – министерство не имело, да и трудно было осуществить какой-либо план. Ибо в железнодорожную организацию, сильную некогда своей дисциплиной, Некрасов решил ввести «на место старых лозунгов принуждения и страха (?) – новые начала демократической организации» путем насаждения во всех отраслях железнодорожного дела выборных советов и комитетов. На создание их министр отпустил крупное ассигнование, и знаменитым циркуляром 27 мая определил организациям широчайший круг ведения в области общественного контроля, наблюдения за работой железных дорог и «указаний» ответственным лицам администрации. Впоследствии железнодорожным организациям была обещана и передача распорядительных функций... «Пока же министерство путей сообщения и подведомственные ему местные установления должны и будут строго согласовывать свою работу со взглядами и пожеланиями объединенных железнодорожных тружеников». Таким образом, г. Некрасов важнейшие государственные интересы – направление железнодорожной политики, судьбу обороны, промышленности и всех других отраслей народной жизни, сопряженных с использованием путей сообщения, отдал в руки частной организации. Мера, которая была бы вполне правильной, как выразился один из современных критиков, если бы все русское население состоя-

ло из одних железнодорожников.

В этой, не имевшей еще примера нигде в мире, реорганизации, проведенной господином Некрасовым, приходится поневоле видеть нечто худшее, чем простая ошибка или заблуждение.

Общее направление министерской политики было усвоено надлежаще. В начале августа на московском съезде, ставшем орудием левых социалистических партий, один из главных руководителей заявил, что «железнодорожный союз должен быть вполне автономным, и никакая решительно власть, никто кроме железнодорожников не может вмешиваться в их жизнь»... Словом, отложение от государства.

Начался развал. В строгий и точный механизм железнодорожной службы и в центре, и на местах был введен небывалый элемент произвола случайного состава организаций, основанных по принципу большинства, а не знания и опыта. Я понимаю демократизацию, открывающую широкий доступ народным массам к науке, технике, искусству, но не понимаю демократизации этих достижений человеческого разума.

Началось безвластие и падение трудовой дисциплины. Уже в июле правительство считало положение железных дорог катастрофическим.

Замечательно, что еще в конце марта на кадетском съезде Некрасов выражал притворное изумление перед таким «парадоксальным явлением», что с появлением комитетов, по-

явились чрезмерные требования, устранение начальников, неуклонное падение продуктивности труда и т. д. При этом он утешал аплодировавшее ему собрание тем, что это явление вполне закономерное и неизбежное, как следствие старого режима, но что «в этой организации лежит залог высшего развития железнодорожного дела».

Некрасов, после такого четырехмесячного управления ведомством, ушел, взяв в свои руки неведомые ему финансы страны, а преемник его Юренев начал бороться против захвата железнодорожниками власти, считая «вмешательство в распорядительную деятельность ведомства частных лиц и организаций государственным преступлением». Борьба велась обычными методами Временного правительства и уже не могла вернуть потерянного. И на московском совещании председатель железнодорожного союза, в сознании силы и влияния его, говорил, что предпринятая борьба с демократическими организациями есть проявление контрреволюции, и против этого союз будет бороться абсолютно всеми средствами «и найдет силы задушить эту гидру контрреволюции».

В дальнейшем, как известно, «Викжель» став организацией всецело политической, предал Корнилова – Керенскому, Керенского – Ленину, с рвением бывшего охранного отделения «ловил» бежавших Быховских узников и наконец погиб бесславно в тисках большевистской централизации. В 1919 г. в «Правде» был опубликован приказ советского

комиссара путей сообщения Красина, похоронивший окончательно некрасовские упражнения в области самоуправления: «Существующая система железнодорожного управления... привела транспорт к полному развалу... Всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения... На место коллегиального, в действительности безответственного управления, вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности: все от стрелочника до члена коллегии должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить и всюду, где только можно, восстановить старые должности и старый технический аппарат в центральном управлении и на линиях».

В результате всех этих явлений, т. е. старого режима, войны и революции, явилось то положение транспорта, которое характеризуется – хотя и очень поверхностно – скудными цифровыми данными, которые находятся в моем распоряжении; относятся они к московскому узлу, а некоторые – ко всей сети (под чертой).

1. Наличие товарных вагонов: Январь – 82 375; Июль – 89 718; Декабрь – 98 881

2. % в ремонте: Январь – 6; Июль – 8,6; Декабрь – 7,8

3. Наличие паровозов (к 1-му июля бездействовало на всей сети русских железных дорог 1800 паровозов.): Январь – 3 060 / 17 000; Июль – 3 170 / 15 700; Декабрь – 3 333 / 15 800

4. % в ремонте: Январь – 17,5 / 16,5; Июль – 28,5 /

24,7; Декабрь – 34,4 / 29,4

5. Средний суточный пробег вагона в верстах (в первые семь месяцев): Январь – 60,2; Июль – 56,1; Декабрь – 35

6. Средняя суточн. погрузка 1917 г. на всей сети вагонов (для всей казенной сети жел. д. недогружено в сравнении с 1916 г. – 980 000 вагонов: при этом недогружено угля на 106 млн. пудов): Январь – 31 307; Июль – 27 615 ; Декабрь – 19 000

(В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-книги)

Если к этому прибавить увеличение числа рабочих, приходившихся на 1 в. пути, по сравнению с 1914 г., от двух (Москов.-Каз. и Москов.-Курск.) до восьми раз (Северные) и увеличение средней оплаты одного человека с 310 на 1 107 рубл., то станет ясным, что причины социального и политического характера (2, 4, 5, 6) имели в общей железнодорожной разрухе большее значение, чем технические условия (1, 3). Явление, совершенно обратное дореволюционному периоду, когда работа железных дорог доходила до крайнего напряжения, когда личный состав их проявлял высокую энергию и самоотвержение. Мы не забудем, что сосредоточение русских армий летом 1914 года, возбуждавшее всегда самые тревожные опасения в составителях плана кампании, прошло не только блестяще, но войска не раз прибывали на

фронт раньше сроков, положенных по плану мобилизации и сосредоточения. Такова же работа железнодорожников и в течение войны. И, если бывали случаи роковой медленности стратегических перевозок, как например в 1916 году, лишившие нас успеха летом на Волынском театре и осенью в Румынии, то это обстоятельство нужно отнести к слаборазвитой сети и непосильному заданию, а никак не к недостатку доброй воли и сознания долга железнодорожников.

* * *

Наконец, еще один элемент государственного хозяйства – финансы. Если имеет значение нормальный финансовый план, то он находится в полной и абсолютной зависимости от целого ряда существенных факторов: общих политических условий, дающих уверенность извне и внутри в прочности государственного строя и устойчивости внутреннего положения страны; стратегических условий, определяющих степень надежности государственной обороны; экономических условий, как то: состояние производительности страны и взаимоотношения производства ее с потреблением, условия труда, транспорта и т. д. Власть, фронт, деревня, завод, транспорт не давали соответственных гарантий, и потому ведомство могло принимать лишь меры паллиативные, чтобы

задержать процесс распада всей денежной системы и в корне нарушенного бюджетного равновесия до тех пор, пока в стране не восстановится относительный порядок.

Главными недостатками нашего довоенного бюджета считаются базирование его на доходах от винной монополии (800 милл. рубл.) и почти полное отсутствие прямого обложения. Перед войной бюджет России простирался до 3? миллиардов рублей, государственный долг – около 8? миллиардов; одних процентов мы платили до 400 миллионов; почти половина этой суммы шла за границу, погашаясь частью 1?-миллиардного нашего вывоза.

Война и запрещение во время ее продажи спиртных напитков вывели совершенно наш бюджет из равновесия. Государственные расходы за время войны выразились в следующих цифрах:

? 1914 г. – 5 миллиард. рублей.

1915 г. – 12 миллиард. рублей.

1916 г. – 18 миллиард. рублей.

Семь месяцев 1917 г. – 18^[111] миллиард. рублей.

Огромный дефицит покрывался частью займами, частью выпуском кредитных билетов. Расходы на войну производились из так называемого «Военного фонда». В Ставке расходование его находилось в полном и бесконтрольном (по во-

¹¹¹ За весь 1917 год ожидался расход в 27–30 миллиардов рублей.

просу целесообразности) ведении начальника штаба Верховного главнокомандующего, который устанавливал отправные данные своими приказами и утверждением смет и штатов.

Революция нанесла окончательный удар нашим финансам. «Она, как говорил министр финансов Шингарев, вызывала у всех сильное стремление к расширению своих прав и притупила сознание обязанностей. Все требовали повышения оплаты своего труда, но никто не думал вносить в казну налоги, поставив тем финансы в положение, близкое к катастрофе». Началась положительно вакханалия, соединившая всех в безудержном стремлении под флагом демократизации брать, рвать, хватать, сколько возможно, из государственной казны, словно боясь упустить время безвластия и не встречая противодействия со стороны правительства. Даже сам г. Некрасов на Московском совещании решился заявить, что «ни один период русской истории, ни одно царское правительство не были столь щедрыми, столь расточительными в своих расходах, как правительство революционной России» и что «новый революционный строй обходится гораздо дороже, чем старый».

Достаточно привести несколько «астрономических цифр» для определения непреодолимых бюджетных затруднений. Уменьшение выработки и чрезмерное повышение заработной платы вызвало необходимость громадных расходов частью на субсидирование замиравших предприятий,

частью на переплату за предметы производства. Эта переплата для одного только Донецкого бассейна дала 1 200 миллионов рублей. Прибавка солдатского жалования – 500 миллион. рубл., железнодорожная прибавка – 350 миллион. рублей; почтовым чиновникам – 60 миллион. рублей, причем через месяц потребовали еще 105 милл., в то время, как весь доход от почтово-телеграфного ведомства – 60 миллион. На пайки солдатским женам Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал 11 миллиардов рублей, т. е., почти полный годовой бюджет 1915 года, тогда как за время до 1917 года было израсходовано на это дело 2 миллиарда. Содержание продовольственных комитетов обходилось в 500 миллионов рублей в год, земельных – в 140 миллионов и т. д., и т. д.

Параллельно с таким ростом расходов наблюдалось сильное понижение поступлений. Так, например, в первые же месяцы революции поступление поземельного налога упало на 32%, городских недвижимых имуществ на 41%, квартирного налога на 43% и т. д.

Как результат внутренних нестроений наших, явились, вместе с тем, падение курса рубля и понижение русских ценностей за границей^[112].

Временное правительство в основу своей финансовой деятельности положило «переустройство финансовой системы на демократических началах, путем прямого обложе-

¹¹² 28 июля фунт стерлингов стоил 21 руб., французский франк 77 коп.; 28 августа фунт стерлингов стоил уже 37 р. 50 коп., французский франк 1 р. 10 к.

ния имущих классов» (обложение наследственное, военных сверхприбылей, поимущественное, подоходное и т. д.). Правительство не решалось только прибегнуть к средству, рекомендованному революционной демократией – принудительному займу или установлению «высокого единовременного поимущественного налога» – средству, имевшему некоторый привкус большевизма. Все эти справедливые налоги, проведенные в жизнь или проектированные, при всем их крайне высоком напряжении, не могли и в малой степени удовлетворить все возраставших требований. Министерство Бернацкого^[113] в начале августа сочло себя вынужденным обратиться к усилению косвенного обложения и к некоторым монополиям (на чай сахар, спички) – мерам, накладывающим платежные тяготы на массу населения и потому до крайности непопулярным.

Тем временем расходы росли чудовищно, доходы не поступали, «заем свободы» шел не совсем удачно, на внешние займы, ввиду общего состояния русского фронта, рассчитывать не приходилось. Кредитные операции (внутр., внешн. займы, краткосрочн. обяз. казначейства) дали за первую половину 1917 г. 9% миллиардов; обыкновенные доходы предположены не более 5 800 миллион. Оставалось одно, освященное историческими традициями всех революционных эпох средство – печатный станок.

¹¹³ Некрасов возглавлял фиктивно министерство, управляющим которого был М. В. Бернацкий.

Выпуск кредитных билетов достиг размеров исключительных:

? 1914 г. – 1 425 миллион. рублей.

1915 г. – 2 612 миллион. рублей.

1916 г. – 3 488 миллион. рублей.

? 1917 г. – 3 990 миллион. рублей.

По балансу к июлю месяцу 1917 года сумма находившихся в обращении кредитных билетов достигала цифры в 13 916 миллионов рубл. (при обеспечении золотом в 1 293 миллиона), против 2 миллиардов, бывших до войны.

Четыре сменявшихся один за другим министра финансов^[114] не могли ничего сделать, чтобы вывести страну из финансового тупика. Ибо для этого нужно было или пробуждение чувства государственности в народной массе, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный удар губительным безгосударственным, эгоистичным стремлениям и той части буржуазии, которая строила свое благополучие на войне, разорении и крови народной, и той демократии, которая, по выражению Шингарева, «с такой суровостью, устами своих представителей в Государственной Думе, осуждала тот самый яд бумажных денег, который теперь полными чашами стала пить сама – в момент, когда явилась почти хозяйном своей судьбы».

¹¹⁴ Терещенко, Шингарев, Некрасов, Бернацкий.

Глава XV. Положение центральных держав к весне 1917 г.

Первым основным вопросом, который стал передо мной в Ставке, была задача фронта. Я не могу сказать, чтобы служба внешней тайной разведки давала нам очень широкое освещение, тем более, что главная организация ее, находившаяся в Париже, пользовалась отрицательной репутацией. Тем не менее, при некотором содействии союзников, мы обладали достаточным знанием как общего, так и военного положения в стане наших врагов.

Это положение рисовалось нам далеко не в блестящем виде. Но я должен сказать откровенно, что действительность, обнаружившаяся теперь, превосходит все наши предположения, особенно по той картине положения Германии и союзных ей держав в 1917 г., которую дают Гинденбург и Людендорф.

Без сомнения, нелегко было положение и союзников, в особенности Франции, которая делала колоссальное напряжение, привлекая в ряды войск все способное носить оружие мужское население и мобилизуя почти всю свою промышленность. И в Англии, и во Франции чувствовалось большое моральное напряжение, и сильное расстройство всех экономических связей.

Но если союзники могли еще черпать большие людские запасы в своих колониях, из которых Англия, например, к весне 1917 года извлекла миллион человек, то Германия выкачала уже из своей страны все, что мог дать народ – все возрасты от 17 до 45 лет. Верховное командование ее, однако, не удовлетворялось этим и требовало всенародного ополчения от 15 до 60 лет – как для пополнения рядов, так и для службы и работ в тылу армии небоеспособных элементов, не исключая и женщин. Правительство не решалось на такой шаг, ввиду явной его непопулярности, и это обстоятельство вызвало острое трение между ним и командованием. С огромным напряжением и ценою ослабления своих кадров и запасов пополнений, немцы создали к весне новых 13 дивизий, а для работ использовали широко и беспощадно пленных, особенно русских, и население оккупированных стран. Все эти меры не изменили, однако, существенно соотношения сил, которые у Антанты превосходили приблизительно на 40% численность армий центральных держав.

Промышленность в Германии испытывала жестокое потрясение.

Все фабрики и заводы, какие только могли быть использованы для военных целей, были мобилизованы, станки переделаны, изменено производство. Это обстоятельство, в связи с критическим недостатком сырья, вызвало в стране острую нужду в предметах первой необходимости. Струны очевидно были перетянуты, если командование в период наиболь-

шей военной опасности сочло себя вынужденным вернуть частной промышленности несколько заводов и из строя – на заводы 125 тысяч квалифицированных рабочих. При таком полном напряжении, состязаться с противниками в отношении производства военных материалов Германия все же не могла. «Положение было невероятно трудно и почти безвыходно. Нечего было больше думать о наступлении. Надо было сохранить резервы для обороны» – говорит Людендорф^[115].

Но тяжелее всего отзывалась блокада, которой подвергли Германию державы Согласия. Все усилия немецкого правительства, практиков и ученых не приводили к желанным результатам. Хлеб и жиры заменялись суррогатами, рацион населения дошел до минимума, потребного для существования; не только в стране, но и в армии приходилось прибегать к суррогатам из соломы и древесины для питания лошадей, иногда и людей. Масса населения, особенно среднего класса, положительно умирала с голоду. «Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила нас не только в физические страдания, но и в моральное отчаяние»^[115]...

В Австрии положение было не лучше: Галиция была разорена войной, двукратным переходом из рук в руки, беженством и болезнями. Венгрии хватало хлеба; она давала часть его армии, но в силу известного сепаратизма, препятство-

¹¹⁵ Mes souvenirs de guerre. Людендорф.

¹¹⁵ Mes souvenirs de guerre. Людендорф.

вала вывозу его в Австрию, в которой царил голод. Занятие в 1916 году Румынии с ее богатыми запасами, несомненно, умерило несколько кризис, но за дальностью расстояния и в силу расстроенного транспорта, могло оказать влияние нескоро, и далеко не в решающей степени.

«Вечное недоедание... создало упадок сил физических и нравственных и породило трусливое и истерическое настроение в немецком обществе»^[115].

Неудивительно, что вся совокупность создавшейся обстановки вызвала большую усталость и потерю веры в победу у германского народа, правительства и армии.

Что касается австрийской армии, то она никогда не представляла из себя особенно серьезной силы, требовала постоянной подпорки со стороны немцев, и теперь могла рассыпаться в любой момент от одного оглушительного удара. Видный австрийский генерал фон-Арц – далеко не пессимист – в начале апреля 1917 г. уверял, что «благодаря недостатку сырья и усталости войск, австрийская армия не может драться долее, чем до зимы».

Едва ли, кроме высшего германского командования, какие-либо широкие общественные и народные круги желали продолжения войны. Всю страну охватило страстное желание мира. Это желание, однако, как-то странно совмещалось с гордым тоном и непримиримостью основных начал мирных предложений, как будто Германия, обращаясь дважды

¹¹⁵ Mes souvenirs de guerre. Людендорф.

к воюющим державам, дарила мир, а не просила его, и в самом себе носило зачатки слабости и поражения. Оно парализовало волю страны к победе, ослабило приток живой силы, создало большие затруднения правительству в рейхстаге, крайне нервировало командование и подорвало дух армии. Несомненно, во всем этом движении серьезную роль сыграл и левый фланг немецкой общественности – социал-демократическая партия независимых.

Создавались и внешние политические осложнения: Австрия все более и более вырывалась из орбиты германской политики, граф Чернин носился уже с планом австро-польского единения, ставившего необыкновенно остро вопрос о Познани и польской Силезии. В Австрии – и в обществе, и в политических кругах – все более укреплялось убеждение, что приносятся бесконечные жертвы, и само существование двуединой монархии поставлено на карту только ради интересов Германии. Император Карл, в середине апреля 1917 года, писал Вильгельму о необходимости, учитывая опасность всеобщей революции, заключить мир ценою хотя бы больших жертв. Что касается Болгарии, то донесения военных агентов и секретная дипломатическая переписка производили на меня такое впечатление, что только некоторая инертность наших и союзных дипломатов замедляла разрешение этого большого исторического недоразумения, которое окончилось лишь в сентябре 1918 года падением Болгарии. Пожалуй, не без влияния осталось еще одно обстоя-

тельство – неучтенная союзниками ошибка психологического характера: не следовало сербские войска, после отдыха и приведения в порядок на Корфу, развертывать на Салоникском фронте, противопоставляя их болгарам, как возбуждающее начало неизжитой и обостренной исторической вражды. Точно такую же ошибку сделала Ставка в конце 1916 года, отправив в Добруджу, в составе русского отдельного корпуса, сербскую дивизию, сформированную из пленных югославян.

Сам Гинденбург признает, что «народный энтузиазм болгар был далеко не такой, как в 1912 г. В 1915 г. болгар подвинул на войну холодный расчет правительства (идея гегемонии на Балканском полуострове) гораздо более, нежели национальный подъем»^[116].

23 марта Америка объявила войну Германии. В послании Вильсона объявление войны мотивировалось нарушением Германией элементарных основ международного права и человечности, подводной войной: «Германцы, без зазрения совести, стали топить всякого рода суда, без предупреждения и не подавая помощи их пассажирам. Топились без всякого сострадания суда нейтральных и дружественных держав, наравне с враждебными, и даже госпитальные, снабженные пропусками, выданными самим же германским правительством». Президент потребовал кредитов на полную мобилизацию флота и увеличение армии. На основании утвер-

¹¹⁶ «Aus meinem Leben».

жденного сенатом и палатою подавляющим большинством голосов законопроекта, в Америке введена была обязательная повинность, предоставлено право президенту призвать немедленно 500 тысяч человек и позже еще 500 тысяч.

Конечно, формирование и перевозка экспедиционных американских войск требовали очень большого времени. Фактически, первые дивизии начали прибывать на европейский фронт только в середине июня 1917 г.; в июне 1918 г. перевезено до 500 000 человек, а к декабрю 1918 г. – до 1,4 миллиона. Но объявление войны Америкой, помимо морального влияния на воюющие и нейтральные державы, вносило полную определенность в политическую ситуацию, предоставляло державам Согласия теперь же помощь морскими силами, и легальную возможность еще более широкой материальной и экономической поддержки Америкой¹¹⁷, наконец, создавало реальную угрозу враждебным странам в будущем.

Это событие было естественным и предвиденным немцами, когда они, в сознании безвыходности своего положения, рискнули в январе 1917 г. поставить последнюю карту, начав подводную войну. Несомненно, эта война нанесла очень тяжелые материальные потери державам Согласия. По исчислениям немцев, февраль стоил союзникам потери 780, март – 860, апрель – более 1 миллиона, май – 870 тысяч тонн.

¹¹⁷ С июля 1914 года по июнь 1917 года Америка доставила Антанте снабжения на 53 миллиарда франков.

Но решительных результатов, которые только и могли оправдать все невыгодные стороны этого мероприятия – и прежде всего всеобщее озлобление против Германии – она не достигла. Англия, против которой главным образом направлена была подводная война, ответила на этот вызов и потерю своего тоннажа – увеличением площади запашки на 3 миллиона акров, сокращением ввоза без чрезмерного нарушения интересов промышленности на 6 миллионов тонн, увеличением добычи минералов в пределах самой страны и регулировкой внешней торговли, в смысле сосредоточения тоннажа для предметов первой необходимости; одновременно начались серьезные технические изыскания действительных способов борьбы с подводными лодками. Словом, французский морской министр, адмирал Ляказ имел основание 12 мая выступить со следующим официальным заявлением:

«До 1 января 1917 года союзники потеряли 4,5 миллион. тонн. Но мы построили 4 402 тысячи тонн и получили 990 тысяч тонн в качестве приза. Таким образом, к 1 января 1917 г. мы оказались в таком же положении в отношении тоннажа, как в начале войны. С этого времени до конца апреля мы потеряли еще 2? миллиона тонн. Если сохранится та же пропорция и в будущем, то к концу года мы, за частичным возмещением, потеряем 4–4? миллиона тонн из 40 миллионов. Можно ли опасаться, что такая потеря угрожает нашей жизни?»

К середине июня Гинденбург, в телеграмме к императору, весьма пессимистически определял положение страны:

«Огромное беспокойство возбуждает в нас упадок народного духа. Надо поднять его, иначе война проиграна. Наши союзники также нуждаются в поддержке, если мы не хотим, чтобы они нас оставили... Нужно разрешить экономические проблемы, страшно важные для нашего будущего. Является вопрос, способен ли канцлер их разрешить? А разрешить нужно – иначе мы погибли».

В ожидании назревавшего большого наступления англо-французов на западном фронте, немцы сосредоточили там главное свое внимание, средства и силы, оставив на восточном – после русской революции – лишь число войск, едва достаточное для обороны. Тем не менее, положение восточного фронта продолжало вызывать к себе нервное отношение немецкого командования. Устоит ли русский народ, или в нем возобладают пораженческие влияния? «Так как состояние русской армии не позволяло нам ответить ясно на этот вопрос, – говорит Гинденбург, – то наше положение в отношении России продолжало оставаться далеко не надежным».

Глава XVI. Стратегическое положение русского фронта к весне 1917 г.

Русская армия к марту 17 г., невзирая на все свои недочеты, представляла внушительную силу, с которой противнику приходилось весьма считаться. Благодаря мобилизации промышленности, деятельности военно-промышленного комитета и отчасти несколько оживших органов военного министерства, боевое снабжение достигло размеров доселе небывалых. К тому же усилился подвоз артиллерии, и вообще военного материала, от союзников на Мурманск и к Архангельску. К весне мы имели сильный 48-й корпус – название, под которым скрывалась тяжелая артиллерия особого назначения – «Таон», состоявшая из крупнейших калибров. В начале года произведена была реорганизация технических (инженерных) войск, с целью значительного их расширения. Вместе с тем, началось развертывание новых пехотных дивизий. Эта последняя мера, проведенная ген. Гурко в дни его временного пребывания начальником штаба Верховного главнокомандующего, заключалась в переходе пехотных полков с 4-х-батальонного состава на 3-х-батальонный, и в уменьшении числа орудий на дивизию, взамен чего из выделенных частей создавались в каждом корпусе третьи дивизи-

зии, соответственно пополненные, с небольшой артиллерией. Несомненно, по существу эта организация, будучи проведена еще в мирное время, придавала бы большую гибкость корпусам, и значительно увеличила бы их силу. Но во время войны приступить к ней было рискованно: к весенним операциям старые дивизии были раздерганы, а новые предстали в жалком виде, как в отношении боевого снаряжения (пулеметы и пр.), так и технического и хозяйственного оборудования; многие из них не успели получить надлежащей внутренней спайки – обстоятельство, имевшее исключительно серьезное значение перед лицом вспыхнувшей революции. Положение было настолько остро, что Ставка вынуждена была в мае дать разрешение фронтам расформировать те из третьих дивизий, которые окажутся мало боеспособными, обращая их на пополнение кадровых; мера эта, однако, почти не применялась, встретив сильное противодействие в частях, тронутых уже революционным движением.

Другой мерой, ослабившей значительно ряды армии, было увольнение от службы старших возрастных сроков.

Мотивом к такой чреватой последствиями мере, принятой накануне общего наступления, послужило заявление на совещании в Ставке 30 марта министра земледелия Шингарева^[118], что положение продовольствия критическое, и что он совершенно не берет на себя ответственности за питание армии, если не будет сброшено с рационов до миллиона ртов.

¹¹⁸ Министерство ведало и продовольствием.

При обмене мнений указывалось на огромное, непропорциональное развитие в армии небоевого элемента, пребывание в составе ее множества едва ли необходимых вспомогательных учреждений, в виде крайне разросшихся общественных рабочих организаций, китайских, инородческих рабочих дружин и т. д. Упоминалось также об омоложении армии.

Крайне обеспокоенный таким направлением мыслей, я поручил дежурству представить статистические данные относительно всех указанных категорий лиц. Но пока производилась эта работа, 5 апреля вышел приказ военного министра об увольнении из внутренних округов солдат свыше 40 лет на сельскохозяйственные работы до 15 мая (позднее срок продолжен до 15 июня, фактически почти никто не вернулся), а 10 апреля состоялось постановление Временного правительства об увольнении вовсе от службы лиц, имеющих более 43 лет от роду.

Первый приказ вызвал психологическую необходимость, под напором солдатского давления, распространить его и на армию, которая не примирилась бы со льготами, данными тылу; второй вносил чрезвычайно опасную тенденцию, являясь фактически началом демобилизации армии. Никакая нормировка не могла уже остановить стихийного стремления уволенных: вернуться домой, и массы их, хлынувшие на станции железных дорог, надолго расстроили транспорт. Некоторые полки, сформированные из запасных батальонов, потеряли большую часть своего состава; войсковые тылы —

обозы, транспорты расстроились совершенно: солдаты, не дожидаясь смены, оставляли имущество и лошадей на произвол судьбы: имущество расхищалось, лошади гибли.

Эти обстоятельства ослабили армию и, в свою очередь, отдалили на некоторое время ее боевую готовность.

На огромном фронте, от Балтийского моря до Черного и от Черного до Хамадана, тянулись русские позиции. На них стояло 68 армейских и 9 кавалерийских корпусов.

Как значение фронтов, так и общее состояние их было далеко не одинаково. Северный наш фронт^[119], включавший Финляндию, Балтийское море и линию Западной Двины, имел большое значение, как прикрывавший подступы к Петрограду, но значение это строго ограничивалось требованиями обороны. Сообразно с этим, ему не представлялось возможным уделять ни крупных сил, ни большого числа тяжелой артиллерии. Условия театра, сильная оборонительная линия Двины, ряд естественных тыловых позиций, связанных с основными позициями Западного фронта, невозможность серьезной операции к Петрограду ранее овладения морем, находившимся в наших руках – все это позволяло бы считать фронт до известной степени обеспеченным, если бы не два обстоятельства, сильно тревожившие Ставку: большая, чем где-либо, развращенность войск Северного фронта, благодаря близости революционного Петрограда, и состо-

¹¹⁹ Командовали последовательно генералы Рузский, Драгомиров, Клембовский, Черемисов.

ание – не то автономное, не то полуанархическое – Балтийского флота и его баз – Гельсингфорса и Кронштадта, из которых второй служил, вместе с тем, и главной базой анархо-большевизма.

Балтийский флот, сохраняя до известной степени внешние формы служебного подчинения, совершенно вышел из повиновения. Командующий флотом, адмирал Максимов, находился всецело в руках центрального матросского комитета; ни одно оперативное приказание не могло быть осуществлено без санкции этого комитета. Не говоря уже о боевых задачах, даже работы по установке и исправлению минных заграждений – главное средство обороны Балтийского моря – встречали противодействие со стороны матросских организаций и команд. Во всем этом ясно сказывались не только общее падение дисциплины, но и планомерная работа немецкого генерального штаба. Являлось опасение за выдачу секретных морских планов и шифров...

Наряду с этим, войска 42 отд. корпуса, расположенные по финляндскому побережью и на островах Моонзунда, вследствие долгого безделья и разбросанного расположения, с началом революции быстро разложились, и часть их представляла из себя совершенно опустившиеся физически и морально толпы. Какая-либо смена или передвижение их были невозможны. Помню, как в мае 1917 г., я долго и безрезультатно добивался посылки на Моонзундские острова пехотной бригады. Достаточно сказать, что командир корпуса

не решался объехать и ознакомиться со своими частями, – обстоятельство характерное и для войск, и для личности начальника.

Одним словом, весной 1917 г. положение на Северном фронте было таково: мы получали ежедневные донесения о состоянии ледяных заторов в проливах между материком и островами Рижского залива, и долгое их стояние казалось главной реальной силой противодействия вторжению немецкого флота и десанта.

Временами, чтобы разбудить правительство и советы, и чтобы привлечь к боевой работе разлагавшийся петроградский гарнизон, Ставка подчеркивала тревожное положение северного направления, в особенности на Ригу, что, однако, кроме обвинения Ставки в контрреволюционности, ни к чему более не приводило.

К весне принимались меры для подготовки Двинского и Рижского плацдармов, для демонстративно-наступательных действий.

Между Десной и Припятью тянулся Западный фронт^[120]. На всем его огромном протяжении два направления – Минск–Вильна и Минск–Барановичи – имели для нас наибольшую важность, представляя возможные направления как наших, так и немецких наступательных операций, имевших прецеденты в прошлом. Первое из этих направлений, весной обеспечивалось сосредоточением на нем крупных

¹²⁰ Командовали последовательно генералы: Эверт, Гурко, Деникин и Балугев.

наших сил и тяжелой артиллерии, собранных там для участия в предполагавшемся общем наступлении; второе – всегда внушало некоторое опасение, тем более, что в резерве там была одна лишь конная дивизия. Прочие районы фронта, и в особенности южный – лесисто-болотистое Полесье – по условиям местности и дорог, являлись пассивными, а по Припяти, притокам ее и каналам – издавна установилось даже какое-то полумирное сожительство с немцами, с развитием небезвыгодного для «товарищей» тайного товарообмена. Поступали, например, донесения, что в Пинск на базар ежедневно являются с позиции русские солдаты – мешочники, и их появление, по разным причинам, поощряется немецкими властями.

Было еще одно уязвимое место – это тет-де-пон на Стоходе, у станции Червище-Голенин, занимаемый одним из корпусов армии генерала Леша. 21 марта немцы, после сильной артиллерийской подготовки и газовой атаки, обрушились на наш корпус и разбили его наголову. Войска наши понесли тяжелые потери, и остатки корпуса отведены были за Стоход. Ставка не получила точного подразделения числа потерь, за невозможностью выяснить, какое число убитых и раненых скрывалось в графе «без вести пропавших». Немецкое же официальное сообщение давало цифру пленных в 150 офицеров и около 10 000 солдат...

Конечно, по условиям театра, этот тактический успех немцев не имел никакого стратегического значения, и не мог

получить опасного для нас развития. Тем не менее, странной показалась нам откровенность осторожного канцлерского официоза «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», который писал:

«Сообщение Ставки русского Верховного главнокомандующего от 29 марта заблуждается, если усматривает в операции, предпринятой германскими войсками и предписанной тактической необходимостью, возникшей лишь в ограниченных пределах данного участка, крупную операцию общего значения»^[121].

Газета знала то, в чем мы не были вполне уверены, и что теперь разъяснил нам Людендорф. С начала русской революции, Германия поставила себе новую цель: не имея возможности вести операции на обоих главных фронтах, она решила «следить внимательно и поощрять развитие процесса разложения в России», добывая ее не оружием, а развитием пропаганды. Бой на Стоходе предпринят был по частной инициативе генерала Линзингена, и испугал германское правительство, считавшее, что немецкие атаки «в период, когда братанье шло полным ходом», могут оживить в нас, русских, угасавший дух патриотизма и отдалить падение России. Канцлер просил главную квартиру «делать как можно меньше шума вокруг этого успеха», и последняя запретила всякие дальнейшие наступательные операции, «чтобы не расстраивать надежд на мир, близких к осуществлению».

¹²¹ В нашей сводке такого определения я не нашел.

Наша неудача на Стоходе произвела в стране большое впечатление. Это был первый боевой опыт «самой свободной в мире революционной армии»... Ставка ограничилась сухим изложением факта, без какой бы то ни было тенденции; в кругах революционной демократии объясняли его, где изменой командного элемента, где злым умыслом военного начальства, – желавшего якобы подчеркнуть таким предметным уроком негодность новых порядков армии, и опасность падения дисциплины, – где неспособностью начальства. Московский совет предъявил в Ставку обвинение в измене одного из помощников военного министра, командовавшего ранее на этом фронте дивизией...

Другие – всецело относили наше поражение к разложению войск.

Фактических причин неудачи было две: тактическая, обусловленная сомнительной целесообразностью занятия узкого тет-де-пона, во время разлива реки, с не обеспеченным надлежаще тылом, и может быть, не совсем правильное применение техники и войск; и психологическая: падение морального элемента и дисциплины в войсках. Это последнее обстоятельство, выразившееся, между прочим, в огромном, непропорциональном числе пленных, заставило по разным побуждениям «глубоко призадуматься» и русскую Ставку, и главную квартиру Гинденбурга.

Наиболее важным и привлекавшим исключительное вни-

мание, являлся Юго-западный фронт^[122], простиравшийся от Припяти до Молдавии. От него шли на северо-запад чрезвычайно важные операционные направления в глубь Галиции и Польши, – на Краков, Варшаву, Брест-Литовск. Наступление по ним прикрывалось с юга Карпатами, разделяло южную австрийскую группу армий от северной немецкой, угрожая тылу и коммуникациям последней. Эти операционные направления, не встречая, в общем, серьезных преград, выводили нас на фронт австрийских войск, боевые качества которых были много ниже германских; тыл Юго-западного фронта был сравнительно устроен и богат; психология войск, командования и штабов его всегда значительно отличалась от других фронтов: на общем славном, но безрадостном фоне кампании, только юго-западные армии одерживали потрясающие успехи, видели сотни тысяч пленных, проходили победно сотни верст в глубь неприятельской территории, спускались с Карпат в Венгрию. В этих войсках раньше всегда жила вера в успех. Юго-западный фронт создал имена Брусилову, Корнилову, Каледину... Все эти обстоятельства заставляли смотреть на Юго-западный фронт, как на естественную базу и центр предстоящих операций, и соответственно с этим сосредоточить в нем войска, технические средства, большую часть тяжелой артиллерии («Таона») и боевых запасов. Соответственно, подготовлялся для наступления, с

¹²² Командовали последовательно генералы: Брусилов, Гутор, Корнилов, Балухин, Деникин, Володченко.

устройством плацдармов, проведением дорог, – главным образом район между верхним Серетом и Карпатами.

Далее следовал – до Черного моря – Румынский фронт^[123]. После неудачной для нас кампании 1916 г., наши войска заняли линию по Дунаю, Серету и Карпатам и укрепились на ней достаточно прочно. Румынские войска частью располагались на фронте, вкрапленные между нашими IV и IX армиями (армия Авереско), частью еще организовались под руководством французского генерала Бертело, и при участии русских артиллерийских инструкторов. Реорганизация и формирование шли весьма удовлетворительно, тем более, что румынский солдат представляет из себя отличный боевой материал. Я познакомился с румынской армией еще в ноябре 1916 года, когда с 8-м армейским корпусом был брошен в Бузео, в самую гущу отступавших румынских армий, имея оригинальную директиву: двигаться по Бухарестскому направлению до встречи с противником, и затем прикрыть это направление, привлекая к обороне отступающие румынские войска. С тех пор в течение нескольких месяцев, ведя бои у Бузео, Рымника, Фокшан, имея в подчинении разновременно два румынские корпуса или соседями – армию Авереско, я достаточно хорошо познакомился с румынскими войсками. В начале кампании, обнаружилось полное игнорирование румынской армией опыта, протекавшей перед ее глазами, мировой войны; легкомыс-

¹²³ Командовали последовательно генералы: Сахаров и Щербачев.

ленное до преступности снаряжение и снабжение армии; наличие нескольких хороших генералов, изнеженного, не стоявшего на должной высоте корпуса офицеров и отличных солдат; наличие порядочной артиллерии и совсем необученной пехоты. Вот главнейшие свойства румынской армии, довольно быстро потом приобретающей некоторую организацию, улучшавшей свое боевое снаряжение и обучение. Взаимоотношения между фактическим русским главнокомандующим, именованным «помощником», и номинальным – румынским королем – установились довольно благоприятные. Хотя начинавшиеся эксцессы русских войск сильно портили отношения с румынами, но тем не менее, фронт не внушал серьезных опасений.

При создавшейся общей обстановке, и в зависимости от условий театра, только широкое наступление большими силами в направлении Бухареста и вторжение в Трансильванию могло иметь стратегическое и политическое значение. Но ни новых сил нельзя было двинуть в Румынию, ни состояние румынских железных дорог не позволяло надеяться на возможность широких стратегических перевозок и снабжения. Театр являлся поэтому второстепенным, и войска Румынского фронта готовились к частной активной операции, имевшей целью приковать к себе австро-германские силы.

Я уже говорил, что питание всех трех фронтов, за исключением Юго-западного, внушало большие опасения, и не раз приводило к опасному расходованию войсковых запа-

сов. Но это обстоятельство не являлось таким абсолютным и непредотвратимым, как в Германии, не обуславливалось отсутствием предметов питания, а зависело более от внутренней экономической и продовольственной политики и транспорта – причины, с которыми можно было до некоторой степени бороться.

В совершенно исключительном положении находился Кавказский фронт^[124]. Дальность расстояния, выработавшаяся за много лет практика известной автономности кавказской администрации и командования, пребывание во главе Кавказской армии с августа 1916 года великого князя Николая Николаевича – человека властного и пользовавшегося своим особым положением, в разрешении различных спорных вопросов, возникавших со Ставкой, наконец, совершенно своеобразные условия театра и противника, сильно отличавшиеся от условий европейского фронта, – все это создало какую-то обособленность Кавказской армии, и неестественные отношения со Ставкой. Генерал Алексеев говорил не раз, что, несмотря на все свое старание, он очень плохо разбирается в кавказской обстановке. Кавказ жил своею жизнью, осведомляя центр лишь в той степени, в какой считал нужным, и в освещении, преломленном сквозь призму местных интересов.

К весне 1917 года Кавказская армия была в тяжелом

¹²⁴ Командовали последовательно: великий князь Николай Николаевич, генералы: Юденич и Пржевальский.

положении, не в силу каких-либо стратегических или боевых преимуществ противника, – сама турецкая армия отнюдь не представляла серьезной угрозы, – а от внутреннего неустройства: совершенно бездорожный и голодный край, без продовольствия и фуража, до крайности затрудненный транспорт делали невыносимой самую жизнь войск. И если правофланговый корпус мог еще довольствоваться сносно, пользуясь черноморским транспортом, то прочие корпуса, и в особенности на левом фланге, находились в крайне тяжелом положении.

По условиям местности, вьючный, малоподъемный транспорт требовал огромного количества лошадей, при полном отсутствии на месте корма; паровые, тепловые и конные железные дороги строились медленно, отчасти по недостатку железнодорожных материалов, отчасти потому, что таковые кавказским фронтом были непроизводительно израсходованы, на постройку Трапезундской железной дороги, вследствие параллельного морского транспорта, не имевшей первостепенного значения.

Словом, в начале мая генерал Юденич доносил, что, вследствие болезней и падежа лошадей, обозы приведены в полное расстройство, некоторые батареи стоят на позициях незапряженными, транспортов выбыло до половины, потребность в лошадях до 75 тысяч; огромный недостаток в рельсах, подвижном составе и фураже; из боевого состава пехоты, только за половину апреля, выбыло, вследствие цин-

ги и тифа, 30 тысяч человек, т. е. 22%, и т. д. Все это заставляло генерала Юденича «предвидеть необходимость вынужденного отхода к источникам питания: центром к Эрзеруму, правым флангом – к границе».

Требования были значительно преувеличены, но положение фронта действительно было серьезное. Ставка с трудом удовлетворила часть нужд Кавказского фронта за счет других, но при этом я не мог не обратить внимания главного кавказского командования на то, что обеспечение железнодорожными техническими средствами не зависело от Ставки, ибо заказы делались ранее помимо нее, равно как создание и осуществление плана строительства; и что укомплектования за счет европейских фронтов не будут даны Кавказу, который, как оказалось по проверке, имел в своих запасных частях 104 тысячи человек; но различные местные комитеты парализовали власть кавказского командования, не выпуская запасных полков на фронт и считая их «обеспечением против контрреволюции».

Исход, предвиденный генералом Юденичем, не мог быть допущен, как по причинам морального свойства, так и потому, что наш отход освобождал бы турецкие силы для действий против других азиатских фронтов. Это обстоятельство особенно беспокоило английского военного представителя при Ставке, который неоднократно, от имени своего командования, просил о наступлении левого фланга наших войск в долине реки Диалы, для совместной операции с английским

месопотамским отрядом Моода, против турецкой армии Халил-Паши. Конечно, это наступление вызывалось больше политическими (аннексионными) соображениями англичан, чем стратегическими требованиями, тем более что материальное положение нашего левофлангового корпуса, было поистине бедственное, а к маю на Диале начиналась тропическая жара.

В результате, Кавказский фронт не мог развить наступательной операции, и войскам его предписано было только активно оборонять занятую линию, с условным наступлением левофлангового корпуса, в связи с англичанами, если последние организуют снабжение корпуса продовольствием.

Фактически, в середине апреля совершен был частный отход на Огнотском и Мушском направлениях, в конце апреля началось безрезультатное продвижение левого фланга в долине Диалы, и затем на Кавказском фронте установилось состояние, среднее между миром и войной.

Наконец, последняя составная часть русских вооруженных сил – Черноморский флот... В мае и в начале июня в нем были уже серьезные беспорядки, приведшие к отставке адмирала Колчака, но флот считался все же достаточно боеспособным, чтобы выполнить свою задачу – владения Черным морем, в частности блокаду турецкого и болгарского побережья, и охрану морских путей к Кавказскому и Румынскому фронтам.

Этим я закончу краткий обзор положения русского фрон-

та, не вдаваясь излишне в стратегические комбинации: всякая наша стратегия этого периода, какова бы она ни была, разбивалась о солдатскую стихию.

Ибо от Петрограда до Дуная и до Диалы быстро распространялось, росло и ширилось разложение армии. Трудно было в начале революции учесть степень его углубления на разных фронтах, трудно было предвидеть все возможности его влияния на будущие операции. Но уже души многих отравляло сомнение: не напрасны ли все наши соображения, расчеты и усилия...

Глава XVII. Вопрос о переходе русской армии в наступление

Итак, перед нами во всей своей силе и остроте встал вопрос:

– Нужно ли русской армии перейти в наступление?

Временное правительство опубликовало 27 марта обращение «к гражданам» о задачах войны. Среди ряда фраз, затемнявших в угоду революционной демократии прямой смысл обращения, Ставка не могла найти твердых оснований для руководства русской армией: «оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния, и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага, – первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа... Цель свободной России, – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов... но... не допустит, чтобы Родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства... при полном соблюдении обязательств, принятых в отноше-

нии наших союзников»...

В ноте от 18-го апреля, препровожденной министром иностранных дел Милюковым союзным державам, находим еще одно определение: «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы... усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче – отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей Родины»[¹²⁵]....

Конечно, все это были фразы, весьма робко, осторожно, туманно определяющие задачи войны, дающие возможность любого толкования их смысла, а главное лишённые правдивого обоснования: стремление к победе в народе, в армии не только не усилилось, но шло значительно на убыль, как результат, с одной стороны, усталости и падения патриотизма, с другой – чрезвычайно интенсивной работы противостественной коалиции, заключенной между представителями крайних течений русской революционной демократии, и немецким генеральным штабом, – коалиции, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. К этому вопросу я вернусь позднее. Здесь же отмечу лишь, что разрушительная работа по циммервальдовской программе в пользу прекращения войны, началась

¹²⁵ Подобные определения давали повод пораженческой пропаганде объяснять наступление, например, в направлении на Львов «империалистическими, захватными стремлениями».

задолго до революции, исходя как извне, так и изнутри.

Временное правительство, проводя – для умиротворения воинствующих органов революционной демократии – бледные, неясные формулы в отношении цели и задач войны, не стесняло, однако, несколько Ставку в выборе стратегических способов для их достижения. Поэтому нам предстояло разрешить вопрос о наступлении, независимо от существующих направлений политической мысли.

Единственное ясное, определенное решение, в котором не могло быть разномыслия среди командного состава, было:

Разбить вражеские армии, в тесном единении с союзниками. Иначе страну нашу неминуемо постигнет крушение.

Но такое решение требовало широкого наступления, без которого не только немислимо было одержать победу, но и затягивалась бесконечно разорительная война. Ответственные органы демократии, в большинстве своем исповедуя пораженческие взгляды, старались повлиять соответственно на массы. От этих взглядов не были вполне свободны даже и умеренные социалистические круги. В солдатской среде идеология циммервальдовской формулы не воспринималась вовсе, но зато сама формула, – давала известное оправдание чувству самосохранения, или попросту, – шкурничеству. И потому, идея наступления не могла быть особенно популярной в армии. Развал в войсках ширился все более, и терялась уверенность не только в упорстве наступления, но даже и в том, будет ли исполнен приказ – удастся ли сдвинуть армию

с места... Огромный русский фронт держался еще прочно... по инерции, импонируя врагам, не знавшим, так же как и мы, размеров сохранившейся потенциальной силы его. Что, если наступление вскроет наше бессилие?

Таковы были мотивы против наступления. Но слишком много более веских причин, повелительно требовали иного решения. Центральные державы дошли до полного истощения своих людских, материальных и моральных сил. Если осенью 1916 года наступление наше, не увенчавшееся решительным стратегическим успехом, поставило враждебные армии в критическое положение, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношение их изменилось значительно в нашу пользу, а союзники к весне 1917 года заносили громовой удар над головою врагов. Немцы с болезненным страхом ожидали этого удара и, с целью выйти из-под него, еще в начале марта отвели свой стоверстный фронт между Арассом и Суасоном вглубь, верст на 30, на так называемую линию Гинденбурга, подвергнув невероятному, и ничем не оправдываемому опустошению, оставленную территорию. Этот отход был знаменателен, как явный показатель слабости наших врагов, и сулил большие надежды на будущее... Мы не могли не наступать: при полном развале контрразведывательной службы, вызванном подозрительностью революционной демократии, разгромившей органы ее, смешав по недомыслию их функции с кругом ведения ненавистных сыскных отделений; при установившейся связи

между многими представителями Совета рабочих и солдатских депутатов и агентами Германии; при более чем легком общении между фронтами, и облегченном донельзя шпионаже, – наше решение не наступать стало бы несомненно известным противнику, который немедленно начал бы переброску своих сил на запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных народов, несомненно приводившему если не к официальному, то к фактическому состоянию сепаратного мира, со всеми его последствиями. Настроение революционных кругов Петрограда в этом вопросе казалось, однако, настолько колеблющимся, что в Ставке создавалась вначале совершенно необоснованная подозрительность даже в отношении Временного правительства. На этой почве произошел небольшой инцидент. В конце апреля, во время отъезда Верховного, начальник дипломатической канцелярии доложил мне, что среди иностранных военных представителей царит большое возбуждение: только что получена из Петрограда телеграмма итальянского посла, в которой он категорически уверяет, что Временное правительство пришло к решению заключить сепаратный мир с центральными державами. Когда факт получения такой телеграммы был установлен, я, не зная тогда, что итальянское представительство по свойственной его членам экспансивности, не раз уже являлось источником ошибочных сведений, послал военному министру телеграмму, в весьма горячих выражениях, оканчивавшуюся словами: «презрением

заклеймит потомство то дряблое, бессильное, безвольное поколение, которого хватило на то, чтобы свергнуть подгнивший строй, но не хватает на то, чтобы уберечь честь, достоинство и само бытие России». Вышел конфуз: сведение было ложным, правительство, конечно, не помышляло о сепаратном мире.

Позднее, 16 июля в историческом совещании в Ставке (главнокомандующих с членами правительства), мне еще раз пришлось высказать свой взгляд по этому вопросу:

«...Есть другой путь – предательство. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути – политическое, моральное и экономическое рабство».

Я знаю, что в некоторых русских кругах, такое прямолинейное исповедывание моральных принципов в политике, впоследствии встречало осуждение: там говорили, что подобный идеализм неуместен и вреден, что интересы России должны быть поставлены выше всякой «условной политической морали»... Но ведь народ живет не годами, а столетиями; я уверен, что перемена тогдашнего курса внешней политики – существенно не изменила бы крестный путь русского народа, что кровавая игра перемешанными картами продолжалась бы, но уже за его счет... Да и психология русских военных вождей не допускала таких сделок с совестью: Алексеев и Корнилов, всеми брошенные, никем не поддержанные, долго шли по старому пути, все еще веря и надеясь

на благородство или, по крайней мере, здравый смысл союзников, предпочитая быть преданными, чем самим предать.

Дон-Кихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми. Что касается лично меня, то три года спустя, пережив все иллюзии, испытав тяжкие удары судьбы, упершись в глухую стену неприкрытого слепого эгоизма «дружественных» правительств, свободный поэтому от всяких обязательств к союзникам, почти накануне полного предательства ими истинной России, я остался убеждённым сторонником честной политики. Только роли переменились: теперь уже мне пришлось убеждать парламентских деятелей Англии^[126], что «здоровая национальная политика не может быть свободна от всяких моральных начал, что совершается явное преступление, ибо иначе нельзя назвать оставление вооруженных сил Крыма, прекращение борьбы против большевизма, введение его в семью культурных народов, и хотя бы косвенное признание его; что это продлит немного дни большевизма в России, но распахнет ему широко двери в Европу»... Я верю глубоко, что историческая Немезида не простит им, как не простила бы тогда нам.

Начало 1917 года было временем катастрофическим для центральных держав и решительным для Согласия. Вопрос о русском наступлении чрезвычайно волновал союзное командование. Военные представители Англии (генерал Бар-

¹²⁶ Конец апреля 1920 года.

тер) и Франции (генерал Жанен) часто бывали у Верховного главнокомандующего и у меня, интересуясь положением вопроса. Но заявления немецкой печати о производимом союзниками давлении, или даже ультимативных требованиях в отношении Ставки, неверны: это было бы просто ненужно, так как и Жанен, и Бартер понимали обстановку и знали, что задержкой и препятствием к переходу в наступление служит только состояние армии.

Они старались ускорить и усилить техническую помощь, в то время как их более экспансивные сотрудники – Тома, Гендерсон и Вандервельде – лидеры социалистических партий запада, – пытались безнадежно горячим словом зажечь искру патриотизма среди представителей русской революционной демократии и войск.

Наконец, Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, русская армия несомненно и быстро догнила бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение, если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодарной почве пораженческих настроений социалистических партий. Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и

оправдывался целью – спасения Родины.

Верховный главнокомандующий, я и генерал-квартирмейстер (Юзефович) совершенно единомышленно считали необходимым наступление. Старший командный состав принципиально разделял этот взгляд. Колебания, и довольно большие при этом, на разных фронтах были лишь в определении степени боеспособности войск и их готовности.

Я утверждаю убежденно, что одно это решение, даже независимо от приведения его в исполнение, оказало союзникам несомненную пользу, удерживая силы, средства и внимание врагов на русском фронте; этот фронт, потеряв свою былую грозную мощь, все же оставался для врагов неразгаданным сфинксом.

Любопытно, что в то же самое время, в главной квартире Гинденбурга разрешался тождественный вопрос. «Общее положение в апреле, мае до июня – говорит Людендорф – не давало возможности открыть серьезные действия на восточном фронте». Но позже... «по этому поводу в главной квартире были большие споры. Быстрое наступление на восточном фронте с теми войсками, которые были в распоряжении главнокомандующего этого фронта, подкрепленными несколькими дивизиями с запада – не лучше ли это решение, чем ожидание? Это был наиболее подходящий момент, говорили некоторые, разбить русскую армию, когда боевая ценность ее уменьшилась. Я не согласился, невзирая на улучшение положения на западе. Я не хотел делать ничего, что, ка-

залось, могло разрушить реальную возможность мира»... .

Конечно – мира сепаратного. Какого – мы узнали позднее, после Брест-Литовска...

Армиям отдана была директива о наступлении. Общая идея его сводилась – к прорыву неприятельских позиций на подготовленных участках всех европейских фронтов, к широкому наступлению большими силами Юго-западного фронта – в общем направлении от Каменец-Подольска на Львов, и далее к линии Вислы, в то время как ударная группа Западного фронта должна была наступать от Молодечно на Вильно и к Неману, отбрасывая к северу немецкие армии Эйхгорна. Северный и Румынский фронты содействовали частными ударами, привлекая к себе силы противника.

Время для наступления было назначено предположительно, в широких пределах. Но дни шли, а войска, ранее управлявшиеся приказами и безропотно выполнявшие самые тяжелые задачи – те самые войска, которые своею грудью, без патронов, без снарядов сдерживали некогда стихийное наступление австро-германских масс, – теперь стояли с парализованной волей и помутневшим разумом. Начало все откладывалось.

* * *

Между тем, союзники, подготовившие к весне широкую операцию, учитывая значительное усиление врагов на западном фронте, в случае полного развала русской армии, начали великое сражение во Франции, как было обусловлено планом кампании, в конце марта, не дожидаясь окончательного решения вопроса о нашем наступлении. Впрочем, одновременность действий не считалась союзными главными квартирами необходимым условием предстоящей операции, и раньше, до потрясения русской армии. Наше наступление, в силу особенных физических и климатических условий театра, предусматривалось не ранее мая. Между тем, генерал Жоффр, согласно общему плану кампании 1917 года, выработанному 2 ноября 1916 г. на конференции в Шантильи, наметил началом наступления англо-французских армий конец января и первые числа февраля; сменивший его генерал Нивелль, после конференции 14 февраля 1917 г. в Кале, перенес начало наступления на конец марта.

27 марта начались атаки англичан у Арраса, на фронте около 20 верст. Подготовленный небывалой силы артиллерийским огнем^[127] прорыв немецких позиций принял угрожающие для немцев размеры. С обеих сторон были введены огромные силы. Сражение, то замирая, то вновь вспыхивая, длилось весь апрель. Англичане проникли в глубь неприятельских позиций верст на 6, заняв линию Ленс-Фонтэн, так

¹²⁷ 3 тысячи немецких орудий были противопоставлены 4 тысячам английских, выпустивших в первые семь дней атаки 9–10 миллионов снарядов.

называемый хребет Вими, представлявший весьма важный и сильно укрепленный рубеж.

Сражение это потребовало от немцев огромного напряжения и больших потерь, поглотило резервы и запасы. А в то же время (2 апреля) на широком фронте – Суассон–Реймс–Оберив – началась большая операция французов, ознаменовавшаяся вначале также большим успехом, и вызвавшая оставление немцами, понесшими громадные потери, своих сильных позиций.

Этот комбинированный удар, направленный концентрически от Арраса на Дуэ и от Реймса на Шарлевиль, обещал решительные результаты. Битва народов, которая должна была решать судьбы их, протекала с огромными жертвами, нося поистине истребительный характер. Но вскоре в темпе грандиозной борьбы наступило какое-то замедление и равновесие. Введение в дело всех немецких резервов, их систематические и упорные контратаки приостановили движение союзников. Его не оживило ни начавшееся удачно 2 мая итальянское наступление на Изонцо, ни успешные атаки англичан в конце мая в Бельгии.

На разных участках западного фронта шли еще кровавые бои, но уже не оставалось никакого сомнения, что решительная весенняя операция союзников, на которую возлагалось столько надежд, от которой ожидали конца страданиям народов, окончена, не оправдав надежд.

Обе стороны сочли себя победительницами, и обе были

обескровлены.

Стратегическое положение не изменилось. Большой тактический успех союзников несомненен. Немцы понесли весьма тяжкие потери: за период с 1 апреля по середину июня, общие потери их составили свыше 250 тысяч человек, в том числе пленными 64 500. Англо-французам досталось 509 орудий, 1 318 пулеметов и много другой военной добычи. Моральное состояние немцев пало еще более от сознания явного превосходства техники союзников; благодаря истощению немецких запасов и резервов, к англо-французам перешла инициатива на всем европейском фронте войны. Таковы были блестящие, но далеко не решительные результаты весеннего наступления.

К концу апреля официозная пресса союзников, вдохновленная главными штабами, предостерегала уже народ от увлечений, иллюзий и надежд на скорую победу, и приглашала ждать терпеливо прибытия свежих британских и американских сил... В то же время в англо-французской печати начали подниматься нетерпеливые голоса в пользу скорейшего наступления русской армии.

Несогласованность операций западного и восточного европейских фронтов давала свои горькие плоды. Трудно решить, могли ли союзники отсрочить свое весеннее наступление на два месяца, и поскольку выгода комбинированной с русским фронтом операции компенсировала бы предоставление Германии лишнего времени для усиления, устройства

сил и пополнения запасов. Одно несомненно, что отсутствие этой связи во времени доставило немцам огромное облегчение. «Я враг бесполезных соображений, – говорит Людендорф, – но я не могу отказаться подумать, что было бы, если бы Россия наступала в апреле и мае и одержала ряд небольших успехов. Нам предстояла бы тогда, как и осенью 1916 г., очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились бы в угрожающей степени. По зрелом размышлении, если перенести на апрель–май (даже те) успехи, которые были одержаны русскими в июне, я не вижу, каким образом высшее командование могло бы остаться хозяином положения. В апреле и мае 1917 г., несмотря на нашу победу (?) на Эне и в Шампани, нас спасла только русская революция»...

* * *

Помимо общего наступления на австро-германском фронте, в апреле возник еще один не лишенный интереса вопрос – самостоятельная операция по овладению Константинополем. Министр иностранных дел Милюков, вдохновленный молодыми пылкими моряками, вел многократно переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла увенчаться успехом и поставить протестующую против аннексий революци-

онную демократию перед совершившимся фактом.

Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затее, так не соответствовавшей состоянию наших войск: десантная операция – чрезвычайно деликатная сама по себе – требовала большой дисциплины, подготовки, порядка, а главное, высокого сознания долга десантными войсковыми частями, которые временно становились совершенно оторванными от всякой связи со своей армией. Море в тылу – это обстоятельство угнетающе действует и на сильные духом части.

Этих элементов в русской армии уже не было.

Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что генерал Алексеев счел себя вынужденным дать ему показательный урок: предположена была экспедиция в небольших размерах к малоазиатскому берегу Турции, кажется, в Зунгулдак. Операция эта, не имевшая особенно серьезного значения, потребовала формирования отряда, в составе полка пехоты, броневого дивизиона и небольшой конной части, и возложена была на Румынский фронт. Прошло некоторое время, и сконфуженный штаб фронта ответил, что сформировать отряд не удалось, так как войска... не желают идти в десант...

Этот эпизод, – вызванный прямолинейно понятой идеей «без аннексий», извращавшей все начала стратегии, а может быть – и просто шкурничеством, – служил еще одним плохим предзнаменованием, для предстоящего общего наступ-

ления.

Оно между тем готовилось в муках и страданиях. Русский заржавевший, зазубренный меч все еще раскачивался, и неизвестно было только, когда раскачается окончательно и по чьим головам ударит...

Глава XVIII. Военные реформы: генералитет и изгнание старшего командного состава

Одновременно с подготовкой к наступлению, в армии шли реформы и так называемая «демократизация». На всех этих явлениях необходимо остановиться теперь же, так как они предрешили как исход летнего наступления, так и конечные судьбы армии.

Военные реформы начались с увольнения огромного числа командующих генералов – операция, получившая в военной среде трагическое название «избиения младенцев». Началось с разговора военного министра Гучкова и дежурного генерала Ставки Кондзеровского. По желанию Гучкова, Кондзеровский, на основании имевшегося материала, составил список старших начальников с краткими аттестационными отметками. Этот список, дополненный потом многими графами различными лицами, пользовавшимися доверием Гучкова, и послужил основанием для «избиения». В течение нескольких недель было уволено в резерв до полтора десятка старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

Гучков приводит такие мотивы этого мероприятия^[128]:

«В военном ведомстве давно свили себе гнездо злые силы – протекционизма и угодничества. С трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывал, что нас ждут неудачи, если мы не примем героических мер... для изменения нашего командного состава... Наши опасения, к несчастью, оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сделал попытку убедить власть сделать необходимое, но вместо этого меня взяли под подозрение... Нашей очередной задачей (с началом революции) было дать дорогу талантам. Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были неспособны проникнуться новыми формами отношений, и в течение короткого времени в командном составе нашей армии было произведено столько перемен, каких не было, кажется, никогда ни в одной армии... Я сознавал, что в данном случае милосердия быть не может, и я был безжалостен по отношению к тем, которых я считал неподходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, было даже десятки, но я советовался с людьми знающими, и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением. Во всяком случае, все, что есть даровитого в командном составе, выдвинуто нами. С иерархией я не считался. Есть

¹²⁸ Речь на съезде делегатов фронта 29 апреля 1917 года.

люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчас командуют армиями... Этим мы достигли не только улучшения, но и другого, не менее важного: провозглашение лозунга „дорогу таланту“... вселило в души всех радостное чувство, заставило людей работать с порывом, вдохновенно»...

Гучков был прав, в том отношении, что армия наша страдала и протекционизмом, и угодничеством; что командный состав ее комплектовался не из лучших элементов, и в общем далеко не всегда был на высоте своего положения. Что «чистка» являлась необходимой, и по мотивам принципиальным, и по практическим соображениям: многое сокровенное после «свобод» стало явным, дискредитируя и лиц, и символ власти. Но несомненно также, что принятый порядок оценки боевой пригодности старшего генералитета, отражавший – не всегда беспристрастные – мнения, заключал в себе элементы случайности и субъективности. Ошибки были, несомненно. В список попали и средние начальники, не выделявшиеся ни в ту, ни в другую сторону, каких большинство во всех армиях; попали и некоторые достойные генералы.

Я должен, однако, признать, что многие из уволенных вряд ли представляли особенную ценность для армии. Среди них были имена одиозные и анекдотические, державшиеся только благодаря инертности и попустительству власти.

Я помню, как потом по разным поводам генералу Алексееву вместе со мной, приходилось перебирать списки старших чинов резерва, в поисках свободных генералов, могущих получить то или иное серьезное назначение, или ответственное поручение. Поиски обыкновенно были очень нелегки: хорошие генералы – обиженные увольнением или потрясенные событиями – отказывались, прочие были неподходящими. В частности, когда явилась надобность послать нечто вроде военно-сенаторской ревизии на Кавказ, то из огромных списков извлекли всего две фамилии: одна принадлежала генералу, рапортовавшемуся больным, другая... была немецкой^[129]. Ревизия не состоялась. Помню и такой эпизод: когда в вагоне Гучкова обсуждалось раз замещение какой-то открывшейся вакансии, в его списках нашли имена 2–3 генералов – ранее не особенно двигавшихся по службе – ныне же отмеченных решительно во всех графах выдающимися.

Что же дали столь грандиозные перемены армии? Улучшился ли действительно в серьезной степени командный состав? Думаю, что цель эта достигнута не была. На сцену появились люди новые, выдвинутые установившимся правом избирать себе помощников – не без участия прежних наших знакомых – свойства дружбы и новых связей. Разве революция могла переродить или исправить людей? Разве механическая отсортровка могла вытравить из военного обихода

¹²⁹ С этим обстоятельством приходилось сильно считаться, ввиду настроения солдат.

систему, долгие годы ослаблявшую импульс к работе и самоусовершенствованию? Быть может, выдвинулось несколько единичных «талантов», но наряду с ними, двинулись вверх десятки, сотни людей случая, а не знания и энергии. Эта случайность назначений усилилась впоследствии еще больше, когда Керенский отменил на все время войны, как все существовавшие ранее цензы, так и соответствие чина должности при назначениях (июнь), в том числе, конечно, и ценз знания и опыта.

Передо мною лежит список старших чинов русской армии к середине мая 1917 г., т. е., как раз к тому времени, когда гучковская «чистка» была окончена. Здесь – Верховный главнокомандующий, главнокомандующие фронтами, командующие армиями и флотами и их начальники штабов. Всего 45 лиц^[130]. Мозг, душа и воля армии! Трудно оценивать их боевые способности соответственно их последним должностям, ибо стратегия и вообще военная наука в 1917 году потеряла, в значительной степени, свое применение, став в подчиненную рабскую зависимость от солдатской стихии. Но мне прекрасно известна деятельность этих лиц по борьбе с «демократизацией», т. е., развалом армии. Вот численное соотношение трех различных группировок:

Группировки: Командный состав, Верховный
Главнокомандующий, Командующие армиями,

¹³⁰ Пяти не знаю, поэтому исключил их вовсе.

Командующие флотами, Начальники штабов.

Поощрявшие демократизацию: Командный состав – нет; Верховный Главнокомандующий – нет; Командующие армиями – 9; Командующие флотами – 6; Начальники штабов – нет. **Всего** – 15 человек.

Не боровшиеся против демократизации: Командный состав – нет; Верховный Главнокомандующий – нет; Командующие армиями – 5; Командующие флотами – 6; Начальники штабов – нет. **Всего** – 11 человек.

Боровшиеся против демократизации: Командный состав – нет; Верховный Главнокомандующий – нет; Командующие армиями – 7; Командующие флотами – 7; Начальники штабов – нет. **Всего** – 14 человек.

(В оригинале – таблица. Прим. составителя фб-книги)

Из них впоследствии, с 1918 года, участвовало или не участвовало в борьбе (командный состав):

Поощрявшие демократизацию: В антибольшевистской организации – 2; У большевиков – 6; Отошли в сторону – 7. **Всего** – 15.

Не боровшиеся против демократизации: В антибольшевистской организации – 7; У большевиков –

нет; Отошли в сторону – 4. **Всего** – 11.

Боровшиеся против демократизации: В антибольшевистской организации – 10; У большевиков – 1; Отошли в сторону – 3. **Всего** – 14.

(В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-книги)

Таковы результаты реформы наверху военной иерархии, где люди находились на виду, где деятельность их привлекала к себе критическое внимание не только власти, но и военной и общественной среды. Думаю, что не лучше обстояло дело на низших ступенях иерархии.

Но если вопрос о справедливости мероприятия может считаться спорным, то лично для меня не возникает никакого сомнения, в крайней нецелесообразности его. Массовое увольнение начальников окончательно подорвало веру в командный состав, и дало внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу, и насилию над отдельными представителями командования. Необычайные перетасовки и перемещения оторвали большое количество лиц от своих частей, где они, быть может, пользовались, приобретенными боевыми заслугами, уважением и влиянием; переносили их в новую, незнакомую среду, где для приобретения этого влияния требовалось и время, и трудная работа в обстановке, в корне изменившейся. Если к этому прибавить продолжавшееся

в пехоте формирование третьих дивизий, вызвавшее в свою очередь, очень большую перетасовку командного состава, то станет понятным тот хаос, который воцарился в армии.

Такой хрупкий аппарат, каким была армия в дни войны и революции, мог держаться только по инерции, и не допускал никаких новых потрясений. Допустимо было только изъять безусловно вредный элемент, в корне изменить систему назначений, открыв дорогу достойным, и предоставить затем вопрос естественному его течению, во всяком случае без излишнего подчеркивания, и не делая его программным.

Кроме удаленных этим путем начальников ушло добровольно несколько генералов, не сумевших помириться с новым режимом, в том числе Лечицкий и Мищенко, и много командиров, изгнанных в революционном порядке – прямым или косвенным воздействием комитетов или солдатской массы. К числу последних принадлежал и адмирал Колчак.

Перемены шли и в дальнейшем, исходя из различных, иногда прямо противоположных взглядов на систему ведения армии, нося поэтому необыкновенно сумбурный характер, и не допуская отслоения определенного типа командного состава.

Алексеев уволил главнокомандующего Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева, за слабость военной власти и оппортунизм. Он съездил на Северный фронт и, вынеся отрицательное впечатление о деятельности Рузского и

Радко-Дмитриева, деликатно поставил вопрос об их «перетомлении». Так эти отставки и были восприняты тогда обществом и армией. По таким же мотивам Брусилов уволил Юденича.

Я уволил командующего армией (Квецинского) – за подчинение его воли и власти дезорганизующей деятельности комитетов, в области «демократизации» армии.

Керенский уволил Верховного главнокомандующего Алексеева, главнокомандующих Гурко и Драгомирова, за сильную оппозицию «демократизации» армии; по мотивам прямо противоположным уволил и Брусилова – чистейшего оппортуниста.

Брусилов уволил командующего 8 армией генерала Каледина – впоследствии чтимого всеми Донского атамана – за то, что тот «потерял сердце» и не пошел навстречу «демократизации». И сделал это, в отношении имевшего большие боевые заслуги генерала, в грубой и обидной форме, сначала предложив ему другую армию, потом возбудив вопрос об удалении. «Вся моя служба – писал мне тогда Каледин – дает мне право, чтобы со мной не обращались, как с затычкой различных дыр и положений, не осведомляясь о моем взгляде».

Генерал Ванновский, смещенный с корпуса командующим армией Квецинским по несогласию на приоритет армейского комитета, немедленно вслед за этим получает, по инициативе Ставки, высшее назначение – армию на Юго-за-

падном фронте.

Генерал Корнилов, отказавшийся от должности главнокомандующего войсками петроградского округа, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов», назначается потом главнокомандующим фронтом, и Верховным главнокомандующим. Меня Керенский отстраняет от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, по несоответствию видам правительства, и за явное несочувствие его мероприятиям, и тотчас же допускает к занятию высокого поста главнокомандующего Западным фронтом.

Были и обратные явления: Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев, долго и тщетно делал попытки сместить, стоявшего во главе Балтийского флота, выборного командующего, адмирала Максимова, находившегося всецело в руках мятежного исполнительного комитета Балтийского флота. Необходимо было фактическое изъятие из окружающей среды этого принесшего огромный вред командующего, так как комитет его не выпускал, и Максимов на все предписания прибыть в Ставку отвечал отказом, ссылаясь на критическое положение флота...

Только в начале июня Брусилову удалось избавиться от него флот, ценою... назначения начальником морского штаба Верховного главнокомандующего!..

И много еще можно было бы привести примеров неверо-

ятных контрастов в идейном руководстве армией, вызванных столкновением двух противоположных сил, двух мировоззрений, двух идеологий.

* * *

Я уже говорил раньше, что весь командующий генералитет был совершенно лоялен, в отношении Временного правительства. Сам позднейший «мятежник» – генерал Корнилов говорил когда-то собранию офицеров: «Старое рухнуло! Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии – всемерно поддержать новое правительство в его трудной, созидательной работе»... Командный состав, если и интересовался вопросами общей политики и социалистическими опытами коалиционных правительств, то не более, чем все культурные русские люди, не считая ни своим правом, ни обязанностью привлечение войск к разрешению социальных проблем. Только бы сохранить армию и то направление внешней политики, которое способствовало победе. Такая связь командного элемента с правительством – сначала «по любви», потом «из расчета» – сохранилась вплоть до общего июньского наступления армии, пока еще теплилась маленькая надежда на перелом армейских настроений, так грубо разрушенная действительностью. После наступления и ко-

мандный состав несколько поколебался...

Я скажу более: весь старший командный состав армии совершенно одинаково считал ту «демократизацию армии», которую проводило правительство, недопустимой. И если в таблице, приведенной мною выше, мы встретили 65% начальников, не оказавших достаточно сильного протеста против «демократизации» (разложения армии), то это зависело от совершенно других причин: одни делали это по тактическим соображениям, считая, что армия отравлена, и ее надо лечить такими рискованными противоядиями, другие – исключительно из-за карьерных побуждений. Я говорю не предположительно, а исходя из знания среды и лиц, со многими из которых вел откровенную беседу по этим вопросам. Генералы, широко образованные и с большим опытом, не могли, конечно, проводить искренно и научно такие «военные» взгляды, как например: Клембовский, предлагавший поставить во главе фронта триумvirат из главнокомандующего, комиссара и выборного солдата; Квецинский – «снабдить армейские комитеты особыми полномочиями от военного министра, и Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, дающими им право действовать от имени комитета». Вирановский, предлагавший весь командный состав обратить в «технических советников», передав всю власть комиссарам и комитетам!»...

Керенский в своей книге рассказывает про «разгром Юго-западного фронта», который начался, якобы, «как только

генерал Корнилов перевел туда Деникина^[131] и Маркова. Там началось генеральное уничтожение всех командующих, сочувственно относившихся к войсковым организациям»... Это не вполне точно: я на Юго-западном фронте удалил только одного генерала Вирановского, желая в армии иметь полководцев, а не «технических советников». Этот эпизод вызвал ряд «обличительных» телеграмм правительству комиссаров Гобечию и Иорданского, грозное постановление исполнительного комитета Юго-западного фронта, и по совокупности «явно отрицательного отношения моего к выборным войсковым организациям» (последнее вполне справедливо) – требование, предъявленное Корнилову управляющим военным министерством Савинковым и верховным комиссаром Филоненко о моем отчислении^[132]...

Как все это странно. Передо мною интересный документ, характеризующий тот сумбур, который должен был происходить в умах солдат и войсковых организаций: письмо от 30 июня генерала Духонина, бывшего начальником штаба Юго-западного фронта, к генералу Корнилову – тогда командующему 8-ой армией:

«Милостивый Государь, Лавр Георгиевич!
Главнокомандующий по долгу службы, приказал
сообщить Вам ниже следующие сведения, о

¹³¹ Я был назначен главнокомандующим Юго-западного фронта в конце июля.

¹³² 25 августа 1917 года в Ставке.

деятельности командира 2-го гвардейского корпуса, генерала Вирановского, и штаба этого корпуса, полученные от войсковых организаций, и относящиеся к двадцатым числам июня сего года.

В корпусе создалось настроение против наступления. Генерал В., будучи сам противником наступления, заявил дивизионным комитетам, что он ни в каком случае не поведет гвардию на убой. Ведя собеседование с дивизионными комитетами, генерал В. разъяснял все невыгоды и трудности наступления, выпавшие на долю корпуса, и указывал на то, что ни справа, ни слева, ни сзади никто не поддержит корпус. Чины штаба корпуса вообще удивлялись, как главнокомандующий мог давать такие задачи, неразрешимость которых ясна даже солдатам-делегатам. Штаб корпуса был занят не тем, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу трудную задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима».

Бедная революционная демократия! Как трудно ей было разбираться в истинной сущности военных вопросов, за разрешение которых она взялась, и отличить «врагов» от «друзей»...

Позднее к тем рубрикам, которые приведены в моей таблице, прибавилась еще одна графа: чистых демагогов,

как например Черемисов^[133], Верховский^[134], Вердеревский^[135], Егорьев^[136], Сытин^[137], Бонч-Бруевич^[138], и другие. Первые три успели выйти кратковременно на верх иерархической лестницы, в период заката Временного правительства, прочие – нет. Но все они, за исключением Вердеревского, как и следовало ожидать, заняли довлеющие им крупные посты в большевистском командовании.

Насколько лоялен был высший командный состав, можно судить по следующему факту: в конце апреля генерал Алексеев, отчаявшись в возможности самому лично остановить правительственные мероприятия, ведущие к разложению армии, перед объявлением знаменитой декларации прав солдата, послал главнокомандующим шифрованный проект, сильного и резкого, коллективного обращения от армии к правительству; обращение указывало на ту пропасть, в которую толкают армию; в случае одобрения проекта обращения, его должны были подписать все старшие чины, до начальников дивизий включительно.

Фронты однако, по разным причинам, отнеслись отрицательно к этому способу воздействия на правительство. А

¹³³ Главнокомандующий Северным фронтом.

¹³⁴ Военный министр.

¹³⁵ Морской министр.

¹³⁶ Начальники дивизий.

¹³⁷ Начальники дивизий.

¹³⁸ Генерал для поручений на Северном фронте и в Ставке.

временный главнокомандующий Румынским фронтом, генерал Рагоза – позднее украинский военный министр у гетмана – ответил, что видимо, русскому народу Господь Бог судил погибнуть, и потому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ожидать ее решения!.. Это – буквальный смысл его телеграммы.

Таковы были настроения и нестроения на верхах армии. Что касается категории начальников, неуклонно боровшихся против развала армии, то многие из них, независимо от большей или меньшей веры в успех своей работы, независимо от ударов судьбы, шаг за шагом разрушавшей надежды и иллюзии, независимо даже от предвидения некоторыми того темного будущего, которое уже давало знать о своем приближении тлетворным дыханием разложения, – шли по тернистому пути, против течения, считая, что это их долг перед своим народом. Шли с поднятой головой, встречая непонимание, клевету и дикую ненависть, до тех пор, пока хватало сил и жизни.

Глава XIX. «Демократизация армии»: управление, служба и быт

Для проведения «демократизации армии», и вообще реформ в военном ведомстве, «соответствующих новому строю», Гучковым была учреждена комиссия, под председательством бывшего военного министра Поливанова^[139]. В состав ее вошли представители – от военной комиссии Государственной Думы, и от Совета р. и с. д. В морском ведомстве работала подобная же комиссия, под председательством видного деятеля Государственной Думы Савича. Мне известна более работа первой, и потому я и остановлюсь на ней. Законопроекты, выработанные в поливановской комиссии, предварительно их утверждения, шли на одобрение военной секции Исполнительного комитета Совета р. и с. д., имевшей большой вес, и часто даже занимавшейся самостоятельным военным законотворчеством.

Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии – этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого

¹³⁹ Умер в Риге в 1920 г., где состоял экспертом советского правительства в делегации по заключению мира с Польшей.

входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя. Зачастую, задолго до утверждения, делались достоянием печати и солдатской среды такие законопроекты, которые в глазах правительства являлись чрезмерно демагогическими и не получали впоследствии осуществления; они однако прививались в армии, и вызывали затем напор на правительство снизу. Военные члены комиссии как будто соперничали друг перед другом, в смысле раболепного угождения новым повелителям, давая обоснование и оправдание, своим авторитетом, их разрушающим идеям. Лица, присутствовавшие в комиссии в качестве докладчиков, передавали мне, что в заседаниях ее можно было услышать иногда протестующий голос гражданских лиц, предостерегающий от увлечений, но военных – почти никогда.

Я затрудняюсь понять психологию этих людей, которые так быстро и так всецело подпали под влияние и власть толпы. Из списка военных членов комиссии к первому мая видно, что большинство из них – представители штабов и учреждений, по преимуществу петроградских (25) и только 9 от армии, и то, по-видимому, не все они строевые чины. Петроград имел свою психологию, отличную от армейской.

Важнейшие и наиболее тяжело отразившиеся на армии демократические законы касались организации комитетов, о которых изложено в главе XX, дисциплинарного воздей-

ствия, военно-судебных реформ^[140] и, наконец, пресловутой декларации прав солдата.

Дисциплинарная власть начальников упразднена вовсе. Ее восприняли дисциплинарные ротные и полковые суды. Они же должны были разрешать «недоразумения», возникшие между солдатами и начальниками.

О значении лишения дисциплинарной власти начальника говорить много не приходится: этим актом вносилась полная анархия во внутреннюю жизнь войсковых частей, и дискредитировался законом начальник. Последнее обстоятельство имеет первостепенное значение. И революционная демократия использовала этот прием во всех, даже самых мелких, актах своего правотворчества.

Судебные реформы имели своей конечной целью ослабление влияния, в процессе назначаемых военных судей, введение института присяжных, и общее значительное ослабление судебной репрессии.

Упразднены военно-полевые суды, каравшие быстро и на месте за ряд очевидных и тяжких воинских преступлений, как то измена, бегство с поля сражения и т. д.

Отменено заочное разбирательство дел, о побеге к неприятелю воинских чинов и добровольной сдаче в плен, чем была возложена на правительственные и общественные органы

¹⁴⁰ Важнейшие из реформ военно-судебного и военно-уголовного характера, проводились в особой комиссии, под сильным влиянием начальника главного военно-судного управления, генерала Апушкина.

забота о материальном положении семейств заведомых изменников, наравне с действительными защитниками родины.

По проекту присяжного поверенного Грузенберга военно-окружной суд должен был иметь состав: одного председателя-юриста и шесть^[141] выборных членов (3 офицера и 3 солдата), причем эта коллегия не только решала вопрос о виновности подсудимого (без председателя), но и вопрос о наказании, идя, таким образом, по пути расширения прав присяжных значительно дальше гражданского судопроизводства.

Характерно, что Главное военно-судное управление, задолго до реформирования судов, минуя Ставку, предписало армиям, «ввиду предстоящей демократизации судов», приостановить разбор дел... Таким образом, около 1? месяца военные суды не действовали вовсе.

Будучи убежденным сторонником института присяжных, для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым, в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война – явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология «подчиненного» резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко подымаясь до ясного понимания

¹⁴¹ В мирное время 8.

государственной необходимости. Как мог состав присяжных, вышедших из той же среды, что и комитеты, не разделить их шаткого и переменчивого мышления в области политики, и в особенности военной дисциплины? Если организованная и крепкая армия может управляться только единой волей вождя, а не желанием «большинства», олицетворяемого выборными коллективными органами, то и жизнь и воля ее должна регулироваться твердым ясным законом, не подверженным воздействию психологических и политических колебаний момента. Верховная власть может прекратить войну, изменить закон, изгнать вождей и распустить войска. Но пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны.

«Демократизация» военного суда могла бы иметь некоторое оправдание разве только в том, что, подорвав доверие к офицерству вообще, надо было создать и судебные органы смешанного, выборного состава, то есть, теоретически заслуживающего большего доверия революционной демократии.

Но и эта цель достигнута не была. Ибо военный суд – один из устоев порядка в армии – попал всецело во власть толпы. Органы сыска были разгромлены революционной демократией. Следственное производство встречало непреодолимые препятствия со стороны вооруженных людей, а иногда – и войсковых революционных учреждений. Вооруженная толпа,

заклучавшая в себе зачастую много преступных элементов, всей своей необузданной, темной силой давила на судейскую совесть, предрешая судебные приговоры. Разгромы корпусных судов, спасение бегством присяжных заседателей, позволивших себе вынести неугодный толпе приговор, или расправа с ними – явления заурядные. В Киеве слушалось дело известного большевика, штабс-капитана гвардейского гренадерского полка Дзевалтовского^[142], обвинявшегося, совместно с 78 сообщниками, в отказе принять участие в наступлении, и в увлечении своего полка и других частей в тыл. Процесс происходил при следующей обстановке: в самом зале заседания присутствовала толпа вооруженных солдат, выражавшая громкими криками свое одобрение подсудимым; Дзевалтовский, по дороге из гауптвахты в суд, заходил вместе с конвоирами в местный Совет солдатских и рабочих депутатов, где ему устроена была овация; наконец, во время совещания присяжных, перед зданием суда выстроились вооруженные запасные батальоны, с оркестром музыки и пением «Интернационала». Дзевалтовский и все его соучастники были, конечно, оправданы.

Таким образом, военный суд мало-помалу был упразднен.

Было бы ошибочно, однако, приписывать новое направление в области юридического творчества исключительно давлению советов. Оно находило оправдание и в образе мыслей Керенского, который говорил: «я думаю, что насилием и

¹⁴² В 1921 г. советский посол в Китае.

механическим принуждением в настоящих условиях войны, где действуют огромные массы, добиться ничего невозможно. Временное правительство, за три месяца работы, убедилось в необходимости обращения к разуму, совести и долгу граждан, и в том, что этим можно достигнуть желательных результатов»^[143].

В самом начале революции, указом 12 марта Временное правительство отменило смертную казнь. Либеральная печать встретила этот акт рядом патетических статей, выражавших мысли весьма гуманные, но лишённые понимания обстановки, в которой живет армия, и всякого предвидения. Русский аболюционист, управляющий делами Временного правительства Набоков писал по этому поводу: «Отрадное событие – признак истинного великодушия и проницательной мудрости... Смертная казнь отменена безусловно и навсегда... Наверно, ни в одной стране нравственный протест против этого худшего вида убийства не достигал такой потрясающей силы, как у нас... Россия присоединилась к государствам, не знающим более стыда и позора судебных убийств»^[144].

Интересно, что министерство юстиции представило все же на утверждение власти два проекта, причем в одном из них смертная казнь оставлялась, как кара за тяжчайшие воинские преступления (шпионство и измена); однако, воен-

¹⁴³ Речь 20 мая в Ставке.

¹⁴⁴ «Речь» от 18 марта 1917 года.

но-судебное ведомство, возглавлявшееся генералом Апушкиным, категорически высказалось за полную отмену смертной казни.

Но настали июльские дни. Россию, привыкшую уже к анархическим вспышкам, все же поразил тот ужас, который повис на полях битвы в Галиции, у Калуша и Тарнополя. Как хлыстом ударили по «революционной совести» телеграммы правительственных комиссаров Савинкова и Филоненко, а также и генерала Корнилова, потребовавших немедленного восстановления смертной казни. «Армия обезумевших темных людей – писал Корнилов 11 июля – не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала, с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни, ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

12 июля правительством восстановлена смертная казнь, и военно-революционные суды, заменившие собою прежние военно-полевые. Разница заключалась в том, что состав новых судов – выборный (3 офицера и 3 солдата) из списка присяжных или из состава войсковых комитетов. Впрочем, вы-

званная давлением на правительство командования, комиссаров, комитетов, мера эта (восстановление смертной казни) заранее была обречена на неудачу: Керенский впоследствии на «Демократическом совещании» оправдывался перед демократией: «подождите, чтобы хоть один смертный приговор был подписан мною и тогда я позволю вам проклинать меня»... С другой стороны, состав судов и приведенные выше условия их деятельности, также не могли способствовать проведению ее в жизнь: почти не находилось ни судей, способных вынести смертный приговор, ни комиссаров, желающих утвердить его. По крайней мере, на моих фронтах подобных случаев не было. Наряду с этим, через два месяца деятельности военно-революционных судов, в военно-судном управлении накопилась богатая литература, как от военных начальников, так и от комиссаров, установивших «вопиющие нарушения норм судопроизводства, неопытность и невежество судей»...

К числу карательных мер, проводившихся в порядке верховного управления или командования, относится расформирование мятежных полков. Недостаточно продуманная, мера эта вызвала совершенно неожиданные последствия: провокацию мятежа, именно, с целью расформирования. Ибо моральные элементы – честь, достоинство полка – давно уже обратились в смешные предрассудки. А реальные выгоды расформирования для солдат были несомненны: полк выводился надолго из боевой линии, месяцами расформиро-

вывался, состав его много времени развозился по новым частям, которые таким путем засорялись элементом, бродящим и преступным. Всей тяжестью своей это мероприятие, в котором наряду с военным министерством и комиссарами, виновна и Ставка, в конце концов, ложилось опять-таки на неповинный офицерский состав, терявший свой полк – семью, свои должности, и принужденный скитаться по новым местам, или переходить на бедственное положение резерва.

Кроме полученного таким путем отрицательного элемента, войсковые части пополнялись, и непосредственно обитателями уголовных тюрем и каторги, в силу широкой амнистии, данной правительством преступникам, которые должны были искупить свой грех в рядах действующей армии. Эта мера, против которой я безнадежно боролся, дала нам и отдельный полк арестантов – подарок Москвы, и прочные анархистские кадры в запасные батальоны. Наивная и неискренняя аргументация законодателя, что преступления были совершены в силу условий царского режима, и что свободная страна сделает бывших преступников самоотверженными бойцами, не оправдалась. В тех гарнизонах, где почему-либо более густо сконцентрировались амнистированные уголовные – они стали грозой населения, еще не видав фронта. Так в июне в томских войсковых частях шла широкая пропаганда массового грабежа, и уничтожения всех властей; из солдат составлялись огромные шайки вооруженных грабителей, которые наводили ужас на население. Комиссар, на-

чальник гарнизона, совместно со всеми местными революционными организациями, предприняли поход против грабителей, и после боя изъяли из состава гарнизона, ни более ни менее, как 2 300 амнистированных уголовных.

Преобразования должны были коснуться всего высшего управления армией и флотом, но поливановская и савичевская комиссии провести их не успели, будучи распущены Керенским, сознавшим, наконец, весь вред, ими принесенный. Комиссии успели лишь подготовить демократизацию высших учреждений Военного и Морского Советов, путем введения в них выборных солдат. Это обстоятельство имеет тем более курьезный характер, что по мысли законодателя, эти Советы должны были состоять из людей, богатых знанием и опытом, и способных разрешать вопросы организации, службы, быта, военно-морского законодательства, и финансовых смет вооруженных сил России. Такое влечение некультурной части демократии к чуждым ей сферам деятельности, имело и дальнейшее широкое развитие. Так например, многими военными училищами правили до известной степени, комитеты из училищной прислуги, в большинстве даже неграмотной, а в дни большевизма в состав советов в университетах входили не только профессора и студенты, но и сторожа.

Я не буду останавливаться на мелких работах комиссии, – по реорганизации армии и изменению уставов, – и перейду к наиболее крупным из них, – комитетам и «декларации прав

солдата».

Глава XX. «Демократизация армии»: комитеты

Важнейшим фактором демократизации явились выборные коллегиальные учреждения, начиная от военной секции Совета р. и с. д., и кончая комитетами и Советами разного наименования, в воинских частях и управлениях армии, флота и тыла; учреждения войсковые смешанного типа (офицерско-солдатские), чисто солдатские и солдатско-рабочие.

Комитеты и советы возникали везде, как одна из общеизвестных форм революционной организации, – выработанная до революции, и санкционированная в начале ее приказом № 1. В Петрограде выборы от войск в совет рабочих депутатов назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились, в силу известного приказа № 1, 1-го марта; в Москве избрание солдат в местный совет р. д. произошло в первые же дни революции, и 3 марта было подтверждено приказом «зауряд-командовавшего» войсками округа, подполковника Грузинова. К апрелю и в армии, и в тылу почти повсюду действовали, уже самочинные, комитеты и советы разного наименования, состава и круга деятельности, вносящие невероятный сумбур в стройную систему военной иерархии и организации.

В первый месяц революции, правительство и военная власть не принимали никаких мер ни к ликвидации, ни к введению в известные рамки этого опасного явления. Недоценивая вначале его возможные последствия, рассчитывая на сдерживающее влияние в новых организациях офицерского элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживания острых вспышек в солдатской среде, как пользуется врач малыми дозами яда, вводимыми в больной человеческий организм, правительство и командование отнеслись к возникновению этих военных организаций с колебанием, нерешительностью, но, вместе с тем, и с полупризнанием. Гучков в Яссах (9 апреля) говорил военным делегатам:

«Скоро состоится съезд делегатов от всех организаций армии, тогда будет выработан и общий нормальный устав. Пока же организуйтесь, как умеете, пользуйтесь существующими организациями и работайте над общим единением».

В Минске, на торжественном открытии съезда военных и рабочих депутатов Западного фронта, 7 апреля, присутствовали и выступали с речами как председатель Исполнительного комитета Государственной Думы Родзянко, так и председатель Совета р. и с. д. Чхеидзе, и главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко... Что касается Совета рабочих и солдатских депутатов, то он в самой категорической

форме требовал введения в армии солдатских организаций, считая их главным основанием демократизации.

К апрелю положение настолько запуталось, что власть не могла долее отстранять от себя решение вопроса о комитетах. В конце марта в Ставке состоялось совещание, в котором приняли участие Верховный главнокомандующий, министр Гучков, его помощники и чины штаба. Участвовал и я, как будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего. Совещанию предложен был готовый проект закона, привезенный из Севастополя полковником генерального штаба Верховским^[146], составленный на основании положения, уже действовавшего в Черноморском флоте.

Диспут свелся к борьбе двух крайних мнений, представленных мною и Верховским.

Верховский тогда уже начал свою – слегка демагогическую – деятельность, на первых порах снискавшую ему расположение в солдатско-матросской среде. За ним был опыт, хотя и кратковременный, организации этой среды, доказательность приведением множества бытовых примеров, – не знаю, из жизни или из области фантазии, – эластичность убеждений и импонирующее красноречие. Он идеализировал комитеты, доказывал их большую пользу и необходимость, даже государственность, как начала, регулирующего бесформенное стихийное солдатское движение, горячо отстаивал расширение круга ведения и прав комитетов.

¹⁴⁶ Будущий военный министр.

Я указал, что введение комитетов – мера, которую не в состоянии будет переварить армейский организм, что оно равносильно разрушению армии. И, если власть не в силах побороть это явление, то необходимо ослабить его опасные последствия. Средствами для этого я считал ограничение деятельности комитетов хозяйственными функциями, усиление в составе их офицерского элемента и приостановку развития организации вверх, чтобы не создавать объединения и возглавления ее в крупных войсковых соединениях, какими являлись дивизии, армии и фронты. К сожалению, мне удалось отстоять свои положения – лишь в самой незначительной степени, и 30 марта вышел приказ Верховного главнокомандующего № 51 «о переходе к новым формам жизни», призывавший «офицеров, солдат и матросов к дружной, от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины».

Общие начала «положения» заключались в следующем:

1) основные задачи всей организации: а) усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца; б) выработка новых форм жизни воина – гражданина свободной России; в) содействие просвещению среди армии и флота.

2) форма организации: постоянные органы – комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейские; временные органы – съезды корпусные, фронтовые и центральный при

Ставке; последний выделяет постоянный совет^[147].

3) Съезды созываются соответственными начальниками, или же по инициативе армейских комитетов. Все постановления съездов и комитетов прежде опубликования утверждаются соответственными начальниками.

4) Круг ведения комитетов ограничивался вопросами поддержания порядка и боеспособности (дисциплина, борьба с дезертирством и т. д.), внутреннего быта (увольнения в отпуск, взаимоотношения и т. д.), хозяйственными (контроль над довольствием и снабжением), и просветительными.

5) Вопросы боевой подготовки и обучения части, безусловно, никакому обсуждению не подлежат.

6) Состав комитетов определялся пропорцией выборных представителей – один офицер на двух солдат.

Для характеристики падения дисциплины на верхах, я должен упомянуть о распоряжении генерала Брусилова, отданном тотчас по получении «положения», очевидно под влиянием войсковых организаций: из ротных комитетов этим распоряжением офицеры исключались вовсе, а в высших комитетах пропорция офицеров уменьшалась до 1/3 и даже 1/6...

Но прошло всего лишь две недели, и военное министерство, не считаясь со Ставкой, опубликовало свое, новое по-

¹⁴⁷ Таким образом, приказ, в смысле возглавления организации, пошел даже далее требований, шедших тогда снизу.

ложение, составленное в знаменитой Поливановской комиссии при участии представителей Совета рабочих и солдатских депутатов^[148]. Это новое «положение» вводило существенные поправки: офицерский состав комитетов уменьшен; дивизионные комитеты изъяты^[149]; в число задач комитетов вошло «принятие законных мер против злоупотреблений, и превышений власти должностных лиц своей части»; если ротному комитету воспрещалось «касаться боевой подготовки и боевых сторон деятельности части», то такой оговорки относительно полковых комитетов уже не было; при этом командир полка мог обжаловать, но не имел права приостановить постановление комитета; наконец, на комитеты возлагалась обязанность входить в сношения с политическими партиями, без всякого ограничения, о посылке в части депутатов, ораторов и литературы для разъяснения программ, перед выборами в Учредительное Собрание.

Этот акт, санкционировавший превращение армии, во время тяжелой войны, в арену для политической борьбы, и лишавший начальника права быть хозяином своей части, явился одним из главных этапов по пути разрушения армии. Интересно сопоставить взгляд по этому вопросу в армии анархиста Махно, выраженный в приказе одного из его «командующих войсками» Володина, от 10 ноября 1919 года:

¹⁴⁸ Председатель секции – генерал Апушкин.

¹⁴⁹ Фактически, сохранились и дивизионные, и корпусные.

«Ввиду того, что всякая партийная агитация в данный боевой момент вносит сильную разруху в чисто боевую работу повстанческой армии, категорически объявляю всему населению, что всякая партийная агитация до окончательной победы над белыми, мною совершенно воспрещена»...

Через несколько дней, ввиду протеста Ставки, военное министерство приказало немедленно «приостановить введение в жизнь приказа в части, касающейся комитетов. Там, где таковые уже организованы, можно их оставить, чтобы не вносить путаницы и дезорганизации». Министерство признало необходимым переработать главу о комитетах, на основаниях приказа Верховного главнокомандующего, «более отвечающего нуждам войск»...

Таким образом, армия к середине апреля имела многочисленные системы войсковой организации: свои нелегальные, созданные до апреля, установленную Ставкой и вводимую министерством^[150]. Эти противоречия, перемены, пе-

¹⁵⁰ Вот перечень общих армейских организаций, при штабе одной из армий Северного фронта, не считая множества местных – в каждой отдельной части, управлении и команде: 1. Армейский комитет (основной). 2. Отдел офицерского союза. 3. Исполнительный комитет военных врачей. 4. Исполнительный комитет ветеринарных врачей. 5. Исполнительный комитет сестер милосердия. 6. Исполнительный комитет военно-медицинских фельдшеров. 7. Исполнительный комитет военно-ветеринарных фельдш. 8. Исполнительный комитет солдат-литовцев. 9. Исполнительный комитет солдат-поляков. 10. Исполни-

ревыборы могли бы поставить части в большое затруднение, если бы комитеты сами не упростили вопроса: они отбросили все сдерживающие и регулирующие рамки, и начали действовать по своему усмотрению.

Наконец, во всех населенных пунктах, где только квартировали войска или военные учреждения, образовались местные солдатские советы или советы солдатских и рабочих депутатов, не подчинявшиеся никаким нормам, и сделавшие своей главной специальностью укрытие дезертиров, и беззастенчивую эксплуатацию городских и земских управлений – и населения. С ними власть не боролась вовсе, их не трогали, и только в конце августа военное министерство, выведенное из терпения бесчинствами этих «тыловых учреждений», сообщило печати, что оно «предполагает заняться разработкой особого положения о них».

Кто же входил в состав комитетов? Настоящего боевого элемента, живущего интересами армии, понимающего условия ее быта, проникнутого военными традициями, в них было очень мало. Доблесть, мужество, преданность долгу – все эти несвесомые ценности не имели спроса, на арене ми-

11. Исполнительный комитет солдат-украинцев. 12. Исполнительный комитет солдат-эстонцев. 13. Исполнительный комитет солдат-грузин. 14. Исполнительный комитет военных чиновников. 15. Исполнительный комитет чинов интендантства. 16. Исполнительный комитет чинов автотехнической службы. 17. Исполнительный комитет зауряд военных чиновников. 18. Исполнительный комитет чинов радиотелеграфа. 19. Исполнительный комитет нестроевых чинов армии. 20. Исполнительный комитет призванных 4-ой категории. 21. Общество офицеров генерального штаба армии.

тингового строительства новой жизни. Солдатская масса – к великому сожалению – невежественная, неграмотная, уже развращенная, не доверявшая своим начальникам, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импортировавших ей хорошо связанной речью, внешней политической полировкой, вынесенной из откровений партийной литературы; но больше всего – беззастенчивым угождением ее инстинктам. Как мог состязаться с ними настоящий воин, призывавший к исполнению долга, повиновению и к борьбе за Родину, не щадя жизни. Хорошие офицеры, если и выбирались в низшие комитеты, то редко проходили в высшие, растворяясь в чуждой им среде, и постепенно отсеиваясь. У них не было ни доверия среди солдат, ни желания работать в комитетах, ни, может быть, достаточного политического образования. В высших комитетах, скорее можно было найти хорошего и государственно мыслящего солдата, чем офицера, ибо человек в солдатском мундире мог говорить толпе то, что она не позволила бы сказать офицеру.

Русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов чуждых ей, большею частью случайно попавших в ее ряды, представлявших скорее межпартийные социалистические, нежели военные органы.

Казалось в высокой степени странным, и обидным для армии то обстоятельство, что во главе фронтовых съездов, представлявших несколько миллионов бойцов, множество отличных частей со старой и славной историей, имевших в

рядах своих офицеров и солдат, которыми могла бы гордиться всякая армия в мире, что во главе этих съездов были поставлены такие чуждые ей люди: Западного фронта – штатский, еврей, с.-д. большевик Познер; Кавказского – штатский, с.-д. меньшевик, грузинский шовинист Гегечкори; Румынского – соц.-рев., врач, грузин Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оценка из другого мира, данная составу тогдашних военных организаций Бронштейном (Троцким):

«Армия должна была послать своих представителей в революционные организации ранее, чем ее политическое самосознание могло подняться, хоть в слабой степени, до уровня революционных событий... Следовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тех из своей среды, которые представляли в ней интеллигенцию и полуинтеллигенцию, т. е. тех, которые обладали хотя бы самым малым политическим образованием, и которые могли его использовать. Таким образом, внезапно интеллигенты из мелкой буржуазии достигли, – волею армии, – небывалых высот. Врачи, инженеры, адвокаты, вольноопределяющиеся, которые перед войной вели самый обыкновенный образ жизни, и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдруг представителями армейских корпусов, и даже целых армий. И они сразу почувствовали себя „вожаками“ революции. Их

политическая идеология соответствовала как нельзя лучше колебаниям, и недостаточной сознательности в революционных массах... В то же время, эта мелкая демократическая буржуазия, в своей гордости революционных „рагвенус“, испытывала глубочайшее недоверие и к своим собственным силам, и в отношении массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то, что эти интеллигенты называли себя социалистами, и считались таковыми, они относились к политическому всемогуществу крупной буржуазии, к ее знаниям и методам с плохо скрываемым почтением»^[151].

* * *

Чем же занимались эти войсковые организации, которые должны были перестроить на новых началах «самую свободную армию в мире? ^[152]» Я приведу перечень вопросов^[153], подвергавшихся обсуждению, с большими или меньшими вариантами, на фронтовых съездах, давших затем соответственное направление фронтовым и низшим комитетам.

1) Об отношении к правительству, Совету рабочих и сол-

¹⁵¹ Троцкий. L'avenement du bolchevisme. 1919 г.

¹⁵² Определение Керенского.

¹⁵³ Кроме вопросов, подлежавших действительно их компетенции.

датских депутатов и Учредительному Собранию.

2) Об отношении к войне и миру.

3) О демократической республике, как желательной форме государственного устройства.

4) Аграрный вопрос.

5) Рабочий вопрос.

Внесение всех этих жгучих политических и социальных проблем, разрешаемых радикально, часто демагогически, возбуждавших партийную, классовую и корпоративную борьбу и вражду – в поколебленную и без того армию, стоявшую лицом к лицу с сильным и жестоким противником, не могло пройти без потрясения. Но и в вопросах военной службы и быта, на первом же съезде (Минском), пользовавшемся исключительным вниманием военной и гражданской власти, прозвучали нотки, заставившие нас сильно призадуматься: звание «офицера» упразднить, единоличную дисциплинарную власть упразднить, предоставить комитетам право устранения плохо аттестуемых ими начальников и т. д. . .

С первых же дней своего существования, комитеты повели борьбу за расширение своих прав, в широком диапазоне от «права участия в управлении армией» до формулы «вся власть советам» (комитеты – как полномочные органы совета).

Впрочем, первое время отношение войсковых комитетов к Временному правительству было вполне лояльным и, чем ниже комитет, тем отношение лучше. Целый ряд постанов-

лений о беспрекословном подчинении Временному правительству, ряд приветствий, делегаций, высланных войсками, которых беспокоили слухи о двоевластии и противодействии правительству со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов – все это заполняет весенние столбцы петроградских газет. Позднее, вследствие агитационной работы приобретающего все большее значение Совета, это настроение переживало различные фазисы, получив наиболее яркую директиву в приведенной мною ранее, резолюции Съезда делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, в начале апреля: «Совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов, быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии, или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств».

Если высшие комитеты увлекались более политической деятельностью, и углублением в армии «революционных начал», то низшие постепенно начали овладевать вопросами службы, быта и жизни войсковых частей, устраняя, ослабляя и дискредитируя власть командного состава. Понемногу, установилось фактическое право смещения и выбора начальников, ибо положение начальника, которому «выразили недоверие», становилось нетерпимым. Таким путем, например, на Западном фронте, войсками которого я командовал, к июлю месяцу ушло до 60 старших начальников, от командира корпуса до полкового командира включительно.

Но наиболее страшным явилось стремление комитетов, по своей инициативе и под давлением войск, вторгаться и в чисто боевые тактические распоряжения начальников, затрудняя донельзя, или ставя иногда в положительную невозможность, ведение операций.

Связанный, спутанный, обезличенный, лишенный власти, и поэтому безответственный начальник, не мог уже вести с уверенностью войска на поле победы и смерти...

Но так как власти не стало, начальникам поневоле приходилось обращаться за содействием к комитетам, которые действительно иногда влияли умиротворяюще на разбушевавшихся солдат, вели борьбу с дезертирством, улаживали обостренные отношения между офицерами и солдатами, призывали к исполнению приказов и вообще поддерживали, внешние по крайней мере, подпорки здания, начинавшего давать сильные трещины.

Эта положительная сторона деятельности некоторых комитетов до сих пор еще вводит в заблуждение их апологетов, в том числе Керенского. Я не могу спорить с людьми, думающими, что можно возвести здание – один день ставя сруб, а на другой – растаскивая бревна.

Как на положительную сторону деятельности комитетов, указывают и на личное участие их членов в наступлении, ознаменованное гибелью некоторых из них... Нет ничего удивительного, что некоторые члены комитетов исполнили честно свой долг, но в результате и на Юго-западном фрон-

те, где комитеты пользовались исключительным вниманием главного командования (Брусилов, Гутор), и у меня, на Западном фронте – все они сознались в полном своем бессилии, не только двинуть войска вперед, но и «остановить их безумное, паническое бегство». Это обстоятельство станет еще более понятным, когда мы увидим ниже, кто входил в состав комитетов.

Так шла видимая и невидимая работа войсковых организаций, чередуясь между патриотическими призывами и интернационалистическими лозунгами, между помощью командирам и их низвержением, между выражением доверия или недоверия Временному правительству, и ультимативным требованием новых сапог, и суточных денег членам комитета... Бытописатель русской армии, изучив некогда это явление, придет в изумление от того непонимания законов существования вооруженной силы, которое обнаружено много раз комитетской деятельностью и литературой.

Особенно демагогически настроены были тыловые и флотские комитеты. Балтийский флот пребывал все время в состоянии, близком к анархии, Черноморский был значительно лучше и держался прочно до июня. Трудно даже учесть огромный вред, принесенный разбросанными по всей стране тыловыми комитетами и советами, среди которых надменность соперничала с поразительным невежеством. Я ограничусь приведением лишь нескольких примеров, характеризующих эту деятельность в разных ее проявлениях.

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии в середине мая выпустил декларацию, в которой, не удовлетворяясь данной Финляндии Временным правительством автономией, заявляет о необходимости предоставления ей полной свободы, и о том, что «со своей стороны, будет поддерживать, всеми доступными мерами, все шаги революционных организаций, направленные к скорейшему достижению и разрешению этого вопроса».

Центральный комитет Балтийского флота, совместно с вышеназванным комитетом, в тревожные дни выступления большевиков в Петрограде (начало июля) объявил: «вся власть Всероссийскому совету р. и с. депутатов. Сплотимся вокруг революционной борьбы нашей трудовой демократии за власть», и не выпустил в Петроград кораблей, вызванных Временным правительством для подавления мятежа.

Комитет Минского военного округа незадолго до наступления, уволил на полевые работы всех солдат запасных батальонов в свои губернии. Я велел предать суду состав комитета, но вряд ли это распоряжение имело какие-либо последствия, так как военное министерство, невзирая на мои предложения, не установило законной ответственности членов комитета – коллегиального учреждения, выносящего свои решения по большинству голосов, иногда тайным голосованием.

Наконец, приведу один курьезный бытовой эпизод: комитет одного из конских депо на моем фронте постановил по-

ить лошадей только один раз в сутки, благодаря чему большая часть лошадей пала.

Было бы несправедливостью отрицать существование и положительных примеров, в деятельности и постановлениях «тыловых организаций», но эти примеры тонут, бесследно и безрезультатно, в общей анархической волне, поднятой и их руками.

Несомненно, наиболее важным вопросом, с военной точки зрения, являлось отношение комитетов к войне, и в частности, к готовившемуся наступлению. В главе XI-ой, я очертил те внутренние противоречия, которые резко проявились, как в сознании членов Совета и Съездов, так и в тех двойственных, неискренних директивах, которые были даны ими армейским организациям, и сводились к приятию войны, наступления, но без победы.

Это положение и было в общем усвоено, и проводимо в жизнь высшими комитетами, за исключением, впрочем, комитета Западного фронта, который в июне вынес резолюцию большевистского характера, сводившуюся к следующему: война порождена захватной политикой правительства; поэтому единственным средством прекращения войны является борьба объединившейся демократии всех стран против своих правительств; окончание же войны, путем решительной победы одних держав над другими, послужит лишь к укреплению военщины, во вред демократии.

Пока на фронте было затишье, войска сравнительно спо-

койно относились ко всем этим словопрениям и резолюциям высших организаций. Но когда настало время готовиться к переходу в наступление, во многих людях заговорили шкурные побуждения, и готовые формулы пораженческих идей пришлось как нельзя более кстати. Наряду с комитетами, продолжавшими выносить патриотические резолюции, некоторые войсковые организации, отражая мнение частей, или проводя свое собственное, резко пошли против идеи наступления. Целые полки, дивизии, даже корпуса на активных фронтах, и особенно на Северном и Западном, отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения в первую линию. Накануне наступления, приходилось назначать крупные военные экспедиции, для вооруженного усмирения частей, предательски забывших свой долг.

* * *

Я хочу дать совершенно объективную картину деятельности одной из крупных организаций – «Армейского комитета XI армии», основываясь исключительно на данных, извлеченных из комитетского отчета. Проследить день за днем (21–30 мая) работу комитета весьма интересно по двум причинам: во первых, в состав его входили столь прославленные впоследствии большевики: Крыленко и Дзевалтовский, во-

вторых, работа эта предшествовала наступлению XI армии, имевшей важную активную задачу в июньской операции.

Председатель комитета, – сначала прапорщик Крыленко, – с.-д. большевик, – потом солдат Пипик, – с.-д. меньшевик-интернационалист.

Комитет делится на фракции: большевиков, соц.-рев., меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и беспартийных; резолюции выносятся по фракциям, причем четыре последних образуют обычно блок. Такой порядок вызывает протест одного из членов: «если армейский комитет должен представлять голос армии, выражать ее желания, то к чему партийные разделения».

Докладчиками по военно-политическим вопросам являются, обыкновенно: прапорщик Крыленко – большевик.

Поручик Дзевалтовский – большевик.

Поручик Холодный – меньшевик.

Солдат Пипик – меньшевик-интернационалист.

Прапорщик Носарь – соц.-рев.

Вольноопред. Гандлер – соц.-рев.

Вольноопред. Шадхан – внепар.

Шт. ротм. Протопопов – внепар.

23 мая постановлено послать 8 представителей на Всерос. съезд советов р. и с. депут., созываемый в Петрограде на 1-ое июня, причем для выбора, принято пропорциональное представительство обеих точек зрения (блок и большевики), и выбранным делегатам будет поручено совершить массовый

объезд частей, для определения взглядов войск.

24 мая комитет принимает резолюцию, которая выражает одобрение вступлению социалистов в правительство, «на платформе активной политики, направленной к скорейшему заключению всеобщего мира на демократических началах», и обещает всемерную поддержку Врем. правительству. Резолюция большевиков, призывающая к борьбе с правительством, отвергнута. За первую подано 90 голосов, за вторую – 32.

26 мая, на основаниях, принятых 23-го, происходят выборы восьми делегатов на съезд, причем за список блока подано 85 голосов, за список большевиков 42, и воздержалось 10. Поэтому командирится 5 лиц из состава блока и 3 большевика. Один из членов протестует, указывая на неправильность такого представительства армии: «я не поверю, что у нас 3/8 армии – большевики». Получив «мандат», прап. Крыленко немедленно слагает с себя звание председателя и едет в войска, широко распространяя от имени армейского комитета свое большевистское воззвание «Зачем я поеду в Петроград». (Затем едет туда фактически, принимает деятельное участие в июльском кровавом мятеже, и подвергается аресту военными властями; но правительство Керенского освобождает его «за недостатком улик»).

В тот же день комитет выносит резолюцию о войне и мире, близкую к июньской резолюции Всероссийского съезда, призывая армию «к усилению боевой мощи, так как только

войска, готовые в каждый данный момент исполнить приказ о переходе в наступление, являются подлинной военной силой, могущей защитить русскую свободу». За такое условное наступление высказалось 85 голосов, против наступления – 31, и воздержавшихся – 10. Любопытна психология воздержавшихся комитетских офицеров (полков. Дукшинский и кап. Базаревич): «ввиду серьезности вопроса, сопряженного с решением участи жизни многих тысяч людей, мы, как представители тылового учреждения, нравственно не считаем себя вправе голосовать»...

27 мая предоставлено право участия в комитете представителям самочинных польской и мусульманской военных организаций армии. Разработаны весьма крутые меры для борьбы с дезертирством.

На тревожный вопрос прибывшего на заседание вр. командовавшего армией: «есть ли у вас самих единение», тов. предс. отвечает: «у нас имеется свое меньшинство, которое, по заявлению его представителя, отказывается от всяких анархических действий, и, пока оно в меньшинстве, будет подчиняться большинству, оставляя за собой право свободной критики».

28 мая – доклад хозяйственной комиссии, характер деятельности которой был, – контролирующей и организационно-осведомительный. Указывалось на большую работу, произведенную на местах 40 делегатами. Характерно сожаление докладчика, что «отношение к хозяйственным вопросам ар-

мии крайне несерьезное; вопросы эти отодвигаются на задний план на всех собраниях»...

Прочтен доклад конфликтно-юридической комиссии: за месяц комиссия разрешила 43 конфликта, возникших в армии, причем «почти все постановления комиссии утверждались командармом (генерал Гутор) без изменения».

Доклад о деятельности культурно-просветительной комиссии признает, что сделано пока немного; мало средств; члены агитационной секции все заняты на конфликтах; «есть лекторы-кадеты, но от них отказались».

29 мая комитет постановляет устроить митинг протеста против смертного приговора, вынесенного за политическое убийство австрийским судом Фридриху Адлеру.

30 мая комитет разъезжается. 85 человек социалистического блока, 42 большевика и 10 «воздержавшихся»... от исполнения своего долга едут в армию, чтобы поднять дух русских войск перед наступлением, и подвинуть их на смертный бой за Родину. Бедная армия и бедная Родина!

1-ая армия, как увидим впоследствии, в начале июля подала пример панического бегства и всех последующих явлений, которые генерал Корнилов называл «безумием, бесчестием и предательством».

* * *

Я уже говорил в главе XVIII-ой об отношениях многих старших начальников-оппортунистов к комитетам. Синтез этих отношений наиболее рельефно выражен, в обращении временно командовавшего армией генерала Федотова, к армейскому комитету:

«Наша армия получила, в настоящее время, небывалое еще нигде устройство... В ней огромную роль играют выборные организации. Мы – прежние вожди ее, теперь можем дать армии только наши военные знания: стратегии и тактики. Организовать же армию, создавать ее внутреннюю силу призваны вы – комитеты. Роль комитетов, роль ваша в деле созидания новой, сильной армии велика. История в будущем отметит это!».

Главнокомандующий Кавказским фронтом, еще до узаконения военных организаций, отдал распоряжение, чтобы постановления самозванного тифлисского совета солдатских депутатов печатались в приказах армии, а распоряжения, касающиеся устройства и быта армии, проходили бы через совет солдатских депутатов.

Неудивительно, что подобное отношение известной части командного состава давало почву, оправдание и обоснование, все более растущим, комитетским вождедениям.

В книге Керенского я нашел поразившее меня мнение о комитетах, приписываемое генералу Корнилову (в докладной записке, якобы поданной им Временному правительству):

«Должно казаться странным и удивительным, насколько эти молодые выборные учреждения мало уклонились от правильного пути, и насколько часто они оказывались на высоте положения, кровью запечатлевая свою доблестную воинскую деятельность... Комитеты обеспечивают своим существованием, символизирующим в глазах массы бытие революции, спокойное отношение к тем мероприятиям, которые необходимы для спасения армии и страны, на фронте и в тылу».

Быть может, приведенное мнение изложено в докладной записке, составленной военным министерством, мотивировкой которой Корнилов вовсе не интересовался, соглашаясь лишь с некоторыми ее выводами и намеченными мероприятиями? Генерал Корнилов – солдат до мозга костей – относился с глубочайшим осуждением к разрушавшим армию комитетам – я утверждаю это категорически, хорошо зная

и Корнилова и его взгляды. Наконец, Савинков, бывший управляющий военным министерством, удостоверяет: «Пологая, что и комиссары, и комитеты в будущем должны быть упразднены, я, боясь осложнений, не считал однако возможным упразднить их немедленно. Генерал же Корнилов, по видимому, был склонен к безотлагательному упразднению комитетов, и к сокращению прав комиссаров. В этом смысле он и высказался на совещании, созванном Филоненкой» (Совещание представителей комиссаров и комитетов 22 августа 1917 г.) [154].

Керенский, приводя изданный в марте 1918 года большевиками, закон о сохранении за комитетами только хозяйственных функций, и лишения их права вмешиваться в оперативно-строевую часть, иронически добавляет: «так через кошмарный опыт крыленковского безумия жалкие остатки армии возвращаются к контрреволюционному строю корниловца Керенского!» [155].

Сопоставление этих двух имен производит тяжелое впечатление. По существу же, вывод этот несколько преждевременный: в марте – это были действительно «жалкие остатки», изъеденные керенщиной; но после жестоких поражений, понесенных большевиками зимою 1918–1919 годов, они прозрели окончательно и упразднили вовсе комитеты. Большевистский официоз – «Известия» – жестоко критико-

¹⁵⁴ Савинков. К делу Корнилова.

¹⁵⁵ Керенский. Дело Корнилова.

вал и издевался над этим институтом.

Я лично и на Западном, и на Юго-западном фронтах поставил вопрос прямо: отказался от всякого взаимодействия с комитетами и пресекал, когда было возможно, те проявления их деятельности, которые шли вразрез с интересами армии.

В конечном итоге, поправление власти избавляло командный состав и от ответственности. Начальник без власти и без ответственности – не мог вести войска к победе.

«Теоретически становилось все яснее – говорит один из виднейших комиссаров, бывший член Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов, Станкевич – что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сделать ни того, ни другого. Комитеты были ярким выражением неизлечимой социологической болезни армии, признаком ее верного умирания, ее параличом. Но было ли задачей военного министерства – ускорить смерть решительной и безнадежной операцией?»...

Великая некогда русская армия первого периода революции представляется мне в следующем виде:

Родины не стало. Вождя распяли. На его место перед фронтом вышла коллегия из пяти оборонцев и трех большевиков, – и обратилась с призывом к армии:

– Вперед на бой за свободу и революцию, но... без окончательного разгрома противника! – говорили одни.

– Долой войну, вся власть пролетариату! – кричали дру-

гие.

Армия слушала, слушала, потопталась на месте и... разошлась.

Глава XXI. «Демократизация армии»: комиссары

Следующая мера демократизации армии – введение института комиссаров.

Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея подымалась в разное время, в различных кругах, имея своим главным обоснованием – недоверие к командному составу.

Интересно, что даже такой прямолинейный поборник здоровых начал существования армии, каким был генерал Марков, еще в начале апреля, видя и страдая от ничем не оправдываемого недоверия, которое вдруг проявила солдатская среда к офицерству, послал в министерство проект введения в каждую армию комиссара – представителя военного министра, который мог бы видеть и свидетельствовать полную лояльность командного состава.

Председатель совета министров Львов прислал в мае в Ставку общие основания вводимого им института комиссаров^[156]. На них, по мысли правительства, возлагалось гражданское управление на театре войны, на основаниях, изложенных в положении о полевом управлении войск, а также вся область снабжения, питания войск и санитарно-гигиени-

¹⁵⁶ Проект, по-видимому, Вырубова.

чески-эвакуационная. Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь согласовали свои действия с соответствующими военными начальниками. Это предположение, окончательно вырывавшее из рук командного состава важнейшие военно-административные функции, встретило резкий протест со стороны Ставки, и тотчас же было оставлено правительством.

Между тем, напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля, обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов, о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет более возможности сохранить порядок и спокойствие, в отношении солдат к отдельным лицам командного состава, и что если до сих пор удавалось избежать случаев самосуда и смещения, то только потому, что армия ждала соответственных мер Совета и правительства, и не хотела вносить беспорядок и осложнять их работу. Вместе с тем, совещание предложило, совершенно нелепый, проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства, 2) Совета рабочих и солдатских депутатов, 3) Армейских комитетов. При этом, совещание в своих требованиях заходило очень далеко, возлагая на комиссариаты, как на контрольный орган, рассмотрение всех дел и вопросов, относящихся к компетенции командующих армиями и фронтами; скрепление своею подписью всех приказов; производство расследования

деятельности командного состава, и право отвода его.

На этой почве, между Советом рабочих и солдатских депутатов и правительством шли длительные переговоры, и в конце апреля состоялось соглашение о назначении в армии комиссаров – по одному от Временного правительства, и по одному от Совета. Позднее, однако, это решение было изменено, вероятно в виду появления у власти коалиционного министерства (5 мая), и комиссар армии назначался один, по соглашению правительства и Совета, являясь представителем обеих инстанций, и перед обеими ответственным.

В конце июня, Временное правительство учредило должность комиссаров фронтов, определив их функции следующим образом: руководствуясь указаниями военного министерства, направлять к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армий фронта, содействуя согласованной работе армейских комиссаров.

Позднее, в конце июля организация завершилась учреждением должности верховного комиссара при Ставке, а все делопроизводство – сосредоточено в политическом отделе при военном министре.

Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе – это одно уж давало большую пищу, для всех последующих недоразумений и столкновений. Генерал Монкевиц^[157], на основании инструкции Керенского, которую я

¹⁵⁷ La decomposition de l'armee russe.

не помню, в таких общих выражениях определяет роль комиссаров: служить посредниками между высшим командованием и войсками, сглаживать трения, их разделяющие, руководить политической жизнью армии, заботиться об улучшении материального положения солдат, равно как о развитии их морального и интеллектуального состояния.

Негласною обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами, в смысле их политической благонадежности. В этом отношении демократический режим, пожалуй, превзошел самодержавный – я убедился в этом и на Западном, и на Юго-западном фронтах, читая телеграфную переписку комиссариатов с Петроградом, которую, да простят мне господа комиссары, штаб давал мне в расшифрованном виде, тотчас же после ее отправления. Но если эта последняя роль комиссаров требовала только известного навыка к политическому сыску, то гласные их обязанности были далеко сложнее: они требовали государственного взгляда, точного знания цели, которая должна быть достигнута, знания психологии не только солдатской и офицерской среды, но и старшего командного состава, знания основных начал существования, службы и быта армии, большого такта и наконец личных интеллектуальных качеств: мужества, твердой воли и энергии.

Только эти данные могли хоть до некоторой степени ослабить тяжкие последствия мероприятия, вырывавшего из рук военного начальника (или вернее, санкционировавшего

свершившийся факт) возможность влияния на войска, которое одно только могло укрепить веру и надежду в победу.

К сожалению, таких элементов в среде, близкой к правительству и Совету, и пользовавшейся их доверием, не было. Состав комиссаров, известных мне, определяется таким образом: офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльнопоселенцы, эмигранты – потерявшие связь с русской жизнью, члены боевых организаций и т. д. Ясно, что достаточного знания среды у этих лиц быть не могло.

Что касается политических взглядов указанных лиц, то все они принадлежали к социалистическим партиям, от социал-демократов – меньшевиков до группы «Единства», ходили в партийных шорах и зачастую не проводили общей политической линии правительства, считая себя связанными советской и партийной дисциплиной. Сообразно с партийными политическими учениями, у самих комиссаров не было даже однообразного отношения к войне. Один из наиболее честно, по своему конечно, относившихся к исполнению своих обязанностей, комиссар Станкевич, отправляясь к наступающей дивизии, мучится сомнениями: «...Они (солдаты) верят, что мы не хотим их обмануть, и поэтому насильно отбрасывают от себя сомнения, и идут умирать и убивать. Но мы-то, вправе ли мы не только убеждать, но и брать на себя решение за других!..» Даже в вопросе о большевизме – не все комиссары, как удостоверяет Савинков^[158], стояли на одина-

¹⁵⁸ Последовательно занимал должности комиссара 7 армии, Юго-западного

ковой точке зрения, не все считали желательной и возможной решительную борьбу с большевиками. Савинков составлял вообще исключение. Не будучи военным по профессии, но закаленный в борьбе и скитаниях, в постоянной опасности, с руками, обогретыми кровью политических убийств, — этот человек знал законы борьбы и, сбросив с себя иго партии, более твердо, чем другие, вел борьбу с дезорганизацией армии; но при этом, вносил слишком много личного элемента в свое отношение к событиям.

Что касается личных качеств комиссаров, то за исключением нескольких, типа близкого к Савинкову, никто из них не выделялся ни силою, ни особенной энергией. Люди слова, но не дела. Быть может недостаточная подготовка комиссаров не имела бы таких отрицательных последствий, если бы не одно обстоятельство: не зная точно круга своих обязанностей, они постепенно начинали вторгаться решительно во все области жизни и службы войск, отчасти по своей инициативе, отчасти побуждаемые к этому солдатской средой и войсковыми комитетами, а иногда даже боявшимися ответственности начальниками. Вопросы назначений, смещений, даже вопросы оперативные, составляли предмет внимания комиссаров, не только с точки зрения «скрытой контрреволюционности», но и целесообразности принимаемых мер. И путаница понятий была настолько велика, что командный состав послабее духом иногда совершенно терялся. Я помню

такой факт. Во время июльского отступления Юго-западного фронта, один из корпусных командиров необдуманно разрушил хорошо оборудованную военную дорогу, поставив в крайне затруднительное положение армию. Отчисленный от должности командующим армией, он впоследствии пришел ко мне с самым искренним недоумением – за что его отрешили, когда он действовал... по указанию комиссара.

Отражая взгляды Совета р. и с. д., поддерживая в трогательной неприкосновенности новоприобретенные права солдата, комиссариат не оказался на высоте и в своей основной задаче – в руководстве политической жизнью армии: зачастую самая разрушительная проповедь допускалась безвозбранно; солдатские митинги и комитеты могли выносить – какие угодно – противогосударственные – и противоправительственные решения, и только когда насыщенная атмосфера выливалась в вооруженный бунт, это обстоятельство вызывало вмешательство комиссаров. Такая политика сбивала с толку и войска, и комитеты, и начальников.

При всем этом, заранее составленный предвзятый взгляд на командный состав, как на «контрреволюционеров», разница в убеждениях по общеполитическим вопросам, и зачастую недостаток такта со стороны комиссаров – отталкивали их от командного состава. Нужно было особенно счастливое сочетание двух столь несходных во всех отношениях элементов, чтобы совместная работа их была не только возможна, но и плодотворна; в очень редких случаях это имело место.

Цели своей институт не достиг. В солдатской среде, как орган принуждения, иногда усмирения, комиссары уж тем самым не могли найти популярности, а отсутствие прямой, разящей власти не могло создать им авторитета силы – наиболее чтимого даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось впоследствии, после захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними из первых, с большой поспешностью и тайно, покинуть свои посты.

«Крамолы» они не избыли: начальники, за редкими исключениями, отстаивали свое право высших назначений, в случаях комиссарского неодобрения. Революционная власть не довела своего мероприятия до логического конца, как это сделали потом большевики, вручив комиссарам право распоряжения жизнью и смертью опекаемых ими военных начальников. Впрочем, и там этот опыт приходит к концу: постепенно отбрасывая все «завоевания революции» в области демократизации армии, как то: выборное начало, митинги, комитеты, упразднение единоличной дисциплинарной власти, – советская власть посягнула и на институт войсковых комиссаров: по докладу Троцкого, еще на 7-м съезде советов принципиально принят был вопрос об уничтожении этого института; меру эту предполагалось провести постепенно, причем комиссаров должны были заменить помощники командиров по политической части.

Итак, в русской армии, вместо одной, появились три раз-

народных, взаимно исключаящих друг друга власти: командир, комитет и комиссар. Три власти призрачные... А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью – власть толпы.

Рассматривая вопрос о новых органах – комиссарах и комитетах и их роли в судьбах русской армии, я стоял исключительно на точке зрения сохранения нашей вооруженной силы, как важного фактора в грядущих судьбах нации. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса, вне зависимости его от общих законов, управлявших жизнью народа и ходом революции. Скажу больше: все эти исходящие явления носят печать логической последовательности и неизбежности, в силу той роли, которую пожелала играть революционная демократия. В этом был весь трагизм положения.

В распоряжении социалистической демократии, совершенно не было подготовленных элементов для технических аппаратов управления армией. И, вместе с тем, не было ни решимости, ни возможности подавить сопротивляемость буржуазной демократии и командного состава, заставив их работать во славу социализма, как это сделали впоследствии большевики, методами кровавого, беспощадного истребления, заставившие служить коммунизму остатки русской интеллигенции и офицерства.

Став фактически у власти, и поставив известные цели и задачи, революционная (социалистическая) демократия зна-

ла хорошо, что те элементы управления и командования, которые должны проводить их в жизнь, совершенно не разделяют ее взглядов. Отсюда – неизбежное недоверие, и желание ослабить влияние и значение этих элементов. Но какими методами?.. В силу потери идеи государственности и любви к Родине, центральный революционный орган в борьбе с политическими противниками проводил методы разрушения, не заботясь о том, что они одновременно были направлены к разрушению страны и армии.

Наконец, еще одно важное обстоятельство: революция, потрясая все государственные основы и взаимоотношения классов, случилась тогда, когда весь цвет нации, до 10 миллионов, был под ружьем. Предстояли выборы в Учредительное Собрание... При таких условиях, предотвратить вторжение политики в армию было абсолютно невыносимо, как невыносимо остановить течение реки. Но ввести ее в надлежащее русло, быть может, было возможно. На этой почве также столкнулись обе стороны, с их различными методами (государственно-охранительным и демагогическим), в стремлении овладеть настроением такого решающего фактора, каким для революции являлась армия.

Вот те предпосылки, которые предопределяют, и дают логическое обоснование, всему последующему ходу демократизации армии. Правивший сначала из за кулисы, потом явно, класс социалистической демократии, для укрепления своего положения и в угоду инстинктам толпы, разрушил во-

енную власть, и содействовал созданию коллегиальных военных организаций, хотя и не вполне отвечавших направлению Совета, но менее опасных и более поддающихся его влиянию, чем командный состав. Явно сознаваемая необходимость какой-либо военной власти, недоверие к командному составу с одной стороны, и желание создать буфер между двумя искусственно разъединенными элементами армии с другой, – привели к учреждению института комиссаров, находившихся в двойной зависимости от Совета и правительства. Оба института, не удовлетворив ни солдат, ни офицеров, пали вместе с Временным правительством, возродившись вновь, в несколько измененной форме, в Красной Армии, и вновь отмеченные жизнью.

Ибо, «как человек не может выбрать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить, путем насильственной революции, учреждения, переставшие ему нравиться, – это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала, это – чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время – все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным вла-

стителем»^[159].

Возродится, очевидно, и русская, национальная армия, не только на демократических, но и на исторических началах.

¹⁵⁹ Густав Ле-Бон. Психология социализма.

Глава XXII. «Демократизация армии»: история «декларации прав солдата».

Печальной памяти закон, вышедший из поливановской комиссии и известный под именем «декларации прав солдата», утвержден Керенским 9 мая.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

Приказываю ввести в жизнь армии и флота следующие, согласованные с п. 2 декларации Временного правительства от 7 марта с. г., положения об основных правах военнослужащих:

1) Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2) Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.

3) Каждый военнослужащий, во внеслужбное

время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно, свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

4) Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование, и принуждаем к присутствию при богослужениях, и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве необязательно.

5) Все военнослужащие, в отношении своей переписки, подчиняются правилам, общим для всех граждан.

6) Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.

7) Всем военнослужащим предоставляется право ношения гражданского платья вне службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всех военнослужащих, находящихся в действующей армии и в военных округах, расположенных на театре военных действий.

Право разрешать ношение гражданского платья военнослужащим в некоторых крупных городах, находящихся на театре военных действий, предоставляется главнокомандующим армиями фронтов, или командующим флотами. Смешанная форма ни в каком случае не допускается.

8) Взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской

дисциплины, на чувстве достоинства граждан свободной России, и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

9) Особые выражения, употребляющиеся как обязательные для ответов одиночных людей и команд вне строя и в строю, как, например, «так точно», «никак нет», «не могу знать», «рады стараться», «здравия желаем», «покорно благодарю» и т. п. заменяются общеупотребительными: «да», «нет», «не знаю», «постараемся», «здравствуйте» и т. п.

10) Назначение солдат в денщики отменяется. Как исключение, в действующей армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом) офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового и лица, к которому он назначается, с платой также по соглашению, но не более одного вестового на каждого из упомянутых чинов.

Вестовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются как в действующей армии, так и во внутренних округах, и назначаются на тех же основаниях, как и вестовые для личных услуг.

11) Вестовые для личных услуг не освобождаются от

боевой службы.

12) Обязательное отдание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется.

Для всех военнослужащих, взамен обязательного отдания воинской чести, устанавливается взаимное добровольное приветствие.

Примечание: 1. Отдание воинских почестей командами и частями при церемониях, похоронах и т. п. случаях сохраняется; 2. Команда «смирно» остается во всех случаях, предусмотренных строевыми уставами.

13) В военных округах, не находящихся на театре военных действий, все военнослужащие в свободное от занятий, службы и нарядов время, имеют право отлучаться из казармы, и с кораблей в гавани, но лишь осведомив об этом соответствующее начальство, и получив надлежащее удостоверение личности.

В каждой части должна оставаться рота, или вахта (или соответствующая ей часть) и кроме того, в каждой роте, сотне, батарее и т. д. должна оставаться еще и ее дежурная часть.

С кораблей, находящихся на рейдах, увольняется такая часть команды, какая не лишает корабля возможности, в случаях крайней необходимости, немедленно сняться с якоря и выйти в море.

14) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию, или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против

неисполняющих его приказание подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями.

15) Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются^[160].

Примечание: из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется.

16) Применение наказаний, не упомянутых в уставе дисциплинарном, является преступным деянием, и виновные в нем должны предаваться суду 1). Точно так же должен быть предан суду всякий начальник, ударивший подчиненного в строю или вне строя.

17) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут телесному наказанию, не исключая и отбывающих наказания в военно-тюремных учреждениях.

18) Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях (приказы по воен. ведомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) принадлежит выборным войсковым организациям.

¹⁶⁰ Закон и раньше предусматривал и карал эти правонарушения.

Объявляя настоящее общее положение, предписываю принять его (как и правила, установленные приказом по военному ведомству с. г. 114) в основание при пересмотре уставов и законоположений, определяющих внутренний быт и служебную деятельность военнослужащих, а равно дисциплинарную и уголовную их ответственность.

Военный и морской министр А. Керенский.

Эта «декларация прав», давшая законное признание тем большим явлениям, которые распространились в армии – где частично, где в широких размерах, путем бунта и насилия или, как принято было выражаться, «в порядке революционном», – окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповедь – устную и печатную – антигосударственных, антиморальных и антиобщественных учений, даже таких, которые по существу, отрицали и власть, и само бытие армии. Наконец, она отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишней раз, в торжественной форме, бросив упрек командному составу, унизила и оскорбила его.

«Пусть самые свободные армия и флот в мире – сказано

было в послесловии Керенского – докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны».

И «великая молчаливица», как образно и верно характеризуют французы существо армии, заговорила, зашумела еще громче, подкрепляя свои требования угрозами, оружием и пролитием крови тех, кто имел мужество противостоять ее безумию.

«Декларация» – творчество коллективное, зародившееся в недрах Совета, но в котором повинен и офицерский элемент – преимущественно тот, что в содружестве и в угодничестве перед революционной демократией, искал выхода своему «непротивлению», или честолюбивым помыслам. Первый раз декларация почти в той же редакции, которая приведена в приказе, была оглашена еще 13 марта, на совещании офицеров и солдат петроградского гарнизона, под председательством подполковника генерального штаба Гущина. В силу угодничества или забитости петроградского офицерства, ошеломленного событиями и еще не разобравшегося в них, чтение декларации не вызвало ни страстных речей, ни сколько-нибудь сильного протеста. Были внесены лишь некоторые поправки и принята «при общем энтузиазме» резолюция об «установленном прочном братском единении между офицерами и солдатами»...

Проект декларации поступил в поливановскую комиссию, которая разрабатывала его, – совместно с военной секцией

Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, – в течение почти двух месяцев, причем офицерский состав комиссии проявил преступный оппортунизм, который не раз приводил в удивление случайных участников заседаний.

В конце апреля, проект в окончательной редакции был прислан Гучковым на заключение в Ставку. Мы дали горячую отповедь, в которой излили все свои душевные муки – и Верховный главнокомандующий и я – всю свою скорбь за беспросветное будущее армии. «Декларация – последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии» – таков был окончательный наш вывод. Гучков 1 мая сложил с себя звание военного министра, «не желая разделять ответственности за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины», в частности не желая подписывать декларацию.

* * *

Ставка разослала проект декларации главнокомандующим фронтами, для ознакомления, после чего генерал Алексеев вызвал их в Могилев, чтобы совместно обсудить создавшееся роковое положение.

Историческое заседание это состоялось 2 мая^[161]. Безысходной грустью и жутью повеяло от всех, спокойных по форме и волнующих по содержанию, речей, рисующих крушение русской армии. Генерал Брусилов тихим голосом, в котором звучала искренняя, непритворная боль, закончил свою речь словами: – «Но все это можно перенести, есть еще надежда спасти армию и даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация... Но если ее объявят – нет спасения. И я не считаю тогда возможным оставаться ни одного дня на своем посту»...

Последняя фраза, помню, вызвала горячий протест генерала Щербачева, который доказывал, что уходить с поста нельзя; что, как бы ни было тяжело и даже безысходно положение, вожди не могут бросить армию...

Кто-то подал мысль – всем главнокомандующим ехать немедленно в Петроград, и обратиться к правительству с твердым предостерегающим словом, и с решительными требованиями. Такая демонстрация должна была, по мысли предлагавшего, произвести большое впечатление и, может быть, остановить разрушающее течение военного законодательства. Ему возражали: прием опасный, это наша последняя ставка, и неудача выступления может дискредитировать окончательно военное командование... Но предложение бы-

¹⁶¹ Присутствовали: Верховный главнокомандующий генерал Алексеев, генералы: Брусилов, Щербачев, Гурко, Драгомиров, я, Юзефович и несколько чинов Ставки.

ло все-таки принято, и 4 мая состоялось в Петрограде соединенное заседание всех главнокомандующих^[162], Временного правительства и Исполнительного комитета с. р. и с. д.

У меня сохранился отчет об этом заседании, который я привожу ниже в подробных извлечениях, ввиду большого его интереса: в нем нарисована картина состояния армии в том виде, как она представлялась всем вождям ее, непосредственно во время хода событий вне, следовательно, влияния меняющего перспективу времени; в нем же вырисовываются некоторые характерные черты лиц, стоявших у власти.

Речи главнокомандующих – почти те же по содержанию, что и в Ставке, только гораздо менее выпуклы и менее откровенны. А генерал Брусиллов значительно смягчил свои обвинения, потерял пафос, «приветствовал от всего сердца коалиционное правительство», и не повторил уже своей угрозы выйти в отставку.

Отчет

Генерал Алексеев. Я считаю необходимым говорить совершенно откровенно. Нас всех объединяет благо нашей свободной родины. Пути у нас могут быть различны, но цель

¹⁶² Кроме Кавказского фронта.

одна – закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее, хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной.

Только победа может дать нам желанный конец. Тогда только возможна созидательная работа. Но победу надо добыть; это же возможно только в том случае, если выполняются приказания начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа.

Сидеть в окопах – не значит идти к концу войны. Противник снимает с нашего фронта, и спешно отправляет на англо-французский – дивизию за дивизией, а мы продолжаем сидеть. Между тем, обстановка наиболее благоприятна для нашей победы. Но для этого надо наступать.

Вера в нас наших союзников падает. С этим приходится считаться в области дипломатической, а мне особенно в области военной.

Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения – любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно. Лозунг «без аннексий и контрибуций» приводит толпу к выводу – «для чего жертвовать теперь своею жизнью».

Вы спросите, – где же власть, где убеждения, где, может

быть, даже физическое принуждение? Я должен сказать, что реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии. Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал. Этому способствует и недостаток снабжения. Надо учесть еще и происшедший в армии раскол. Офицерство угнетено, а между тем, именно офицеры ведут массу в бой. Надо подумать еще и о конце войны. Все захочет хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядок произвела недавно на железных дорогах масса отпускных, и дезертиров. А ведь тогда захотят одновременно двинуться в тыл, несколько миллионов человек. Это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно. Имейте еще в виду, что возможен при демобилизации и захват оружия.

Главнокомандующие приведут вам ряд фактов, характеризующих положение армий. Затем я дам заключение, и выскажу наши пожелания и требования, выполнение которых является необходимым.

Генерал Брусилов. Прежде всего я должен нарисовать вам, что представляет собою офицерский и солдатский состав армий в данное время. Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили до 50% кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армий.

Большие потери – убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров – все это привело к тому, что попадают полки, где состав обернулся 9–10 раз, причем в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2–4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры – молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом, ввиду неопытности.

И вот на эту среду выпала задача: переустроиться на новый лад. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворот, необходимость которого чувствовалась, который даже запоздал, упал все-таки на неподготовленную почву. Малоразвитой солдат понял это, как освобождение «от офицерского гнета». Офицеру же нанесли обиду – его лишили прав воздействия на подчиненных. Начались недоразумения. Были, конечно, виноватые из старых начальников, но все старались идти навстречу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это влияниями со стороны. Приказ Совета № 1 смутил армию. Приказ № 2 отменил этот приказ для фронта. Но у солдат явилась мысль, что начальство что-то скрывает – одни хотят дать права, другие отнимают.

Офицеры встретили переворот радостно. Если бы мы не шли навстречу перевороту так охотно, то может быть, он не прошел бы так гладко. А между тем, оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам осталось – довольство-

ваться только ролью каких то париев свободы.

Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще. Все знают, что даны большие права, но не знают какие, не интересуются и обязанностями. Офицерский состав оказался в трудном положении. 15–20% быстро приспособились к новым порядкам, по убеждению; вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75% не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Мы принимаем меры: освободить их из этой скорлупы и слить с солдатами, так как офицеры нужны нам для продолжения войны, а других офицеров у нас сейчас нет. Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить, – все это мешает взаимному пониманию. Необходимо разъяснить и внушить массе, что свобода дана всем. Я знаю солдата 45 лет, люблю его и постараюсь слить с офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и особенно, Совет солдатских и рабочих депутатов, также должны приложить все силы, чтобы помочь этому слиянию, которое нельзя отсрочивать, во имя любви к родине.

Это необходимо еще и потому, что заявление «без аннексий и контрибуции» необразованная масса поняла своеобразно.

Один из полков заявил, что он не только отказывается на-

ступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат – «мир во что бы то ни стало, долой войну».

При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: «сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил: «мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника».

В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей: зачем же калечиться?».

Но этот случай единичный. Чаше войска, особенно находящиеся в резерве, отзывчиво относятся ко взглядам о необходимости продолжать войну.

Воззвания противника, написанные хорошим русским языком, братанье с противником, и распространяемая в большом количестве экземпляров газета «Правда», приводят к тому, что несмотря на то, что офицерский состав желает драться, влияния он не имеет. Наступление является поэтому делом чрезвычайно трудным.

Необходима дисциплина; нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитет офицеров правительству и Совету.

Если этого не будет, то исчезнет, что есть.

Наступление или оборона? Успех возможен только при наступлении. При пассивной обороне всегда прорвут фронт. Если войска дисциплинированы, то прорыв можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированных войск нет, они не обучены, офицеры не имеют власти. Успех противника, при таких условиях, легко может повести к катастрофе. Поэтому необходимо внушить массе взгляды, что надо не обороняться, а наступать.

Один из выдающихся корпусов занимал пассивный участок. Когда его хотели сменить, с целью поставить на активный участок, то корпус отказался уйти, желая остаться на прежнем участке, и одновременно разослал телеграммы «всем».

Армия должна знать, что неисполнения приказаний никто не одобряет, и тогда дисциплина, в размерах, необходимых нам для войны, восстановится. Я делаю все. Но взываю к Совету помочь мне выполнить долг, так как мои усилия недостаточны.

Кроме того, наступлению мешает неподготовленность тыла: запасов продовольствия нет – мы живем изо дня в день; конский состав в ужасающем виде – есть даже падеж от бескормицы; не хватает обозов; отпущены рабочие руки, благодаря этому дороги в отчаянном состоянии; не хватает людей, так как противник увеличивает срок службы, мы же его уменьшаем.

Итак, нам недостает многого. Но все-таки, численное превосходство на нашей стороне. Если противник справится с французами и англичанами, то затем бросится на нас, и тогда нам будет нехорошо.

Нам нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться – и мы приветствуем от всего сердца коалиционное правительство. Власть только тогда крепка, когда опирается на армию, олицетворяющую вооруженную силу народа.

Генерал Драгомиров. Я дополню картину, нарисованную генералом Брусиловым, оценкой положения на Риги-Двинском фронте, прикрывающем Петроград. Распоряжения к нам приходили всегда позже, опережаемые живой почтой. В армиях создалось впечатление, что начальство скрывает получаемые приказы, и создался раскол между офицерами и солдатами. После больших усилий, удалось привести армию в более или менее нормальное состояние. Под словом «нормальное состояние» я понимаю лишь прекращение эксцессов.

Господствующее настроение в армии – жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедывать мир без аннексий, и предоставление самоопределения народностям. Своеобразно поняв лозунг «без аннексий», не будучи в состоянии уразуметь положение различных народов, темная масса все чаще и чаще задает во-

прос: «почему к нашему заявлению не присоединяется демократия наших союзников?» Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружение – «зачем нам, мы воевать не собираемся». Работы прекратились. Необходимо принимать даже меры, чтобы не разбирали обшивку в окопах и чинили дороги.

В одном из отличных полков, на принятом участке оказалось красное знамя с надписью «мир во что бы то ни стало». Офицер, разорвавший это знамя, должен был спасаться бегством. Целую ночь группы солдат-пятигорцев разыскивали по Двинску этого офицера, укрытого штабом.

Ужасное слово «приверженцы старого режима» выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много офицеров хороших, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала, или же не умели приспособиться.

Но еще более опасны медленные, тягучие настроения. Страшно развился эгоизм. Каждая часть думает только о себе. Ежедневно приходит масса депутатий – о смене, о снабжении и т. п. Всех приходится убеждать, и это чрезвычайно затрудняет работу командного состава. То, что раньше выполнялось беспрекословно, теперь вызывает целый торг. Приказание о переводе батареи на другой участок – сейчас же вызывает волнение – «Вы ослабляете нас, значит, из-

менники». Когда оказалось необходимым вывести в резерв, на случай десанта противника, ввиду слабости Балтийского флота, один корпус, то сделать это было нельзя, все заявляли – «мы и без того растянуты, а если еще растянемся, то не удержим противника». А между тем, раньше перегруппировки удавались нам совершенно легко. В сентябре 1915 года с Западного фронта было выведено 11 корпусов, и это спасло нас от разгрома, который мог бы решить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагирует на малейшее изменение.

Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода; не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт, под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетов заинтересованных частей.

Наряду с этим, сильно развилось искание места полегче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командеры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие, ради личных выгод, занять позицию.

При известии о том, что в одной из казачьих областей было наводнение, причем сильно пострадали несколько станиц, целый полк казаков потребовал отправления на родину. После переговоров, удалось прийти к соглашению – отправить

по два человека на взвод.

Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний. «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет; не дойдет и японец».

С отдельными лицами можно говорить, и удастся добиваться желательных результатов. Но с общим настроением удастся справляться лишь с большим трудом.

Недостойно ведет себя лишь очень незначительная часть офицеров, стараясь захватить толпу, и играть на ее изменных чувствах. В одном из полков был вынесен приговор суда общества офицеров, об удалении из полка одного из офицеров. Офицер этот, собрав группу солдат, апеллировал к ним, призывая заступиться за него, изгоняемого из полка за то будто бы, что он защищал солдатские интересы. С большим трудом удалось успокоить собравшуюся толпу солдат, но офицера пришлось оставить в полку.

Выборное право нигде не было проведено полностью, но явочным порядком местами вытесняли неугодных, обвинив их в приверженности к старому режиму, а местами оставили начальников, признанных безусловно непригодными, и подлежащими увольнению. Не было никакой возможности заставить отказаться от просьб об оставлении таких непригодных лиц.

Что касается эксцессов, то были отдельные попытки стрельбы по своим офицерам.

Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вот уже два месяца армии наносятся тяжелые удары, и вместо пользы армии, переворот принес колоссальный вред. Если так будет продолжаться дальше, то это – начало конца, армия прекратит существование, так как нельзя будет думать не только о наступлении, но даже и об обороне.

Чувство самосохранения развивается до потери самого элементарного стыда, принимает панический характер.

Из 14 дивизий, описанные явления наблюдались в шести.

Немцы учли, и отлично использовали появившееся у нас стремление к миру. В период развала и разрухи началось братание, поддерживавшее это мирное направление, а затем уже, с чисто провокационными целями, германцы стали присылать парламентаров.

Но есть явления и отрадные, и если мы получим поддержку, то разовьем их. Хорошо настроены отдельные национальности – латыши, поляки, украинцы.

Самое главное – вернуть командному составу авторитет. Во всех последних актах, проглядывает забота только о солдате.

Мой отец, еще в 60 годах прошлого столетия, начал борьбу за раскрепощение солдата и введение разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану генерального штаба, Александр II сказал: «я требую от тебя дисциплины, а не либеральных мыслей». Не мне – его сыну – стоять за сохранение старого порядка, но я не могу сочувствовать

развалу армии. Все, что теперь делается, губит армию. Единственное упоминание об офицерах – благодарность Гучкова – явилась как бы насмешкой над офицерами, попавшими в резерв.

Так больше продолжаться не может. Нам нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у нас почву из-под ног, потрудитесь ее теперь восстановить. Раз на нас возложены громадные обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести к победе миллионы порученных нам солдат.

Генерал Щербачев. Нас привело сюда сознание важности момента, и лежащей на нас громадной ответственности. Нам необходимо воскресить былую славу русской армии, и мы глубоко убеждены, что уедем отсюда с твердой уверенностью, что наши доводы приняты во внимание.

Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены.

Главнейшая причина этого явления – неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже вер-

ных идей, необходимо считаться.

Я не буду приводить Вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной», и блестяще подержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать, подготовительные для наступления, инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать.

Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии, подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление, – прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления.

Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной России доблестно дрались; свергнув же правительство, стремившееся к позорному миру, граждане свободной России не желают драться, и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это так.

Причина – исчезла дисциплина; нет доверия к начальникам; Родина – для многих пустой звук.

Эти условия тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на румынском фронте, где приходится считаться не только с более тяжелыми, чем на других фронтах, военными условия-

ми, но и с очень запутанной политической обстановкой.

Горный, непривычный для равнинного жителя театр войны, угнетающе давит на психику войск; часто слышатся голоса: «уберите нас из этих проклятых гор». Продовольственные затруднения, создавшиеся благодаря тому, что приходится базироваться на одну железнодорожную линию, усиливают это недовольство. То, что мы ведем борьбу на территории Румынии, истолковывается, как борьба «за Румынию», что также не встречает сочувствия. Не всегда доброжелательное отношение местных жителей истолковывается, как нежелание помочь тем, кто сражается за них же. Возникают трения, иногда разрастающиеся вследствие того, что часть румын считает нас виновниками тех поражений, которые они понесли, и из-за которых они лишились большей части своей территории и достояния.

Румынское правительство и представители союзников знают, и учитывают, происходящее у нас в армии брожение, и отношение к нам союзников меняется. Я лично замечаю, что между нами и союзниками пробежала кошка: нет прежнего уважения к нам, нет веры в мощь русской армии.

Я высоко держу власть, но, если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен на наш счет.

В 1914 году мы прошли всю Галицию. В 1915 году, при отступлении, мы забрали на Юго-западном фронте 100 000

пленных, – сами судите, что это было за отступление, и каков был дух войск. Летом 1916 года мы спасли от разгрома Италию. Неужели же теперь мы изменим общему делу союзников, и принятым на себя обязательствам?

Развал в армии налицо, но он поправим. И если бы нам это удалось, то через 1? месяца, наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдут вперед. История будет поражена, с какими ничтожными средствами мы добились блестящих результатов в 1916 году. Если вы хотите поднять русскую армию, и превратить ее в мощный организм, который продиктует условия мира, то вы должны нам помочь. Дело поправимо, но лишь в том случае, если начальники получат одобрение и доверие. Мы надеемся, что вся верховная власть в армии, – будет передана Верховному главнокомандующему, который один может распоряжаться войсками. Мы исполним волю Временного правительства, но дайте нам могучую поддержку.

Генерал Гурко. С чувством грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитет военных начальников глубоко подорван. Я думал, что волна революции уже достигла верха, и дальше пойдет улучшение, но я ошибся.

Если вы хотите продолжать войну до желательного нам конца, то необходимо вернуть армии власть.

А между тем, мы получили проект декларации. Гучков не нашел возможным подписать ее и ушел. Я должен сказать,

что если штатский человек ушел, отказавшись ее подписать, то для нас, начальников, она неприемлема. Она создаст полное разрушение всего уцелевшего.

А ведь она должна дойти до самой маленькой ячейки – до роты.

Коснусь вопроса об отдании чести. Можете назвать его приветствием, но оно должно быть обязательным. В самом элементарном обществе установлено взаимное приветствие, и считается оскорблением, если один из знакомых умышленно не приветствует другого. Войдите в шкуру тех, кто на этой почве столкнется в бою. Какие отношения признаются декларацией нормальными, если узаконить это неуважение к начальнику.

Дом не строят из одних кирпичей. Если вы введете декларацию, то армия рассыпется в песок.

Надо торопиться. Время не терпит. Необходимо создать нормальные условия для совместной работы тех, кто вместе отдает Родине свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сделаете этого теперь, то скоро уже ничего не будет.

Я расскажу Вам один эпизод из периода, когда я временно исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего.

13 февраля с. г. я долго убеждал бывшего царя дать ответственное министерство. Как последний козырь, я выставил наше международное положение, отношение к нам союзников, указал на возможные последствия, но тогда моя карта

была бита.

Наше международное положение я хочу охарактеризовать теперь.

Прямых указаний, как реагируют наши союзники на наш отказ от продолжения борьбы, нет. Мы не можем потребовать, чтобы они высказали свои сокровенные мысли, но подобно тому, как на войне нам часто приходится решать вопрос «за противника», так и здесь попытаемся разобраться, решая «за союзников».

Начать было легко, но волна революции захлестнула нас. Я надеюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживем все. Если же этого не будет, если союзники убедятся в нашем бессилии, то при принципах реальной политики, у них будет единственный выход – заключить сепаратный мир. И при этом они даже не нарушат обязательств, так как ведь мы обязались драться совместно, а теперь стоим. Если же один дерется, а другой, как какой-то китайский дракон, сидящий в окопах, ожидает результата драки, то согласитесь, что у того, кто дерется, может возникнуть мысль о сепаратном мире. И этот мир будет заключен, конечно, на наш счет. От наших союзников австро-германцы ничего получить не могут, – финансы расстроены, а естественных богатств нет; наши финансы тоже расстроены, но у нас есть огромные нетронутые естественные богатства. Но к такому решению союзники придут, конечно, в крайности, так как это будет не мир, а длительное перемирие. Отъевшись на наш счет, воспитан-

ные на идеалах 19 века, германцы вновь обрушатся на нас и наших бывших союзников.

Вы, может быть, возразите – если это возможно, то отчего бы не заключить нам сепаратный мир раньше. Тут я прежде всего затрону нравственную сторону. Ведь обязалась Россия, а не ее бывший самодержец. Мне был известен, когда вы этого еще не знали, факт двоедушия Романова, заключившего вскоре после 1904–1905 года союз с Вильгельмом, когда еще действовал франко-русский союз. Свободный русский народ, сам ответственный за свои поступки, не может отступить от своих обязательств. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнем переговоры, то в тайне это остаться не может. Через 2–3 дня об этом узнают наши союзники. Они тогда также вступят в переговоры и начнется аукцион – кто больше даст. Союзники, конечно, богаче нас, но борьба там еще не кончена, а кроме того, за наш счет наши противники могут получить значительно больше.

С точки зрения именно международного положения нам надо доказать, что мы еще можем воевать. Я не буду продолжать революционирования армии, так как, если это продолжится, то мы можем оказаться не в состоянии не только наступать, но даже и обороняться. Оборона еще гораздо труднее. В 1915 году мы отступали – начальники приказывали и их слушали; вы могли требовать с нас, так как мы воспитали армию. Теперь положение иное – вы создали нечто со-

вершенно новое и отняли у нас власть; накладывать теперь ответственность на нас нельзя – она ляжет всецело на ваши головы.

Вы говорите – «революция продолжается». Послушайте нас – мы больше знакомы с психологией войск, мы пережили с ними и славные и печальные страницы. Приостановите революцию и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг, и довести Россию до состояния, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернем вам не Россию, а поле, где сеять и собирать будет наш враг, и вас проклянет та же демократия. Так как именно она пострадает, если победят германцы; именно она останется без куска хлеба. Ведь крестьяне всегда просуществуют своей землей.

Про прежнее правительство говорили, что оно «играет в руку Вильгельма». Неужели то же можно сказать про вас? Что же это за счастье Вильгельму! Играют ему в руку и монархи, и демократия.

Армия накануне разложения. Отечество в опасности и близко к гибели. Вы должны помочь. Разрушать легче, и если вы умели разрушить, то умеете и восстановить.

Генерал Алексеев. Главное сказано, и это правда. Армия на краю гибели. Еще шаг – и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны – все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние 2? месяца. Мы сделали все

возможное, отдаем и теперь все силы, чтобы оздоровить армию. Мы верим А. Ф. Керенскому, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь нам. Но этого недостаточно. Должны помочь и те, кто разлагал. Тот, кто издавал приказ № 1, должен издать ряд приказов и разъяснений.

Армия – организм хрупкий; вчера она работала; завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная твердая власть; без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра^[163] и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен.

Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмешивайтесь. Если хотите, то назначьте таких, которые будут делать перед вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что без дисциплины армия не может существовать. Дух критики заливает армию и должен прекратиться, иначе он погубит ее.

Если будет издана декларация, то, как говорил генерал Гурко, все оставшиеся маленькие устои, надежды рухнут. Погодите, время будет. То, что уже дано, не переварено за эти 2? месяца. У нас есть уставы, где указаны и права и обязанности; все же появляющиеся теперь распоряжения говорят только о правах.

Выбейте идею, что мир придет сам по себе. Кто говорит –

¹⁶³ Ген. Алексеев мирился даже с установлением официально власти военного министра над армией в военное время.

не надо войны, тот изменник; кто говорит – не надо наступления, тот трус.

У вас есть люди убежденные; пусть приедут к нам и не метеором промелькнут, а проживут и устранят сложившиеся предрассудки. У вас есть печать – пусть поднимет она любовь к Родине, и потребует исполнения каждым его обязанностей.

Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то вспомните, что говорил генерал Гурко о нашем международном положении. Работать мы будем; помогите же нам и вы.

Кн. Львов. Мы выслушали слово главнокомандующих, понимаем все сказанное и исполним свой долг, во имя родины, до конца.

Церетелли. Тут нет никого, кто способствовал бы разложению армии, кто играл бы в руку Вильгельма.

Я слышал упрек, что Совет способствовал разложению армии. Между тем все признают, что если у кого в настоящее время и есть авторитет, то только у Совета. Что было бы, если бы его не было? К счастью, демократия помогла делу, и у нас есть вера в спасение.

Как идти вам? У вас могут быть два пути: один – отвергнуть политику Совета, но тогда у вас не будет никакого ис-

точника власти, чтобы собрать армию и направить ее для спасения Родины; другой путь – это путь верный, испытанный нами, путь единения с народными желаниями и чаяниями.

Если командный состав не объяснил ясно, что вся сила армии, поставленной для защиты страны, в наступлении, то нет такой магической палочки, которая могла бы это сделать.

Говорят, что лозунг «без аннексий и контрибуций» внес разложение в армию, в массы. Возможно, что он был понят неправильно, но надо было разъяснить, что это – конечная цель; отказаться же от этого лозунга нельзя. Мы сами признаем, что Родина в опасности, но защита ее – дело всего русского народа.

Власть должна быть единой и пользоваться доверием, но путь для этого – разрыв со старой политикой. Единение может быть основано только на доверии, которого ничем нельзя купить.

Идеалы Совета не есть идеалы отдельных кучек; это идеалы всей страны; отказаться от них, значит отказаться от всей страны.

Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать.

Масса солдат хочет продолжать войну. Те, кто не хотят этого, неправы, и я не хочу думать, чтобы не хотели они из-за трусости. Это результат недоверия. Дисциплина должна

быть. Но если солдат поймет, что вы не боретесь против демократии, то он поверит вам. Этим путем можно спасти армию. Этим путем Совет укрепил свой авторитет.

Есть только один путь спасения – путь доверия и демократизации страны и армии. Совет заслужил доверие этим путем, и имеет теперь возможность проводить свои взгляды, и пока это так, еще не все потеряно. Укрепляйте же доверие к совету!

Генерал Алексеев. Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе. Я сказал – посылайте к нам лучших людей, пусть они работают вместе с нами. Мои слова звучали горечью, но не упреком. Не упреки, а призыв я посылаю вам.

Скобелев. Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упреки. Что происходит в армии, мы знаем. То положение, которое вы описали, действительно внушает тревогу. Достигнуть при всем этом конечных целей, выйти с честью из создавшегося положения, будет зависеть от величия духа русского народа.

Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены из-

дать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были. Необходимо сказать правду: мероприятия командного состава привели к тому, что за 2? месяца армия не уразумела происшедшего переворота.

Мы понимаем, что вам нелегко. Но когда нам говорят – прекратите революцию, то мы должны ответить, что революция не может начинаться и прекращаться по приказу. Революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции, как верно здесь было определено, охватит всю Россию, когда ее уразумеют 70% неграмотных.

Мы отнюдь не домогаемся выборного командного состава.

Мы согласны с вами, что у нас есть власть, что мы сумели ее заполучить. Но когда вы поймете задачи революции, и дадите уразуметь народу объявленные лозунги, то получите ее и вы.

Народ должен знать, для чего он воюет. Вы ведете армию, чтобы разгромить врага, и вы должны разъяснить, что стратегическое наступление необходимо для осуществления заявленных принципов.

Мы возлагаем надежды на нового военного министра и надеемся, что министр-революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции, в тех головах, в которых он протекает слишком медленно.

Военный министр Керенский. Я должен сказать присутствующим, как министр и как член правительства, что мы стремимся спасти страну, и восстановить активность, – и боеспособность русской армии. Ответственность мы берем на себя, но получаем и право вести армию, и указывать ей путь дальнейшего развития.

Тут никто никого не упрекал. Каждый говорил, что он почувствовал. Каждый искал причину происходящих явлений. Но наши цели и стремления – одни и те же. Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому Совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ.

Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело – спасти нашу свободу.

Прошу ехать на ваши посты и помнить, что за вами и за армией – вся Россия.

Наша задача – освободить страну до конца. Но этот конец сам не придет, если мы не покажем всему миру, что мы сильны своей силой и духом.

Генерал Гурко. Мы с вами (возражение Скобелеву и Це-

ретелли) рассуждаем в разных плоскостях. Главное, основное условие существования армии – дисциплина. Мерило стойкости части, – это тот процент потерь, который она может понести, не теряя боеспособности. Я 8 месяцев пробыл в южноафриканских республиках и видел там части двух родов: 1) небольшие, дисциплинированные, – и 2) добровольческие, недисциплинированные. И вот в то время как первые при потерях даже до 50%, продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторые несмотря на то, что составлены были из добровольцев, отдававших себе отчет, за что они сражаются, уже после 10% потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить их драться. Вот разница между войсками дисциплинированными, и недисциплинированными.

Мы просим дать дисциплину. Мы все делаем и убеждаем. Но необходим и ваш авторитетный голос.

Надо помнить, что если противник перейдет в наступление, то мы рассыпемся, как карточный дом.

Если вы не откажетесь от революционирования армии, то возьмите сами власть в свои руки.

Князь Львов. Цели у нас одни и те же, и каждый выполнит свой долг до конца. Позвольте поблагодарить вас, что вы приехали и поделились с нами.

Заседание окончилось. Главнокомандующие разъехались по фронтам, унося с собою ясное сознание в том, что последняя ставка проиграна. Вместе с тем, с того же дня началась травля советскими ораторами и печатью генералов Алексева, Гурко и Драгомирова, предрешившая оставление ими армии.

9 мая, как я уже говорил, Керенский, отдав предварительно приказ о недопущении ухода со своих постов старших начальников «из желания уклониться от ответственности», утвердил «декларацию».

Какое же впечатление произвело опубликование этого рокового акта?

Керенский впоследствии оправдывался тем, что закон был составлен до принятия им поста военного министра, и одобрен как Исполнительным комитетом, так и «военными авторитетами», и он не имел никакого основания не утверждать его; словом, был вынужден сделать это. Но я помню не одну из речей Керенского, когда он, считая свой путь наиболее верным, гордился своею смелостью, выразившейся в издании закона, «который не осмелился подписать Гучков», — закона, против которого протестовал весь командный состав.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских

депутатов, 13 мая, отозвался на декларацию восторженным воззванием, в котором убогая мысль остановилась исключительно на вопросе об отдании чести: «... два месяца мы ждали этого дня... Теперь солдат стал гражданином по закону... Отныне солдат-гражданин освобожден от рабского отдания чести, и как равный, свободный, будет приветствовать того, кого желает... Дисциплина в революционной армии будет существовать народным энтузиазмом... а не обязательным отданием чести»...

Люди с таким кругозором взялись перестраивать армию!

Впрочем, большинство революционной демократии советов не удовлетворилось декларацией. Ее называли «новым закрепощением солдата». Началась устная и печатная борьба за дальнейшее расширение солдатских прав. Всероссийский съезд советов признал, что приказ, дав прочную основу для демократизации армии, не подтвердил, однако, еще многих существенных прав солдата-гражданина. Докладчики оборонческого блока требовали отвода, и аттестации командного состава войсковыми комитетами, свободы слова и в служебное время, а главное отмены 14-го пункта декларации, предоставляющего начальнику применять, в боевой обстановке, оружие против подчиненных, не исполняющих приказание... Об отрицательном отношении к закону левого, пораженческого сектора совета и съезда не приходится уж и говорить.

Либеральная печать, не вникнув в значение закона, от-

неслась к нему совершенно несерьезно. А кадетский офицер-оз[¹⁶⁴] отозвался даже статьей, в которой выражалось живейшее удовлетворение тем, что декларация «дает каждому солдату возможность участвовать в политической жизни страны, раскрепощает его окончательно от оков старого режима, выводит из затхлой атмосферы прежней казармы, – на свежий воздух свободы...» Что «армии всех стран мира стоят вдали от политической жизни, тогда как русская армия становится первой армией, живущей всей полнотой политических прав!...» Даже «Новое Время» писало в передовой статье: «Знаменательный день! Сегодня великая армия могучей России стала действительно армией революции!.. Отношения воинов всех степеней отныне слагаются на общей основе – сознании долга, равно обязательном для каждого гражданина. И революционная армия обновленной России пойдет на великое испытание кровью – с верой в победу и мир».

Как трудно было бороться за сохранение армии командному составу, встречавшему даже в кругах, которые считались оплотом попираемой русской государственности, такое грубое непонимание основных начал существования армии!..

Начальники еще ниже опустили головы.

А армия... с удвоенной быстротой покатила в пропасть.

¹⁶⁴ «Речь», 11 мая.

Глава XXIII. Печать и пропаганда извне

Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы – пропаганда. Собственно говоря, оно не совсем новое, ибо еще в 1826 г., в заседании английской палаты депутатов, министр Каннинг говорил: «если нам придется участвовать когда-либо в войне, мы соберем под наши знамена всех мятежных, всех основательно, или без причины недовольных, в каждой стране, которая пойдет против нас». Но теперь это средство достигло необычайного развития, напряжения и организованности, поражая наиболее болезненные и восприимчивые места народной психики. Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки, в особенности Англии, вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские, союзнические и нейтральные, внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую. Тем более, что Германия в особенности давала достаточно поводов для того, чтобы пропаганда обладала обильным и неопровержимо уличительным материалом. Трудно перечислить, даже в об-

щих чертах, тот огромный арсенал идей, которые шаг за шагом, капля по капле, углубляли социальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовные силы врагов и веру их в победу, разъединяли их союз, возбуждали против них нейтральные державы, наконец, подымали падающее настроение своих собственных народов. Тем не менее, придавать исключительное значение этому моральному воздействию извне, как это делают теперь вожди немецкого народа в оправдание свое, ни в каком случае не следует: Германия потерпела поражение политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодействие всех этих факторов, – предрешило фатальный для нея исход борьбы, обратившейся под конец в длительную агонию. Можно было лишь удивляться жизнеспособности немецкого народа, который, в силу интеллектуальной мощи, и устойчивости политического мышления, продержался так долго, пока наконец, в ноябре 1918 г., «двойной смертельный удар как на фронте, так и в тылу» не сразил его. При этом история, несомненно, отметит большую аналогию в той роли, которую сыграли «революционные демократии» России и Германии в судьбах этих народов. Вождь немецких независимых социал-демократов, после разгрома, познакомил страну с той большой и систематической работой, которую они вели с начала 1918 г., для разрушения немецкой армии и флота, во славу социальной революции. В этой работе поражает сходство приемов и методов с теми, которые практиковались в России.

Не будучи в силах бороться против пропаганды английской и французской, немцы с большим однако успехом применяли это средство, в отношении своего восточного противника, тем более что «Россия творила свое несчастье сама, – говорил Людендорф, – и работа, которую мы вели там, не была слишком трудным делом».

Результаты взаимодействия искусной немецкой руки и течений, возникавших не столько из факта революции, сколько из самобытной природы русского бунта, превзошли самые смелые ожидания немцев.

Работа велась в трех направлениях – в политическом, военном и социальном. В первом необходимо отметить, совершенно ясно и определенно поставленную, и последовательно проводимую немецким правительством, идею расчленения России. Осуществление ее вылилось в провозглашение, 5 ноября 1916 г., польского королевства^[165], с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно далее»; в создании «независимых», но находящихся в унии с Германией – Курляндии и Литвы; в разделе Белорусских губерний между Литвой и Польшей, и наконец в длительной и весьма настойчивой, подготовке отпадения Малороссии, осуществленного позднее, в 1918 г. Поскольку первые факты имели лишь принципиальное значение, касаясь земель, фактически оккупированных

¹⁶⁵ Восстановление Польши в этнографических границах предусматривалось и Россией.

немцами, и предопределяя характер будущих «аннексий», постольку позиция, занятая центральными державами в отношении Малороссии, оказывала непосредственное влияние на устойчивость важнейшего нашего Юго-западного фронта, вызывая политические осложнения в крае и сепаратные стремления в армии. К этому вопросу я вернусь впоследствии.

В состав немецкой главной квартиры входило прекрасно организованное «бюро прессы», которое, помимо воздействия и направления отечественной печати, руководило и пропагандой, проникавшей преимущественно в Россию и Францию. Милюков приводит циркуляр германского министерства иностранных дел всем представителям его в нейтральных странах: «Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации, – в пользу разоружения и прекращения кровавой бойни. Предлагаем вам оказывать всемерное покровительство, – и содействие руководителям означенных пропагандистских контор».

Любопытно, что летом 1917 г. английская печать ополчилась на посла Бьюкенена, и свое министерство пропаганды,

за полную инертность их в деле воздействия на русскую демократию, и в отношении борьбы против немецкой пропаганды в России. Одна из газет указывала, что английское бюро русской пропаганды возглавляется романистом, – и начинающими писателями, которые «о России имеют такое же понятие, как о китайских метафизиках».

У нас, ни в правительственном аппарате, ни в Ставке не было совершенно органа, хоть до некоторой степени напоминающего могучие западноевропейские учреждения пропаганды. Одно из отделений генерал-квартирмейстерской части, ведало техническими вопросами сношения с печатью, и не имело ни значения, ни влияния, ни каких-либо активных задач. Русская армия – плохо ли, хорошо ли – воевала первобытными способами, не прибегая никогда к так широко практиковавшемуся на Западе «отравлению души» противника. И платила за это лишними потоками крови. Но если относительно моральной стороны разрушительной пропаганды существует два мнения, то нельзя не отметить нашей полной инертности и бездеятельности в другой, совершенно чистой области. Мы не делали решительно ничего, чтобы познакомить зарубежное общественное мнение с той, исключительной по значению ролью, которую играла Россия и русская армия в мировой войне; с теми огромными потерями и жертвами, которые приносит русский народ, с теми постоянными, и быть может, непонятными холодному рассудку наших западных друзей и врагов, величественными актами

самопожертвования, которое проявляла русская армия каждый раз, когда фронт союзников был на волоске от поражения... Такое непонимание роли России я встречал почти повсюду в широких общественных кругах, даже долгое время спустя после заключения мира, скитаясь по Европе. Карикатурным, но весьма характерным показателем его, служит мелкий эпизод: на знамени – хоругви, поднесенной маршалу Фошу «от американских друзей», изображены флаги всех государств, мелких земель и колоний, так или иначе входивших в орбиту Антанты в великую войну; флаг России поставлен на... 46-ое место, после Гаити, Уругвая и непосредственно за Сан-Марино...

Невежество или пошлость?

Мы не сделали ничего, чтобы заложить прочный нравственный фундамент национального единства, за время оккупации Галиции, не привлекли к себе общественного мнения занятой русскими войсками Румынии, не предприняли ничего, чтобы удержать от предательства славянских интересов болгарский народ, наконец, не использовали вовсе пребывание на русской территории огромной массы пленных, для того, хотя бы, чтобы дать им правильное представление о России.

Императорская Ставка, наглухо замкнувшаяся в сфере чисто военных вопросов ведения кампании, не делала никаких попыток, чтобы приобрести влияние на общий ход политических событий, что совершенно соответствует идее

служебного существования народной армии. Но вместе с тем, Ставка решительно уклонилась от воздействия на общественное настроение страны, чтобы привлечь этот могущественный фактор к моральному содействию в борьбе. Не было никакой связи с большою печатью, которая представлена была в Ставке лицами, не имевшими ни влияния, ни значения.

Когда грянула революция, и политический вихрь захватил и закружил армию, Ставка не могла долее оставаться инертной. Надо было откликнуться. Тем более, что в России вдруг не оказалось вовсе источника моральной силы, охраняющего армию: правительство, – в особенности военное министерство, – шло неудержимо по пути оппортунизма; Совет и социалистическая печать разрушали армию; буржуазная печать то взывала к консулам, «чтобы империя не потерпела ущерба», то наивно радовалась «демократизации и раскрепощению»... Даже в компетентных, казалось бы, кругах петроградской высшей военной бюрократии, шел полный разброд мысли, ставивший в недоумение и растерянность общественное мнение страны.

Оказалось, однако, что в Ставке для борьбы нет ни аппарата, ни людей, ни техники, ни знания и опыта. А главное, что Ставка оказалась как-то оттертой, отброшенной в сторону бешено мчавшейся колесницей жизни. Голос ее ослабел и затих.

2-му генерал-квартирмейстеру, генералу Маркову пред-

стояла большая работа – создать аппарат, установить связь с крупной прессой, дать «рупор» Ставке и поднять, влачившую жалкое существование, армейскую печать, на которую уже посягали войсковые организации. Марков горячо взялся за это дело, но, в течение менее чем двух месяцев своего пребывания в должности, ничего серьезного сделать не успел. Всякое начинание Ставки в этом направлении подвергалось, – со стороны революционной демократии, злостному обвинению в контрреволюционности. А либерально-буржуазная Москва, к которой он обратился за содействием в смысле интеллектуальной и технической помощи делу, ответила широковещательными обещаниями, и абсолютно ничего не сделала.

Таким образом, у Ставки не было никаких средств, не только для ведения активной борьбы против разложения армии, но и для противодействия немецкой пропаганде, все более и более разраставшейся.

* * *

Людендорф откровенно, с доходящим до высокого цинизма национальным эгоизмом, говорит: «Я не сомневался, что разгром русской армии и русского народа представляет большую опасность для Германии и Австро-Венгрии... На-

ше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность! Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала. Но наше правительство должно было принять меры, чтобы этого не случилось с Германией»^[166]...

Бесконечные страдания русского народа, уже «вышедшего из строя», даже теперь не вызывали ни слова сожаления и раскаяния у духовных его растлителей...

С началом кампании, немцы изменили направление своей работы в отношении России: не нарушая связей с известными реакционными кругами двора, правительства и Думы, используя все средства воздействия на эти круги и все их побуждения: корысть, честолюбие, немецкий атавизм, иногда своеобразно понимаемый патриотизм, немцы вступили одновременно в тесное содружество с русскими революционерами, в стране и в особенности за границей, среди многочисленной эмигрантской колонии. На службу немецкому правительству прямо или косвенно, привлечены были все: крупные агенты шпионажа и вербовки, вроде Парвуса (Гельфонда); провокаторы, причастные к русской охранке, вроде Блюма; агенты-пропагандисты – Ульянов (Ленин), Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Луначарский, Озолин, Кац (Камков), и много других. А за ними шла целая плеяда недалеких или неразборчивых людей, выброшенных за рубеж, фанатически ненавидевших отринувший их режим – до

¹⁶⁶ Mes souvenirs de guerre.

забвения Родины, или сводящих с ним счеты, служба подчас слепым орудием в руках немецкого генерального штаба. Из каких побуждений, за какую плату, в какой степени, это уже детали: важно, что они продавали Россию, служа тем именно целям, которые ставил им наш враг. Все они тесно переплетались между собою, и с агентами немецкого шпионажа, составляя неразрывный комплот.

Началось с широкой революционной и сепаратистской пропаганды (украинской) в лагерях военнопленных. По свидетельству Либкнехта, «германское правительство не только способствовало этой пропаганде, но и само вело такую». Этим целям служил «Комитет революционной пропаганды», основанный в 1915 году в Гааге, «Союз освобождения Украины» – в Австрии, «Копенгагенский институт» (организация Парвуса) и целый ряд газет революционного и пораженческого направления, частью издаваемых всецело на средства немецкого штаба, частью субсидируемых: «Социал-демократ» (Женева – газета Ленина), «Наше Слово» (Париж – газета Троцкого), «На чужбине» (Женева – с участием Чернова, Каца и др.), «Русский вестник», «Родная речь», «Неделя» и т. д. Такого же рода деятельностью – распространением одновременно пораженческой, и революционной литературы, наряду с чисто благотворительным делом, занимался «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева), находившийся в связи с официальной Москвою, и получавший оттуда суб-

сидии...

Чтобы определить характер этих изданий, достаточно привести две-три фразы, выражающие взгляды их вдохновителей. Ленин в «Социал-демократе» писал: «наименьшим злом будет поражение царской монархии – наиболее варварского и реакционного из всех правительств»... Чернов, будущий министр земледелия, в «Мысли» объявил, «что у него есть одно отечество – интернационал»...

Наряду с печатным словом, немцы приглашали сподвижников Ленина и Чернова, особенно из редакционного комитета «На чужбине», читать сообщения в лагерях, а немецкий шпион, консул фон-Пельхе занимался широкой вербовкой агитаторов, для пропаганды в рядах армии – среди русских эмигрантов призывного возраста и левого направления.

Но все это была лишь подготовка. Русская революция открыла необъятные перспективы для немецкой пропаганды. Наряду с чистыми людьми, гонимыми некогда и боровшимися за народное благо, в Россию хлынула и вся та революционная плесень, которая впитала в себя элементы «охранки», интернационального шпионажа и бунта.

Петроградская власть, больше всего, боялась обвинения в недостаточной демократичности. Министр Милюков неоднократно заявлял, что «правительство признает безусловно возможным возвращение в Россию всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну, и независимо от нахождения

их в международных контрольных списках»^[167]. Министр вел спор с англичанами, требуя пропуска задержанных ими большевиков Бронштейна (Троцкого), Зурабова и др.

Но с Лениным и его единомышленниками дело было сложнее. Их, невзирая на требование русского правительства, союзники несомненно не пропустили бы. Поэтому, – по признанию Людендорфа, – немецкое правительство командировало Ленина и его спутников (в первой партии 17 человек) в Россию, предоставив им свободный проезд через Германию. Предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой, через Стокгольмский (Ганецкий – Фюрстенберг), и Копенгагенский (Парвус) центры, и через русский Сибирский банк. Тем золотом, которое, по выражению Ленина, «не пахнет»...

В октябре 1917 года Бурцев напечатал список 159 лиц, провезенных через Германию в Россию, распоряжением немецкого генерального штаба. Почти все они, по словам Бурцева, революционеры, в течение войны ведшие пораженческую кампанию из Швейцарии, а теперь «вольные или невольные агенты Вильгельма». Многие из них заняли немедленно выдающееся положение, в социал-демократической партии, в Совете, Комитете^[168], и большевистской

¹⁶⁷ В такие списки вносились лица, заподозренные в сношениях с враждебными правительствами.

¹⁶⁸ Членами Комитета были, например, Зурабов и Перзич, служивший у Парвуса.

прессе. Имена Ленина, Цедербаума (Мартова), Луначарского, Натансона, Рязанова, Апфельбаума (Зиновьева) и др. стали скоро наиболее роковыми в русской истории.

Немецкая газета «Оле Лукойе», ко дню прибытия Ленина в Петроград, посвятила этому событию статью, в которой он был назван «истинным другом русского народа и честным противником». А кадетский официоз «Речь», который вел потом неизменно смелую борьбу с ленинцами, почтил приезд его словами: «такой общепризнанный глава социалистической партии должен быть теперь на арене борьбы, и его прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться о его взглядах, можно приветствовать».

Ленин приехал 3 апреля в Петроград, встреченный весьма торжественно, и через несколько дней объявил свои тезисы, часть которых составляла основные темы германской пропаганды:

– Долой войну, и вся власть советам!

Первоначальные выступления Ленина казались такими нелепыми и такими явно анархическими, что вызвали протест не только во всей либеральной, но и в большей части социалистической печати.

Но мало-помалу левый сектор революционной демократии, усиленный немецкими агентами, присоединился явно и открыто к проповеди своего главы, не находя решительного отпора ни в двоедушном Совете, ни в слабом правительстве. Широкая волна немецкой и бунтарской пропаганды, охваты-

вала все более и более Совет, Комитет, революционную печать и невежественную массу, находя отражение, подневольное или сознательное – даже среди лиц, стоявших у кормила власти...

С первых же дней организация Ленина, как сказано было впоследствии, в июле, в сообщении прокурора петроградской судебной палаты, «в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам, во враждебных против нее действиях, вошла с агентами названных государств в соглашение, – содействовать дезорганизации русской армии и тыла, для чего, на полученные от этих государств денежные средства, организовала пропаганду среди населения и войск... а также в тех же целях, в период времени 3–5 июля организовала в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти».

Ставка давно и тщетно возвышала свой предостерегающий голос. Генерал Алексеев, и лично и письменно, требовал от правительства принятия мер против большевиков и шпионов. Несколько раз я обращался в военное министерство, послав, между прочим, уличающий в шпионстве материал в отношении Раковского, и документы, свидетельствовавшие об измене Ленина, Скоропис-Йолтуховского и других. Роль «Союза освобождения Украины» (в состав которого, в числе других, входили Меленевский и В. Дорошенко¹⁶⁹), как организации центральных держав для пропаган-

¹⁶⁹ Любопытно, что Бронштейн (Троцкий) – лицо, достаточно компетентное в

ды, шпионажа и вербовки в «сечевые украинские части», не подлежала никакому сомнению. В одном из моих писем (16 мая), на основании допроса русского пленного офицера Ермоленко, принявшего на себя роль немецкого агента, с целью обнаружения организации, между прочим, раскрывалась такая картина:

«Ермоленко был переброшен к нам в тыл на фронт 6-ой армии, для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Любар ему сообщили, что такого же рода агитацию, – ведут в России агенты германского генерального штаба – председатель секции „Союза освобождения Украины“ А. Скоропис-Йолтуховский и Ленин. Ленину поручено всеми силами стремиться к подорванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на операцию получают через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве»... Такие приемы практиковались и до революции. Наше командование обратило внимание на слишком частое появление «бежавших из плена». Многие из них, предавшись врагам, проходили определенный курс разведывательной службы и, получив солидное вознаграждение и «явки», пропускались к нам через ли-

деле тайных сношений со штабами наших противников, в «Известиях» 8 июля 1917 г. писал: «мною были разоблачены в газете „Наше Слово“ и пригвождены к позорному столбу Скоропис-Йолтуховский, Поток и Меленевский, как агенты австрийского генерального штаба».

нию окопов. Не имея никакой возможности определить, где доблесть и где измена, мы почти всегда отправляли всех бежавших из плена с европейских фронтов на Кавказский.

Все представления верховного командования, рисующие невыносимое положение армии, перед лицом такого грандиозного предательства, не только оставались безрезультатными, но не вызвали ни разу ответа. Тогда я предложил генералу Маркову пригласить в Ставку В. Бурцева, и предоставить ему секретный материал по немецкой пропаганде, для использования. А тем временем революционная демократия чувствует в Одессе Раковского. Керенский ведет свободные диспуты в Совете с Лениным на тему, нужно или не нужно разрушать страну и армию, исходя из взгляда, что он – «военный министр революции» и что «свобода мнений для него священна, откуда бы она не исходила»... Церетелли горячо заступает за Ленина: «с Лениным, с его агитацией я не согласен. Но то, что говорит депутат Шульгин, есть клевета на Ленина. Никогда Ленин не призывал к выступлениям, нарушающим ход революции. Ленин ведет идейную пропаганду»^[170].

Эта пресловутая свобода мнений, до крайности упрощала немецкую пропаганду, вызвав такое небывалое явление, как открытая проповедь на немецком языке, в столичных собраниях и в Кронштадте, сепаратного мира, и недоверия

¹⁷⁰ Сборник речей. Речь, произнесенная 27 апреля на заседании членов Государственной Думы.

к правительству агентом Германии, председателем циммервальдовской и кинтальской конференции, Робертом Гриммом!.. Какую моральную прострацию и потерю всякого национального достоинства, сознания и патриотизма представляет картина, как Церетелли и Скобелев «ручаются» за агента-provokatora, Керенский «добивается» перед правительством права въезда Гримма в Россию, Терещенко разрешает, а русские люди слушают речи Гримма... без возмущения, без негодования.

Во время июльского восстания большевиков, чины министерства юстиции, возмущенные попустительством руководящей части правительства – с ведома министра Переверзева, решили предать гласности мое письмо военному министру, и другие документы, обличавшие Ленина в предательстве Родины. Документы, в виде заявления, подписанного двумя социалистами – Алексинским и Панкратовым, даны были в печать. Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протест Чхеидзе, Церетелли, и страшный гнев министров Некрасова и Терещенко. Правительство воспретило помещение в печати сведений, порочащих доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства. Заявление, однако, на страницах печати появилось. В свою очередь, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов проявил трогательную заботливость, не только о неприкосновенности большевистских лидеров, но даже об

их чести, специальным воззванием 5 июля «предлагая воздержаться от распространения позорящих обвинений» против Ленина и «других политических деятелей» впредь до расследования дела особой комиссией. Это внимание получило откровенное объяснение в резолюции центральных исполнительных комитетов (8 июля), которая, осуждая попытку анархо-большевистских элементов свергнуть правительство, вместе с тем, выражала опасение, что «неизбежные меры, к которым должны были прибегнуть правительство и военные власти... создают почву для демагогической агитации контрреволюционеров, выступающих пока под флагом установления революционного порядка, но могущих проложить дорогу к военной диктатуре».

Как бы то ни было, обнаруженное прямое преступное участие главарей большевизма в бунте и измене, заставило правительство приступить к репрессиям. Ленин и Апфельбаум (Зиновьев) бежали в Финляндию, Бронштейн (Троцкий), Козловский, Раскольников, Ремнев и многие другие были арестованы. Несколько анархо-большевистских газет закрыто.

Впрочем, эти репрессии не имели серьезного характера. Многие заведомые руководители выступлений, – не привлекались вовсе к ответственности, и их работа разрушения продолжалась, – с последовательностью и энергией. Министр юстиции Переверзев, осмелившийся начать борьбу с большевизмом, по несогласию с другими членами прави-

тельства, и под давлением Совета, принужден был выйти в отставку. Его преемники Зарудный и Малянтович приступили к выпуску из тюрем арестованных большевиков, а последний и к ликвидации всего их дела. Малянтович на совещании высших чинов министерства и прокуратуры высказал даже такой преступный взгляд, что в деяниях большевиков не усматривается «злого умысла» и что во время японской войны «многие передовые люди откровенно радовались успеху Японии и однако, никто их не думал привлечь к ответственности!..» [171]

Попустительство, проявленное в отношении большевиков – самая темная страница в истории деятельности Временного правительства. Ни связь большевиков с враждебными державами, ни открытая, беззастенчивая, разлагающая проповедь, ни явная подготовка восстания и участие в нем, – ничто не могло превозмочь суеверного страха правительства перед обвинением его в реакционности, ничто не могло вывести правительство из рабского подчинения Совету, покровительствовавшему большевикам.

* * *

¹⁷¹ «Утро России», 14 октября 1917 года.

Внося войну внутрь нашей страны, немцы так же настойчиво и методично проводили другой лозунг – мир на фронте. Братание случалось и раньше, до революции, и имело даже традиционный характер в дни святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу, – чувством, проявлявшимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородина, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случилось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции. Теперь же немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организовано и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрация внутреннего оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого, якобы, исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время, по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета, с аналогичной проповедью, с организацией «показного братанья» и с целым ворохом «Правд», «Окопных правд», «Социал-демократов» и прочих творений отечественного социалистического разума и совести, – органов,

оставлявших далеко позади, по силе и аргументации, иезуитскую элоквенцию их немецких собратьев. А в то же время общее собрание наивных «делегатов фронта» в Петрограде выносило постановление: допустить братание с целью... революционной пропаганды в неприятельских армиях!..

Правда, и правительство, и военный министр, и резолюции большинства Совета и Комитета осуждали братание. Но успеха их воззвания не имели. Фронт представлял зрелище небывалое. Загипнотизированный немецко-большевистской речью, он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравила в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством – желанием сохранить свою жизнь.

Нельзя читать без глубокого волнения о переживаниях Корнилова, столкнувшегося впервые после революции, в начале мая, в качестве командующего 8 армией, с этим фатальным явлением фронтовой жизни. Они записаны капитаном (тогда) генерального штаба Нежинцевым, впоследствии доблестным командиром Корниловского полка, в 1918 году павшем в бою с большевиками, при штурме Екатеринодара.

«Когда мы втянулись в огневую зону позиции, – писал Нежинцев, – генерал (Корнилов) был очень мрачен. Слова „позор, измена“ оценили гробовое молчание позиции. Затем он заметил:

– Вы чувствуете весь ужас и кошмар этой тишины? Вы понимаете, что за нами следят глаза артиллерийских наблюдателей противника, и нас не обстреливают. Да, над нами, как над бессильными, издевается противник... Неужели русский солдат способен известить противника о моем приезде на позицию...»

«Я молчал, но святые слезы на глазах героя глубоко тронули меня. И в эту минуту... я мысленно поклялся генералу, что умру за него, умру за нашу общую Родину. Генерал Корнилов как бы почувствовал это. И, резко повернувшись ко мне, пожал мою руку и отвернулся, как будто устыдившись своей минутной слабости».

«Знакомство нового командующего с его пехотой началось с того, что построенные части резерва устроили митинг, и на все доводы о необходимости наступления, указывали на ненужность продолжения „буржуазной“ войны, ведомой „милитарщиками“... Когда генерал Корнилов, после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть любой воин эпохи».

«Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разделялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями... Появление генерала Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией; за ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял

у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил:

– Я был бы бесконечно счастлив – быть может, хоть это отрезвило бы наших затуманенных солдат, и прервало постыдное братание.

На участке соседнего полка «командующий армией был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши „братальщики“ – солдаты. Генерал со словами: „это измена!“ повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать братальщикам обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты – о, они долго еще митинговали, жалуюсь на „притеснения контрреволюционными начальниками их свободы“.

Я не питаю чувства мести вообще. Но все же крайне сожалею, что генерал Людендорф оставил немецкую армию раньше времени, до ее развала, и не испытал непосредственно в ее рядах тех, невыразимо тяжелых, нравственных мучений, которые перенесли мы – русские военачальники.

Кроме братания, неприятельское главное командование практиковало в широких размерах, с провокационной це-

лью, посылку непосредственно к войскам, или вернее к солдатам, парламентаров. Так, в конце апреля на Двинском фронте появился парламентар – немецкий офицер, который не был принят. Однако, он успел бросить в солдатскую толпу фразу: «я пришел к вам с мирными предложениями, и имел полномочия даже к Временному правительству, но ваши начальники не желают мира». Эта фраза быстро распространилась, вызвала волнения в солдатской среде, и даже угрозу оставить фронт. Поэтому, когда через несколько дней, на том же участке вновь появились парламентары (командующий бригадой, два офицера и горнист), то их препроводили в штаб 5 армии. Конечно, оказалось, что никаких полномочий они не имели, и не могли указать даже сколько-нибудь определенно цели своего прибытия, так как «единственной целью появлявшихся на фронте лжепарламентаров – как говорилось в приказе Верховного главнокомандующего – было разведать наше расположение и настроения, и лживым показом своего миролюбия, склонять наши войска к бездействию, спасительному для немцев, и губительному для России и ее свободы»... Подобные выступления имели место и на фронтах 8, 9 и других армий.

Характерно, что в этой провокации счел возможным принять личное участие главнокомандующий восточным германским фронтом принц Леопольд Баварский, который в двух радиogramмах, носящих выдержанный характер обычных прокламаций, и предназначенных для солдат и Совета,

сообщал, что главное командование идет навстречу «неоднократно высказанным желаниям русских солдатских депутатов окончить кровопролитие»; что «военные действия между нами (центральные державы) и Россией могут быть окончены без отпадения России от своих союзников», что «если Россия желает знать частности наших условий, пусть откажется от требования опубликовать об них»... И заканчивал угрозой: «желает ли новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, убедиться в том, стоят ли еще на нашем восточном фронте дивизионы тяжелых орудий?»

Ранее, когда вожди делали низость во спасение армии и Родины, то по крайней мере, стыдились ее и молчали. Ныне военные традиции претерпели коренное изменение.

К чести Совета, нужно сказать, что он надлежаще отнесся к этому провокационному призыву, ответив: «главнокомандующий немецкими войсками на восточном фронте предлагает нам „сепаратное перемирие, тайну переговоров!“... Но Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии, а разгром революционных войск свободной России – не только новые братские могилы, но и гибель революции, гибель свободной России»...

Глава XXIV. Печать и пропаганда изнутри

С первых же дней революции, естественно, произошла резкая перемена в направлении русской печати. Выразилась она с одной стороны – в известной дифференциации всех буржуазных органов, принявших направление либерально-охранительное, к тактике которого примкнула и небольшая часть социалистической печати, типа плехановского «Единства»; с другой стороны – нарождением огромного числа социалистических органов.

Правые органы претерпели значительную эволюцию, характерным показателем которой может служить неожиданное заявление известного сотрудника «Нового Времени» Меньшикова: «мы должны быть благодарными судьбе, что тысячелетие изменявшая народу, монархия наконец изменила себе, и сама над собой поставила крест. Откапывать ее из-под креста, и заводить великий раздор о кандидатах на рухнувший престол было бы, по-моему, роковой ошибкой». В течение первых месяцев правая печать частью закрылась, – не без давления и насилия со стороны советов, – частью же усвоила мирно-либеральное направление. Только, с сентября 1917 года, тон ее становится крайне приподнятым, в связи с окончательно выяснившимся бессилием правительства,

потерей надежды на легальный выход из создавшегося тупика и отголосками корниловского выступления. Нападки на правительство крайних органов превращаются в сплошное поношение его.

Расходясь, в большей или меньшей степени, в понимании социальных задач, поставленных к разрешению революцией, повинная, быть может, вместе с русским обществом, во многих ошибках, русская либеральная печать проявила, однако, исключительное единодушие в важнейших вопросах государственно-правового и национального характера: полная власть Временному правительству; демократические реформы в духе программы 2 марта^[172], война до победы в согласии с союзниками. Всероссийское учредительное собрание, как источник верховной власти и конституции страны. Либеральная печать, еще в одном отношении, оставила о себе добрую память в истории: в дни высокого народного подъема, как и в дни сомнений, колебаний и всеобщей деморализации, знаменующих собою революционный период 1917 года, в ней как равно и в правой печати, не нашлось почвы для размещения немецкого золота...

Широкое возникновение новой социалистической прессы, – сопровождалось рядом неблагоприятных обстоятельств. У нее не было нормального прошлого, не хватало традиции. Долгая жизнь подполья, усвоенный им исключи-

¹⁷² См. главу IV. Конечно, 7 и 8 статьи вызывали к себе в обществе отрицательное отношение.

тельно разрушительный метод действий, подозрительное и враждебное отношение ко всякой власти, – наложили известный отпечаток на все направление этой печати, оставляя слишком мало места и внимания для творческой, созидательной работы. Полный разброд мысли, противоречия, колебания, проявленные как в недрах Совета, так и между партийными группировками и внутри партий, находили в печати соответственное отражение, точно так же, как и стихийный напор снизу безудержных, узкоэгоистичных, классовых требований; ибо невнимание к этим требованиям создавало угрозу, высказанную однажды «красой и гордостью революции», кронштадтскими матросами министру Чернову: «если ничего не дадите вы, то нам даст... Михаил Александрович!» Наконец, не осталось без влияния появление в печати множества таких лиц, которые внесли в нее атмосферу грязи и предательства. Газеты пестрят именами, которые вышли из уголовной хроники, охранного отделения и международного шпионажа. Все эти господа Черномазовы (провокактор-охранник, руководитель дореволюционной «Правды», Бертгольды (тоже редактор «Коммуниста»), Деконские, Малиновские, Мстиславские, соратники Ленина и Горького – Нахамкес, Стучка, Урицкий, Гиммер (Суханов), и многое множество других лиц, не менее известных, довели русскую печать до морального падения, еще небывалого.

Разница была лишь в размахе. Одни органы, близкие к советскому официозу «Известия рабочих и солдатских де-

путатов», расшатывали, в то время как другие, типа «Правды» (орган соц.-демократ. большев.) – разрушали страну и армию.

В то время, когда «Известия» призывают к поддержке Временного правительства, держа, однако, камень за пазухой, «Правда» заявляет, что «правительство контрреволюционно, и потому с ним не может быть никаких сношений. Задача революционной демократии – диктатура пролетариата». А социал-революционный орган Чернова «Дело народа» находит нейтральную формулу: всемерная поддержка коалиционному правительству, но «нет и не может быть в этом вопросе единодушия, скажем более, и не должно быть – в интересах двуединой обороны»...

В то время, как «Известия» начали проповедывать наступление, только без окончательной победы, не оставляя, впрочем, намерения «через головы правительства и господствующих классов установить условия, на которых может быть прекращена война», – «Правда» требует повсеместного братания; социал-революционная «Земля и Воля» то сокрушается, что Германия желает по-прежнему завоеваний, то требует сепаратного мира. Черновская газета, в марте считавшая, что «если бы враг победил, тогда конец русской свободы», в мае – в проповеди наступления видит «предел беззастенчивой игры на судьбе отечества, предел безответственности и демагогии». Газета Горького «Новая жизнь» устами Гиммера (Суханова) договаривается до такого циниз-

ма:

«Когда Керенский призывает очистить русскую землю от неприятельских войск, его призывы далеко выходят за пределы военной техники. Он призывает к политическому акту, при этом совершенно не предусмотренному программой коалиционного правительства. Ибо очищение пределов страны силою наступления означает „полную победу“... Вообще „Новая жизнь“ особенно горячо отстаивала немецкие интересы, повышая голос во всех тех случаях, когда, со стороны союзников или нашей, немецким интересам угрожала опасность.

А когда наступление разложившейся армии окончилось неудачей – Тарнополем, Калушем, когда пала Рига, – левая пресса повела жестокую кампанию против Ставки и командного состава, и черновская газета, в связи с предполагавшимися преобразованиями в армии, истерически взывала: «Пусть пролетарии знают, что их снова хотят отдать в железные объятия нищеты, рабского труда и голода... Пусть солдаты знают, что их снова хотят закабалить в „дисциплине“ господ командиров и заставить лить кровь без конца, лишь бы восстановилась вера союзников в „доблесть“ России»... Прямее всех, однако, поступила впоследствии «Искра» – орган меньшевиков-интернационалистов (Мартов-Цедербаум), которая в день занятия немецким десантом острова Эзеля напечатала статью – «Привет германскому флоту!»

Даже по вопросу о разгорающейся в стране анархии, ле-

вые газеты не отличались единомыслием и постоянством. Наряду с демагогическими призывами к немедленному и насильственному разрешению экономического, рабочего, земельного вопросов, мы на страницах тех же газет встречаем нередко призывы «не торопиться, ибо провинция отстает», рабочим умерить свои несдержанные требования, и употребить все усилия, чтобы не было оснований обвинять их в небрежном отношении к фронту; крестьянам воздержаться от самовольных захватов земли и т. д. Только «Правда» оставалась верной себе, раз-навсегда определив: «то, что намечается в „самочинных“ захватах рабочих, крестьян и беднейшего городского населения, это не „анархия“, а „дальнейшее развитие революции“.

Вопрос о русской печати в годы революции – большой и важный, требующий специального изучения. Здесь я хотел, лишь приведением нескольких характерных цитат, отметить, какой сумбур должен был получиться, – в умах полубразованных или темных, – читателей социалистической литературы, – в особенности в армии.

Россия пользовалась свободой печати, – ничем не ограниченной. Собственно – печати социалистической. Ибо правые и либеральные газеты попали под жестокий гнет петроградского и местных советов, которые проявляли свою власть, закрывая газеты, не допуская выхода новых, и применяя при этом грубую вооруженную силу, захват типографий, или терроризирование типографских рабочих. Одновремен-

но, крайняя левая печать пользовалась неизменной защитой советов, во имя «свободы слова», хотя официально подвергалась иногда критике и осуждению. Так, в воззвании «к солдатам» (после событий 3–5 июля) Всероссийский съезд советов осудил «необдуманные статьи и воззвания» этой прессы: «Знайτε, товарищи, что эти газеты, как бы они ни назывались: „Правда“ ли, „Солдатская правда“ ли, идут вразрез с ясно выраженной волей рабочих, крестьян и солдат, собравшихся на съезде»...

Военная цензура, в сущности, никогда не отмененная, просто игнорировалась. Только 14 июля правительство сочло себя вынужденным напомнить существование закона о военной тайне, а перед этим, 12 июля предоставило в виде временной меры, министрам военному и внутренних дел право закрывать повременные издания, «призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга, и содержащие призывы к насилию и к гражданской войне», с одновременным привлечением к суду редакторов. Керенский, действительно, закрыл несколько газет в столице и на фронте. Закон, тем не менее, имел лишь теоретический характер. Ибо в силу сложившихся взаимоотношений, между правительством и органами революционной демократии, суд и военная власть были парализованы, ответственность фактически отсутствовала, а крайние органы, меняя названия («Правда» – «Рабочий и солдат» – «Пролетарий» и т. д.), продолжали свое разруши-

тельное дело.

Так или иначе, вся эта социалистическая, и в частности, большевистская литература, на основании пункта 6-го декларации, хлынула беспрепятственно в армию. Частью – стараниями всевозможных партийных «военных бюро» и «секций» Петрограда и Москвы, частью – при посредстве «культурно-просветительных комиссий» войсковых комитетов. Средства были разнообразные: одни исходили из темных источников, другие – взяты полупринудительно из войсковых экономических сумм, третьи – легально отпущены старшими военными начальниками, из числа оппортунистов. Так, один из моих предшественников по командованию Юго-западным фронтом, генерал Гутор открыл фронтовому комитету на эту цель кредит в 100 000 рублей, который я, по ознакомлении с характером распространяемой комитетом литературы, – немедленно же закрыл. Главкомандующий Северным фронтом, генерал Черемисов субсидировал из казенных средств ярко-большевистскую газету «Наш Путь», объясняя так свой поступок: «Если она (газета) и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы – самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях (?). Мы видим, что и большевики умеют драться. При этом – у нас свобода печати»^[173].… Впрочем, этот факт имел место уже в начале

¹⁷³ Разговор Черемисова с военным корреспондентом Купнинским («Общее Дело» 1917 года)

октября, и «перелеты» – явление, чрезвычайно характерное еще для Смутного времени 1913 г. – начинали уже седлать коней, и готовиться в путь... к новому режиму.

* * *

В армии существовала и военная печать. Возникавшие и раньше, до революции, органы фронтовых и армейских штабов, имели характер чисто военных бюллетеней. Со времени революции газеты эти, своими слабыми литературными силами, начали добросовестно, честно, но не талантливо вести борьбу за сохранение армии. Встречая равнодушие или озлобление со стороны солдат, уже отвернувшихся от офицерства, и особенно со стороны – параллельно существовавших – комитетских органов «революционной» мысли, они начали мало-помалу хиреть и замирать, пока наконец, в начале августа, приказом Керенского не были закрыты вовсе; исключительное право издания армейской печати было передано фронтовым – и армейским комитетам. Такая же участь постигла и «Известия действующей армии» – орган Ставки, затеянный генералом Марковым, и не поддержанный солидными силами столичной прессы.

Комитетская печать, широко распространяемая в войсках на казенный счет, отражала те же настроения, о которых я го-

ворил ранее в главе о комитетах, с амплитудой колебания от государственности до анархии, от полной победы – до немедленного, явочным порядком, заключения мира. Отражала, – только в худшей, более убогой, в смысле литературного изложения и содержания, форме, тот разброд мысли и влечения к крайним теориям, которые характеризуют столичную социалистическую печать. При этом, в зависимости от состава комитетов, отчасти от близости Петрограда, фронты несколько отличались друг от друга. Умереннее был Юго-западный, хуже Западный и сильно большевистским – Северный. Кроме местных произведений, страницы комитетской печати были, во многих случаях, широко открыты для постановлений и резолюций, не только крайних политических партий отечественных, но даже и немецких.

Ко времени принятия мною должности главнокомандующего Западным фронтом (июнь), фронтовым комитетом издавалась газета «Фронт», в количестве 20 тысяч экземпляров. Чтобы дать представление о характере того нездорового воздействия, которое оказывала газета на войска, приведу краткий перечень некоторых статей, извлеченный из 29 номеров, выпущенных комитетом до оставления мною фронта.

1) 14 статей, доказывающих, что продолжение войны выгодно только для врагов демократии – «буржуев, помещиков, фабрикантов».

2) Призывы прекратить войну. В том числе резолюция фронтового комитета против наступления (15).

3) Развитие идей интернационала, с призывом к немедленному заключению мира, и ко всемирному господству пролетариата (25, меморандум германских «независимых с. д.»).

4) Ряд резолюций комитета и статей, выражающих недоверие начальникам и штабам, и требующих замены последних комиссиями из состава комитетов (в пяти номерах).

5) 5 статей и протоколов комитета, требующих для солдатских организаций права отвода, назначений начальников и суда над ними.

6) Протест против признания министром внутренних дел незаконным, постановления харьковского совета о захвате частных земель (24).

7) Резолюция одного из комитетов о «контрреволюционности» командира корпуса, осудившего в приказе большевиков: в ней говорилось, что расхождение идей большевизма со взглядами военного министра, и большинства Совета, не может служить основанием для воспрещения пропаганды, и ареста агитаторов. Репрессивные меры против большевиков являются грубым, и противозаконным, нарушением прав свободных граждан и т. д. (27).

Такой липкой паутиной идей и мыслей, – глубоко противогосударственных и антинациональных, – опутывала комитетская печать темную солдатскую массу; в такой удушливой атмосфере недоверия, непонимания, извращения всех начал военной традиции и этики, жило несчастное офицер-

ство. В такой же атмосфере приходилось жить, работать и готовить большое наступление главнокомандующему... Я сообщил Керенскому о деятельности комитета, и о направлении его печати, но безрезультатно. Тогда, на 29 номере, нарушив приказ Керенского, я приказал прекратить отпуск денег на газету, которую, впрочем, после моего ухода возобновил новый главнокомандующий, генерал Балуев.

Балуев относился совершенно иначе, чем я, к войсковым организациям, в такой степени питая к ним доверие, что сделал однажды представление военному министру: «литература должна быть допущена в войска только та, которую признает возможным допустить Совет р. и с. депутатов, и комитеты фронтов и армий». Такое разномыслие, вернее, коренное различие в тактике на верхах командования, еще более запутывало отношения.

Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственном влиянии печати на солдатскую массу. Его не было, как не было вовсе и популярных газет, доступных ее пониманию. Печать оказывала влияние, главным образом, на полуинтеллигентскую часть армейского состава. Эта среда оказалась ближе к солдату, и к ней перешла известная доля того авторитета, которым пользовался раньше офицерский корпус. Идеи, воспринятые из газет, и преломленные сквозь призму понимания этой среды, поступали – уже в упрощенном виде – в солдатскую массу, состоявшую, к сожалению, в огромной части своей, из людей невежественных и безграмотных.

А в массе все эти понятия, обнаженные от хитросплетенных аргументаций, предпосылок, обоснований, претворялись в простые до удивления, и логичные до ужаса выводы.

В них преобладало прямолинейное отрицание:

– Долой!

Долой буржуазное правительство, долой контрреволюционное начальство, долой «кровавую бойню», вообще все опостылевшее, надоевшее, мешающее так или иначе утробным инстинктам и стесняющее «свободную волю» – все долой!

Так элементарно разрешала армия на, бесчисленных солдатских митингах, все волнующие человечество политические и социальные вопросы.

Занавес опущен. Версальский мир остановил на время вооруженную борьбу в средней Европе. Для того, очевидно, чтобы, собравшись с силами, народы взяли за оружие вновь, с целью разорвать цепи, наложенные на них поражением.

Идея «мира всего мира», которую 20 веков проповедуют христианские церкви, похоронена надолго.

Какими детски наивными кажутся нам теперь усилия гуманистов 19 века, долгой, горячей проповедью добивавшихся смягчения ужасов войны, и введения ограничивающих норм международного права. Теперь, когда мы знаем, что можно не только нарушать нейтралитет мирной культурной страны, но и отдать ее на поток и разграбление; когда

мы умеем, подводными лодками, топить мирные корабли с женщинами и детьми, отравлять людей удушливыми газами, бороздить тело их осколками разрывных пуль; когда целую страну, нацию, холодный политический расчет котирует только как «барьер» против вторжения вооруженной силы и вредных идей, и периодически то выручает, то предаёт...

Но ужаснейшее из всех орудий, – когда-либо изобретенных человеческим умом, – постыднейшее из всех средств, допускаясь в последнюю мировую войну, – это

Отравление души народа.

Германия отдаёт приоритет в этом изобретении Англии. Предоставим им разрешить этот спор полюбовно. Но я вижу родную страну, – раздавленной, умирающей среди темной ночи ужаса и безумия. И я знаю ее палачей.

Перед человечеством, – во всей своей грозной силе, во всей бесстыдной наготе встали два положения:

Все дозволено для пользы отечества!

Все дозволено для торжества партии, класса!

Даже моральная и физическая гибель страны противника, даже предательство своей Родины, и производство над живым телом ее социальных опытов, неудача которых грозит параличом и смертью.

Германия и Ленин, без колебания, разрешили эти вопросы положительно. Мир их осудил. Но полно, так ли единодушны и искренни в своем осуждении все те, кто об этом говорит? Не слишком ли глубокий след оставили эти идеи

в сознании, быть может, не столько народных масс, сколько их вождей? По крайней мере, к такому выводу приводит меня вся современная, бездушная мировая политика правительств, в особенности в отношении России, вся современная беспросветно-эгоистическая тактика классовых организаций.

Это страшно.

Я верю, что каждый народ имеет право с оружием в руках защищать свое бытие; знаю, что долго еще война будет обычным средством разрешения спорных международных вопросов; что приемы борьбы будут и честные и, к сожалению, бесчестные. Но существует известная грань, за которую и низость перестает быть просто низостью, а переходит в безумие. До такой грани мы уже дошли. И если религия, наука, литература, философы, гуманисты, учителя человечества не подымут широкого идейного движения против привитой нам готтентотской морали, то мир увидит закат своей культуры.

Глава XXV. Состояние армии ко времени июльского наступления

Очертив целый ряд внешних факторов, оказывавших влияние на жизнь, взаимоотношения и боевую службу некогда славной русской армии, перейду к скорбным страницам ее падения.

Я родился в семье армейского офицера, прослужил до европейской войны 22 года, в строю скромных армейских частей и малых войсковых штабов, в том числе 2 года русско-японской войны; жил одной жизнью, одними радостями и печальями с офицером и солдатом, посвятив родному мне быту их много страниц в военной печати; почти непрерывно с 1914 по 1920 год стоял во главе войск, и водил их в бой на полях Белоруссии, Волыни, Галиции, в горах Венгрии, в Румынии, потом... потом в жестокой междуусобной войне, бороздившей кровавым плугом родную землю.

Я имею более оснований и права говорить об армии и от армии, чем все те чуждые ей люди из социалистического лагеря, которые в высокомерном самомнении, едва коснувшись армии, ломали устои ее существования, судили вождей и воинов; определяли диагноз ее тяжелой болезни; которые и теперь еще, после тяжелых опытов и испытаний, не оставляют надежду на превращение этого могущественного,

и страшного орудия государственного самосохранения – в средство для разрешения партийных и социальных вождедений. Для меня армия – не только историческое, социальное, бытовое явление, но почти вся моя жизнь, – где много воспоминаний, дорогих и незабываемых; где все связано и переплетено в один общий клубок быстро протекших тяжелых и радостных дней; где сотни дорогих могил, похороненные мечты и... неугасшая вера.

К армии нужно подходить осторожно, не забывая, что не только исторические устои, но даже кажущиеся, быть может, странными и смешными мелочи ее быта, имеют смысл и значение.

Когда началась революция, старый ветеран, любимец офицеров и солдат, генерал Павел Иванович Мищенко, не будучи в состоянии примириться с новым режимом, ушел на покой. Жил в Темирханшуре, не выходил из-за ограды своего сада, и носил всегда генеральскую форму и георгиевские кресты, даже в дни большевистской власти. Как-то раз пришли к нему большевики с обыском и, между прочим, желали снять с него погоны и кресты. Старый генерал вышел в соседнюю комнату и... застрелился.

Пусть, кто может, посмеется над «отжившими предрассудками». Мы же почтим его светлую память.

Итак, грянула революция.

Не было никакого сомнения, что подобный катаклизм в жизни народа не пройдет даром. Революция должна была

сильно встряхнуть армию, ослабив и нарушив все ее исторические скрепы. Такой результат являлся закономерным, естественным и непредотвратимым, независимо от того состояния, в котором находилась тогда армия, независимо от взаимоотношений командного и служебного начал. Мы можем говорить лишь об обстоятельствах, сдерживавших или толкавших армию к распаду.

Явилась власть.

Источником ее могли быть три элемента: верховное командование (военная диктатура), буржуазная Государственная Дума (Временное правительство) и революционная демократия (Совет). Властью признано Временное правительство. Но два других элемента отнеслись к нему различно: Совет фактически отнял власть у правительства, тогда как – верховное командование подчинилось ему безотговорочно и следовательно – вынуждено было исполнять его предначертания.

Власть могла поступить двояко: бороться с отрицательными явлениями, начавшимися в армии, мерами суровыми и беспощадными, или потворствовать им. В силу давления Совета, отчасти же по недостатку твердости, и понимания законов существования вооруженной силы, власть пошла по второму пути.

Этим обстоятельством была предрешена конечная судьба армии. Все остальные факты, события, явления, воздействия могли только повлиять на продолжительность процесса раз-

ложения и глубину его.

Праздничные дни трогательного, радостного единения между офицерством и солдатами быстро отлетели, заменившись тяжелыми нудными буднями. Но ведь они были, эти радостные дни, и следовательно, не существовало вовсе непроходимой пропасти между двумя берегами, меж которыми неумолимая логика жизни давно уже перебрасывала мост. Сразу отпали как-то сами собой все наносные, устарелые приемы, вносящие элемент раздражения в солдатскую среду; офицерство как-то подтянулось, сделалось серьезнее и трудолюбивее.

Но вот хлынули потоком газеты, воззвания, резолюции, приказы какого-то неведомого начальства, а вместе с ними целый ряд новых идей, которые солдатская масса не в состоянии была переварить и усвоить. Приехали новые люди с новыми речами, такими соблазнительными и многообещающими, освобождающими солдата от повиновения, и дающими надежду на немедленное устранение смертельной опасности. Когда один полковой командир наивно запросил, нельзя ли этих людей предать полевому суду и расстрелять, телеграмма, прошедшая все инстанции, вызвала ответ из Петрограда, что эти люди неприкосновенны и посланы Советом в войска именно за тем, чтобы разъяснить им истинный смысл происходящих событий...

Когда теперь руководители революционной демократии, еще не утратившие чувства ответственности за распятую

Россию, говорят, что движение, обусловленное глубоким классовым расхождением офицерского и солдатского составов, и «рабским закрепощением» последнего, имело стихийный характер, которому они не в состоянии были противостоять, – это глубокая неправда. Все основные лозунги, все программы, тактика, инструкции, руководства, положенные в основу «демократизации» армии, были разработаны военными секциями подпольных социалистических партий, задолго до войны, вне давления «стихии», исходя из ясного и холодного расчета, как продукт «социалистического разума и совести».

Правда, офицеры убеждали не верить «новым словам» и исполнять свой долг. Но ведь, советы с первого же дня объявили офицеров врагами революции, во многих городах их подвергли уже жестоким истязаниям и смерти; при этом безнаказанно... Очевидно, основание есть, когда даже из недр «буржуазной» Государственной Думы вышло такое странное и неожиданное «объявление»: «Сего 1 марта среди солдат Петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель военной комиссии Временного Комитета Государственной Думы, я заявляю, что будут приняты самые решительные меры, к недопущению подобных действий со стороны офицеров, вплоть до расстрела виновных. Полковник Энгельгардт»...

Потом получены были приказ № 1, декларация и пр., и пр.

Быть может, однако, со всем этим словесным морем лжи и лицемерия, которые текли из Петрограда и из местных советов, и находили отклик среди своих местных демагогов, можно было бы еще бороться, если бы не одно явление, парализовавшее все усилия командного состава: охватившее всецело солдатскую массу, животное чувство самосохранения.

Оно было всегда. Но таилось под спудом и сдерживалось примером исполнения долга, проблесками национального самосознания, стыдом, страхом и принуждением. Когда все эти элементы отпали, когда, для успокоения засыпающей совести, явился целый арсенал новых понятий, оправдывающих шкурничество и дающих ему идейное обоснование, армия жить долее не могла. Это чувство опрокинуло все усилия командного состава, все нравственные начала и весь военный строй. И вот началось^[174].

* * *

...На широком поле, насколько видно глазу, тянутся бесконечные линии окопов, то подходящие друг к другу вплотную, переплетаясь своими проволочными заграждениями,

¹⁷⁴ Я облек картину армейского быта в форму рассказа. Но всякий малейший эпизод, в нем приведенный, есть реальный факт, взятый из жизни.

то отходя далеко и исчезая за зеленым гребнем. Солнце поднялось уже давно, но в поле мертвая тишина. Первыми встали немцы. То там, то тут из-за окопов выглядывают их фигуры, кой-кто выходит на бруствер – развесить на солнце свою отсыревшую за ночь одежду... Часовой в нашем передовом окопе раскрыл сонные глаза, лениво потянулся, безучастно поглядев на неприятельские окопы... Какой-то солдат, в грязной рубахе, босой, в накинута на плечи шинели, ежась от утреннего холода, вышел из окопа и побрел в сторону немецкой позиции, где между линиями стоял «почтовый ящик»; в нем – свежий номер немецкой газеты «Русский Вестник» и предложение товарообмена.

Тишина. Ни одного артиллерийского выстрела. На прошлой неделе вышло постановление полкового комитета, против стрельбы и даже против пристрелки артиллерийских целей; пусть исчисляют необходимые данные по карте. Артиллерийский подполковник – член комитета, вполне одобрил такое постановление... Когда вчера командир полевой батареи начал пристрелку нового неприятельского окопа, наша пехота обстреляла свой наблюдательный пункт ружейным огнем; ранили телеграфиста. А ночью, на строящемся пункте вновь прибывшей тяжелой батареи, пехотные солдаты развели костер^[175]...

9 часов утра. 1-ая рота начинает понемногу вставать. Око-

¹⁷⁵ Вообще специальные роды оружия, и в особенности артиллерия, сохранили гораздо дальше пехоты человеческий облик и известную дисциплину.

пы загажены до невозможности; в узких ходах сообщения и во второй линии, более густо населенной, стоит тяжелый, спертый воздух. Бруствер осыпается. Никто не чинит – не хочется, да и мало людей в роте. Много дезертиров; более полусотни ушло легально: уволены старшие сроки, разъехались отпускные с самочинного разрешения комитета; кто попал в члены многочисленных комитетов, или уехал в делегации (недавно, например, от дивизии послана была большая делегация к товарищу Керенскому проверить, действительно ли он приказал наступать); наконец, угрозами и насилием солдаты навели такой страх на полковых врачей, что те дают увольнительные свидетельства даже «тяжелоздоровым»...

В окопах тянутся нудные, томительные часы. Скука, безделье. В одном углу играют в карты, в другом – лениво, вяло рассказывает что-то вернувшийся из отпуска солдат; в воздухе висит скверная брань. Кто-то читает вслух «Русский Вестник»:

«Англичане хотят, чтобы русские пролили последнюю каплю крови для вящей славы Англии, которая ищет во всем барыша... Милые солдатики, вы должны знать, что Россия давно бы заключила мир, если бы этому не помешала Англия... Мы должны отшатнуться от нее – этого требует русский народ – такова его святая воля»...

Кто-то густо выругался:

– Как же, помирятся, ...и...м..., подохнешь тут, не выдавши воли...

По окопам прошел поручик Альбов, командующий ротой. Он как-то неуверенно, просительно обращался к группам солдат:

– Товарищи, выходите скорей на работу. В три дня мы не вывели ни одного хода сообщений в передовую линию.

Игравшие в карты даже не повернулись; кто-то вполголоса сказал «ладно». Читавший газету привстал и развязно доложил:

– Рота не хочет рыть, потому что это подготовка к наступлению, а комитет постановил...

– Послушайте, вы ни черта не понимаете, да и почему вы говорите за всю роту? Если даже ограничиться одной оборонной, то ведь в случае тревоги мы пропадем: вся рота по одному ходу не успеет выйти в первую линию.

Сказал и, махнув рукой, прошел дальше. Безнадежно. Каждый раз, когда он пытается говорить с ними подолгу и задушевно – они слушают внимательно, любят с ним беседовать, и вообще, своя рота относится к нему по-своему хорошо. Но он чувствует, что между ним и ими стала какая-то глухая стена, о которую разбиваются все его добрые порывы. Он потерял дорогу к их душе, запутавшись в невылазных дебрях темноты, грубости и той волны недоверия и подозрительности, которая влилась в солдатскую среду. Не те слова, может быть, не умеет сказать? Как будто бы нет. Еще незадолго до войны, будучи студентом и увлекаясь народничеством, он бывал и в деревне, и на заводе и находил «насто-

ящие» слова, всем доступные и понятные. А главное, какими словами заставишь людей идти на смерть, когда у них все чувства заслонило одно чувство – самосохранения. Мысли его прервало внезапное появление командира полка.

– Чёрт знает, что такое! Дежурный не встречает. Люди не одеты. Грязь, вонь. За чем вы смотрите, поручик?

Седой полковник суровым взглядом, невольно импонирующим, окинул солдат. Все повскакали. Он поглядел в бойницу и, отшатнувшись, нервно спросил:

– Это что такое?

На зеленом поле, между проволочными заграждениями шел настоящий базар. Группа немецких и наших солдат обменивали друг у друга водку, табак, сало, хлеб. Поодаль, на траве полулежал немецкий офицер – красный, плотный, с надменным выражением лица и вел беседу с солдатом Соловейчиком. И странно: фамильярный и дерзкий Соловейчик стоял перед лейтенантом прилично и почтительно.

Полковник оттолкнул наблюдателя и, взяв у него ружье, просунул в бойницу. Среди солдат послышался ропот. Стали просить не стрелять. Один вполголоса, как бы про себя, промолвил:

– Это провокация...

Полковник, красный от бешенства, повернулся на секунду к нему и крикнул:

– Молчать!

Все притихли и прильнули к бойницам. Раздался выстрел,

и немецкий офицер как-то судорожно вытянулся и замер; из головы его потекла кровь. Торговавшие солдаты разбежались.

Полковник бросил ружье и, процедив сквозь зубы: «мерзавцы», пошел дальше по окопам. «Перемирие» было нарушено.

Поручик ушел к себе в землянку. Тоскливо и пусто на душе. Сознание своей ненужности и бесполезности, в этой нелепой обстановке, извращавшей весь смысл служения Родине, которое одно только оправдывало и все тяжелые невзгоды, и, может быть, близкую смерть, давило его. Он бросился на постель; лежал час, два, стараясь не думать ни о чем, забыться...

А из-за земляной стены, где было убежище, полз чей-то заглушенный голос и словно обволакивал мозг грязной му-тью:

– Им хорошо, с. с-ам – получает как стеклышко сто сорок целковеньких в месяц, а нам – расщедрились – семь с половиной отпустили. Погоди, будет еще наша воля...

Молчание.

– Слышно, землю делят у нас в Харьковской. Домой бы...

Стук в дверь. Пришел фельдфебель.

– Ваше благородие (он всегда звал так своего ротного командира без свидетелей), рота сердится, грозят уйти с позиции, если сейчас не сменят. 2-ой батальон должен был сме-

нить нас в 5 часов, а его и доселе нет. Нельзя ли спросить по телефону.

– Не уйдут, Иван Петрович... Хорошо, спрошу, да только теперь уже все равно поздно – после утреннего происшествия немцы смениться днем нам не позволят.

– Позволят. Комитетчики уже знают. Я так думаю, – он понизил голос, – Соловейчик успел сбегать объяснить. Слышно, что немцы обещали помириться, только чтобы следующий раз, когда придет в окопы командир, им дали знать – бросят бомбу. Вы бы доложили, а то неровен час...

– Хорошо.

Фельдфебель хотел уйти. Поручик остановил его.

– Плохо, Петрович, не верят нам...

– Да уж Бог его знает, кому они верят; вот на прошлой неделе в 6 роте сами фельдфебеля выбрали, а теперь над ним же измываются, слова сказать не дают...

– Что же будет дальше?

Фельдфебель покраснел и тихо ответил:

– А будет то, что Соловейчики над нами царствовать будут, а мы у них на положении, значит, скота бессловесного, – вот что будет, ваше благородие!..

Пришла, наконец, смена. Зашел в землянку командир 5 роты капитан Буравин. Альбов предложил ознакомить его с участком, и объяснить расположение противника.

– Пожалуй, хоть это не имеет значения, ибо я по существу ротой не командую – нахожусь под бойкотом.

– Как?

– Так. Выбрали ротным прапорщика, моего субалтерна, а меня сместили за приверженность к старому режиму – два раза в день, видите ли, занятия назначал – ведь маршевые роты приходят абсолютно необученные. Прапорщик первый и голосовал за мое удаление. «Довольно – говорит – нами помыкали. Теперь наша воля. Надо почистить всех, начиная с головы. С полком сумеет справиться и молодой, лишь бы был истинный демократ и стоял за солдатскую волю». Я бы ушел, но командир полка категорически воспротивился и не велит сдавать роты. Вот теперь у нас два командира, значит. Пять дней терплю это положение. Послушайте, Альбов, вы не торопитесь? Ну, прекрасно, поболтаем немного. Что-то тяжело на душе... Альбов, вам не приходила еще мысль о самоубийстве?

– Пока нет.

Буравин вскочил.

– Поймите, душу всю проплевали, над человеческим достоинством надругались – и так каждый день, каждый час, в каждом слове, взгляде, жесте видишь какое-то сплошное надругательство. Что я им сделал? Восемь лет служу, нет ни семьи, ни кола, ни двора. Все – в полку, в родном полку. Два раза искалечили, недолечился, прилетел в полк – на тебе! И солдата любил – мне стыдно самому говорить об этом, но ведь они помнят, как я не раз ползком из-под проволочных заграждений раненых вытаскивал... И вот теперь... Ну

да, я чту полковое знамя и ненавижу их красные тряпки. Я приемлю революцию. Но для меня Россия бесконечно дороже революции. Все эти комитеты, митинги, всю ту наносную дрянь, которую развели в армии, я органически не могу воспринять и переварить. Но ведь я никому не мешаю, никому не говорю об этом, никого не стараюсь разубедить. Лишь бы окончить честно войну, а потом хоть камни бить на дороге, только не в демократизованной таким манером армии. Вот мой прапорщик – он с ними обо всем рассуждает: национализация, социализация, рабочий контроль... А я не умею: некогда было этим заниматься, да признаться, и не интересовался никогда. Помните, приезжал командующий армией и в толпе солдат говорит: «какой там „господин генерал“ – зовите меня просто товарищ Егор»... А я этого не могу, да и все равно мне не поверят. Вот и молчу. А они понимают и мстят. И ведь, при всей своей серости, какие тонкие психологи! Умеют найти такое место, чтобы плевков был побольше. Вот вчера, например...

Он наклонился над ухом Альбова и шёпотом продолжал:

– Возвращаюсь из собрания. У меня в палатке у изголовья карточка стоит: ну там одно дорогое воспоминание. Так пририсовали похабщину!..

Буравин встал и вытер платком лоб.

– Ну, пойдём посмотреть позицию... Даст Бог, недолго уже терпеть. Никто из роты не хочет идти на разведку. Хожу сам каждую ночь; иногда вольноопределяющий один со

мною, – охотничья жилка у него. Если что-нибудь случится, пожалуйста, Альбов, присмотрите, чтобы пакетик один – он у меня в чемодане – отправили по назначению.

Рота, не дождавшись окончания смены, ушла вразброд. Альбов побрел вслед.

Ход сообщения кончался в широкой ложине, где стоял полковой резерв. словно большой муравейник, раскинулся бивак полка рядом землянок, палаток, дымящихся походных кухонь и коновязей. Когда-то их тщательно маскировали искусственными посадками, которые теперь засохли, облетели и торчали безлиственными жердями. На поляне кой-где учились солдаты – вяло, лениво, как будто затем, чтобы создать какую-нибудь видимость занятий: все-таки совестно было абсолютно ничего не делать. Офицеров мало: хорошим опостылела та пошлая комедия, в которую превратилось теперь настоящее дело; у плохих есть нравственное оправдание их лени и безделья. Вдали, по дороге, в направлении к полковому штабу шла не то толпа, не то колонна, над которой развевались красные флаги. Впереди огромный транспарант, на котором белыми буквами красовалась видная издалека надпись:

«Долой войну!»

Это подходило пополнение. Тотчас же все занимавшиеся на поляне солдаты, словно по сигналу, оставили ряды и побежали к колонне.

– Эй, земляки, какой губернии?

Начался оживленный разговор на обычные, животрепещущие, волнующие темы: как с земляцей, скоро ли замирение. Интересовались, впрочем, и вопросом, нет ли ханжи, так как «своя, полковая» самогонка, выгоняемая в довольно большом количестве «на заводе» 3-го батальона, была уж очень противна и вызывала болезненные явления.

Альбов направился в собрание. Офицеры собирались к обеду. Где было оживление, задушевная беседа, здоровый смех и целый поток воспоминаний из бурной, тяжелой, славной боевой жизни! Воспоминания поблекли, мечты отлетели, и суровая действительность придавила всех своей тяжестью.

Говорили вполголоса, иногда прерывая разговор или выражаясь иносказательно: собранская прислуга могла донести, да и между своими появились новые люди... Еще недавно полковой комитет, по докладу служителя, разбирал дело кадрового офицера, георгиевского кавалера, которому полк обязан одним из самых славных своих дел. Подполковник этот говорил что-то о «взбунтовавшихся рабах». И хотя было доказано, что говорил он не свое, а цитировал лишь речь товарища Керенского, комитет «выразил ему негодование»; пришлось уйти из полка.

И состав офицерский сильно переменился. Кадровых офицеров осталось 2–3 человека. Одни погибли, другие – калеки, третьи, получив «недоверие», скитаются по фронту, обивают пороги штабов, поступают в ударные батальоны, в

тыловые учреждения, а иные, слабее духом, просто разъезжаются по домам. Не нужны стали армии носители традиции части, былой славы ее – этих старых буржуазных предрассудков, сметенных в прах революционным творчеством.

В полку уже все знают об утреннем событии в роте Альбова. Расспрашивают подробности. Подполковник, сидевший рядом, покачал головой.

– Молодчина наш старик. Вот и с 5-й ротой тоже... Боюсь только, что плохо кончит. Вы слышали, что сделали с командиром Дубовского полка за то, что тот не утвердил выбранного ротного командира, и посадил под арест трех агитаторов? Распяли. Да-с, батенька! Прибили гвоздями к дереву и начали поочередно колоть штыками, обрубать уши, нос, пальцы...

Он схватился за голову.

– Боже мой, и откуда в людях столько зверства, столько низости этой берется...

На другом конце среди прапорщиков идет разговор на вечную большую тему – куда бы уйти...

– Ты записался в революционный батальон?

– Нет, не стоит: оказывается, формируется под верховным наблюдением исполкома, с комитетами, выборами и «революционной» дисциплиной. Не подходит.

– Говорят, у Корнилова ударные войска формируются и в Минске тоже. Хорошо бы...

– А я подал рапорт о переводе в нашу стрелковую бригаду

во Францию. Вот только с языком не знаю, как быть.

– Увы, батенька, опоздали, – отозвался с другого конца подполковник. Уже давно правительство послало туда «товарищей-эмигрантов» для просвещения умов. И теперь бригады где-то на юге Франции на положении не то военнопленных, не то дисциплинарных батальонов.

Впрочем, эти разговоры в сознании всех имели чисто платонический характер, ввиду безнадежности и безвыходности положения. Так, помечтать немного, как некогда мечтали чеховские «Три сестры» о Москве. Помечтать о таком необычайном месте, где не ежедневно топчут в грязь человеческое достоинство, где можно спокойно жить и честно умереть – без насилия и без надругательства над твоим подвигом. Так ведь немного...

– Митька, хлеба! – прогудел могучий бас прапорщика Ясного.

Он большой оригинал, этот Ясный. Высокий, плотный с большой копной волос и медно-красной бородой, он весь олицетворение черноземной силы и мужества. Имеет четыре георгиевских креста, и произведен из унтер-офицеров за боевые отличия. Он нисколько не подлаживается под новую среду, говорит «леворюция» и «метинк» и не может примириться с новыми порядками. Несомненная «демократичность» Ясного, его прямота и искренность создали ему исключительную привилегию в полку: он, не пользуясь особым влиянием, может, однако, грубо, резко, иногда с ругатель-

ством, осуждать и людей, и понятия, находящиеся под ревнивой охраной и поклонением полковой «революционной демократии». Сердятся, но терпят.

– Хлеба, говорю, нет.

Офицеры, занятые своими мыслями и разговорами, не обратили даже внимания, что суп съеден без хлеба.

– Не будет сегодня хлеба, – ответил служитель.

– Это еще что? Сбегай за хозяином собрания – духом.

Пришел хозяин собрания и растерянно стал оправдываться: послал сегодня утром требование на 2 пуда; начальник хозяйственной части сделал пометку «выдать», а писарь Федотов, – член хозяйственной комиссии комитета, написал «не выдавать». В цейхгаузе и не отпустили.

Никто не стал возражать. До того мучительно стыдно было и за хозяина собрания, и за ту непроходимую пошлость, которая вдруг ворвалась в жизнь и залила ее всю какой-то серою, грязною мутью. Только бас Ясного прогудел отчетливо под сводом барака:

– Экие свиньи!

Альбов только что собирался заснуть после обеда, как приподнялась пола палатки, и в щель просунулась лысая голова начальника хозяйственной части – старенького, тихого полковника, поступившего вновь на службу из отставки.

– Можно?

– Виноват, господин полковник...

– Ничего, голубчик, не вставайте. Я к вам на одну секунду.

Сегодня, видите ли, в 6 часов состоится полковой митинг. Назначен доклад хозяйственной поверочной комиссии, и меня, по-видимому, распинать будут. Я не умею говорить всякие там речи, а вы мастер. В случае надобности заступитесь.

– Слушаю. Не собирался идти, но раз надо, пойду.

– Ну вот, спасибо, голубчик.

...К 6 часам площадка возле штаба полка была сплошь усеяна людьми. Собралось не менее двух тысяч. Толпа двигалась, шумела, смеялась – такая же русская толпа, как где-нибудь на Ходынке или на Марсовом поле в дни гулянья. Революция не могла преобразить ее сразу ни умственно, ни духовно. Но, оглушив потоком новых слов, открыв перед ней неограниченные возможности, вывела ее из состояния равновесия, сделала нервно-восприимчивой, и бурно реагирующей на все способы внешнего воздействия. Бездна слов – морально высоких и низменно-преступных – проходила сквозь их самосознание, как через сито, отсеивая в сторону всю идеологию новых понятий и задерживая лишь те крупницы, которые имели реальное прикладное значение в их повседневной жизни, в солдатском, крестьянском, рабочем обиходе. И притом непременно – значение положительное, выгодное. Отсюда – полная безрезультатность потоков красноречия, наводнивших армию с легкой руки военного министра, нелепые явления горячего сочувствия двум ораторам, явно противоположного направления, и совершенно неожиданные – приводившие в недоумение и ужас говорившего –

выводы, которые толпа извлекала из его слов.

Какое же прикладное значение могли иметь для толпы при этих условиях такие идеи, как долг, честь, государственные интересы по одной терминологии, – аннексии, контрибуции, самоопределение народов, сознательная дисциплина и прочие темные понятия, по другой?

Вышел весь полк – митинг привлекал солдат, как привлекает всякое зрелище. Прислал делегатов и 2-ой батальон, стоявший на позиции – чуть не треть своего состава. Посреди площадки стоял помост для ораторов, украшенный красными флагами, полинявшими от времени и дождя – с тех пор, как помост был выстроен для смотра командующего армией. Теперь уже смотрят делают не в строю, а с трибуны. Сегодня в отлитографированной повестке митинга поставлены были два вопроса: «1) отчет хозяйственной комиссии о неправильной постановке офицерского довольствия, 2) доклад специально выписанного из московского совдепа оратора – товарища Склянки – о политическом моменте (образование коалиционного министерства)».

На прошлой неделе был бурный митинг, едва не окончившийся большими беспорядками, по поводу заявления одной из рот, что солдаты едят ненавистную чечевицу и постные щи потому, что вся крупа и масло поступают в офицерское собрание. Это был явный вздор. Тем не менее, постановили тогда расследовать дело комиссией, и доложить общему собранию полка. Докладывал член комитета, подполковник

Петров, смещенный в прошлом году с должности начальника хозяйственной части, и теперь сводящий счета. Мелко, придиричиво, с какой-то пошлой иронией перечислял он, не относящиеся к делу, небольшие формальные недочеты полкового хозяйства – крупных не было – и тянул без конца своим скрипучим, монотонным голосом. Притихшая было толпа опять загудела, перестав слушать; с разных сторон слышались крики:

– Довольна-а-а!

– Буде!

Председатель комитета остановил чтение и предложил «желающим товарищам» высказаться. На трибуну взошел солдат – рослый, толстый, и громким истерическим голосом начал:

– Товарищи, вы слышали? Вот куда идет солдатское добро! Мы страдаем, мы обносились, овшивели, мы голодаем, а они последний кусок изо рта у нас тащат...

По мере того, как он говорил, в толпе нарастало нервное возбуждение, перекатывался глухой ропот, и вырывались отдельные возгласы одобрения.

– Когда же все это кончится? Мы измызгались, устали до смерти...

Вдруг из далеких рядов раздался раскатистый бас прапорщика Ясного, заглушивший и оратора, и толпу:

– Ка-кой-ты-ро-ты?

Произошло замешательство. Оратор замолк. По адресу

Ясного послышались негодующие крики.

– Ро-ты-ка-кой, те-бя-спра-ши-ваю?

– Седьмой!

Из рядов раздались голоса:

– Нет у нас такого в седьмой...

– Постой-ка, приятель, – гудел Ясный, – это не ты сегодня с маршевой ротой пришел – еще плакат большой нес? Когда же ты успел умяться, болезный?..

Настроение толпы мгновенно изменилось. Начался свист, смех, крики, остроты, и неудачный оратор скрылся в толпе. Кто-то крикнул:

– Резолюцию!

На подмости взошел опять подполковник Петров, и стал читать заготовленную резолюцию о переводе офицерского собрания на солдатский паек. Но его уже никто больше не слушал. Два, три голоса крикнули – Правильно! Петров помялся, спрятал в карман бумажку и сошел с подмостков. Пункт второй о смещении начальника хозяйственной части, и о немедленном выборе нового (предполагалось – автора доклада) так и остался непрочитанным. Председатель комитета огласил:

– Слово принадлежит члену исполнительного комитета московского совета рабочих и солдатских депутатов, товарищу Скланке.

Свои надоели, всегда одно и то же; приезд нового лица, сопровождаемый некоторой рекламой комитета, возбудил об-

щий интерес. Толпа пододвинулась к помосту и затихла. На трибуну не взошел, а быстро вбежал маленький, черненький человек, нервный и близорукий, ежесекундно поправлявший сползавшее с носа пенсне. Он стал говорить быстро, с большим подъемом и сильной жестикуляцией.

– «Товарищи солдаты! Вот уже прошло более трех месяцев, как петроградские рабочие, и революционные солдаты, сбросили с себя иго царя и всех его генералов. Буржуазия в лице Терещенко – известного киевского сахарозаводчика, фабриканта Коновалова, помещиков Гучковых, Родзянко, Милюковых и других предателей народных интересов, захватив власть, вздумала обмануть народные массы.

Требование всего народа: немедленно приступить к переговорам о мире, который нам предлагают наши немецкие братья рабочие и солдаты – такие же обездоленные, как и мы – кончилось обманом – телеграммой Милюкова к Англии и Франции, что-де, мол, русский народ готов воевать до победного конца.

Обездоленный народ понял, что власть попала в еще худшие руки, т. е., к заклятым врагам рабочего и крестьянина. Поэтому народ крикнул мощно: «Долой, руки прочь!»

Содрогнулась проклятая буржуазия от мощного крика трудящихся, и лицемерно приманила к власти так называемую демократию – эс-эров и меньшевиков, которые всегда якшались с буржуазией для продажи интересов трудового народа...»

Очертив, таким образом, процесс образования коалиционного министерства, товарищ Склянка перешел, более подробно, к соблазнительным перспективам деревенской и фабричной анархии, где «народный гнев сметает иго капитала», и где «буржуазное добро постепенно переходит в руки настоящих хозяев – рабочих и беднейших крестьян».

– У солдат и рабочих есть еще враги, – продолжал он. – Это друзья свергнутого царского правительства, закоренелые поклонники расстрелов, кнута и зуботычины. Злейшие враги свободы, они сейчас нацепили красные бантики, зовут вас «товарищами», и прикидываются вашими друзьями, но таят в сердце черные замыслы, готовясь вернуть господство Романовых.

Солдаты, не верьте волкам в овечьей шкуре! Они зовут вас на новую бойню. Ну что-же – идите, если хотите! Пусть вашими трупами устилают дорогу к возвращению кроваваго царя! Пусть ваши сироты – вдовы и дети, брошенные всеми, попадут снова в кабалу к голоду, нищете и болезням!»

Речь имела большой и несомненный успех. Накаливалась атмосфера, росло возбуждение – то возбуждение «расплавленной массы», при котором невозможно предвидеть ни границ, ни силы напряжения, ни путей, по которым хлынет поток. Толпа шумела и волновалась, сопровождая криками одобрения или бранью по адресу «врагов народа» те моменты речи, которые особенно задевали ея инстинкты, ея обнаженный, жестокий эгоизм.

На помосте появился бледный, с горящими глазами Альбов. Он о чем то возбужденно говорил с председателем, который обратился потом к толпе. Слов председателя не слышно было среди шума; он долго махал руками и сорванным флагом, пока, наконец, не стало несколько тише.

– Товарищи, просит слова поручик Альбов!

Раздались крики, свист.

– Долой! Не надо!

Но Альбов стоял уже на трибуне, крепко стиснув руками перила, наклонившись вниз, к морю голов. И говорил:

– Нет, я буду говорить, и вы не смеете не слушать одного из тех офицеров, которых здесь при вас бесчестил и позорил этот господин. Кто он, откуда, кто платит за его полезные немцам речи, никто из вас не знает. Он пришел, отуманил вас и уйдет дальше сеять зло и измену. И вы поверили ему. А мы, которые вместе с вами вот уже четвертый год тяжелой войны несем тяжелый крест – мы стали вашими врагами. Почему? Потому ли, что мы не посылали вас в бой, а вели за собою, усеяв офицерскими телами весь путь, пройденный полком. Потому ли, что из старых офицеров не осталось в полку ни одного неискаленного?

Он говорил с глубокой искренностью и болью. Были минуты, когда казалось, что слово его пробивает черствую кору одеревеневших сердец, что в настроении опять произойдет перелом...

– Он – ваш «новый друг» – зовет вас к бунту, к насилиям,

захватам. Вы понимаете, для кого это нужно, чтобы в России встал брат на брата, чтобы в погромах и пожарах испепелить последнее добро не только «капиталистов», но и рабочей и крестьянской бедноты? Нет, не насилием, а законом и правом вы добьетесь и земли, и воли, и сносного существования. Не здесь враги ваши, среди офицеров, а там – за проволокой. И не дождемся мы ни свободы, ни мира от постыдного, трусливого стояния на месте, пока в общем могучем порыве наступления...

Слишком ли живо еще осталось впечатление от речи Склянки, обиделся ли полк за эпитет «трусливый» – самый отъявленный трус никогда не прощает подобного напоминания, или же, наконец, виною было произнесенное сакраментальное слово «наступление», – которое с некоторых пор стало нетерпимым в армии, – но больше говорить Альбову не позволили.

Толла редела, изрыгая ругательства, напирала все сильнее и сильнее, подвигаясь к помосту, сломала перила. Зловещий гул, искаженные злобой лица и тянущиеся к помосту угрожающие руки. Положение становилось критическим. Прапорщик Ясный протиснулся к Альбову, взял его под руку и насильно повел к выходу. Туда же со всех сторон сбегались уже солдаты 1-ой роты, и при их помощи, с большим трудом Альбов вышел из толпы, осыпаясь отборной бранью. Кто-то крикнул вслед ему:

– Погоди, с. с. – мы с тобой сосчитаемся!

Ночь. Бивак затих. Небо заволокло тучами. Тьма. Альбов, сидя на постели в тесной палатке, освещаемой огарком, писал рапорт командиру полка:

«Звание офицера – бессильного, оплеванного, встречающего со стороны подчиненных недоверие и неповиновение, делает бессмысленным и бесполезным дальнейшее прохождение в нем службы. Прошу ходатайства о разжаловании меня в солдаты, дабы в этой роли я мог исполнить честно и до конца свой долг».

Он лег на постель. Сжал голову руками. Какая-то жуткая и непонятная пустота охватила, словно чья-то невидимая рука вынула из головы мысль, из сердца боль... Что это? П слышался какой-то шум, повалилось древко палатки, потухла свеча. На палатку навалилось много людей. Посыпались сильные, жестокие удары по всему телу. Острая невыносимая боль отозвалась в голове, в груди. Потом все лицо заволокло теплой, липкой пеленой, и скоро стало опять тихо, покойно, как будто все страшное, тяжелое оторвалось, осталось здесь на земле, а душа куда-то летит, и ей легко и радостно.

...Очнулся Альбов от чьего-то холодного прикосновения: рядовой его роты, пожилой уже человек Гулькин сидит в ногах на кровати, и мокрым полотенцем смывает у него с лица кровь. Заметил, что Альбов очнулся.

– Ишь, как разделали человека, сволочи. Это не иначе, как пятая рота – я одного приметил. Очень больно вам? Доктора, может, позвать?

– Нет, голубчик, ничего. Спасибо! – Альбов пожал ему руку.

– Вот и с ихним командиром, капитаном Буравиным несчастье случилось. Ночью пронесли мимо нас на носилках, в живот ранен; говорил санитар, что не выживет. Возвращался с разведки, и у самой нашей проволоки пуля угодила. Немецкая ли, свои ли, – не признали, – кто его знает.

Помолчал.

– Что с народом сделалось, прямо не понять. И все это напускное у нас. Все это неправда, что против офицеров говорят – сами понимаем. Всякие, конечно, и промеж вас бывают. Но мы-то их знаем хорошо. Разве мы сами не видим, что вы вот к нам всей душой. Или скажем, прапорщик Ясный. Разве такой может продаться? А вот поди ж ты, попробуй сказать слово, заступиться – самому житья не будет. Озорство пошло большое. Только озорников и слушают... Я так думаю, что все это самое происходит потому, что люди Бога забыли. Нет на людей никакого страху...

Альбов от слабости закрыл глаза. Гулькин торопливо поправил сползшее на пол одеяло, перекрестил его и потихоньку вышел из палатки.

Но сна не было. На душе неизбывная тоска и гнетущее чувство одиночества. Так захотелось, чтобы около было живое существо, чтобы можно было молча, без слов только чувствовать его близость, и не оставаться наедине со своими страшными мыслями. Пожалел, что не задержал Гулькина.

Тишина. Весь лагерь спит. Альбов сорвался с постели, зажег снова свечу. Овладело тупое, безнадежное отчаяние. Нет уже больше веры ни во что. Впереди беспросветная тьма. Уйти из жизни? Нет, это была бы сдача... Нужно идти в нее, стиснув зубы и скрепя сердце, пока какая-нибудь шальная пуля – своих или чужая – не прервет нить опостылевших дней.

Занималась заря. Начинался новый день, новые армейские будни, до ужаса похожие на прожитые.

Потом?

Потом «расплавленная стихия» вышла из берегов окончательно. Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали, медленно с невыразимой жестокостью молотками пробивали им головы.

Потом – миллионы дезертиров. Как лавина, двигалась солдатская масса по железным, водным, грунтовым путям, топча, ломая, разрушая последние нервы бедной бездорожной Руси.

Потом – Тарнополь, Калуш, Казань... Как смерч пронесли грабежи, убийства, насилия, пожары по Галиции, Волынской, Подольской и другим губерниям, оставляя за собой повсюду кровавый след, и вызывая у обезумевших от горя, слабых духом русских людей чудовищную мысль:

– Господи, хоть бы немцы поскорее пришли...

Это сделал солдат.

Тот солдат, о котором большой русский писатель, с чуткой

совестью и смелым сердцем, говорил^[176]:

«...Ты скольких убил в эти дни солдат? Скольких оставил сирот? Скольких оставил матерей безутешных? И ты слышишь, что шепчут их уста, с которых ты навеки согнал улыбку радости?»

Убийца! Убийца!

Но что матери, что осиротевшие дети. Настал еще более страшный миг, которого не ожидал никто, – и ты предал Россию, ты всю Родину свою, тебя вскормившую, бросил под ноги врага!

Ты, солдат, которого мы так любили и... все еще любим.

¹⁷⁶ Леонид Андреев. Статья «К тебе, солдат!».

Глава XXVI. Офицерские организации

В первых числах апреля среди офицеров Ставки возникла мысль об организации «Союза офицеров армии и флота». Инициаторы союза^[177] исходили из того взгляда, что необходимо «едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящие события. Чтобы работать в одном направлении», ибо до настоящего времени «голоса офицеров – всех офицеров, никто не слышал. Мы еще ничего не сказали по поводу переживаемых великих событий. За нас говорит всякий, кто хочет и что хочет. За нас решает военные вопросы, и даже вопросы нашего быта и внутреннего уклада всякий, кто желает и как желает».

Принципиальных возражений было два: первое – нежелание вносить самим в офицерский корпус те начала коллективного самоуправления, которые были привиты армии извне в виде советов, комитетов и съездов, и внесли разложение. Второе – опасение, чтобы появление самостоятельной офицерской организации не углубило еще более ту рознь, которая возникла между солдатами и офицерами. Исходя из этих взглядов, мы с Верховным главнокомандующим внача-

¹⁷⁷ Наибольшее участие проявляли подполковники ген. штаба Лебедев (впоследствии начальник штаба адмирала Колчака) и Пронин.

ле отнеслись совершенно отрицательно к возникшему предположению. Но жизнь вырвалась уже из обычных рамок и смеялась над нашими побуждениями. Появился проект декларации, которая давала армии полную свободу союзов, собраний, и потому представлялось уже несправедливым лишать офицеров права профессиональной организации, хотя бы как средства самосохранения. Фактически офицерские общества возникли во многих армиях, а в Киеве, Москве, Петрограде и других городах – с первых дней революции. Все они шли вразброд, ощупью, а некоторые союзы крупных центров, под влиянием разлагающей обстановки тыла, проявляли уже сильный уклон к политике советов.

Тыловое офицерство зачастую жило совершенно иной духовною жизнью, чем фронт. Так, например, московский совет офицерских депутатов в начале апреля вынес резолюцию, чтобы «работа Временного правительства протекала... в духе социалистических (?) и политических требований демократии, представляемой Советом р. и с. депутатов», и выражал пожелание, чтобы в составе Временного правительства было более представителей социалистических партий. Назревала фальсификация офицерского голоса и в более крупном масштабе: петроградский офицерский совет^[178] созывал «Всероссийский съезд офицерских депутатов, военных врачей и чиновников» в Петроград, на 8 мая. Это обстоя-

¹⁷⁸ Более точно: «Совет офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи».

ательство являлось тем более нежелательным, что инициатор съезда – исполнительный комитет, возглавляемый подполковником ген. штаба Гушиным^[179], проявил уже в полной мере свое отрицательное направление: участием в составлении декларации прав солдата (соединенное заседание 13 марта) ^[180] деятельным сотрудничеством в Поливановской комиссии, лестью и угодничеством перед Советом р. и с. депутатов, и неудержимым стремлением к слиянию с ним. На сделанное в этом смысле предложение Совет, однако, признал такое слияние «по техническим условиям пока неосуществимым».

Учтя все эти обстоятельства, Верховный главнокомандующий одобрил созыв офицерского съезда, с тем, чтобы не было произведено никакого давления ни его именем, ни именем начальника штаба. Эта корректность несколько осложнила дело: часть штабов, не сочувствуя идее, задержала распространение воззвания, а некоторые старшие начальники, как например, командующий войсками Омского округа, запретил вовсе командирование офицеров. И на местах вопрос этот вызвал кое-где подозрительность солдат и некоторые осложнения, вследствие чего инициаторы съезда предложили частям, совместно с офицерами, командировать и солдат для присутствия в зале заседаний...

Невзирая на все препятствия, офицеров-представителей

¹⁷⁹ Товарищи председателя: полковник А. Свечин и штабс-капитан Бржозек.

¹⁸⁰ См. главу XXII.

съехалось в Могилев более 300; из них 76% от фронта, 17% от тыловых строевых частей и 7% от тыла. 7 мая съезд открылся речью Верховного главнокомандующего. В этот день впервые, не в секретных заседаниях, не в доверительном письме, а открыто, на всю страну верховное командование сказало:

– Россия погибает.

Генерал Алексеев говорил:

«...В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: „отечество в опасности“.

Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто читаем старую летопись о днях давно минувших, и не вдумываемся в грозный смысл этой короткой фразы. Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупишь утопической фразой: «мир без аннексий и контрибуций». Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат – на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, т. е. на весь правый берег нашего Днепра.

А мы-то что? Разве допустит до этого русская армия?

Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны, а потом уже предоставим дипломатии заключать

мир с аннексией или без аннексии?

Будем откровенны: упал воинский дух русской армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности, в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни.

Внутри – где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?

Нам говорят, что скоро будет; но пока ее нет.

Где любовь к родине, где патриотизм?

Написали на нашем знамени великое слово «братство», но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии – офицерами и солдатами.

И вот, в такие минуты собрался первый съезд офицеров русской армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного и неотложного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье; чтобы общая дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва – нет победы, без победы – нет спасения, нет России...

Согрейте же ваш труд любовью к Родине, и сердечным

расположением к солдату; наметьте пути, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того, чтобы они сделались искренними и сердечными вашими товарищами. Устраните ту рознь, которая искусственно посеяна в нашей семье.

В настоящее время – это общая болезнь – хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторским оком посмотреть, сколько стоит на каждой из них. Что за дело, что масса армии искренно, честно и с восторгом приняла новый порядок и новый строй.

Мы все должны объединиться на одной великой платформе:

Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Эта речь, в которой вылилась «тревога сердца» вождя армии, послужила прологом к его уходу. Революционная демократия уже на памятном заседании с главнокомандующими, 4 мая вынесла свой приговор генералу Алексееву; теперь же, после 7-го, в левой части печати началась жестокая кампания против него, в которой советский официоз «Известия» соперничал с ленинскими газетами в пошлости и неприличии выходок. Эта кампания имела тем большее значение, что в данном вопросе военный министр Керенский был явно на стороне Совета.

Как бы в дополнение слов Верховного главнокомандую-

щего, я в своей речи, касаясь внутреннего положения страны, говорил:

«...В силу неизбежных исторических законов пало самодержавие, и страна наша перешла к народовластию. Мы стоим на грани новой жизни, страстно и долгожданной, за которую несли головы на плаху, томились в рудниках, чахли в тундрах многие тысячи идеалистов.

Но глядим в будущее с тревогой и недоумением.

Ибо нет свободы в революционном застенке!

Нет правды в подделке народного голоса!

Нет равенства в травле классов!

И нет силы в той безумной вакханалии, где кругом стремятся урвать все, что возможно, за счет истерзанной Родины, где тысячи жадных рук тянутся к власти, расшатывая ее устои...»

Начались заседания съезда. Кто присутствовал на них, тот унес, вероятно, на всю жизнь неизгладимое впечатление от живой повести офицерской скорби. Так не напишешь никогда, как говорили эти «капитаны Буравины», «поручики Альбовы», с каким-то леденящим душу спокойствием, касаясь самых интимных, самых тяжелых своих переживаний. Уже все переболело: в сердце не было ни слез, ни жалоб.

Я смотрел на ложи, где сидели «младшие товарищи», присланные для наблюдения за «контрреволюцией». Мне хотелось прочесть на их лицах то впечатление, какое они вынесли от всего слышанного. И мне показалось, что я вижу

краску стыда. Вероятно, только показалось, потому что скоро они выразили бурный протест, потребовали права голоса на съезде и... пяти рублей суточных «по офицерскому положению».

На 13 общих заседаниях съезд принял ряд резолюций. Я не буду останавливаться подробно на всех военно-общественных и технических вопросах, поставивших диагноз армейской болезни, и указавших способы ее излечения. Отмечу лишь характерные особенности этих резолюций, в сравнении с множеством армейских, фронтовых, областных и профессиональных съездов.

Союз, «исключая всякие политические цели», ставил своей задачей «поднятие боевой мощи армии во имя спасения Родины».

Указывая на состояние армии, близкое к развалу, съезд оговаривал, что явление это «относится в равной мере как к несознательным группам солдат, так и к несознательной и недобросовестной части офицерства». Такую же объективность съезд проявил в определении причин разъединения между солдатами и офицерами, видя их, между прочим:

- 1) в низком культурном и образовательном уровне части офицеров и большинства солдат;
- 2) в полной разобщенности тех и других вне службы;
- 3) в растерянности начальников, не исключая и старших, а также в искании ими популярности в солдатской массе;
- 4) в недобросовестном отношении к воинским обязанностям, и проявлении злой воли отдель-

ных лиц в той и другой среде. Офицерство, гонимое и бесправное, добросовестно разбиралось в своих грехах, и перед лицом смертельной опасности, угрожавшей стране, забыв и простив все, искало нравственного очищения своей среды от «элементов вредных, и не понимающих положения переживаемого момента».

Единственная корпорация среди всех классов, сословий, профессий, проявивших общее стихийное стремление рвать от государства, выпустившего из рук возжи, все, что возможно, в своих частных интересах, – офицерство никогда ничего не просило лично для себя.

Что же могли предложить они для поднятия боеспособности армии, кроме восстановления тех начал, на которых зиждилось существование всех армий мира, а в известном отношении, и всех ранее подпольных, ныне вышедших на дневную поверхность революционных организаций? Восстановить дисциплину и авторитет начальника; пресечь безответственные выступления, «расширяющие искусственно созданную между двумя составными частями армии пропасть»; объявить кроме выпущенной декларации прав солдата, еще и декларацию обязанностей солдата, а также – прав и обязанностей начальника; «заменить меры увещевания и нравственного воздействия против преступно нарушающих свой долг... самыми высшими уголовными наказаниями» и т. д.

Но самое главное – офицерство просило и требовало вла-

сти – над собой и над армией. Твердой, единой, национальной – «приказывающей, а не взывающей». Власти правительства, опирающегося на доверие страны, а не безответственных организаций. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновение, не считаясь совершенно с расхождением в области социальной. Мало того, я утверждаю, что вся та внутренняя социальная, классовая борьба, которая разгоралась в стране все более и более, проходила мимо фронтового офицерства, погруженного в свою работу и в свое горе, не задевая его глубоко, не привлекая к непосредственному участию; эта борьба вызывала внимание офицерства лишь тогда, когда результаты ее явно потрясали бытие страны, и в частности армии. Я говорю, конечно, о массе офицерства; отдельные уклонения в сторону реакции, несомненно, были, но они вовсе не характерны для офицерского корпуса 1917 года.

Один из лучших представителей офицерской среды, человек вполне интеллигентный, генерал Марков, писал Керенскому, осуждая его систему обезличения начальников: «солдат по натуре, рождению и образованию, я могу судить и говорить лишь о своем военном деле. Все остальные реформы, и переделки нашего государственного строя, меня интересуют, лишь как обыкновенного гражданина. Но армию я знаю, отдал ей свои лучшие дни, кровью близких мне людей заплатил за ее успехи, сам окровавленный уходил из боя»... Этого не поняла и не учла революционная демократия.

Совершенно иначе протекал офицерский съезд в Петрограде, на который собралось около 700 делегатов (18–26 мая). В нем ярко раскололись два лагеря: политиканствовавших офицеров и чиновников тыла, и меньшей части – настоящего армейского офицерства, попавшего на съезд по недоразумению. Исполнительный комитет составил программу, строго следуя установившемуся обычаю советских съездов: 1) отношение к Временному правительству и к Совету, 2) о войне, 3) об Учредительном собрании, 4) рабочий вопрос, 5) земельный вопрос, 6) реорганизация армии на демократических началах. Съезду придали в Петрограде преувеличенное значение, и открытие его сопровождалось торжественными речами многих членов правительства, и иностранных представителей; даже от имени Совета приветствовал собравшихся Нахамкес. С первого же дня выяснилось непримиримое расхождение двух групп. Оно являлось неизбежным хотя бы потому, что даже по такому кардинальному вопросу, как «приказ № 1», товарищ председателя съезда, штабс-капитан Бржозек высказал взгляд: «издание его диктовалось исторической необходимостью: солдат был подавлен и настоятельно нужно было освободить его». Это заявление встречено было продолжительными аплодисментами части собрания!

После ряда бурных заседаний, большинством 265 голосов против 246, была принята резолюция, в которой говорилось, что «революционная сила страны – в руках организованных

крестьян, рабочих и солдат, составляющих преобладающую массу населения», а потому правительство должно быть ответственно перед Всероссийским советом!

Даже резолюция о необходимости наступления, прошла немногим более двух третей голосовавших.

Направление, взятое петроградским съездом, объясняется заявлением (26 мая) той группы его, которая, отражая действительное мнение фронта, стояла на точке зрения «всемерной поддержки Временному правительству»: «Исполнительный комитет петроградского совета офицерских депутатов, созывая съезд, не преследовал разрешения насущнейшей задачи момента – возрождения армии, так как вопрос о боеспособности армии, и мерах к ее поднятию, даже не был поставлен в предложенной нам программе, а внесен лишь по нашему настоянию. Если верить весьма странному, чтобы не сказать более, заявлению председателя, подполковника Гущина – целью созыва съезда было желание исполнительного комитета: пройти под нашим флагом в Совет рабочих и солдатских депутатов». Заявление вызвало ряд крупных инцидентов, три четверти состава ушло, и съезд распался.

Я коснулся вопроса о петроградском офицерском совете и съезде для того лишь, чтобы охарактеризовать настроения известной части тылового офицерства, имевшего частое общение с официальными и неофициальными правителями, и в глазах последних изображавшего «голос армии».

Точно так же, совершенно ничтожна была роль и других,

офицерских и военно-общественных организаций^[181]; о существовании многих из них я узнал только теперь, перебирая бумаги.

Могилевский съезд, вызывавший неослабное внимание, и большое расположение Верховного главнокомандующего, закрылся 22 мая. В это время генерал Алексеев был уже уволен от командования русской армией и, глубоко переживая этот эпизод своей жизни, не мог присутствовать на закрытии. Я простился со съездом следующим словом:

«Верховный главнокомандующий, покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью, и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии. Позвольте и мне от себя сказать несколько слов. С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства, среди взбаламученного армейского моря.

Вы – бесчисленное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы – бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул род-

¹⁸¹ «Союз воинского долга», «Союз чести Родины», «Союз спасения Родины», «Союз добровольцев народной обороны» и много других.

ной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы – скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете? Нет!

Слабые – поднимите головы. Сильные – передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла.

С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад – к бесправию и нищете духовной, а вперед – к свободе и свету.

И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним и с войной.

Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые, с первых же дней революции, свершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер – сквозь бедную трудовую

жизнь свою – донес, однако, до отечественной войны – как яркий светильник – жажду подвига. Подвига – для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:

Берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Отпечатанный комитетом текст моей речи распространился по фронту, и я был счастлив узнать из многих полученных мною тогда телеграмм и писем, что слово, сказанное в защиту офицера, дошло до его наболевшего сердца.

Съезд оставил при Ставке постоянное учреждение – «Главный комитет офицерского союза»^[182]. За первые три месяца своего существования, комитет не успел пустить глубоких корней в армии. Роль его ограничивалась организацией отделений союза в армиях – и в военных кругах, разбором доходивших до него жалоб, гласным осуждением в исключительных случаях негодных офицеров («черная доска»), некоторой весьма ограниченной помощью изгнанным солдатами офицерам, – и декларативными заявлениями правительству и печати по поводу важнейших событий государственной и военной жизни. После июньского наступления, тон этих деклараций стал резким, осуждающим и вызываю-

¹⁸² Председателем был полковник Новосильцев, член 4-й Государственной Думы, к.-д.

щим, что крайне обеспокоило министра-председателя, который упорно добивался перевода Главного комитета из Могилева в Москву, придавая его настроению самодовлеющее значение, опасное для Ставки.

Комитет, довольно пассивный во время командования генерала Брусилова, действительно принял впоследствии участие в выступлении генерала Корнилова. Но не это обстоятельство повлияло на перемену его направления. Комитет несомненно отражал общее настроение, охватившее тогда командный состав и русское офицерство, настроение, ставшее враждебным Временному правительству. При этом, в офицерской среде не отдавали себе ясного отчета о политических группировках внутри самого правительства, о глухой борьбе между ними, о государственно-охранительной роли в нем многих представителей либеральной демократии, и потому враждебное отношение создалось ко всему правительству в целом.

Бывшие доселе совершенно лояльными, а в большинстве и глубоко доброжелательными, терпевшие скрепя сердце все эксперименты, которые Временное правительство вольно и невольно производило над страной и армией, эти элементы жили одной надеждой на возможность возрождения армии, наступления и победы. Когда же все надежды рухнули, то, не связанное идейно с составом 2-го коалиционного правительства, наоборот, питая к нему полное недоверие, офицерство отшатнулось от Временного правительства, которое, таким

образом, потеряло последнюю верную опору.

Этот момент имеет большое историческое значение, дающее ключ к уразумению многих последующих явлений. Русское офицерство – в массе своей глубоко демократичное по своему составу, мировоззрениям и условиям жизни, с невероятной грубостью и цинизмом оттолкнутое революционной демократией и не нашедшее фактической опоры и поддержки в либеральных кругах, близких к правительству, очутилось в трагическом одиночестве. Это одиночество и растерянность служили впоследствии не раз благодарной почвой для сторонних влияний, чуждых традициям офицерского корпуса, и его прежнему политическому облику, – влияний, вызвавших расслоение и как финал братоубийство. Ибо не может быть никаких сомнений в том, что вся сила, вся организация и красных и белых армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера.

И если затем, в течение трехлетней борьбы, мы были свидетелями расслоения и отчуждения двух сил русской ответственности в противобольшевистском лагере, то первопричину их надо искать не только в политическом расхождении, но и в том каиновом деле в отношении офицерства, которое было совершено революционной демократией, с первых же дней революции.

Глава XXVII.

Революция и казачество

Своеобразную роль в истории смуты играет казачество. Слагавшиеся исторически, в течение нескольких веков, взаимоотношения казачества с центральной общерусской властью, носили характер двойственный. Власть всемерно поощряла развитие казачьей колонизации, на беспокойных рубежах русской земли, где шла непрерывная война, охотно мирясь с особенностями их военно-земледельческого быта, и допуская большую или меньшую независимость, – и самобытные формы народоправства, – с представительными органами (кош, круг, рада...), выборной «войсковой старшиной» и атаманами. «Государство при слабости своей, – говорит Соловьев, – смотрело не так строго на действия казаков, если они обращались только против чужих стран; при слабости государства, считалось нужным давать выход этим беспокойным силам». Но «действия» казаков обращались не раз и против Москвы, и это обстоятельство вызвало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца 18 века, когда, после жестокого усмирения Пугачевского бунта, вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар; оно мало-помалу утрачивает свой резко оппозиционный характер, и приобретает даже репутацию наиболее кон-

сервативного, государственного элемента, опоры престола и режима.

С тех пор, власть непрестанно демонстрировала свое расположение к казачеству, – и подчеркиванием действительно больших заслуг его, и торжественными обещаниями сохранения «казачьих вольностей»^[183], и почетными назначениями по казачьим войскам лиц императорской фамилии. Вместе с тем, власть принимала все меры, чтобы «вольности» эти не развивались чрезмерно, в ущерб той беспощадной централизации, которая составляла историческую необходимость, – в начале построения русской государственности, – и огромную историческую ошибку, в ее позднейшем развитии. К числу таких мер, надлежит отнести ограничение казачьего самоуправления, и в последнее время традиционное назначение атаманами лиц неказачьего сословия, зачастую совершенно чуждых казачьему быту. Старейшее, и наибольшее численно Донское войско, возглавлялось не раз генералами немецкого происхождения.

Казалось, царское правительство имело полное основание рассчитывать на казачество: многократные усмирения вспыхивавших в России местных политических, рабочих и аграр-

¹⁸³ Последняя грамота войску Донскому дана была 24 января 1906 г., императором Николаем II, и заключала в себе следующие слова: «... Подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему (войску), утверждая Императорским словом Нашим, как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков...»

ных беспорядков, подавление более серьезного явления – революции 1905–1906 г. г., в котором большое участие приняли и казачьи войска, – все это как будто поддерживало установившееся мнение о казаках. С другой стороны, эпизоды «усмирения», с неминуемым насилием, иногда жестокостью, получали широкое распространение в народе, преувеличивались, – и вызывали враждебное отношение к казакам на фабрике, в деревне, среди либеральной интеллигенции, и главным образом в среде тех элементов, которые известны под именем революционной демократии. Во всей подпольной литературе – в воззваниях, листовках, картинах – понятие «казак» стало синонимом «слуги» реакции.

Это определение грешило большим преувеличением. Баян Донского казачьего войска, Митрофан Богаевский, так говорит о политической физиономии казачества: «первым и основным условием, удержавшим казачество, по крайней мере, в первые дни, от развала, была идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознание необходимости жизни в рамках закона. Это искание порядка законности красной нитью проходило, и проходит через все круги всех казачьих войск». Но такие альтруистические побуждения, – одни далеко не исчерпывают вопроса. Невзирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, в особенности южное, пользовалось известным благосостоянием, исключавшим тот важнейший стимул, который подымал против власти и режима рабочий класс, и кре-

стьянство центральной России. Необыкновенно запутанный земельный вопрос, противопоставлял сословно-экономические интересы казачества – интересам «иногородних»^[184] поселенцев. Так например, в старейшем и крупнейшем войске Донском, обеспеченность землей отдельного хозяйства выражалась, в среднем, в десятинах: казачьего 19,3–30, коренных крестьян 6,5, пришлых крестьян 1,3. Наконец в силу исторических условий, узкотерриториальной системы комплектования, казачьи части имели совершенно однородный состав, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и несколько своеобразной, в смысле взаимоотношений офицера и казака, дисциплиной, и поэтому оказывали полное повиновение своему начальству и верховной власти.

Правительство опираясь на все эти побуждения, широко использовало казачьи войска для подавления народных волнений, и тем навлекло на них глухое озлобление среди бродящей, недовольной массы населения.

За свои исторические «вольности» казачьи войска, как я уже сказал, несли почти поголовную службу. Тягость ее, – и степень относительного значения этих войск, в составе вооруженных сил русской державы, – определяются приводимой таблицей:

Состав казачьих войск к осени 1917 г. ^[185]

¹⁸⁴ Так назывался пришлый, неказачий элемент области.

¹⁸⁵ С соответственной артиллерией.

Конных полков: Донского – 60, Кубанского – 37, Оренбургского – 18, Терского – 12, Уральского – 9, Сибирского – 9, Забайкальского – 9, Семиреченского – 3, Астраханского – 3, Амурского – 2. **Всего** – 162.

Сотен не в составе полков: Донского – 72, Кубанского – 37, Оренбургского – 40, Терского – 3, Уральского – 4, Сибирского – 3, Забайкальского – нет, Семиреченского – 7, Астраханского – нет, Амурского – 5. **Всего** – 171.

Пеших батальонов: Донского – нет, Кубанского – 22, Оренбургского – нет, Терского – 2, Уральского – нет, Сибирского – нет, Забайкальского – нет, Семиреченского – нет, Астраханского – нет, Амурского – нет. **Всего** – 24.

(В оригинале – таблица. Прим. составителя fb-книги)

Отчасти как армейская конница – в составе дивизий и корпусов, отчасти же как корпусная и дивизионная конница – в составе полков, дивизионов и отдельных сотен, казачьи части были разбросаны по всем русским фронтам, от Балтийского моря до Персии.

Казачество, в противовес всем прочим составным частям армии, не знало дезертирства.

Когда началась революция, все политические группировки обратили большое внимание на казачество – одни воз-

лагая на него преувеличенные надежды, другие – относясь к нему с нескрываемой подозрительностью. Правые круги ожидали от казачества реставрации; либеральная буржуазия – активной опоры правопорядка; левые опасались контрреволюционности, и повели поэтому бешенную агитацию в казачьих частях, стремясь к их разложению. Этому отчасти содействовало и то покаянное настроение, которое прозвучало на всех казачьих собраниях, съездах, кругах, радах, – где свергнутая власть обвинялась в систематическом восстановлении казаков против народа...

Что касается Временного правительства, то отношение его к казакам было также двойственным. С одной стороны, правительство оказывало казакам все знаки внешнего внимания, и не противилось созданию на местах захватным порядком широкого самоуправления, и выборного атаманства, с другой, – стремилось изъять из подчинения выборным атаманам казачьи гарнизоны областей и ограничить компетенцию казачьей власти, ставя повсюду, для наблюдения за закономерностью ее действий, правительственных комиссаров.

Взаимоотношения казачества с местным земледельческим населением были необыкновенно сложны, – в особенности, в казачьих областях Европейской России^[186]. Среди казачьих наделов были вкраплены земли крестьян – давних переселенцев (коренных), земли, находящиеся в долгосрочной аренде, на которых выросли большие поселки, наконец,

¹⁸⁶ В Донской области 48% крестьян и 46% казаков.

земли, жалованные некогда верховной властью различным лицам, и постепенно переходившие в собственность иногородних. На почве этих взаимоотношений теперь возникла распря, начавшая принимать характер насилий и захватов. В отношении Донского войска, дававшего тон всем остальным, – Временное правительство сочло себя вынужденным обнародовать 7 апреля воззвание, в котором – подтверждая, что «права казаков на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными», вместе с тем обещало и иногороднему населению, «владение которого на землю также имеет за собою историческое право», что оно будет удовлетворено в возможной мере Учредительным собранием. Этот земельный ребус, затуманивший самое больное место казачьих чаяний, был недвусмысленно разъяснен, в половине мая, министром земледелия Черновым (на Всероссийском крестьянском съезде), который заявил, что казаки имеют большие земельные наделы, и теперь им придется поступиться частью своих земель.

В казачьих областях, между тем, шла кипучая работа в сфере самоопределения и самоуправления; печать приносила сведения неясные, сбивчивые; никто еще не слышал голоса всего казачества. Понятно поэтому то всеобщее внимание, которое сосредоточено было на собравшемся в начале июня в Петрограде Всероссийском казачьем съезде.

Казаки, учтя всю сложность своего положения, отдали дань и революции и государственности и собственным своим

нуждам: ведь вопрос об угодьях самый жизненный, и сделали приятный жест по адресу Совета.

Съезд единодушно сказал:

Россия должна быть неделимой демократической республикой, с широким местным самоуправлением.

Всемерная поддержка Временному правительству, но обращается его внимание на необходимость борьбы против анархистов, большевиков и интернационалистов, и на принятие решительных мер против их пропаганды.

Неприкосновенность казачьего уклада. Но после войны – несение службы на общих основаниях.

Оставление в неотъемлемую, и неприкосновенную собственность, каждого казачьего войска, его земель и угодий со всеми недрами.

Труднее было с вопросом об отношении к Совету. Но и здесь съезд нашел выход: после обмена приветствиями, и взаимного кооптирования делегаций, после вскользь оброненной председателем фразы, что «казачество пойдет по одному пути с Советом», после неответственной речи на съезде советов терского делегата, что казачество считает Совет «истинным хозяином земли русской», – вопрос об отношении к Совету, поставленный на повестку последнего заседания, «за недостатком времени» был снят. Казачий съезд закрылся, оставив в Петрограде «Совет союза казачьих войск».

Впечатление у всех осталось неопределенное: и надежды одних, и опасения других не рассеялись.

Тем временем, по инициативе революционной демократии, началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «рассказывания». Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве, среди иногороднего или туземного населения, она имела вначале некоторый успех: так в марте круг Забайкальского войска, совместно с крестьянами и инородцами, постановила упразднить войско; в Сибирском войске вызвал большие осложнения приезд 43 делегатов, командированных с фронта распропагандированным комитетом Сибирской дивизии, – для «рассказывания», – и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами. Но в общем, идея самоупразднения никакого успеха не имела. Наоборот, среди казачества все более усиливалось стремление ко внутренней обособленной организации и к единению всех казачьих войск. Повсюду возникли казачьи правительства, выборные атаманы, – и представительные учреждения (круги и рады), компетенция которых расширялась, – в зависимости от ослабления авторитета, – и власти Временного правительства. Во главе казачества появились такие крупные люди, как Каледин (Дон), Дутов (Оренбург), Караулов (Терек).

В областях образовалось троевластие. Атаман с правительством, комиссар, совет рабочих депутатов^[188].

Роль комиссаров Временного правительства была довольно неопределенной, права и обязанности неясны. Назначение, например, комиссара в Донскую область, определено

¹⁸⁸ Местами «Областной совет иногородних».

правительственным актом в таком виде: «для улаживания всяких споров, для достижения соглашений, и вообще, для правильной постановки разных местных вопросов»... Впрочем, комиссары, после кратковременной и неудачной борьбы, вскоре стушевались, и не проявляли никакой деятельности. Гораздо более серьезною – становилась борьба казачьей власти с местными советами, комитетами, опиравшимися на буйную солдатскую чернь, наводнявшую области в качестве армейских запасных батальонов, и тыловых армейских частей. Этот бич населения положительно терроризовал страну, создавая анархию в городах и станицах, производя разгромы, захват земель и предприятий, попирая всякое право, всякую власть, – и создавая невыносимые условия жизни. Борьбаться с этим засилием казакам было нечем – все части находились на фронте; только в Донской области, случайно, к осени 1917 года, не без сознательного попустительства Ставки, сосредоточилась одна дивизия, позднее три, при посредстве которых генерал Каледин пытался водворить порядок. Но все его мероприятия, как то занятие вооруженной силой железнодорожных узлов, важнейших копей и крупных пунктов, обеспечивавшее нормальную связь и питание центра и фронтов, – встречали не только сильнейшее противодействие со стороны советов, – и обвинение в контрреволюционности, но даже некоторую подозрительность во Временном правительстве. В то же время, кубанцы и терцы просили Дон прислать хоть несколько сотен, так как «от товарищей

дышать становится невозможно».

Завязанные в первые дни революции дружественные отношения, между общерусской и казачьей революционными демократиями, вскоре порвались окончательно. «Казачий социализм» оказался явлением настолько самодовлеющим, замкнутым в своих сословно-корпоративных рамках, что не укладывался в общепринятой идеологии учения, хотя казахи представители его носили те же установленные названия – соц.-револ. и соц.-демокр.; при этом в Донском круге, например, при большинстве кадет, было солидное представительство социал-революционеров^[189], а в Кубанской раде, – преобладание социал-революционеров и социал-демократов. Главная масса выборного казачества – преимущественно степенные «старики» (молодежь – вся на фронте) не отличалась особенно ни общим, ни политическим развитием, и не принадлежала, конечно, ни к каким партиям, смотрела на вещи с чисто прикладной казачьей точки зрения, и умеряла до некоторой степени политические увлечения своих верхов.

Советы придали идее «расказачения» внешние формы как будто объективные: они стремились к объединению всех русских губерний в административном устройстве (советском), казаки же – к обособлению и чисто казачьему самоуправлению; советы требовали проведения общеземского

¹⁸⁹ Круг вошел в блок с кадетской партией (народной свободы) для выборов в Учредительное Собрание, вскоре, впрочем, расторгнутый.

демократического положения, казаки не желали поступать-ся своими учреждениями; советы настаивали на уравнинии земельных наделов между казаками и крестьянами, казаки всеми силами защищали свое право собственности, и рас-поряжения казачьими землями, основывая его на историче-ских заслугах своих, в качестве завоевателей, охранителей и колонизаторов бывших рубежей русской земли.

Организация общего областного управления не удалась. Началась внутренняя борьба.

На почве этой возникли два явления: первое – тяжелая ат-мосфера отчужденности и вражды между казачьим и иноγο-родним населением, принимавшая иногда, впоследствии – в быстро менявшихся этапах гражданской войны, – чудовищ-ные формы взаимного истребления – когда власть переходи-ла из рук в руки. При этом, обыкновенно, та или другая по-ловина населения крупнейших казачьих областей, устраня-лась вовсе от участия в строительстве и хозяйстве края^[190]. Второе – так называемый казачий сепаратизм или самостий-ность.

Казачество не имело никакого основания ожидать от ре-волюционной демократии благоприятного разрешения сво-ей участи, и особенно, в наиболее жизненном для него во-просе – земельном. С другой стороны, Временное прави-тельство – также заняло двусмысленную позицию в этом от-

¹⁹⁰ В главнейших областях, на Дону и Кубани, казачье население составляло около половины.

ношении, и притом правительственная власть явно клонилась к упадку. Будущее рисовалось в совершенно неопределенных контурах. Отсюда, независимо от общего здорового течения к децентрализации, у казаков, веками искавших «воли», явилось стремление самим обеспечить себе максимум независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собрание перед совершившимся фактом, – или, как говорили более откровенные казачьи деятели, «чтобы было с чего сбавлять». Отсюда – постепенная эволюция от областного самоуправления к автономии, федерации и конфедерации. Отсюда наконец, при вмешательстве отдельных местных самолюбий, честолюбий и интересов, – перманентная борьба со всяким началом общегосударственного направления, ослаблявшая обе стороны и затянувшая надолго гражданскую войну^[191]. Эти же обстоятельства родили идею самостоятельной казачьей армии, возникшей впервые среди кубанцев, и не поддержанной тогда Калединым, и более государственными элементами Дона.

Всё изложенное относится, главным образом, к трем казачьим войскам (Дон, Кубань, Терек), составляющим более 60% всего казачества. Но общие характерные черты свойственны и другим войскам.

В стремлении к объединению, казачество добивалось восстановления упраздненной должности походного атамана при Ставке, ведавшего ранее в административном отноше-

¹⁹¹ Об этих явлениях я буду говорить подробнее впоследствии.

нии всеми казачьими войсками на фронте. В Ставку приезжала делегация казачьего союза просить о сохранении, до выяснения этого вопроса, атаманского штаба. Очевидно, в будущем предусматривалась возможность серьезного политического значения этого института. Верховный главнокомандующий, исходя исключительно из целесообразности, и не желая запутывать еще более в корне нарушенное единство командования, отнесся отрицательно к созданию новой должности. Интересно, что такого же взгляда держался сам признанный глава казачества, – генерал Каледин, – которому впоследствии правительство, опасаясь возрастающего влияния его на Дону, предложило пост походного атамана. «Должность эта, – говорил Каледин, – совершенно не нужна. Она и в прежнее время существовала только для того, чтобы посадить кого-нибудь из великих князей. Чины штаба проводили время в поездках в тылу и попойках, держась в почтительном отдалении от армии, ее нужд и горестей». Каледин решительно отказался. Однако, в левых кругах, чрезвычайно подозрительно относившихся и к казачеству и к Ставке, проект походного атаманства вызвал большое беспокойство. Отравленная болезненной подозрительностью, революционная демократия искала проявления контрреволюции, – и там, где руководствовались исключительно интересами государственными.

Сообразно с видоизменением состава Временного правительства, и падением его авторитета, менялось отношение к

нему казачества, нашедшее выражение в постановлениях и обращениях совета союза казачьих войск, атаманов, кругов и правительств. Если до июля казачество вотировало всемерную поддержку правительству, и полное повиновение, то позже оно, признавая до конца власть правительства, вступает, однако, в резкую оппозицию по вопросам об устройстве казачьего управления и земства, против применения казаков для усмирения мятежных войск и районов, и так далее. В сентябре, после корниловского выступления, Донское войско, поддержанное другими, становится на защиту Донского атамана Каледина, объявленного мятежником Временным правительством, проявившим в этом деле чрезвычайное легкомыслие и неосведомленность. Лояльность Каледина в отношении общерусской власти простиралась так далеко, что уже после падения Временного правительства, он не решался расходовать на нужды области денежные запасы областных казначейств, и сделал это только после ассигнования, одним из прибывших в область членов бывшего правительства, 15 миллионов рублей... Атамана казаки не выдали, в посылке карательных отрядов категорически отказали. А в октябре Кубанская рада облекает себя учредительными правами, и издает конституцию «Кубанского края». С правительством говорят уже таким тоном: «когда же Временное правительство отрезвится от этого угара (большевистское засилие) и положит решительными мерами конец всем безобразиям?»»

Временное правительство, не имея уже ни авторитета, ни реальной силы, сдало все свои позиции, и пошло на примирение с казачьими правительствами.

Замечательно, что даже в конце октября, когда, вследствие порыва связи, о событиях в Петрограде и Москве, и о судьбе Временного правительства на Дону, не было еще точных сведений, и предполагалось, что осколки его где-то еще функционируют, казачья старшина в лице представителей собиравшегося Юго-восточного союза^[192] искала связи с правительством, предлагая помощь против большевиков, но... обуславливая ее целым рядом экономических требований: беспроцентным займом в полмиллиарда рублей, отнесением на государственный счет всех расходов по содержанию вне территории союза казачьих частей, устройством эмеритальной кассы для пострадавших, и оставлением за казаками всей «военной добычи» (?), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...

Небезынтересно, что Пуришкевич долго носился с идеей переезда на Дон Государственной Думы, для противовеса Временному правительству, и сохранения источника власти на случай его крушения. Каледин отнесся к этому предложению отрицательно.

Характерным показателем отношения, которое сумели сохранить к себе казаки в самых разнородных кругах, является та тяга на Дон, которая впоследствии, к зиме 1917 го-

¹⁹² Дон, Кубань, Терек, Астрахань и горцы Северного Кавказа. Об этом позже.

да, привлекла туда Родзянко, Милюкова, генерала Алексева, Быховских узников, Савинкова и даже Керенского, который явился в Новочеркасск к генералу Каледину, в двадцатых числах ноября 1917 г., но не был им принят. Не явился только Пуришкевич, да и то потому, что в это время сидел в тюрьме у большевиков в Петрограде.

И вдруг оказалось, что все это чистая мистификация, что никакой силы у казачества в то время уже не было!

Ввиду разгоравшихся на территории казачьих войск беспорядков, атаманы не раз входили с ходатайством: о возвращении с фронта хотя бы части казачьих дивизий. Их ждали с огромным нетерпением, и возлагали на них самые радужные надежды. В октябре эти надежды как будто начали сбываться: потянулись домой казачьи дивизии. Преодолевая в пути всевозможные препятствия, задерживаемые на каждом шагу Викжелем и местными советами, подвергаясь не раз оскорблению, разоружению, употребляя где просьбу, где хитрость, а где и угрозу оружием, казачьи части пробились в свои области.

Как я уже говорил, противогосударственная пропаганда обрушилась с большою силою на казаков. Тем не менее, казачьи части, восприняв и комитеты, и все начала «революционной дисциплины», долго сохраняли относительную боеспособность и повиновение. Еще в июле, у меня на Западном фронте казачьи части выступали с неохотой, но безотказно против неповиновавшихся пехотных полков. Прини-

мались меры, чтобы изъять казачьи войска из-под влияния армейских комитетов. Так на Юго-западном фронте образовалось казачье «правление», отозвавшее казаков из всех общearмейских комитетов, и ставшее в подведомственное отношение к «Совету союза казачьих войск». В полки одна за другой приезжали от областей делегации «стариков», чтобы вразумить опьяненную общим угаром «свобод» свою молодежь. Иногда это вразумление выражалось первобытным, и довольно варварским способом физического воздействия...

Но никакими мерами нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, ибо вся психологическая обстановка, и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но в общем одинаково воспринимались и казачьей массой. Два неудачных и непонятных казакам похода на Петроград с Крымовым^[193] и Красновым^[194] внесли еще большую путаницу в их смутное политическое мирозерцание.

С возвращением казачьих войск в родные края, наступило полное разочарование: они – по крайней мере донцы, кубанцы и терцы^[195] – принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии,

¹⁹³ 3-й конный корпус во время Корниловского выступления против Керенского.

¹⁹⁴ 3-й конный корпус с Керенским против большевиков.

¹⁹⁵ Уральское войско до своей трагической гибели в конце 1919 года не знало большевизма.

но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовавшись отрицанием авторитета «стариков», отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное – полным отказом от всякой борьбы с советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада. Большевизм и казачий уклад. Такие нелепые противоречия выдвигала ежедневно русская действительность, на почве пьяного угара, в который выродилась желанная свобода.

Началась трагедия казачьей жизни и казачьей семьи, где выросла непреодолимая стена между «стариками» и «фронтовиками», разрушая жизнь и подымая детей против своих отцов.

Глава XXVIII. Национальные части

Национального вопроса в старой русской армии почти не существовало. В солдатской среде представители народностей, населявших Россию, испытывали несколько большую тягость службы, обусловленную незнанием, или плохим знанием ими русского языка, на котором велось обучение. Только на этой почве – технических затруднений обучения – быть может общей грубости и некультурности, но отнюдь не национальной нетерпимости – возникали много раз трения, отяжелявшие положение инородных элементов, тем более, что в силу системы смешанного комплектования, они были обыкновенно оторваны от родных краев: территориальная система комплектования армии признавалась технически нерациональной, и политически небезопасной. В частности, малорусский вопрос не существовал вовсе. Малорусская речь вне официального обучения, песни, музыка приобрели полное признание, и ни в ком не вызвали впечатления обособленности, воспринимаясь как свое русское, родное. В армии, кроме евреев, все остальные элементы ассимилировались довольно быстро и прочно; армейская среда не являлась вовсе проводником, – ни принудительной русификации, ни национального шовинизма.

Еще менее национальное расслоение заметно было в офицерской среде. За корпоративными, военными, товарище-

скими, – или просто человеческими качествами и достоинствами, отходили на задний план или стирались вовсе национальные перегородки. Лично мне, в течение 25 лет службы до революции, и в голову не приходило вносить когда-либо этот элемент в отношения командные, служебные, товарищеские. Именно интуитивно, а не в результате известных взглядов и убеждений. Возбуждаемые вне армии, в политической жизни страны национальные вопросы интересовали, волновали, разрешались в ту или другую сторону, иногда резко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни.

Несколько иное положение занимали евреи. К вопросу этому я вернусь впоследствии. В отношении же старой армии можно сказать, что он имел значение скорее бытовое, нежели политическое. Нельзя отрицать, что в армии известная тенденция к угнетению евреев была, но она отнюдь не входила в систему, не инспирировалась свыше, а возникла в низах и в силу сложных причин, далеко выходявших за рамки жизни, быта и взаимоотношений военной среды.

Евреи не имели доступа в офицерскую среду до третьего колена. Закон этот, однако, не соблюдался, и в офицерском корпусе состояли не только прапорщики запаса, но и генералы генерального штаба, принявшие до службы христианство.

Правительственная политика, – среди офицерского состава всех народностей русского государства, – выделяла одних

только поляков. Это традиционное недоверие, – имело формы несправедливые и обидные. Секретными циркулярами был установлен целый ряд ограничений, в отношении офицеров-поляков: определенный процент их, в составе войск западных и юго-западных округов, воспреещение назначений на должности полкового штаба, лишение права поступления в академию генерального штаба, и даже интендантскую, курсовыми офицерами в военные училища и т. д. Для лиц, обладавших влечением к военной службе, и желавших расчистить себе широкий путь через академию, был единственный выход – сделка с собственной совестью и перемена религии. Через это испытание должны были пройти, между прочим, покойный генерал Пузыревский, составивший себе в военном мире большое имя, и один из генералов, занимающий ныне высокий пост в польской армии. Имена других поляков, сохранивших религию, и дошедших до высших степеней военной иерархии, исчисляются единицами. Среди командовавших войсками, например, я знал одного только поляка – генерала Гурчина, тогда как немцы насчитывались десятками.

Нужно отдать справедливость офицерской среде – в ней, в общем, совершенно отсутствовали те начала нетерпимости и предубеждения, которые проводились правительством. В военном быту тяготились этими стеснениями, осуждали их и, когда было возможно, обходили закон в пользу поляков. Это обстоятельство должно сгладить горечь некоторых вос-

поминаний среди той большой части офицерства польской армии, которое нашло себе некогда приемную семью в русской офицерской среде, вместе с нею прошло крестный путь войны и смуты, и раньше ее выбилось на дорогу к воссозданию Родины.

Война, во всяком случае, опрокинула веяния перегородки, а революция принесла, – и в порядке законодательном, – отмену всех вероисповедных и национальных ограничений.

Еще до 1917 года были созданы национальные части, по различным соображениям. Несколько латышских стрелковых батальонов, пользовавшихся до революции хорошей боевой репутацией. Кавказская туземная дивизия, которою командовал великий князь Михаил Александрович. Она более известна под названием «Дикой» и состояла из добровольцев – северо-кавказских горцев. Едва ли не стремление к изъятию с территории Кавказа наиболее беспокойных элементов, – было исключительной причиной этого формирования. Во всяком случае, эпические картинки боевой работы «Дикой» дивизии бледнеют, на общем фоне ее первобытных нравов и батыевских приемов. Сербская дивизия (потом корпус), составленная из пленных югославян, которая после неудач и потерь, понесенных в Добрудже, в задунайском отряде генерала Заюнчковского^[196] в 1916 году, не могла оправиться. На почве общего упадка дисциплины, отчасти же ввиду возникшей политической распри, между родственны-

¹⁹⁶ Командует армией у большевиков.

ми, но не очень дружными славянскими племенами («Великая Сербия» противопоставлялась «Юго-Славии»), пришлось сербский корпус летом 1917 года расформировать. Наконец, чехословацкая бригада – из пленных, к осени 1917 года возвращенная в целый корпус, сыгравший впоследствии такую исключительную, – и двойственную роль в антибольшевистской борьбе Сибири.

С началом революции и ослаблением власти, проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин, и наряду с ним, стремление к национализации, то есть, расчленению армии. Несомненно, потребность такого расчленения тогда не исходила из сознания массы, и не имела никаких реальных обоснований (Я не говорю о польских формированиях). Единственные мотивы национализации заключались тогда, – в стремлении политических верхов возникавших новообразований, – создать реальную опору для своих домогательств, и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях, временного или постоянного освобождения от боевых операций. Начались бесконечные национальные военные съезды, вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане – требуя провозглашенного «самоопределения», – от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно, а главное – немедленного формирования отдельных войск. В конце концов,

более серьезных результатов, несомненно отрицательных в смысле целостности армии достигли формирования украинское и польское, отчасти – закавказские. Прочие попытки были пресечены. Лишь в последние дни существования русской армии в октябре 1917 года, генерал Щербачев, с целью удержания Румынского фронта, приступил к широкому расщеплению войск по национальным признакам – попытка, окончившаяся полной неудачей. Должен добавить, что только одна национальность не требовала самоопределения, в смысле несения военной службы, – это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение – в ответ на жалобы евреев – организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования, в среде евреев и в левых кругах, и именовалось злостной провокацией.

Правительство отнеслось резко отрицательно к расщеплению армии, по признакам национальности. Керенский в письме на имя польского съезда (1 июня 1917 года) высказал такой взгляд: «Великий подвиг освобождения России и Польши, может быть совершен лишь при условии, что организм русской армии не будет ослаблен, что никакие организационные изменения не нарушат ее единства... Выделение национальных войск... в настоящий тяжелый момент растерзало бы ее тело, подорвало бы ее мощь и было бы гибелью как для революции, так и для свободы России, Польши и других народностей, населяющих Россию».

Командный элемент относился к вопросу национализа-

ции двойственно. Большая часть совершенно отрицательно, меньшая с некоторой надеждой, что, порывая связь с Советом рабочих и солдатских депутатов, создаваемые заново, национальные части могут избежать ошибок, увлечений демократизации, и стать здоровым ядром для укрепления фронта и создания армии. Генерал Алексеев решительно противился всем попыткам национализации, но поощрял польские и чехословацкие формирования. Генерал Брусиллов самовольно разрешил первое украинское формирование, прося затем Верховного главнокомандующего «не отменять, и не подрывать тем его авторитета»^[197]. Полк оставили. Генерал Рузский также самовольно приступил к эстонским формированиям^[198] и т. д. Вероятно по тем же мотивам, по которым некоторые начальники допускали формирования, но в обратном их отражении, вся русская революционная демократия, в лице советов и войсковых комитетов, восстала против национализации армии. Целый ряд резких резолюций и постановлений послышался со всех концов. Между прочим, и киевский совет рабочих и солдатских депутатов, в середине апреля, в резких и возмущенных выражениях, охарактеризовал явление украинизации, как простое дезертирство и шкурничество, и большинством 264 голосов против 4, потребовал отмены образования украинских полков. Инте-

¹⁹⁷ Генерал Алексеев приказал расформировать, Керенский разрешил не расформировывать.

¹⁹⁸ Были расформированы.

ресно, что таким же противником национализации явилась польская «Левина», отколовшаяся от военного съезда поляков в июне из-за постановления о формировании польских войск.

Правительство недолго сохраняло свое первоначальное твердое решение против национализации. Декларация 2 июля, наряду с предоставлением Украине автономии, разрешила и вопрос национализации войск: «правительство считает возможным, – продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии, или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не нарушит боеспособности армии... и находит возможным, – привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, командруемых Центральной радой в военное министерство, генеральный штаб и Ставку».

Началось великое «переселение народов».

Еще ранее «председатель украинского войскового генерального комитета» Петлюра разослал своих агентов – к сожалению, русских офицеров, – по всем фронтам, в качестве военных представителей комитета. Помню, такой полковник – не то Павленко, не то Василенко – был и в Ставке, и неоднократно обращался ко мне, скрывая свое официальное назначение, за разрешением украинских формирований, вкрадчиво уверяя, что он – только русский офицер, глубоко предан идее русской государственности и, вместе с своими едино-

мышленниками, стремится лишь ввести в надлежащее русло «стихийное, народное стремление к самоопределению» и дать русской армии здоровые части. Другие агенты разъезжали по фронту, организуя в войсках украинские громады и комитеты, проводя постановления, резолюции о переводе в украинские части, о нежелании идти на фронт под предлогом «удушения Украины» и т. д. К октябрю, украинский комитет Западного фронта призывал уже к вооруженному воздействию на правительство, для немедленного заключения мира...

В качестве главнокомандующего Западным и Юго-западным фронтами (июнь-сентябрь), я категорически воспретил начальствующим лицам входить в какое-либо сношение с «войсковым генеральным комитетом» и его агентами. Но работа комитета продолжалась почти официально, помимо и параллельно командованию, внося неизмеримые затруднения в мобилизацию, комплектование, перевозку и перемещение войск.

Петлюра уверял, что в его распоряжении имеется 50 тысяч украинских воинов. А командовавший войсками Киевского военного округа полковник Оберучев^[199] свидетельствует: «в то время, когда делались героические усилия для того, чтобы сломить врага (июньское наступление)... я не мог послать ни одного солдата на пополнение действующей

¹⁹⁹ Соц.-рев. эмигрант и деятельный партийный работник. Назначен на должность Керенским по желанию киевского совета солдатских депутатов.

армии... Чуть только я посылал в какой-либо запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт, как в жившем до того времени мирною жизнью и не думавшем об украинизации полку созывался митинг, поднималось украинское жёлто-голубое знамя и раздавался клич:

– Пийдем пид українським прапором!

И затем – ни с места. Проходят недели, месяц, а роты не двигаются ни под красным, ни под желто-голубым знаменем.

Возможно ли было бороться с этим неприкрытым шкурничеством? Ответ на этот вопрос дает тот же Оберучев, – ответ, чрезвычайно характерный своим безжизненным партийным ригоризмом:

«Само собой разумеется, что можно было силой заставить исполнять свои распоряжения. И сила такая в руках у меня была». Но «выступая силой против ослушников, действующих под флагом украинским, рискуешь заслужить упрек, – что ведешь борьбу не с анархическими выступлениями..., а борешься против национальной свободы, – и самоопределения народностей. А мне, социалисту-революционеру – заслужить такой упрек, да еще на Украине, с которой я связан всей своей жизнью, было невозможно. И я решил уйти»^[200].

И он ушел. Правда, только в октябре, незадолго до большевистского переворота, пробыв в должности командующего войсками важнейшего прифронтного округа почти пять месяцев.

²⁰⁰ Оберучев. «В дни революции».

В развитие распоряжений правительства, Ставка назначила на всех фронтах определенные дивизии для украинизации, а на Юго-западном фронте кроме того 34-й корпус, во главе которого стоял генерал Скоропадский. В эти части, стоявшие обыкновенно в глубоком резерве, двинулись явочным порядком солдаты со всего фронта. Надежды оптимистов с одной стороны, и страхи левых кругов с другой, что национализация создаст «прочные части» (по терминологии слева – контрреволюционные) быстро рассеялись. Новые украинские войска носили в себе все те же элементы разложения, что и кадровые.

Между тем среди офицерства и старослуживых многих славных полков, с большим историческим прошлым, переформированных в украинские части, эта мера вызвала острую боль и сознание, что теперь уже близок конец армии^[201].

В августе, когда я командовал Юго-западным фронтом, из 34 корпуса ко мне начали приходиться дурные вести. Корпус как-то стал выходить из прямого подчинения, получая непосредственно от «генерального секретаря Петлюры» и указания, и укомплектования. Комиссар его находился при штабе корпуса, над помещением которого развевался «жовто-блакитный прапор». Старые русские офицеры и унтер-офицеры, оставленные в полках за неимением широ-украинско-

²⁰¹ Среди других, украинизации подверглась моя бывшая 4-я стрелковая дивизия.

го командного состава, подвергались надругательствам со стороны поставленных над ними, зачастую невежественных украинских прапорщиков и солдат. В частях создавалась крайне нездоровая атмосфера – взаимной ненависти и отчуждения.

Я вызвал к себе генерала Скоропадского, и предложил ему умерить резкий ход украинизации и, в частности, восстановить права командного состава, или отпустить его из корпуса. Будущий гетман заявил, что об его деятельности составилось превратное мнение, вероятно, по историческому прошлому фамилии Скоропадских^[202]; что он истинно русский человек, гвардейский офицер и совершенно чужд самостийности; исполняет только возложенное на него начальством поручение, которому сам не сочувствует... Но вслед за сим Скоропадский поехал в Ставку, откуда моему штабу указано было... содействовать скорейшей украинизации 34-го корпуса.

Несколько иначе обстоял вопрос с польскими формированиями. Временное правительство объявило независимость Польши, и поляки считали себя уже «иностранцами»: польские формирования существовали фактически давно, на Юго-западном фронте, правда разлагающиеся (кроме польских улан); дав разрешение украинцам, правительство не могло уже отказать полякам. Наконец, центральные державы, создавая видимость польской независимости, также

²⁰² Один из предков – Скоропадский, украинский гетман.

предусматривали образование польской армии... окончившееся, впрочем, неудачно; формировала польскую армию и Америка на французской территории.

В июле 1917 г., формирование польского корпуса было возложено Ставкой на Западный фронт, в бытность мою там главнокомандующим. Во главе корпуса я поставил ген. Довбор-Мусницкого^[203], ныне командующего польской армией в Познани. Сильный, энергичный, решительный, бесстрашно ведущий борьбу с разложением русских войск и с большевизмом в них, он сумел создать в короткое время части, если не вполне твердые, то во всяком случае разительно отличавшиеся от русских войск дисциплиной и порядком. Дисциплиной старой, отменной революцией – без митингов, комиссаров и комитетов. Такие части вызывали и иное отношение к себе в армии, невзирая на принципиальное отрицание национализации. Передача имущества расформированных мятежных дивизий, и полная предупредительность начальника снабжения, дали возможность корпусу вскоре, поставить и свою хозяйственную часть. По приказу, офицерский состав польского корпуса комплектовался, путем перевода желающих, солдатский – исключительно добровольцами или запасными батальонами; фактически началась ничем не устранимая тяга с фронта по тем же побуждениям, которыми руководствовались русские бойцы, опустошая поредевшие ряды армии.

²⁰³ Командовал ранее 38 корпусом.

В результате, польские формирования для нас оказались совершенно бесполезными. Еще на июньском войсковом съезде поляков, довольно единодушно и недвусмысленно прозвучали речи, определявшие цели формирований. Их синтез был выражен одним из участников: «ни для кого не секрет, что война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы – она нам необходима, чтобы на будущей международной мирной конференции с нами считались, чтобы мы имели за собою силу».

Действительно, корпус на фронт не выходил – правда, формирование не закончилось, во «внутренние дела» русские (октябрь и позже борьба с большевизмом) не пожелал вмешиваться и вскоре перешел совершенно на положение «иностранной армии», поступив в ведение и на содержание французского командования.

Но и надежды польских националистов также не сбылись: на фоне общей разрухи и падения фронта, корпус в начале 1918 г., после вторжения германцев внутрь России, частью был захвачен и обезоружен, частью разошелся, и остатки польских войск нашли, впоследствии, гостеприимный приют в Добровольческой армии.

Лично я не могу не вспомнить добрым словом 1-й польский корпус, частям которого, расположенным в Быхове, мы во многом обязаны сохранением жизни генерала Корнилова, и прочих быховских узников, в памятные сентябрьские-ноябрьские дни.

Центробежные силы разметали страну и армию. К нетерпимости классовой и партийной, прибавилось обострение национальной розни, отчасти имевшее основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населяющими Россию, и императорским правительством, отчасти же – совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством. Скрытая или подавленная ранее, эта рознь резко проявилась, к сожалению, в тот именно момент, когда общерусская власть добровольно, и добросовестно, выходила на путь широкой децентрализации, признания исторических прав, и культурно-национального самоопределения, составных элементов русского государства.

Глава XXIX. Суррогаты армии: «революционные», женские батальоны и т. д.

Мне остается отметить еще одно явление этого периода развала армии – стремление к введению в нее добровольческого начала, к замене или моральному подкреплению армии, такими суррогатами вооруженной силы, как всевозможные «дружины смерти», «революционные батальоны», «ударные части», «женские батальоны» и т. д.

Идею эту приняли самые разнообразные, и противоположные элементы власти, русской общественности и армии: Временное правительство, и Совет рабочих и солдатских депутатов, одобрили формирование «революционных батальонов»; комитет Юго-западного фронта предлагал всем офицерам и солдатам, через полковые комитеты, поступать в состав ударных войск, «чтобы зажечь огонь любви к Родине и свободе, тлеющий в сердце каждого солдата и офицера, и повести их в решительный бой... за мир без аннексий и контрибуций»... Объединенные военно-общественные организации^[204] создали Всероссийский комитет и призывали для борьбы «за скорый мир всего мира, под красные знаме-

²⁰⁴ «Союз личного примера», Георгиевские кавалеры, Черноморские делегаты и т. д.

на добровольческих батальонов... рабочих, солдат, женщин, юнкеров, студентов, офицеров и чиновников». Верховный комиссар Временного правительства при Ставке, В. Станкевич, убежденный социалист, в программу своей деятельности ставил создание новой стратегии, и новой армии путем радикального сокращения ее «до 15–20 корпусов, избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных». Для поддержания безопасности и порядка в стране, он не боялся даже создания «специальных надежных отрядов из социально-высших классов», проектируя в первую очередь широкое развитие военных училищ, не только как питомников офицерского состава, но и как вооруженной силы.

Все эти начинания не получили, и не могли получить надлежащего развития, по двум причинам: во-первых, тот бешеный темп, которым шло углубление революции, не давал времени для надлежащей организации; во-вторых, на призыв могли ведь откликнуться только элементы умеренности и порядка, т. е., враждебные углублению социальной революции, а потому давно уже, и всецело, взятые революционной демократией под подозрение в реакционности. Поэтому, наряду с теоретическим одобрением, практическое проведение формирований в жизнь, встречало ряд совершенно непреодолимых затруднений.

Верховное командование, – также искало спасения армии в добровольческих организациях. Генерал Брусилов в пер-

вый же день после своего назначения Верховным главнокомандующим, еще не приезжая в Ставку, утвердил «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», поручив выполнение его – по всей России – исполнительному комитету, под руководством «товарища Манакина»^[205]. Не раз приходишь в полное изумление, от того духовного перерождения, которое под влиянием безудержного оппортунизма, произошло с генералом Брусиловым и другими лицами его типа. «План» представляет смесь наивной регламентации, пафоса, – и еще более углубленной «демократизации», – и демагогии. Достаточно прочесть несколько его положений, чтобы составить себе понятие о предполагавшемся характере новой армии:

«В революционных батальонах не должно быть слова офицер и солдат, а есть начальник и волонтер, так как начальником может быть избран каждый волонтер».

«Назначение командиров отделений, взводов, рот и батальонов производится на седьмой день по сформировании батальонов, общим и тайным голосованием всех волонтеров, после чего они утверждаются исполнительным комитетом и главнокомандующим, – и являются несменяемыми».

«Если же замена окажется необходимой, то должен быть представлен обвинительный акт, за подписью двух третей личного состава части, с предъявлением обвинения только (?) в трусости, растрате казенных денег, и измене присяге».

²⁰⁵ Подполковник генерального штаба.

«Никаким наказаниям, дисциплинарным и служебным, начальники и волонтеры не подвергаются; но в случае неблагоприятных поступков... все волонтеры наказываются по приговору товарищеского суда остракизмом, и объявляются врагами отечества»...

По всем крупным центрам разосланы были вербовочные «комиссары», которым надлежало, при посредстве местных советов, вести агитацию и сбор волонтеров. Конечно, к «товарищу Манакину» убежденные добровольцы, в сколько-нибудь значительном числе, не пошли, и все предприятие ни к каким результатам не привело.

Возник целый ряд случайных добровольческих формирований, в том числе и «Корниловский отряд» капитана Нежинцева, преобразованный потом в «Корниловский ударный полк». Как трудно было в то смутное время держать в равновесии разум и сердце даже лучшей части воинства, свидетельствует тот факт, – что после геройского прорыва неприятельского фронта 25 июня во время наступления 8 армии, после блестящих атак и богатых трофеев, соединенные комитеты Корниловского отряда вынесли требование о выводе его из боевой линии, и Нежинцев оценивал состояние отряда, как близкое к полному развалу. Впрочем, позднее Корниловский полк, благодаря доблести своего командира и офицерского состава, а может быть в силу создавшегося культа Корнилова – скоро оправился. Это тот самый полк, который позднее, в начале сентября, среди кипящей

ненависти ко всему, что касалось имени Корнилова, имел смелость проходить церемониальным маршем в Могилеве, мимо окон арестованного «за мятеж» Верховного главнокомандующего.

При многих полках организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников, и всегда – сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно или даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийственный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьих пуль и зачастую... злых насмешек своих «товарищей», потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бессменно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения – за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения. Неудивительно, что вскоре и эти обреченные потеряли терпение. Право, скорее с грустью, чем с осуждением я перелистываю «протокол общего собрания штурмовой роты»; в полуграмотном по форме, но непосредственном по содержанию документе этом говорится:

«В выступлении на позицию Путвильского полка, категорически отказать», ибо солдаты штурмовой роты «выступили не с той целью, чтобы сидеть на одном месте, не двигаясь вперед, и быть сторожами своих окопов..., а идти вперед,

на что мы были уже готовы; то мы только и имеем стремление работать там, где есть дружная работа. Пусть нам никто не ставит в укор, что мы своей сотней человек не берем такого укрепления, которое можно только штурмовать всем полком, и то дружно... Просим отправить нас туда, где идет дружная защита нашей Родины... в боях под Станиславовым. А буде, что мы не получим удовлетворения, то будем вынуждены отправиться туда добровольно, как нас на то дело и призывали».

Тоже – бунт. Но... кто может, пусть осудит их.

На защиту Родины поднялись и женщины.

«Ни один народ в мире, – говорилось в одном из воззваний московского женского союза, – не доходил до такого позора, чтобы вместо мужчин-дезертиров шли на фронт слабые женщины. Ведь это равносильно избиению будущего поколения своего народа». И далее: «женская рать будет тою живою водой, которая заставит очнуться русского старого богатыря»...

Увы! Рука, сделавшая этот красивый жест, беспомощно повисла в воздухе.

В Петрограде и в Москве образовались «Всероссийские женские военные союзы». Приступлено было к формированию нескольких батальонов (4–6) в столицах и некоторых больших городах; при одном из училищ (кажется, в Москве, при Александровском) было устроено отделение, из которого выпущено несколько десятков женщин-прапорщиков.

Один батальон Бочкаревой, сформированный раньше других, принял участие в наступлении в июле, на Западном фронте.

Что сказать про «женскую рать»?..

Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился кромешный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку – беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов.

Потом один из женских батальонов остался у Зимнего дворца – защищать членов Временного правительства, всеми покинутых в памятный день октябрьского переворота...

Видел я и последние остатки женских частей, бежавшие на Дон, в знаменитом корниловском кубанском походе. Служили, терпели, умирали. Были и совсем слабые телом и духом, были и герои, кончавшие жизнь в конных атаках.

Воздадим должное памяти храбрых. Но... не место женщине на полях смерти, где царит ужас, где кровь, грязь и ли-

шения, где ожесточаются сердца и страшно грубеют нравы. Есть много путей общественного и государственного служения, гораздо более соответствующих призванию женщины.

Выдвигая целый ряд суррогатов армии, никто, однако, не имел смелости осуществить идею, совершенно логичную, вытекавшую из основной цели всех этих, искусственно создаваемых, революционных, ударных, женских и прочих частей, носившуюся в сознании очень многих, и даже нашедшую частичное отражение, в мыслях Верховного комиссара Станкевича...

Я говорю об офицерских добровольческих отрядах.

Нет сомнения, что своевременно созданная сильная офицерская организация, имела много шансов на решительный успех в борьбе с большевизмом, в первую стадию его властвования. К сожалению, ни Керенский, ни тем более революционная демократия, не допустили бы ни под каким видом подобного образования. По личным мотивам они были, конечно, правы; офицерскими войсками, после всех событий первого периода революции, после установившихся – и не по офицерской вине – ярко-враждебных отношений, и Керенский и Совет были бы насильственно устранены. Эта «потеря» была бы не слишком велика, если бы такою ценою стране удалось, не погружаясь в реакцию, претворить социальную революцию 1917 года в буржуазную, и избегнуть ужасов большевизма, отодвинувшего, быть может, на столетие нормальное развитие всей русской жизни. Но если все это –

только более или менее спорные предположения, то, во всяком случае, для меня является совершенно бесспорным одно положение: исход революции во многом зависел от армии. Пути революции были бы другие, если бы революционная демократия, словом, делом и помышлением, не противопоставляла офицерский корпус народу, а привлекла бы его к служению народу. Ибо при всех своих великих и малых недостатках, офицерство превосходило все другие русские организации, способностью и желанием жертвенного подвига.

Казалось бы, что если не формирования, то, по крайней мере, подготовка офицерской организации на случай падения «существовавшего строя» и фронта – а это предчувствовалось всеми совершенно ясно – была необходимой. Но представители активного начала томились в тюрьме. Главный совет офицерского союза, которому наиболее соответствовала эта задача, был разгромлен Керенским в конце августа, а в сознание большинства ответственных руководителей армии, глубоко проникла страшная, и небезосновательная тревога за судьбу русского офицерства. В этом отношении, очень характерна переписка генералов Корнилова и Духонина. После большевистского переворота, 1 ноября 1917 года, генерал Корнилов из Быховской тюрьмы писал Духонину: «Предвидя дальнейший ход событий, я думаю, что Вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые, прочно обеспечивая Ставку, дали бы благоприятную обста-

новку, для организации борьбы с надвигающейся анархией». В числе их генерал Корнилов указывал: «сосредоточение в Могилеве, или в одном из ближайших к нему пунктов, под надежной охраной, запаса винтовок, патронов, пулеметов, автоматических ружей и ручных гранат, для раздачи офицерам-волонтерам, которые обязательно будут собираться в означенном районе».

Против этого пункта Духониным сделана пометка: «это может вызвать эксцессы».

Таким образом, постоянные, болезненные опасения офицерской «контрреволюции» оказались напрасными. События застали офицерство врасплох, неорганизованным; растерявшимся, не принявшим никаких мер даже для самосохранения – и расплыли окончательно его силы.

Глава XXX. Конец мая и начало июня в области военного управления. Уход Гучкова и ген. Алексеева. Мой уход из Ставки. Управление Керенского и генерала Брусилова

1 мая оставил свой пост военный министр Гучков. «Мы хотели, – так объяснял он смысл проводимой им „демократизации“ армии, – проснувшемуся духу самостоятельности, самодеятельности и свободы, который охватил всех, дать организованные формы и известные каналы, по которым он должен идти. Но есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия». Нет сомнения, что эта линия была перейдена еще до 1 мая.

Я не собираюсь давать характеристику Гучкова, в искреннем патриотизме которого я не сомневаюсь. Я говорю только о системе. Трудно решить, чьи плечи могли нести тяжелое бремя управления армией в первый период революции; но, во всяком случае, министерство Гучкова не имело ни малейшего основания, претендовать на роль фактического

руководства жизнью армии. Оно не вело армии. Наоборот, подчиняясь «параллельной власти» и подталкиваемое снизу, министерство, несколько упираясь, шло за армией, пока не пододвинулось вплотную к той грани, за которой начинается окончательное разрушение.

«Удержать армию от полного развала, под влиянием того напора, который шел от социалистов, и в частности, из их цитадели – Совета рабочих и солдатских депутатов, – выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам, – такова была моя задача», – писал Гучков Корнилову в июне 1917 года. И это несомненная правда. Весь вопрос в том, достаточно ли решительно было сопротивление разрушительным силам. Армия этого не ощущала. Офицерство видело вокруг военного министра – ранее твердого и настойчивого политического деятеля, послужившего много восстановлению русской военной мощи, после манчжурского погрома, – его помощников Поливанова, Новицкого, Филатьева и других, до крайности оппортунистов или даже демагогов. Оно читало приказы, подписанные Гучковым, и ломавшие совершенно основы военной службы и быта. Что эти приказы явились результатом глубокой внутренней драмы, тяжелой борьбы и... поражения, офицерство не знало и не интересовалось. Неосведомленность его была так велика, что многие даже теперь, спустя четыре года, приписывают Гучкову авторство знаменитого «приказа № 1»... Так или иначе, офицерство почувствовало

себя обманутым и покинутым. Свое тяжкое положение оно приписывало, главным образом, реформам военного министра, к которому выросло враждебное чувство, подогреваемое еще более будированием сотен удаленных им генералов и ультрамонархической частью офицерства, не могшей простить Гучкову предполагаемого участия его в подготовке дворцового переворота, и поездки в Псков^[206].

Таким образом, уход министра, если и вызывался «теми условиями, в которые была поставлена правительственная власть в стране, а в частности, власть военного и морского министра в отношении армии и флота»^[207], то имел и другое оправдание – отсутствие опоры и в солдатской, и в офицерской среде.

Временное правительство особым актом осудило поступок Гучкова, «сложившего с себя ответственность за судьбы России», и назначило военным и морским министром Керенского. Я не знаю, как вначале отнеслись в армии к этому назначению, но в Ставке без предубеждения. Керенский совершенно чужд военному делу и военной жизни, но может иметь хорошее окружение; то, что сейчас творится в армии – просто безумие, понять это не трудно и невоенному человеку; Гучков – представитель буржуазии, правый, ему не верили; быть может, теперь министру-социалисту, баловню демократии удастся рассеять тот густой туман, которым заво-

²⁰⁶ Предложение отречения императору Николаю II.

²⁰⁷ Официальное письмо Гучкова председателю правительства.

локло сознание солдат... Тем не менее, нужна была огромная смелость или самоуверенность поднять такую ношу, и Керенский не раз перед армейской аудиторией подчеркивал это обстоятельство: «в то время, когда многие военные люди», изучавшие военное дело десятилетиями, отказывались взять пост военного министра, я – невоенный человек – взял его»... Никто, положим, не слышал никогда, чтобы в мае предлагали портфель военного министра военному лицу... И притом оригинально это сопоставление знания и опыта, как будто наличие этих именно «предрассудков» искала революционная демократия в своих избранниках; как будто Керенский понимал хоть сколько-нибудь военное дело.

Первые же шаги нового министра рассеяли наши надежды: привлечение в сотрудники еще больших оппортунистов, чем были раньше, но лишенных военно-административного и боевого опыта^[209], окружение людьми из «подполья», – быть может, имевшими очень большие заслуги перед революцией, но совершенно не понимавшими жизни армии, все это вносило в действия военного министерства новый, чуждый военному делу элемент партийности.

Керенский через несколько дней после своего назначения издал декларацию прав солдата, чем predetermined все дальнейшее направление своей деятельности.

11-го мая министр проезжал через Могилев на фронт. Нас удивило то обстоятельство, что проезд назначен в 5 часов

²⁰⁹ «Воспоминания 1914–1919 г. г.».

утра, и в поезд приглашен только начальник штаба. Военный министр как будто избегал встречи с Верховным главнокомандующим. Разговор со мной был краток и касался частных вопросов – усмирения каких-то беспорядков, возникших на одной из узловых станций и т. п. Капитальнейшие вопросы бытия армии и предстоящего наступления, необходимость единства взглядов, между центральным управлением и командованием, отсутствие которого сказывалось с такой разительной ясностью, – все это по-видимому, не привлекало никакого внимания министра. Между прочим, вскользь Керенский бросил несколько фраз, о несоответствии своему назначению главнокомандующих фронтами, генералов Гурко и Драгомирова, что вызвало протест с моей стороны. Все это было весьма симптоматично и создало в Ставке нервное, напряженное ожидание...

Керенский ехал на Юго-западный фронт, открывая знаменитую словесную кампанию, которая должна была двинуть армию на подвиг. Слово создавало гипноз и самогипноз. Брусиллов доносил в Ставку, что всюду в армии военный министр был встречен с необыкновенным подъемом. Керенский говорил, говорил с необычайным пафосом и экзальтацией, возбуждающими «революционными» образами, часто с пеной на губах, пожиная рукоплескания и восторги толпы. Временами, впрочем, толпа поворачивала к нему лик зверя, от вида которого слова останавливались в горле и сжималось сердце. Они звучали предостережением, – эти моменты, но

новые восторги заглушали их тревожный смысл. И Керенский докладывал Временному правительству, что «волна энтузиазма в армии растет и ширится», что выясняется определенный поворот, в пользу дисциплины и возрождения армии. В Одессе он поэтизировал еще более неудержимо: «в вашей встрече я вижу тот великий энтузиазм, который объ-ял страну, и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетия...»

Будем справедливы.

Керенский призывал армию к исполнению долга. Он говорил о долге, чести, дисциплине, повиновении, доверии к начальникам, говорил о необходимости наступления и победы. Говорил словами установившегося революционного ритуала, которые должны были найти доступ в сердца и умы «революционного народа». Иногда даже, почувствовав свою власть над аудиторией, бросал ей смелое, становившееся крылатым слово о «взбунтовавшихся рабах» и «революционных держимордах»...

Вотще!

Он на пожаре русской храмины взывал к стихии – «погасни!» – вместо того, чтобы тушить огонь полными ведрами воды.

Слова не могли бороться с фактами, героические поэмы с суровой прозой жизни. Подмена Родины Свободой и Революцией, не уяснила целей борьбы. Постоянное глумление над старой «дисциплиной», над «царскими генералами», на-

поминание о кнуте, палке и «прежнем солдатском бесправии», или о «напрасно пролитой» кем-то солдатской крови – все это не могло перекинуть мост через пропасть между двумя составными частями армии. Страстная проповедь «новой сознательной железной революционной дисциплины», т.е. дисциплины, основанной на «декларации прав солдата» – дисциплины митингов, пропаганды, политической агитации, безвластия начальников и т.д. – эта проповедь находилась в непримиримом противоречии с призывом к победе. Воспринимавший впечатления, в искусственно приподнятой театральномитинговой атмосфере, окруженный непроницаемой стеной партийных соратников – и в министерстве, и в объездах, в лице приближенных и всевозможных делегаций, депутатских советов и комитетов, Керенский сквозь призму их мировоззрения смотрел на армию, не желая или не умея окунуться в подлинную жизнь армии, и в ее мучениях, страданиях, исканиях, преступлениях, наконец, почерпнуть реальную почву, жизненные темы и настоящие слова. Эти будничные вопросы армейского быта и строя – сухие по форме и глубоко драматичные по содержанию – никогда не составляли темы его выступлений. В них была только апология революции, и осуждение некоторых сделанных ею же извращений, в идее государственной обороны.

Солдатская масса, падкая до зрелищ и чувствительных сцен, слушала призывы признанного вождя к самопожертвованию, – и он и она воспламенялись «священным огнем»,

с тем, чтобы на другое же утро перейти к очередным задачам дня: он – к дальнейшей «демократизации армии», она к «углублению завоеваний революции». Так вероятно ныне, в храме пролетарского искусства, заплечные мастера палача Дзержинского смотрят с умилением на «страдания молодого Вертера», перед очередной ночью пыток и казней.

Во всяком случае, шуму было много. Настолько, что фельдмаршал Гинденбург до сегодняшнего дня искренно верит, что Юго-западным фронтом в июне 1917 года командовал... Керенский. В своей книге «Aus meinem Leben» он повествует о том, как Керенский заменил Брусилова, «которого смыли с его поста потоки русской крови, пролитые им в Галиции и Македонии (?) в 1916 году» (фельдмаршал сильно ошибся в отношении театров войны), как Керенский наступал, как он сокрушал австрийцев под Станиславовым и т. д.

В новом учреждении – политическом отделе военного министерства, со строго выраженной партийной социал-революционной окраской, началась работа по «созданию новой революционной армии», тогда как по убеждению первого главы отдела В. Станкевича^[209], «по существу, поскольку главной задачей ставилось продолжение войны на фронте, в основу деятельности мог быть положен лишь чрезвычайный консерватизм, цепкое упорное отстаивание всего старого и, пожалуй, лишь выдвижение новых лиц».

²⁰⁹ «Воспоминания 1914–1919 г. г.».

Между тем, в Ставке жизнь понемногу замирала. Административное колесо вертелось по-прежнему; все что-то делали, распоряжались, приказывали. Но из всей этой работы ушла душа. Работа имела чисто формальный характер, ибо все планы, предначертания фатально разбивались неподвижным и непредотвратимым для Ставки сцеплением обстоятельств. Если раньше Петроград мало считался со Ставкой, то теперь стал к ней в положение слегка враждебное, и военное министерство начало вести какую-то большую реорганизационную работу, совершенно игнорируя Ставку. Генерал Алексеев чрезвычайно тяжело переносил это положение, тем более, что приступы мучившей его болезни участились. С необыкновенным терпением относился он ко всем уколам личному самолюбию, и попранию его прав и власти, шедшими свыше; с таким же терпением, с прямою, искренностью говорил он со множеством представителей армии, – и организаций, злоупотреблявших его доступностью. И работал неустанно, с целью сохранить по крайней мере те обломки, на которые рассыпалась армия. Желая показать пример повиновения, он протестовал, но подчинялся. По свойству своего характера, он не мог быть настолько тверд и властен, чтобы заставить Временное правительство, и гражданских

реформаторов армии, считаться с требованиями верховного командования, но, вместе с тем, никогда не кривил душой в угоду власти и черни.

20 мая, возвращаясь с Юго-западного фронта, Керенский остановился на несколько часов в Могилеве. Он был полон впечатлений, отзывался с большой похвалой о Брусилове и находил, что общее настроение, и взаимоотношения на фронте, не требуют желать лучшего. Хотя, в долгой беседе с генералом Алексеевым Керенский ни одним словом не обмолвился о предстоящих переменах, но по некоторой неловкости, которую проявлял его антураж, в Ставке поняли, что решения приняты. Я не решился передать ходившие слухи генералу Алексееву, и только на всякий случай принял меры, – под благовидным предлогом задержать предположенную поездку на Западный фронт, чтобы не ставить Верховного главнокомандующего в ложное положение.

Действительно, в ночь на 22 получена была телеграмма, об увольнении генерала Алексеева от должности, с назначением в распоряжение Временного правительства, и о замене его генералом Брусиловым. Уснувшего Верховного разбудил генерал-квартирмейстер Юзефович, и вручил ему телеграмму. Старый вождь был потрясен до глубины души, и из глаз его потекли слезы. Да простят мне здравствующие поныне, бывшие члены Временного правительства, вульгарность языка, но генерал Алексеев потом в разговоре со мной обронил такую фразу:

– Пошляки! Расчитали, как прислугу.

Со сцены временно сошел крупный государственный, – и военный деятель, в числе добродетелей, или недостатков которого, – была безупречная лояльность в отношении Временного правительства.

На другой день в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, г. Керенский на вопрос, как он реагировал на речь Верховного главнокомандующего офицерскому съезду^[210], ответил, что генерал Алексеев уволен и что он, Керенский, «придерживается системы одного старого французского министра, что дисциплину долга (?) нужно вводить сверху». После этого большевик Розенфельд (Каменев) выразил полное удовлетворение соответствием этого решения, – с неоднократно предъявленными пожеланиями Совета. А в тот же день, – в газетах появилось официальное сообщение правительства: «Несмотря на естественную усталость генерала Алексеева, и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться ценного сотрудника, этого исключительно опытного и талантливого вождя, почему ген. Алексеев и назначен ныне в распоряжение Временного правительства».

Генерал Алексеев простился с армиями следующими словами приказа:

«Почти три года вместе с вами я шел по тернистому

²¹⁰ См. главу XXVI.

пути русской армии.

Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в призвание русского народа и в доблесть русского воина.

И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли.

Низкий поклон от старого солдата, – и бывшего вашего Главнокомандующего.

Не поминайте лихом!

Генерал Алексеев».

Мои отношения с генералом Алексеевым приняли к концу нашей совместной службы характер сердечной близости – и перед расставанием он сказал мне:

– Вся эта постройка, несомненно, скоро рухнет; придется нам снова взяться за работу. Вы согласны, Антон Иванович, тогда опять работать вместе?

Я, конечно, высказал полную свою готовность.

Назначение генерала Брусилова, – знаменовало собою окончательное обезличение Ставки, и перемену ее направ-

ления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишили командный состав армии даже той, хотя бы только чисто моральной, опоры, которую он видел в прежней Ставке.

Могилев принял нового Верховного Главнокомандующего – необычайно сухо и холодно. Вместо обычных восторженных оваций, так привычных «революционному генералу», которого толпа носила по Каменец-Подольску в красном кресле, – пустынный вокзал и строго уставная церемония. Хмурые лица, казенные фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкие, но характерные эпизоды еще более омрачили наше настроение. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным израненным командиром их, полковником Тимановским и офицерами и долго жал руки солдат, посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые «на караул»... Передал, мне написанный им собственноручно, приветственный приказ армиям, – для посылки... на предварительное одобрение Керенскому... В своей речи к чинам Ставки, собравшимся проститься с генералом Алексеевым, Брусилов оправдывался, да, оправдывался – иначе трудно назвать сбивчивые объяснения взятого им на душу греха – углубления вместе с Керенским и комитетами «демократизации армии». И резким диссонансом прозвучали после этого прощальные слова адреса, обращенные к уходившему вождю:

«...Ваше имя навсегда останется чистым и незапятнанным, как неумолимого труженика, отдавшего всего себя делу служения родной армии.

На темном фоне прошлого и разрухи настоящего, Вы находили в себе гражданское мужество прямо и честно идти против произвола, восставать против лжи, лести, угодничества, бороться с анархией в стране, и с развалом в рядах ее защитников»...

Мой образ действий, так же как и генерала Алексеева, не соответствовал видам Временного правительства, да и совместная работа с генералом Брусиловым, вследствие полного расхождения во взглядах, была немыслима. Я предполагаю, что еще в бытность на Юго-западном фронте, Брусилов дал согласие Керенскому, предложившему на должность начальника штаба, – генерала Лукомского. И поэтому, меня удивил тот диалог, который произошел между мною и Брусиловым, в первый день его приезда:

– Что же это, Антон Иванович! Я думал, что встречу в вас своего боевого товарища, что будем вместе работать и в Ставке, а вы смотрите на меня волком...

– Это не совсем так: мое дальнейшее пребывание во главе Ставки невозможно, да кроме того известно, что на мою должность назначен уже Лукомский.

– Что? как же они смели назначать без моего ведома?..

Больше ни я, ни он к этому вопросу не возвращались. Я, в ожидании заместителя, продолжал работать с Брусиловым

дней десять. Признаюсь, мне была тяжела в нравственном отношении эта работа. С Брусиловым меня связывала боевая служба с первого же дня войны. Первый месяц, в должности генерал-квартирмейстера штаба его 8-ой армии, потом два года в качестве начальника 4-ой стрелковой дивизии (вначале бригады) в той же славной армии, и командиром 8 корпуса на его фронте. «Железная дивизия» шла от одной победы к другой, и вызывала к себе трогательное отношение со стороны Брусилова, и постоянное высокое признание ее заслуг. Это отношение распространялось и на начальника дивизии... Вместе с Брусиловым я пережил много тяжелых, но еще более радостных дней боевого счастья, – никогда не забываемых. И теперь мне было тяжело говорить с ним, с другим Брусиловым, который так нерасчетливо не только для себя – это не важно – но и для армии терял все обаяние своего имени. Во время докладов каждый вопрос, в котором отстаивание здравых начал военного строя могло быть сочтено за недостаток «демократичности», получал заведомо отрицательное решение. Было бесполезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусилов прерывал текущий доклад, и взволнованно говорил:

– Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю.

Вопрос о моем назначении его занимал более, чем меня. Я

отказался высказать свои пожелания, заявив, что пойду туда, куда назначат. Шли какие-то переговоры с Керенским. Брусилов мне раз сказал:

– Они боятся, что, если вас назначить на фронт, вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся.

– Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану.

Я не придавал никакого значения этому полушутливому разговору, но в тот же день, через секретаря, прошла телеграмма Керенскому, приблизительно такого содержания: «Переговорил с Деникиным. Препятствия устранены. Прошу о назначении его главнокомандующим Западного фронта».

В начале августа я уехал в Минск, взяв с собою, в качестве начальника штаба фронта, генерала Маркова.

Покидал Ставку без всякого сожаления. Два месяца каторжной работы раздвинули широко военный горизонт, но дали ли они какие-либо результаты в области сохранения армии? Активных – решительно никаких. Пассивные – может быть: несколько умерили темп развала армии. Только.

Сотрудник Керенского, впоследствии верховный комиссар, В. Станкевич^[211], характеризуя мою деятельность, говорит: «Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы (мои) с провокационно резкими нападками на новые по-

²¹¹ «Воспоминания 1914–1919 г. г.».

рядки в армии – именно нападки, а не советы... Разве можно советовать отменить революцию?..» Если бы это говорил только Станкевич и только про Деникина – это не имело бы интереса. Но так как подобный взгляд разделяли широкие круги революционной демократии, и отнесен он к личности собирательной, «олицетворяющей трагедию русской армии», то заслуживает ответа.

Да, революцию отменить нельзя было. Я скажу более: то многочисленное русское офицерство, с которым я был единомышленен, и не хотело отнюдь отмены революции. Оно желало, просило, требовало одного:

– Прекратите революционизирование армии сверху!

Другого совета никто из нас дать не мог. И если тот командный состав, который стоял во главе армии, казался «слишком мало связанным с революцией», надо было беспощадно разогнать его, поставить других людей – быть может, кустарей военного дела – но дать им во всяком случае доверие и власть.

Отбросим личности. Алексеев, Брусилов, Корнилов – это периоды, системы. Алексеев протестовал, Брусилов подчинялся, Корнилов требовал. Разве была какая-нибудь руководящая идея в сменах этих лиц, а не одно только судорожное метание правительственной власти, беспомощно погрязшей в собственных внутренних противоречиях? И не кажется ли вам, что перестановка звеньев в этой цепи, быть может, была бы спасительным выходом из нашей обреченности...

Глава XXXI. Служба моя в должности главнокомандующего армиями Западного фронта

Я сменил генерала Гурко. Уход его был предрешен еще 5 мая, и приказ об этом был уже заготовлен в министерстве. Но Гурко подал рапорт, что при создавшихся в армии условиях (после объявления декларации прав солдата) он снимает с себя всякую нравственную ответственность за ведение армий... Это обстоятельство дало повод Керенскому опубликовать 26 мая приказ, в силу которого Гурко «по несоответствию» с поста главнокомандующего смещался на должность начальника дивизии^[212]. Мотивы: «отечество в опасности и это обязывает каждого военнослужащего исполнить свой долг до конца, не подавая пагубного примера слабости другим». И еще: «главнокомандующий облечен высоким доверием правительства (?) и опираясь на него должен все свои усилия направлять к достижению возложенных на него задач; сложение с себя всякой нравственной ответственности генералом Гурко является уклонением от обязанности вести порученное ему дело по крайнему своему разумению и силе». Лицемерие этих заявлений, не говоря уже о пред-

²¹² По ходатайству генерала Алексеева заменено увольнением в резерв.

шествовавшем им факте признания правительством невозможности оставления генерала Гурко в командной должности, приобретает еще более ясный смысл, при сопоставлении этого эпизода с аналогичными фактами: с уходом министров Гучкова, Милюкова и других, даже – ирония судьбы – самого Керенского, который во время одного из министерских кризисов, вызванных непримиримостью революционной демократии, сделал жест – выхода из состава правительства, передав 21 июля заместителю Некрасову такое письменное заявление: «Ввиду невозможности, несмотря на все принятые мною к тому меры, пополнить состав Временного правительства так, чтобы оно отвечало требованиям исключительного исторического момента, переживаемого страной, я не могу больше нести ответственности перед государством по своей совести и разумению, – и потому, – прошу Временное правительство освободить меня от всех должностей, мною занимаемых». И «отбыл из Петрограда», как гласила хроника. Наконец, 28 октября Керенский, как известно, тайно бежал, бросив пост Верховного главнокомандующего.

Старый командный состав попал в тяжелое положение. Я не говорю о лицах с ярко выраженной политической физиономией, а просто о честных солдатах. Идти с Керенским (не личность, а система) и ломать собственными руками то здание, которое строили всю свою жизнь, они не могли. Уйти и, следовательно, перед лицом стоящего на русской земле врага, и перед своею собственной совестью стать дезертирами –

они также не могли. Создавался заколдованный круг, из которого не видно было выхода.

Приехав в Минск, в двух собраниях многочисленных чинов штаба и управлений фронта, потом перед командующими армиями я изложил свой символ веры. Кратко, резко, не помню какими словами, но в таком точном смысле: революцию приемлю всецело и безотговорочно. Но революционизирование армии, и внесение в нее демагогии, считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников.

Пришло письмо от М. В. Алексеева. Сердечно поздравляет с назначением. Пишет: «Будите; спокойно и настойчиво требуйте и – верится – оздоровление настанет без заигрываний, без красных бантиков, без красивых, но бездушных фраз... Долее так держать армию невозможно: Россия постепенно превращается в стан лодырей, которые движение своего пальца готовы оценивать на вес золота... Мыслью моею и сердцем с Вами, с Вашими работами, желаниями. Помогите Бог»...

«Военную общественность» представлял в Минске фронтовой комитет. Так как накануне моего прибытия эта большевистствующая организация вынесла резолюцию против наступления, – и за борьбу объединившейся демократии против своих правительств, – то взаимоотношения наши определились ясно: я не вступал вовсе в непосредственные

отношения с Комитетом. Комитет варился в собственном соку, разрешая вопрос главенства своих – социал-революционной и социал-демократической – фракций, выносил резолюции, – своим демагогическим содержанием ставившие в недоумение даже армейские комитеты, – распространял пораженческую литературу^[213], возбуждал солдат против начальников. Комитет по закону не подлежал ни ответственности, ни суду. В таком же духе шло воспитание комитетом большого числа собравшихся со всех армий «слушателей курсов агитаторов»^[214], которые должны были потом разнести воспринятое учение по всему фронту... Мелочная подробность, вскрывающая подоплеку не одного из проявлений «гражданской скорби и гнева». Представители курсов обращались часто к начальнику штаба с просьбами и «требованиями». Когда раз требования лишней пары сапог приняли слишком резкий характер, Марков отказал. На другой же день в № 25 газеты «Фронт» появилась «резолюция общего собрания слушателей курсов агитаторов», что они лично убедились в нежелании штабов считаться с выборными организациями. Курсисты заявили, что в лице их самих и тех, кто их послал, фронтовой комитет будет иметь поддержку «против контрреволюции» вплоть до вооруженного воздействия...

Какая уж тут совместная работа!

²¹³ См. главу XXIV.

²¹⁴ Право, предоставленное положением о комитетах.

Я присутствовал в заседании фронтового комитета только один раз, сопровождая генерала Брусилова. После вступительной речи, Верховный главнокомандующий предложил Комитету высказаться, если имеются какие-либо пожелания или вопросы. Председатель ответил, что в сущности, никаких особенных вопросов нет, разве вот относительно отпусков и суточных денег... Всем стало несколько неловко. Тогда попросил слова кто-то из членов комитета, извинился за мелочность председателя, и начал говорить на общую болезную тему, о демократизации армии, и взаимоотношениях Комитета и командования. Я указал, что между нами не может быть ничего общего, так как Комитет, в постановлении своем от 8 июня, пошел против правительства и против наступления. Тогда председатель предъявил новое постановление, составленное накануне, которым Комитет допускал наступление. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но тут встает какой-то поручик и заявляет, что доверия к главнокомандующему не может быть. Поручик командирован в Минск из Тифлиса комитетом Кавказского фронта, и «кооптирован» минским комитетом. Прибыл для расследования моей «контрреволюционности». Прочел уличающий документ – перехваченную майскую телеграмму мою – еще по должности начальника штаба Верховного – к генералу Юденичу. В ней, между прочим, говорилось: «...Верховный главнокомандующий обратился уже с подробным письмом к военному министру, с просьбой устранить вредную работу комитетов, парализую-

щих распоряжения военного начальства, и оказания содействия в борьбе с течениями, безусловно вредными в государственном отношении...» Я разъяснил, что вопрос касался местных гарнизонных комитетов рабочих и солдатских депутатов Кавказа, которые не выпускали 104 тысячи пополнений на совершенно обезлюдевший фронт. Брусиллов вспыхнул и наговорил поручику и комитету резкостей. Потом извинился, и в конечном результате допустил в секретный архив Ставки комиссию Комитета, которая, вернувшись в Минск, явилась ко мне не то с объяснением, не то с полуизвинением.

Скучно, не правда ли? Но нам не было скучно, а мучительно тяжело в этой пошлой обстановке, не дававшей ни душевного равновесия, ни возможности отдалиться всецело назревшей операции.

Фронтовой комитет, приняв, наконец, идею наступления, потребовал образования из состава своего, и армейских комитетов, «боевых контактных комиссий», которые должны были получить право участия в разработке операций, контроля над начальниками и штабами частей, выполнявших боевые задачи и т. д.^[215] Я, конечно, отказал. Началась новая история, которая чрезвычайно обеспокоила военного министра, приславшего экстренно в Минск и полковника Барановского – начальника своего кабинета^[216], и комиссара

²¹⁵ Это было тем более оригинально, что в состав Комитета Западного фронта входили и представители рабочих.

²¹⁶ Молодой полковник генерального штаба, который руководил Керенским во

Станкевича^[217]. Друзья Барановского впоследствии передавали, что вопрос был поставлен ни более, ни менее, как о возможности оставления меня в должности, ввиду «крупных трений с фронтовым комитетом».

Станкевич умиротворил комитет, и боевые контактные комиссии были допущены до участия в наступлении войск, но без права контроля и участия в разработке операции.

Если мне было нелегко, то вся тяжесть сложных взаимоотношений с «революционной демократией армий» легла на голову моего начальника штаба и друга – генерала Маркова. Он положительно изнемогал от той бесконечной сутолоки, которая наполняла его рабочий день. Демократизация разрушила все служебные перегородки, и вызвала беспощадное отношение ко времени и труду старших начальников. Всякий, как бы ничтожно ни было его дело, не удовлетворялся посредствующими инстанциями, и требовал непременно доклада у главнокомандующего или, по крайней мере, у начальника штаба. И Марков – живой, нервный, впечатлительный, с добрым сердцем – принимал всех, со всеми говорил, делал все, что мог; но иногда, доведенный до отчаяния людской пошлостью и эгоизмом, не сдерживал своего языка, теряя терпение и наживая врагов.

Не менее хлопот доставляли ему и новые революцион-

всех военных вопросах.

²¹⁷ Пробыл на Западном фронте дня два и отозван на Северный. Его сменил Калинин.

ные учреждения. В письме Маркова к Керенскому^[218] мы встречаем следующие строки: «Никакая армия, по своей сути, не может управляться многоголовыми учреждениями, именуемыми комитетами, комиссариатами, съездами и т. д. Ответственный перед своей совестью и Вами, как военным министром, начальник почти не может честно выполнять свой долг, отписываясь, уговаривая, ублажая полуграмотных в военном деле членов комитета, имея, как путы на ногах, быть может и очень хороших душой, но тоже несведущих, фантазирующих и претендующих на особую роль комиссаров. Все это люди чуждые военному делу, люди минуты, и главное, не несущие никакой ответственности юридически. Им все подай, все Расскажи, все доложи, сделай так, как они хотят, а за результаты отвечай начальник. Больно за дело и оскорбительно для каждого из нас – иметь около себя лицо, как бы следящее за каждым твоим шагом... Проще, – нас всех, кому до сих пор не могут поверить, уволить, и на наше место посадить тех же комиссаров, а те же комитеты – вместо штабов и управлений»...

В Минске передо мною прошла длинная вереница лиц, признаться, не оставившая в памяти никаких следов. Гражданское управление прифронтной полосы вышло совсем из моего ведения, захваченное местными самоопределившимися учреждениями, и напоминало о себе только просьбами вооруженной силы, для подавления вспыхивавших в райо-

²¹⁸ От 15 июля 1917 года.

не фронта беспорядков. Политики к моему глубокому удовлетворению не было никакой. «Контрреволюция» явилась лишь однажды в лице В. М. Пуришкевича и его помощника, с нерусскими лицом и фамилией. Пуришкевич убеждал меня в необходимости тайной организации, формально, – на основаниях устава, – утвержденного еще до революции, – «Общества русской государственной карты». На первой же странице устава, красовалась разрешительная подпись кого-то из самых одиозных министров внутренних дел. Общество ставило себе действительной целью, активную борьбу с анархией, свержение советов и установление не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевич просил содействия для привлечения в состав общества офицеров. Я ответил, что несколько не сомневаюсь в глубоко патриотических его побуждениях, но что мне с ним не по пути. Он ушел без всякой обиды, пожелав мне успеха, и больше нам не пришлось встретиться никогда. Пуришкевич в 1919 году приехал на Юг, держал вначале «нейтралитет», но к концу года повел сильную кампанию, отчасти лично против меня, но более против левой половины «Особого совещания»^[219], прекратившуюся только с его смертью, в Новороссийске, от сыпного тифа.

Впрочем, случился еще один маленький «политический эпизод». По поводу избрания Каледина Донским атаманом, я послал ему поздравительную телеграмму, на которую полу-

²¹⁹ Правительство Юга России.

чил ответ, шедший подозрительно долго, в таких выражениях: «Сердечно благодарю за память. Пошли Вам Бог успеха. Дон всегда поддержит. Каледин». Эта телеграмма стала известной, почему-то весьма встревожила местную революционную демократию, и заставила ее еще более насторожиться.

* * *

Из трех генералов, командовавших армиями, двое находились всецело в руках комитетов; но так как фронты их были пассивными, то временно можно было потерпеть их присутствие.

Наступление готовилось на фронте 10-ой армии генерала Киселевского в районе Молодечно. Я поехал осмотреть войска и позиции, познакомиться с начальниками и с частями. Во многих предшествовавших главах приведен синтез всех пережитых впечатлений, разбросаны факты и эпизоды из жизни Западного фронта. Чтобы не повторяться, я остановлюсь лишь на нескольких деталях. Смотрел войска в строю. Видел части, правда, как исключение, сохранившие почти нормальный, дореволюционный вид как по внешним формам, так и по внутреннему строю – в корпусе сурового, и непреклонно отстаивавшего старую дисциплину Довбор-Мусницкого; видел большинство частей, – хотя и сохра-

нивших подобие строя и некоторое послушание, но во внутренней жизни своей подобных разворошенному муравейнику: после смотра, обходя ряды и беседуя с солдатами, я был буквально подавлен новым для меня настроением, охватившим их: бесконечными жалобами, подозрительностью, недоверием, обидами на всех и на все: на отдельного начальника и корпусного командира, на чечевицу и на долгое стояние на фронте, на соседний полк, и на Временное правительство, за его непримиримое отношение к немцам. Видел наконец и такие сцены, которые не забуду до конца своих дней... В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703 Сурамский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне, за деревней. Одеты в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесанные, невымытые, – они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Встретил меня начальник дивизии с трясущейся нижней губой, и командир полка с лицом приговоренного к смерти. Никто не скомандовал «смирно», никто из солдат не встал; ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу.

Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем... Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с

упрямой, лишённой всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжёлые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали – со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне, мало-помалу, возмущённое чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии. Хотелось сказать им:

– Кто виноват, теперь не время разбирать. Мы, вы, буржуазия, самодержавие – это все равно. Дайте народу грамоту и облик человеческий, – а потом социализируйте, национализируйте, коммунизируйте, если... если тогда народ пойдёт за вами.

Это был тот самый Сурамский полк, который через несколько дней после моего посещения, избил до полусмерти Соколова – редактора приказа № 1, творца нового строя армии, когда тот попробовал от имени Совета рабочих и солдатских депутатов, призвать полк к исполнению долга и к участию в наступлении.

Из Сурамского полка я поехал, по настойчивому приглашению особой делегации, на корпусный съезд того же 2-го Кавказского корпуса. Там собрались выборные люди, и поэтому разговоры их были рассудительнее, стремления реальнее: в разных группах делегатов, среди которых замешалась

свита, шла беседа о том, что здесь вот главнокомандующий, командующий, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить их тут же всех разом, вот и конец наступлению...

Знакомство со старшими начальниками также не было утешительным. Один командир корпуса вел твердо войска, но испытывал сильнейший напор войсковых организаций; другой боялся посещать свои части; третьего я застал в полной протрации, и в слезах после какой-то резолюции недоверия:

– 40 лет службы. Любил солдата, меня любили, а теперь оплевали. Больше служить не могу.

Пришлось отпустить его. А тут же, за стеной, молодой генерал, начальник дивизии, – вел уже конфиденциальные разговоры с комитетчиками, тотчас же обратившимися ко мне с просьбой, весьма императивной, о назначении молодого генерала командиром корпуса...

Объезд произвел тяжелое впечатление. Все понемногу разваливалось и разбивало надежды. Тем не менее, надо было работать. А работы всем было более чем достаточно. Западный фронт жил теорией и чужим опытом. Он не имел в своем активе ярких побед, которые одни только могут дать веру в правильность метода, не имел большого серьезного опыта прорыва неприятельской оборонительной ниши. Много раз приходилось обсуждать, совместно с исполнителями, общий план и план артиллерийской атаки, и устанавли-

ливать отправные данные. Особенно трудно обстояло дело с подготовкой самого штурма. Вследствие внутреннего развала частей, всякое передвижение, смена, рытье плацдармов и подступов, перестановки батарей^[220] – все это или совершенно не выполнялось, или достигалось путем невероятных усилий, уговоров, митингов. Всякий малейший предлог, – был использован для отказа от подготовки к наступлению. Начальникам, в силу технического необорудования позиций, приходилось совершать огромную, и противоестественную работу: не направлять свои части по тактическим соображениям, а эти последние подгонять к качеству начальников, большему или меньшему развалу частей, и случайному состоянию лучше или хуже оборудованных участков позиции.

Тем не менее когда говорят о нашей технической отсталости вообще, как об одном из факторов наших военных неудач 1917 года, к этому вопросу надо относиться весьма осторожно: несомненно, армия наша отстала; но в 1917 году, она была несравненно лучше снабжена материально, богаче артиллерией и боевыми припасами, богаче, наконец, опытом своим и чужим, чем хотя бы в 1916 году. Техническая отсталость наша – свойство относительное, постоянное, одинаково присущее всем периодам мировой войны, до начала революции, значительно ослабевшее к 1917 году, и его

²²⁰ Противодействие пехоты. Артиллерия сохранила почти полную боеспособность до последних дней.

отнюдь нельзя бросать на чашу весов, при оценке русской революционной армии и ее боевых действий.

Итак, шла Сизифова работа. Командный офицерский состав вложил в нее всю душу, ибо в успехе ее видел последний луч надежды на спасение армии и страны. Все технические трудности были в конце концов преодолимы. Только бы поднять дух.

Приехал Брусилов уговаривать полки. В результате поездки – смена, против моего желания, командующего X армией, за полторы недели до решительного наступления. С трудом отстоял своего кандидата, доблестного командира 8 корпуса, генерала Ломновского, который прибыл в Молодечно лишь за несколько дней до операции. С приездом Брусилова вышло досадное недоразумение: штаб армии ошибочно уведомил войска, что едет Керенский. Невольный подмен вызвал сильное неудовольствие и брожение в войсках; многие части заявили, что их обманывают, и, если сам товарищ Керенский лично не велит им наступать, то они наступать не будут. 2-ая Кавказская дивизия послала даже делегацию в Петроград за справкой. С трудом удалось успокоить их обещанием, что товарищ Керенский приедет на днях. Пришлось пригласить военного министра. Керенский приехал с неохотой, уже разочарованный неудачным опытом словесной кампании на Юго-западном фронте. Несколько дней объезжал он войска, говорил, пожинал восторги, иногда испытывал неожиданные реприманды; прервал объезд, будучи пригла-

шен в Петроград 4 июля, вернулся с новым подъемом и новой темой дня, использовав в полной мере «нож, воткнутый в спину революции»^[221]. Но, окончив объезд фронта и вернувшись в Ставку, решительно заявил Брусилову:

– Ни в какой успех наступления не верю.

Впрочем, такой же пессимизм Керенский проявил тогда уже и в другом вопросе – грядущих судеб страны. Помню, как в разговоре со мной и двумя-тремя из своих приближенных^[222], он, разбирая этапы в общем ходе русской революции, совершенно убежденно говорил, что террора нам все равно не избежать.

Дни шли за днями, а начало наступления все откладывалось. Еще 18 июня я отдал приказ войскам фронта:

«Русские армии Юго-западного фронта нанесли сегодня поражение врагу, прорвав его линии. Началась решительная битва, от которой зависит участь русского народа и его свободы. Наши братья на Юго-западном фронте победоносно двигаются вперед, не щадя своей жизни и ждут от нас скорой помощи. Мы не будем предателями. Скоро услышит враг гром наших пушек. Призываю войска Западного фронта напяречь все силы и скорее подготовиться к наступлению, иначе проклянет нас народ русский, который вверил нам защиту своей свободы, чести и достоинства»...

Не знаю, поняли ли всю внутреннюю драму русской ар-

²²¹ Петроградский мятеж 3–5 июля.

²²² Председатель комитета Печерский, комиссар Калинин.

мии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах, в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Вся стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел, хотя бы ценою обнаружения своих намерений, удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта, и отправляемые против Юго-западного и против союзников.

Немцы откликнулись тотчас же, прислав на фронт прокламацию, в которой говорилось: «Русские солдаты! Ваш главнокомандующий Западным фронтом снова призывает вас к сражениям. Мы знаем об его приказе, знаем также о той лживой весте, будто наши позиции к юго-востоку от Львова прорваны. Не верьте этому. На самом деле тысячи русских трупов лежат перед нашими окопами... Наступление никогда не приблизит мир... Если же вы все-таки последуете зову ваших начальников, подкупленных Англией, то тогда мы будем до тех пор продолжать борьбу, пока вы не будете лежать в земле»...

7 июля наконец раздался гром наших пушек. 9 июля начался штурм, а через три дня я возвращался из 10-й армии в Минск, с отчаянием в душе и с явным сознанием полного крушения последней, тлевшей еще надежды на... чудо.

Глава XXXII. Наступление русских армий летом 1917 г. Разгром

Наступление русских армий, предположенное на май, все откладывалось. Первоначально имелась в виду одновременность действий на всех фронтах; потом, считаясь с психологической невозможностью сдвинуть армии с места одновременно, перешли к плану наступления уступами во времени. Но фронты, имевшие значение второстепенное (Западный) или демонстративное (Северный), и которым надлежало начинать операцию раньше, для отвлечения внимания и сил противника от главных направлений (Юго-западный фронт), – не были готовы психологически. Тогда верховное командование решило отказаться от всякой стратегической планомерности, и вынуждено было предоставить фронтам, начинать операцию по мере готовности, лишь бы не задерживать ее чрезмерно, и тем не давать противнику возможности дальних крупных перебросок.

Даже и такая, упрощенная революцией стратегия могла дать большие результаты в мировом масштабе войны, если даже не прямым разгромом восточного фронта, то, по крайней мере, восстановлением его прежнего грозного значения, потребовав от центральных держав притока туда больших сил, средств, огромного количества боевых припасов, созда-

вая опять вечное беспокойство, и совершенно сковывая оперативную свободу Гинденбурга.

В результате, начало операций определилось следующими датами: 16 июня – на Юго-западном фронте; 7 июля – на Западном; 8 июля – на Северном и 9 июля – на Румынском. Последние три даты почти совпадают с началом крушения (6–7 июля) Юго-западного фронта.

Как я уже говорил, к июню 1917 г. большинство революционной демократии, хотя и с весьма существенными оговорками, восприняло идею необходимости наступления. Таким образом, в активе своего морального обоснования эта идея имела Временное правительство, командный состав, все офицерство, либеральную демократию, оборонческий блок советов, комиссаров, почти все высшие войсковые комитеты и много низших. В пассиве – меньшинство революционной демократии в лице большевиков, левых социал-революционеров, группы Чернова, Цедербаума (Мартова) и еще один маленький привесок... демократизацию армии.

У меня нет под рукой боевого расписания русских армий, но, во всяком случае, во всех районах наступления мы обладали превосходством сил, и технических средств, над противником, и в частности, небывалым доселе количеством тяжелой артиллерии.

Юго-западному фронту предстояло первому испытать боевые свойства революционной армии.

Между верхним Серетом и Карпатами (Броды-Надворна), на позициях, достигнутых нами после победоносного наступления Брусилова, к осени 1916 г., севернее Днестра располагалась группа генерала Бем-Эрмоли, состоявшая из 4-ой австрийской армии генерала Терстянского (на Буском направлении, вне главного удара), 2-ой австрийской армии, непосредственно подчиненной Бем-Эрмоли – на Злочевском направлении и Южной германской армии графа Ботмера на Бржезанском^[223]. Южнее Днестра стояла 3-я австрийская армия генерала Кирхбаха, составлявшая левое крыло Карпатского фронта эрцгерцога Иосифа. Три последние армии противостояли нашим ударным корпусам. Эти австро-германские войска испытали уже летом и осенью 1916 г. удары русских армий, нанесших им ряд тяжелых поражений. С тех пор, потрепанные дивизии Ботмера частично заменены были, менее уставшими частями с севера; австрийские армии, несколько приведенные в порядок немецким командованием, и подкрепленные влитыми в них германскими дивизиями, все же не представляли из себя особенно серьезной силы, и по оценке главной немецкой квартиры, обладали в очень слабой степени активными свойствами.

Со времени занятия немцами Червищенского плацдарма (на Стоходе), главной квартирой Гинденбурга всякие операции были воспрещены, в надежде на естественное развитие развала страны и русской армии, которому должна была со-

²²³ В состав ее входили и 2 турецких дивизии.

действовать немецкая пропаганда. Удельный вес нашей армии оценивался немцами чрезвычайно низко. Тем не менее, когда в начале июня обозначилась серьезная возможность нашего наступления, Гинденбург счел необходимым снять с Западного европейского фронта 6 германских дивизий, и направил их на усиление группы Бем-Эрмоли: противнику хорошо известны были наши операционные направления...

Главное направление удара армий Юго-западного фронта, под начальством генерала Гутора, намечено было – Камень-Подольск – Львов. Армии были двинуты обоими берегами Днестра: XI-я генерала Эрдели – на Злочов, 7-я генерала Селивачева – на Бржезаны, и 8-я генерала Корнилова – на Галич. Успех наступления приводил к овладению Львовым, к разрыву связи между фронтами Бем-Эрмоли и эрцгерцога Иосифа, – и опрокидывал в Карпаты, отрезая от естественных путей сообщения, левое крыло последнего. Прочие армии Юго-западного фронта (1-я и Особая) стояли растянутыми на широком фронте от реки Припяти до Брод, имея задачей активную оборону и демонстрацию.

16-го июня, на фронте ударных корпусов 7-й и 11-й армий, началась артиллерийская канонада, еще не слыханного никогда напряжения. После двухдневной непрерывной артиллерийской подготовки, разрушившей сильные укрепления противника, русские полки двинулись в атаку. Между Зборовым и Бржезанами и у последнего пункта, на протяжении нескольких верст, фронт противника был прорван; мы

овладели двумя-тремя укрепленными линиями. 19-го атаки повторились на 60-тиверстном фронте, между верхней Стрыпой и Нараювкой. За два дня тяжелого и славного боя русские войска взяли в плен 300 офицеров, 18 000 солдат, 29 орудий и много другой военной добычи; овладели неприятельскими позициями на многих участках, и проникли в расположение противника на 2–5 верст, отбросив его, на Злочевском направлении, за Малую Стрыпу.

Разнесенное телеграфом по всей России, известие о нашей победе вызвало всеобщее ликование, и подняло надежды на возрождение былой мощи русской армии. Керенский доносил Временному правительству: «Сегодня великое торжество революции. 18 июня, русская революционная армия, с огромным воодушевлением перешла в наступление, и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции, и любовь к свободе и родине... Русские воины утверждают новую, основанную на чувстве гражданского долга, дисциплину... Сегодняшний день положил предел злостным клеветническим нападкам на организацию русской армии, построенную на демократических началах»... Человек, который сказал это, имел смелость впоследствии оправдываться, что не он разрушал армию, а получил ее организацию как роковое наследие...

После трех дней затишья, на фронте 11-ой армии возобновился горячий бой, по обе стороны ж. д. линии, на фронте Баткув-Конюхи. К этому времени, начался подход из резер-

ва к угрожаемым участкам германских частей, и бой принял упорный, ожесточенный характер. 11-я армия овладела рядом укрепленных линий, неся, однако, тяжелые потери; местами окопы, после горячих схваток, переходили из рук в руки; требовалось новое большое напряжение, чтобы сломить упорство усилившегося и оправившегося противника...

Этим боем, по существу, закончилась наступательная операция 7-й и 11-й армий. Порыв исчез, началось нудное стояние на позиции, оживлявшееся лишь местными боями, контратаками австро-германцев и артиллерийским огнем «переменного напряжения».

Между тем, 23 июня началась подготовка наступления и в армии Корнилова. 25 июня, его войска западнее Станиславова прорвали позиции Кирхбаха, и вышли на линию Иезуполь-Лысец; 26-го, после упорного кровопролитного боя, войска Кирхбаха, разбитые наголову, повернули, увлекая, в своем стремительном бегстве, и подоспевшую на помощь германскую дивизию. 27-го правая колонна генерала Черемисова овладела Галичем, перебросив часть сил через Днестр, а 28-го левая колонна, преодолевая упорное сопротивление австрогерманцев, взяла с боя Калуш. В последующие два-три дня, 8-я армия устраивалась с боями на реке Ломнице и впереди ее.

В этой блестящей операции армия Корнилова, прорвав фронт 3-й австрийской армии на протяжении 30 верст, захватила в плен 150 офицеров, 10 000 солдат и около ста ору-

дий. Выход на Ломницу открывал Корнилову пути на Долину Стрый, и на сообщения армии графа Ботмера. Немецкая главная квартира, – считала положение главнокомандующего Восточным фронтом критическим.

Генерал Бем-Эрмоли, в это время, все свои резервы стягивал на Злочевское направление. Туда же двигались, и перебрасываемые с Западного европейского фронта, германские дивизии. Пришлось, однако, часть резервов перебросить за Днестр, против 8-ой русской армии. Они подоспели ко 2-му июля, внесли некоторую устойчивость в расстроенные ряды 3-ей австрийской армии, и с этого дня на Ломнице начинаются позиционные бои, достигающие иногда большого напряжения, с переменным успехом.

Сосредоточение германской ударной группы, между верхним Серетом и ж. д. линией Тарнополь-Злочов, закончилось 5 июля.

6-го, после сильной артиллерийской подготовки, эта группа атаковала 11 армию, прорвала ее фронт, и начала безостановочное движение на Каменец-Подольск, преследуя корпуса 11 армии, обратившиеся в паническое бегство. Штаб армии, за ним Ставка и печать, презрев перспективу, обрушились на 607 Млыновский полк, считая его виновником катастрофы. Развращенный, скверный полк самовольно ушел с позиции, открыв фронт. Явление весьма прискорбное, но слишком элементарно было бы считать его даже поводом. Ибо уже 9-го комитеты и комиссары 11-ой армии телегра-

фировали Временному правительству «всю правду о совершившихся событиях»:

«Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и губительный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии всевозрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу – на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингах, почему поддержка опаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов, – с ружьями и без них, – здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Положение требует самых крайних мер... Сегодня главнокомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продает Россию и революцию».

11-я армия «при огромном превосходстве сил и техни-

ки, уходила безостановочно»^[224]. 8-го она была уже на Серете, пройдя без задержки сильные укрепленные позиции западнее этой реки, которые служили исходным положением, для нашего славного наступления 1916 г. Бем-Эрмоли, преследуя нас частью сил на Тарнополь, главные силы двинул в южном направлении, между Серетом и Стрыпой, угрожая отрезать пути сообщения 7 армии, сбросить ее в Днестр и, может быть, затем перехватить пути отхода и 8-й армии. 9 июля австро-германцы достигли уже Микулинце, в переходе к югу от Тарнополя... Армии генералов Селивачова и Черемисова^[225] попали в очень тяжелое положение: рассчитывать на маневренное противодействие противнику они не могли, и поэтому оставалось форсированными маршами выйти из-под его ударов. В особенности тяжело было 7-й армии, отступавшей под двойным напором – с фронта – корпусов гр. Ботмера, с обнаженного правого фланга (с севера) – войск ударной группы Бем-Эрмоли. 8-й армии предстояло пройти под напором противника более 140 верст.

10 июля, австрогерманцы продвинулись на линию Микулинце-Подгайце-Станиславов. 11-го германцы заняли Тарнополь, брошенный без боя 1-м гвардейским корпусом, а на другой день прорвали наши позиции на реке Гнезно и на Серете, южнее Трембовли, развивая свое наступление к восто-

²²⁴ Сводка Ставки.

²²⁵ Заменил генерала Корнилова, назначенного 7 июля главнокомандующим Юго-западным фронтом.

ку и юго-востоку. В тот же день, преследуя 7-ю и 8-ю армии, противник занял линию от Серета (между Трембовлей и Чертковым) на Монастержиско-Тлумач.

12-го июля ввиду полной безнадежности положения главнокомандующий отдал приказ об отступлении от Серета, и к 21-му армии Юго-западного фронта, очистив всю Галицию и Буковину, отошли к русской государственной границе.

Путь их был обозначен пожарами, насилиями, убийствами и грабежами. Но среди них были немногие части, доблестно дравшиеся с врагом, и своею грудью, своею жизнью прикрывавшие обезумевшие толпы беглецов. Среди них было и русское офицерство, своими трупами, по преимуществу, устилавшее поля сражений.

Армии в полном беспорядке отступали. Те самые армии, которые год тому назад в победном шествии своем взяли Луцк, Броды, Станиславов, Черновицы... Отступали перед теми самыми австро-германскими армиями, которые год тому назад были разбиты наголову, и усеяли беглецами поля Волыни, Галиции, Буковины, оставляя в наших руках сотни тысяч пленных. Мы не забудем никогда, что 7, 8, 9 и 11 армии в Брусиловском наступлении 1916 года, взяли 420 тысяч пленных, 600 орудий, 2? тысячи пулеметов и т. д... Этого обстоятельства, вероятно, не забудут и наши союзники: они знают хорошо, что Галицийская битва отозвалась громким эхом на Сомме и Горице...

Комиссары Савинков и Филоненко телеграфировали Вре-

менному правительству: «Выбора не дано: смертная казнь изменникам... смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину»...

В начале июля, когда обозначился неуспех русского наступления, в главной квартире Гинденбурга решено было предпринять новую большую операцию против Румынского фронта одновременным наступлением 3-й и 7-й австрийских армий, через Буковину в Молдавию, и правой группы Макензена на нижнем Серете. Целью ставилось овладение Молдавией и Бессарабией. Но еще 11-го июля, 4-ая русская армия генерала Рагозы и румынская – Авереско – перешли в наступление между реками Сушицей и Путной, против 9-ой австрийской армии. Атака их увенчалась успехом; армии овладели укрепленными позициями противника, продвинулись на несколько верст, взяли 2 000 пленных и более 60 орудий, но развития операция эта не получила. По условиям театра и направления, эти действия имели скорее характер демонстрации, для облегчения положения Юго-западного фронта, и кроме того, войска 4-ой русской армии вскоре утратили наступательный порыв. В течение июля и до 4 августа, войска эрцгерцога Иосифа и Макензена вели атаки, в направлении Радауцком, Кимполунгском, Окненском и севернее Фокшан, имели местные успехи, но никаких серьезных результатов не достигли. Хотя русские дивизии неоднократно отказывали в повиновении, и иногда бросали позиции во время боя, но все же несколько лучшее общее состо-

яние Румынского фронта – периферии по отношению к Петрограду, наличие более прочных румынских войск, и естественные условия театра, позволили удержать фронт.

Это обстоятельство, в связи с выяснившейся неустойчивостью австрийских армий, в особенности 3 и 7^[226], и полным расстройством сообщений группы Бем-Эрмоли и левого крыла эрцгерцога Иосифа, заставили главную квартиру Гинденбурга отложить на неопределенное время операцию, и на всем протяжении Юго-западного фронта наступило затишье; на Румынском же до конца августа шли бои местного значения. Вместе с тем, началась переброска германских дивизий от Збруча на север, на Рижское направление. Гинденбург имел целью, не напрягая чрезмерно сил и не расходуя больших резервов, столь нужных на Западно-европейском фронте, наносить нам частные удары, и тем давать моральные толчки, к ускорению естественного падения русского фронта, на чем основывались все оперативные расчеты, и даже сама возможность продолжения центральными державами кампании, в 1918 году.

Попытки нашего наступления на прочих фронтах, окончились также полной неудачей.

7-го июля началась операция у меня на Западном фронте. Подробности изложены в следующей главе. По поводу этой операции Людендорф говорит^[227]: «Из всех атак, направлен-

²²⁶ В Буковине и северных Карпатах.

²²⁷ «Souvenirs de guerre».

ных против прежнего Восточного фронта (Эйхгорна), атаки 9 июля, южнее Сморгони, у Крево были особенно жестоки... Положение в течение нескольких дней представлялось очень тяжелым, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили фронта. Русские оставили наши траншеи. Это не были уже русские прежних дней».

На Северном фронте, в 5-ой армии все окончилось в один день: юго-западнее Двинска «наши части, – говорит сводка, – после сильной артиллерийской подготовки, овладели немецкой позицией, по обе стороны железной дороги Двинск-Вильно. Вслед за сим целые дивизии, без напора со стороны противника, самовольно отошли в основные окопы». Сводка отмечала геройское поведение некоторых частей, доблесть офицеров и их огромную убыль. Это событие, ничтожное в стратегическом отношении, представляет, однако, большой бытовой интерес. Дело в том, что 5-й армией командовал генерал Данилов^[228], пользовавшийся исключительным признанием революционной демократии. По словам комиссара Северного фронта Станкевича, генерал Данилов был «единственным генералом, который, несмотря на революцию, остался полным хозяином в армии, сумев наладить так отношения, что все новые учреждения – и комиссар, и комитеты – не ослабляли, а лишь усиливали его власть... И он умел пользоваться этими силами, с полным

²²⁸ Эксперт большевистской делегации при заключении Брест-Литовского мира. В 1920 г. служил в русской армии в Крыму.

самообладанием и уверенностью устраняя все препятствия. В 5-й армии все работало, училось, просвещалось... так как весь лучший и культурный элемент армии был двинут в дело»...

Таким образом, и полное восприятие революционных учреждений командующим, не могло служить гарантией боеспособности его войск.

* * *

Еще 11 июля генерал Корнилов, после назначения главным командующим Юго-западного фронта, послал Временному правительству, с копией верховному командованию, известную свою телеграмму («Армия обезумевших темных людей бежит»^[229]...), требуя введения смертной казни; в телеграмме он, между прочим, писал: «...Я заявляю, что отечество гибнет, а потому, хотя и неспрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах, для сохранения и спасения армии, и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни».

Невзирая на своеобразную форму этого обращения, идея

²²⁹ См. главу XIX.

прекращения наступления была немедленно принята верховным командованием, тем более, что фактическая приостановка всех операций явилась, независимо от директив, как результат нежелания драться и утраченной способности русской армии к наступательным действиям, так одновременно и вследствие планов германской главной квартиры.

Смертная казнь, и военно-революционные суды, были введены на фронте. Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах; сформировал особые ударные батальоны, из юнкеров и добровольцев, для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями; наконец, запретил в районе фронта митинги, требуя разгона их силою оружия.

Эти мероприятия, введенные генералом Корниловым самочинно, его мужественное прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия – все это чрезвычайно подняло его авторитет, в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия армии, оглушенная и подавленная трагическим оборотом событий, в первое время после разгрома, увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения.

Можно сказать, что день 8-го июля^[230] предрешил судь-

²³⁰ Вступление в должность главнокомандующего Юго-западным фронтом и

бу Корнилова: в глазах многих он стал народным героем, на него возлагались большие надежды, от него стали ждать спасения страны.

Находясь в Минске, – и имея очень плохое осведомление о неофициальных взаимоотношениях военного мира, – я все же ясно почувствовал, что центр тяжести морального влияния переносится в Бердичев^[231]; Керенский и Брусилов как-то сразу потускнели. В служебном обиходе появился новый, странный способ руководства: из Бердичева получалось в копии «требование» или уведомление о принятом сильном и ярком решении, а через некоторое время, оно повторялось Петроградом или Могилевым, облеченное в форму закона или приказа...

На солдат июльская трагедия произвела, несомненно, несколько отрезвляющее впечатление. Во-первых, появился стыд – слишком гнусно и позорно было все случившееся, чтобы его могла оправдать даже заснувшая совесть, и сильно притупленное нравственное чувство. Я помню, как впоследствии, в ноябре мне пришлось под чужим именем, переодетым в штатское платье, в качестве бежавшего из Быховского плена, несколько дней провести в солдатской толпе, затопившей все железные дороги. Шли разговоры, воспоминания. И я не слышал ни разу циничного, откровенного признания солдатами их участия в июльском предательстве; все нахо-

посылка первого «требования» Временному правительству.

²³¹ Штаб Юго-западного фронта.

дили какие-либо оправдания событиям, главным образом, в чьей-либо «измене», преимущественно... офицерской; о своей – никто не говорил. Во-вторых, появился страх. Солдаты почувствовали какую-то власть, какой-то авторитет, и поэтому несколько присмирели, заняв выжидательное положение. Наконец, прекращение серьезных боевых операций, и вечно нервного напряжения, вызвало временно реакцию, проявившуюся в некоторой апатии и непротивлении.

Это был второй момент в жизни армии (первый – в начале марта), который, будучи немедленно и надлежаще использован, мог стать поворотным пунктом в истории русской революции.

Создавшиеся благоприятные условия для перелома в настроении армии, многие поверхностные наблюдатели армейской жизни сочли за совершившийся факт перелома. Так, например, отнеслись к августовскому периоду комиссары Северного, и Юго-западного фронтов. Уже 18-го июля Гобечию, комиссар последнего фронта, доносил, что «в настроении войск наступает решительный перелом, который дает основание надеяться, что армия выполнит возложенный на нее революцией долг». Для людей, потерявших перспективу, слишком уж разительна была разница между армией – в ее бешеном, паническом бегстве, и армией, несколько отдышавшейся и устраивающейся на Збруче...

Но по мере того, как замирали последние выстрелы на фронте наступления, люди, ошеломленные грозными собы-

тиями, начали мало-помалу приходить в себя.

Первым опомнился г. Керенский. Не было уже того ужаса, бьющего по нервам, заставлявшего терять голову, под влиянием которого изданы были первые суровые приказы. Страх перед Советом, опасение потерять окончательно авторитет среди революционной демократии, обида за резкий, оскорбительный тон Корниловских обращений и призрак грядущего диктатора, – тяготели над волей Керенского. Военные законопроекты, которые должны были вернуть власть вождям и силу армии, безнадежно тонули в канцелярской волоките, в пучине личных столкновений, подозрений и антипатий.

Революционная демократия стала, вновь, в резкую оппозицию к новому курсу, видя в нем посягательство на свободы, и угрозу своему бытию. Точно такое же положение заняли войсковые комитеты, ограничением деятельности которых, и должны были начаться преобразования. Новый курс получил, в глазах этих кругов, значение прямой контрреволюции.

А солдатская масса вскоре разобралась в новом положении, увидела, что «страшные слова» – только слова, что смертная казнь – только пугало, ибо нет той действительной силы, которая могла бы сломить их своеволие.

И страх вновь был потерян.

Пронесшаяся гроза не разрядила душной напряженной атмосферы; нависали новые тучи, вот-вот готовые разра-

зиться оглушительным громом.

Глава XXXIII. Совещание в Ставке 16 июля министров и главнокомандующих

После возвращения моего с фронта в Минск, я получил приказание прибыть в Ставку, в Могилев, на совещание к 16-му июля. Керенский предложил Брусилову пригласить, по его усмотрению, авторитетных военачальников для того, чтобы выяснить действительное состояние фронта, последствия июльского разгрома и направление военной политики будущего. Как оказалось, прибывший по приглашению Брусилова генерал Гурко не был допущен на совещание Керенским. Генералу Корнилову послана была Ставкой телеграмма, что ввиду тяжелого положения Юго-западного фронта, приезд его не признается возможным, и что ему предлагается представить письменные соображения, по возбуждаемым на совещании вопросам. Вспомним, что в эти дни, между 14 и 15-м июля, шло полное отступление XI армии от Серета к Збручу, и всех волновал вопрос, успеет ли 7-я армия перейти нижний Серет, а 8-я – меридиан Залещиков, чтобы выйти из-под удара резавших им пути германских армий.

Положение страны и армии было настолько катастрофическим, что я решил, не считаясь ни с какими условностями подчиненного положения, развернуть на совещании ис-

тинную картину состояния армии, во всей ее неприглядной наготе.

Явился Верховному главнокомандующему. Брусилов удивил меня:

– Антон Иванович, я сознал ясно, что дальше идти некуда. Надо поставить вопрос ребром. Все эти комиссары, комитеты и демократизации губят армию и Россию. Я решил категорически потребовать от них прекращения дезорганизации армии. Надеюсь, вы меня поддержите?

Я ответил, что это вполне совпадает с моими намерениями, и что я приехал, именно с целью поставить вопрос о дальнейшей судьбе армии, самым решительным образом. Должен сознаться, что этот шаг Брусилова примирил меня с ним, и поэтому я исключил мысленно из своей будущей речи все то горькое, что накопилось исподволь против верховного командования.

Ждали мы сбора совещания долго, часа полтора. Потом выяснилось, что произошел маленький инцидент. Министра-председателя не встретили на вокзале ни генерал Брусилов, ни его начальник штаба Лукомский, задержанные срочными оперативными распоряжениями. Керенский долго ждал и нервничал. Наконец, послал своего адъютанта к генералу Брусилову, с резким приказанием немедленно прибыть с докладом. Инцидент прошел малозамеченным, но те, кто был близок к политической арене, знают, что на ней играют только люди со всеми их слабостями, и что нередко иг-

ра продолжается и за кулисами.

В совещании приняли участие и присутствовали: министр-председатель Керенский, министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий – генерал Брусилов и его начальник штаба генерал Лукомский, генералы Алексеев и Рузский, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский, Западным – я, с начальником штаба генералом Марковым, адмирал Максимов, генералы Величко, Романовский, комиссар Юго-западного фронта Савинков, и два-три молодых человека из свиты г. Керенского.

Генерал Брусилов обратился к присутствующим с краткою речью, которая поразила меня своими, слишком общими и неопределенными, формами. В сущности, он не сказал ничего. Я рассчитывал, что свое обещание Брусилов исполнит в конце, сделав сводку и заключение. Как оказалось впоследствии, я ошибся – генерал Брусилов более не высказывался. Затем слово было предоставлено мне. Я начал свою речь.

* * *

«С глубоким волнением, и в сознании огромной нравственной ответственности, я приступаю к своему докладу; и

прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет мое слово теперь – при самодержавии революционном.

Вступив в командование фронтом, я застал войска его совершенно развалившимися. Это обстоятельство казалось странным тем более, что ни в донесениях, поступавших в Ставку, ни при приеме мною должности, положение не рисовалось в таком безотрадном виде. Дело объясняется просто: пока корпуса имели пассивные задачи, они не проявляли особенно крупных эксцессов. Но когда пришла пора исполнить свой долг, когда был дан приказ о занятии исходного положения для наступления, тогда заговорил шкурный инстинкт, и картина развала раскрылась.

До десяти дивизий не становились в исходное положение. Потребовалась огромная работа начальников всех степеней, просьбы, уговоры, убеждения... Для того, чтобы принять какие-либо решительные меры, нужно было во что бы то ни стало хоть уменьшить число бунтующих войск. Так прошел почти месяц. Часть дивизий, правда, исполнила боевой приказ. Особенно сильно разложился 2-й Кавказский корпус и 169 пех. дивизия. Многие части потеряли не только нравственно, но и физически человеческий облик. Я никогда не забуду часа, проведенного в 703-м Сурамском полку. В полках по 8–10 самогонных спиртных заводов; пьянство, картеж, буйство, грабежи, иногда убийства...

Я решился на крайнюю меру: увести в тыл 2-й Кавказский

корпус (без 51-й пех. дивизии) и его и 169-ю пех. дивизию расформировать, лишившись таким образом в самом начале операции, без единого выстрела около 30 тысяч штыков...

На корпусный участок кавказцев были двинуты 28-я и 29 пех. дивизии, считавшиеся лучшими на всем фронте... И что же: 29 дивизия, сделав большой переход к исходному пункту, на другой день почти вся (два с половиной полка) ушла обратно; 28 дивизия развернула на позиции один полк, да и тот вынес безапелляционное постановление – «не наступать».

Все, что было возможно в отношении нравственного воздействия, было сделано.

Приезжал и Верховный главнокомандующий; и после своих бесед с комитетами, и выборными 2-х корпусов, вынес впечатление, что «солдаты хороши, а начальники испугались и растерялись»... Это неправда. Начальники в невероятно тяжелой обстановке сделали все, что могли. Но г. Верховный главнокомандующий не знает, что митинг 1-го Сибирского корпуса, где его речь принималась наиболее восторженно, после его отъезда продолжался... Выступали новые ораторы, призывавшие не слушать «старого буржуя» (я извиняюсь, но это правда... Реплика Брусилова – «Пожалуйста»...) и осыпавшие его площадной бранью. Их призывы также встречались громом аплодисментов.

Военного министра, объезжавшего части, и вдохновенным словом подымавшего их на подвиг, восторженно при-

ветствовали в 28-ой дивизии. А по возвращении в поезд, его встретила депутация одного из полков, заявившая, что этот и другой полк, через полчаса после отъезда министра, вынесли постановление – «не наступать».

Особенно трогательна была картина в 29-ой дивизии, вызвавшая энтузиазм, – вручение коленопреклоненному командиру Потийского пех. полка, – красного знамени. Устами трех ораторов и страстными криками потийцы клялись «умереть за Родину»... Этот полк в первый же день наступления, не дойдя до наших окопов, в полном составе позорно повернул назад, и ушел за 10 верст от поля боя...

В числе факторов, которые должны были морально поднять войска, но фактически послужили к их вящему разложению, были комиссары и комитеты.

Быть может, среди комиссаров и есть черные лебеди, которые, не вмешиваясь не в свое дело, приносят известную пользу. Но самый институт, внося двоевластие, трения, непрощенное и преступное вмешательство, не может не разлагать армии.

Я вынужден дать характеристику комиссаров Западного фронта. Один, быть может, хороший и честный человек – я этого не знаю, – но утопист, совершенно не знающий не только военной жизни, но и жизни вообще. О своей власти необычайно высокого мнения. Требуя от начальника штаба исполнения приказания, заявляет, что он имеет право сместить войскового начальника, до командующего армией

включительно... Объясняя войскам существо своей власти, определяет ее так: «как военному министру подчинены все фронты, так я являюсь военным министром для Западного фронта»...

Другой с таким же знанием военной жизни, социал-демократ, стоящий на грани меньшевизма и большевизма. Это известный докладчик военной секции Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, который развал, внесенный в армию декларацией, счел недостаточным и требовал дальнейшей «демократизации»: отвода и аттестации начальников, отмены второй половины п.14-го, предоставлявшей право применять оружие против трусов и негодяев, требовал свободы слова не только «во внеслужебное время», но и на службе.

Третий нерусский, по-видимому с презрением относящийся к русскому солдату, подходил к полку обыкновенно с таким градом отборных ругательств, к каким никогда не прибегали начальники при царском режиме. И странно: сознательные и свободные революционные воины принимают это обращение, как должное; слушают и исполняют. Комиссар этот, по заявлению начальников, приносит несомненную пользу.

Другое разрушающее начало – комитеты. Я не отрицаю прекрасной работы многих комитетов, всеми силами исполняющих свой долг. В особенности отдельных членов их, которые принесли несомненную пользу, даже геройской смер-

тью своей запечатлели свое служение Родине. Но я утверждаю, что принесенная ими польза ни в малейшей степени не окупит того огромного вреда, – который внесло в управление армией многовластие, многоголовие, столкновения, вмешательства, – и дискредитирование власти. Я мог бы привести сотни постановлений, вносящих дезорганизацию, дискредитирующих власть. Ограничусь лишь более выпуклыми и характерными.

Совершенно определено и открыто идет захват власти.

Орган фронтового комитета, – в статье председателя, – требует предоставления комитетам правительственной власти.

Армейский комитет 3-ей армии в постановлении, поддержанном, к моему удивлению, командующим армией, просил «снабдить армейские комитеты полномочиями военного министра, и Центрального комитета солдатских и рабочих депутатов, дающими право действовать от имени Комитета»...

При обсуждении знаменитой «декларации», по поводу п.1, мнения во фронтовом комитете разделились. Часть отвергла вторую половину его вовсе, другая требовала добавления «членам фронтового комитета предоставляется, при тех же обстоятельствах, право применять все меры до применения вооруженной силы включительно, против тех же лиц и даже самих начальников». Вот куда идет дело!..

В докладе секции Всероссийского съезда читаем требования, чтобы органам солдатских самоуправлений предостав-

лено было право отвода, аттестации начальников, право участия в управлении армией.

И не думайте, что это только теория. Нет. Комитеты захватывают в свои руки все вопросы – боевые, бытовые, административные. И это, – наряду с полной анархией во внутренней жизни и службе частей, – вызванной сплошным неповиновением.

Нравственная подготовка наступления шла своим чередом.

Фронтовой комитет 8 июня вынес постановление – «не наступать»; 18 июня переокрасился, и высказался за наступление. Комитет 2-ой армии 1-го июня решил не наступать, 20-го июня отменил свое решение. Минский совет рабочих и солдатских депутатов, 123 голосами против 79-ти, не разрешал наступать. Все комитеты 169-й пехотной дивизии постановили выразить недоверие Временному правительству, и считать наступление «изменой революции» и т. д.

Поход против власти выразился целым рядом смещений старших начальников, в чем, в большинстве случаев, приняли участие комитеты. Перед самым началом операции, должны были уйти командир корпуса, начальник штаба, и начальник дивизии важнейшего ударного участка. Подобной участи подверглись, в общем, 60 начальников, от командира корпуса до командира полка...

Учесть все то зло, которое внесено было комитетами, трудно. В них нет своей твердой дисциплины. Вынесенное

отрадное постановление большинством голосов – этого мало. Проводят его в жизнь отдельные члены комитета. И большевики, прикрываясь положением члена комитета, не раз безвозбранно сеяли смуту и бунт.

В результате – многоголовие и многовластие; вместо укрепления власти – подрыв ее. И боевой начальник, опекаемый, контролируемый, возводимый, свергаемый и дискредитируемый со всех сторон – должен был властно и мужественно вести в бой войска...

Такая нравственная подготовка предшествовала операции. Развертывание не закончено. Но обстановка на Юго-западном фронте требовала немедленной помощи. С моего фронта враг увел туда уже 3–4 дивизии. Я решил атаковать с теми войсками, которые остались, по виду хотя бы, верными долгу.

В течение трех дней, наша артиллерия разгромила вражеские окопы, произвела в них невероятные разрушения, нанесла немцам тяжелые потери и расчистила путь своей пехоте. Почти вся первая полоса была прорвана, наши цепи побывали на вражеских батареях. Прорыв обещал разрастись в большую, так долгожданную победу...

Но... обращаюсь к выдержкам из описания боя.

«Части 28-й пех. дивизии подошли для занятия исходного положения лишь за 4 часа до атаки, причем из 109-го полка дошло лишь две с половиной роты с

4-мя пулеметами и 30 офицерами; 110-й полк дошел в половинном составе; два батальона 111-го полка, занявших щели, отказались от наступления; в 112-м полку солдаты целыми десятками уходили в тыл. Части 28 дивизии были встречены сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем и залегли у своей проволоки, будучи не в силах продвинуться вперед; только некоторым частям штурмовиков и охотников Волжского полка со взводом офицеров удалось захватить первую линию, но вследствие сильного огня им удержаться не удалось, и к середине дня части 28-й дивизии вернулись в исходное положение, понеся значительные потери, особенно в офицерском составе. На участке 51-ой дивизии атака началась в 7 часов 5 минут. 202-ой Горийский и 204-й Ардагано-Михайловский полки, а также две роты Сухумцев, штурмовая рота Сухумцев и штурмовая рота Потийского полка быстрым натиском прорвались через две линии окопов, перекололи штыками их защитников и в 7 часов 30 мин. стали штурмовать 3-ю линию. Прорыв был настолько стремителен и неожидан, что «противник не успел открыть своевременно заградительного огня. Следовавший за передовыми полками 201-ый Потийский полк, подойдя к первой линии наших окопов, отказался идти далее и, таким образом, прорвавшиеся части не могли быть своевременно поддержаны. Двигавшиеся вслед за Потийцами части 134-й дивизии, вследствие скопления в окопах Потийцев, а также вследствие сильного

артиллерийского огня противника, задачи своей не выполнили и частью рассыпались, частью залегли в наших щелях. Не видя поддержки сзади и с флангов, Горийцы и Ардаганцы пришли в смущение, и некоторые роты, потерявшие убитыми офицеров, начали медленно отходить, а за ними все остальные, однако, без особого давления со стороны немцев, которые только при отходе наших частей открыли по ним сильный артиллерийский и пулеметный огонь... Части 29-й дивизии не успели своевременно занять исходное положение, так как солдаты, вследствие изменившегося настроения, шли неохотно вперед. За четверть часа до назначенного начала атаки правофланговый 114-й полк отказался наступать; пришлось двинуть на его место Эриванский полк из корпусного резерва. По невыясненным еще причинам 116-й и 113-й полки также своевременно не двинулись...

После неудачи утечка солдат стала все возрастать и к наступлению темноты достигла огромных размеров. Солдаты, усталые, изнервничавшиеся, не привыкшие к боям и грохоту орудий после стольких месяцев затишья, бездеятельности, братания и митингов, толпами покидали окопы, бросая пулеметы, оружие и уходили в тыл...

Трусость и недисциплинированность некоторых частей дошла до того, что начальствующие лица вынуждены были просить нашу артиллерию не

стрелять, так как стрельба своих орудий вызывала панику среди солдат»^[232]...

Вот другое описание командира корпуса, принявшего его накануне операции, и поэтому совершенно объективного в оценке подготовки ее.

...«Всё для успешного выполнения наступления, было налицо: обстоятельно разработанный план; могущественная, хорошо работавшая артиллерия; благоприятная погода, не позволявшая немцам использовать свое превосходство в авиационных средствах; перевес наш в силах, своевременно поданные резервы, обилие огнестрельных припасов, скажу еще – удачно выбранный участок для наступления, позволявший укрыто и близко от окопов расположить большое количество артиллерии, имевший, благодаря сильно волнистому его характеру, много скрытых подступов к фронту, незначительное расстояние между нашей линией и линией противника и, наконец, отсутствие естественных препятствий между линиями, которые требовали бы их форсирования под огнем противника. Кроме того, обработка солдат комитетами, начальством и военным министром Керенским, которая в конечном итоге сдвинула на самый трудный первый шаг.»

²³² Выдержки из описания боя Штабом 20 корпуса.

«Успех, крупный успех, был достигнут, да еще со сравнительно незначительными потерями с нашей стороны. Прорваны и заняты три линии укреплений; впереди оставались лишь отдельные оборонительные узлы, и бой мог скоро принять полевой характер; подавлена неприятельская артиллерия, взято в плен свыше 1 400 германцев, и захвачено много пулеметов и всякой добычи. Кроме того, врагу нанесены крупные потери убитыми и ранеными от артиллерийского огня, и можно с уверенностью сказать, что стоявшие против корпуса части временно выведены были из строя»...

«Всего на фронте корпуса редким огнем стреляло 3–4 неприятельские батареи и изредка 3–4 пулемета... Ружейные выстрелы были одиночные»...

Но пришла ночь...

«Тотчас стали поступать ко мне тревожные заявления начальников боевых участков о массовом, толпами и целыми ротами, самовольном уходе солдат с неатакованной первой линии. Некоторые из них доносили, что в полках боевая линия занята лишь командиром полка, со своим штабом и несколькими солдатами»...

Операция была окончательно и безнадежно сорвана.

«...Пережив таким образом в один и тот же день и радость победы, достигнутой при условиях неблагоприятного боевого настроения солдат, и весь ужас добровольного лишения себя солдатской массой плодов этой победы, нужной Родине как вода и воздух, я понял, что мы начальники бессильны изменить стихийную психологию солдатской массы, – и горько, и долго рыдал»^[233]...

Эта бесславная операция, тем не менее, повлекла серьезные потери, которые теперь, когда каждый день возвращаются толпы беглецов, установить трудно. Через головные эвакуационные пункты прошло до 20 тысяч раненых. Я пока воздержусь от заключения по этому поводу, но процентное отношение рода ранения показательно: 10% тяжелораненых, 30% в пальцы и кисть руки, 40% прочих легкораненых, с которых повязок на пунктах не снимали (вероятно, много симулянтов) и 20% контуженных и больных. Так кончилась операция.

Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-тиверстном фронте у меня было 184 батальона против 29

²³³ Выдержки из описания боя 1-го Сибирского корпуса.

вражеских; 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких.

И все пошло прахом.

Из ряда донесений начальников можно заключить, что настроение войск, непосредственно после операции, такое же неопределенное, как было.

Третьего дня я собрал командующих армиями и задал им вопрос:

– Могут ли их армии противостоять серьезному (с подвозом резервов) наступлению немцев? – Получил ответ: «нет».

– Могут ли армии выдержать организованное наступление немцев теми силами, которые перед нами в данное время?

Два командующих армиями ответили неопределенно, условно. Командующий 10-ой армией – положительно.

Общий голос: «У нас нет пехоты»...

Я скажу более: У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее.

Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала.

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые чер-

ви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования.

Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов – учреждения, в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему.

Вскоре после своего нового назначения военный министр сказал мне:

– Революционизирование страны и армии окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа...

Я позволил себе доложить:

– Окончено, но несколько поздно...

Генерал Брусилов прервал меня:

– Будьте добры, Антон Иванович, сократить ваш доклад, иначе слишком затянется совещание.

Я понял, что дело не в пространности доклада, а в его рискованной сущности, и ответил:

– Я считаю, что поднятый вопрос – колоссальной важности. Поэтому прошу дать мне возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужден прекратить вовсе доклад.

Наступившее молчание я счел за разрешение и продолжал:

«Объявлена декларация прав военнослужащих.

Все до одного военные начальники заявили, что в ней гибель армии. Бывший Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев телеграфировал, что декларация – «последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии»... Бывший главнокомандующий Юго-западным фронтом, генерал Брусилов здесь, в Могилеве, в совете главнокомандующих заявил, что еще можно спасти армию и даже двинуть ее в наступление, но лишь при условии – не издавать декларации.

Но нас никто не слушал.

Параграфом 3-м разрешено свободно и открыто высказывать политические, религиозные, социальные и прочие взгляды. Хлынула в армию политика.

Солдаты расформировываемой 2-ой Кавказской гренадерской дивизии искренно недоумевали: «За что? Разрешили говорить где хочешь и что хочешь, а теперь разгоняют»... Не думайте, что такое распространительное толкование «свобод» присуще лишь темной массе. Когда 169-я пех. дивизия нравственно развалилась, а все комитеты ее, в крайне резкой форме, выразили недоверие Временному правительству, и категорический отказ наступать, я приказал расформировать ее. Но встретил неожиданное осложнение: комиссары нашли, что юридически здесь нет состава преступления, что на словах и на бумаге – все можно. Нужно, чтобы было налицо фактическое неисполнение боевого приказа...

Параграфом 6-м установлено, чтобы все без исключения печатные произведения доходили до адресата... Хлынула в армию волна разбойничьей (большевистской) и пораженческой литературы. Чем стала питаться наша армия, и, по-видимому, за счет казенной субсидии и народных денег, это видно из отчета «Московского военного бюро», которое одно снабдило фронт литературой в таких размерах:

С 24 марта по 1 мая выброшено 7 972 экз. «Правды», 2 000 экз. «Солдатской Правды», 30 375 экз. «Социал-демократа» и т. д.

С первого мая по 11 июня: 61 525 экз. «Солдатской Правды», 32 711 экз. «Социал-демократа», 6 999 экз. «Правды» и т. д.

Того же направления литература была выброшена в деревню «через солдат»^[234].

Параграфом 14-м установлено, что никого из военнослужащих нельзя наказывать без суда. Конечно, эта «свобода» коснулась лишь солдат, так как офицеров продолжали жестоко карать высшей мерой – изгнанием. Что же вышло?

Главное военно-судное управление, не уведомив даже Ставку, ввиду предстоящей демократизации судов, предложило им – приостановить свою деятельность за исключением дел исключительной важности, как например измена. Начальников лишили дисциплинарной власти. Дисциплинарные суды частью бездействовали, частью бойкотировались

²³⁴ Отчет в газете «Фронт» № 25

(не выбирались).

Правосудие вконец было изъято из армии. Этот бойкот дисциплинарных судов и поступившее донесение о нежелании одной части выбирать присяжных, – весьма показательны. Законодатель может столкнуться с таким же явлением, и в отношении новых военно-революционных судов. И в этих частях присяжных необходимо будет заменить назначенными членами.

В результате целого ряда законодательных мер, упразднена власть и дисциплина, оплеван офицерский состав, которому ясно выражено недоверие и неуважение.

Высшие военачальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются, как домашняя прислуга.

В одной из своих речей на Северном фронте, военный министр, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой:

– Я могу в 24 часа разогнать весь высший командный состав, и армия мне ничего не скажет.

В речах, обращенных к войскам Западного фронта, говорилось: – В царской армии вас гнали в бой кнутами и пулеметами... Царские начальники водили вас на убой, но теперь драгоценна каждая капля вашей крови...

Я, главнокомандующий, стоял у пьедестала, воздвигнутого для военного министра, и сердце мое больно сжималось. А совесть моя говорила: – Это неправда! Мои железные стрелки, будучи в составе всего лишь восьми батальо-

нов, потом двенадцати, – взяли более 60 тысяч пленных, 43 орудия... и я никогда не гнал их в бой пулеметами. Я не водил на убой войска под Мезоляборчем, Лутовиско, Луцном, Чарторийском. Эти имена хорошо известны бывшему главнокомандующему Юго-западным фронтом...

Но все можно простить, все можно перенести, если бы это нужно было для победы, если бы это могло воодушевить войска, и поднять их к наступлению ...

Я позволю себе одну параллель.

К нам на фронт, в 703-й Сурамский полк приехал Соколов с другими петроградскими делегатами. Приехал с благородной целью: бороться с тьмой невежества и моральным разложением, особенно проявившимся в этом полку. Его нещадно избили. Мы все отнеслись с негодованием к дикой толпе негодяев. Все всполошилось... Всякого ранга комитеты вынесли ряд осуждающих постановлений. Военный министр в грозных речах, в приказах осудил позорное поведение сурамцев, послал сочувственную телеграмму Соколову.

Другая картина...

Я помню хорошо январь 1915 года, под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, одорукий бесстрашный герой, полковник Носков, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел свой полк в атаку, на отвесные неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли.

Я спрашиваю господина военного министра: обрушился ли он всей силой своего пламенного красноречия, обрушился ли он всей силой гнева и тяжестью власти на негодных убийц, послал ли он сочувственную телеграмму несчастной семье павшего героя.

И когда у нас отняли всякую власть, всякий авторитет, когда обездушили, обескровили понятие «начальник», вновь хлестнули нас больно телеграммой из Ставки: «начальников, которые будут проявлять слабость перед применением оружия, смещать и предавать суду»...

Нет, господа! Тех, которые в бескорыстном служении Родине полагают за нее жизнь, вы этим не испугаете!

В конечном результате, старшие начальники разделились на три категории: одни, невзирая на тяжкие условия жизни и службы, скрепя сердце, до конца дней своих исполняют честно свой долг; другие опустили руки и поплыли по течению; а третьи неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со времен татарского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями.

Офицерский состав... мне страшно тяжело говорить об этом кошмарном вопросе. Я буду краток.

Соколов, окунувшийся в войсковую жизнь, сказал:

– Я не мог и представить себе, какие мученики ваши офицеры... Я преклоняюсь перед ними.

Да! В самые мрачные времена царского самодержавия,

опричники и жандармы не подвергали таким нравственным пыткам, такому издевательству тех, кто считался преступниками, как теперь офицеры, гибнущие за Родину, подвергаются со стороны темной массы, руководимой отбросами революции.

Их оскорбляют на каждом шагу. Их бьют. Да, да, бьют. Но они не придут к вам с жалобой. Им стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, в углу землянки не один из них в слезах переживает свое горе...

Неудивительно, что многие офицеры единственным выходом из своего положения считают смерть в бою. Каким эпическим спокойствием, и скрытым трагизмом, звучат слова боевой реляции:

«Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. В это время на редуте № 3 появился белый флаг. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед. Судьба их неизвестна – они не вернулись»^[235]...

Мир праху храбрых! И да падет кровь их на головы вольных и невольных палачей.

Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь:

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правитель-

²³⁵ Описание 38-го корпуса.

ством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте, и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственно-му лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних^[235].

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности, не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта, и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла – войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления.

Если вы спросите меня, дадут ли все эти меры благотворные результаты, я отвечу откровенно: да, но далеко не скоро.

²³⁵ Описание 38-го корпуса.

Разрушить армию легко, для возрождения нужно время. Но, по крайней мере, они дадут основание, опору для создания сильной и могучей армии.

Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас.

На этом новом крестном пути, русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его – светлое будущее.

Есть другой путь – предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство.

Судьба страны зависит от ее армии.

И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству:

Ведите русскую жизнь к правде и свету, – под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность: за эту свободу вести в бой войска, под старыми нашими боевыми знаменами, с которых – не бойтесь! – стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы – вы втоптали наши знамена в грязь.

Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними.

...Если в вас есть совесть!»

* * *

Я кончил. Керенский встал, пожал мою руку и сказал:

– Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово.

Впоследствии, в своих показаниях верховной следственной комиссии^[237] Керенский объяснял это свое движение тем, что одобрение относилось не к содержанию речи, а к проявленной мной решимости, и что он хотел лишь подчеркнуть свое уважение ко всякому независимому взгляду, хотя бы и совершенно не совпадающему с правительственным. По существу же – по словам Керенского – «генерал Деникин впервые начертал программу реванша – эту музыку будущего военной реакции». В этих словах – глубокое заблуждение. Мы вовсе не забыли галицийского отступления 1915 г. и причин его вызвавших, но вместе с тем, мы не могли простить Калуша и Тарнополя 1917 г. И наш долг, право и нрав-

²³⁷ По делу Корнилова.

ственная обязанность были не желать ни того, ни другого.

После меня говорил генерал Клембовский. Я выходил и слышал только конец его речи. Он очень сдержанно, но приблизительно в таком же виде как и я, очертил положение своего фронта и пришел к выводу, который мог быть продиктован только разве полной безнадежностью: упразднить единоначалие, и поставить во главе фронта своеобразный триумvirат из главкомандующего, комиссара и выборного солдата...

Генерал Алексеев был нездоров, говорил кратко, охарактеризовав положение тыла, и состояние запасных войск и гарнизонов, и подтвердил ряд высказанных мною положений.

Генерал Рузский, давно уже лечившийся на Кавказе, и поэтому отставший от жизни армии, анализировал положение на основании прослушанных речей, и привел ряд исторических и бытовых сопоставлений старой армии с новой революционной, настолько горячо и резко, что дал повод Керенскому, в его ответной речи, обвинить Рузского в призыве к восстановлению... царского самодержавия. Не могли понять новые люди глубокой боли за армию старого солдата. Керенский, вероятно, не знал, что Рузского не признавали и в свою очередь, страстно обвиняли правые круги как раз в обратном направлении – за ту роль, которую он сыграл в отречении императора...

Была прочтена корниловская телеграмма, в которой ука-

зывалось на необходимость: введения смертной казни в тылу, главным образом, для обуздания распущенных банд запасных; восстановления дисциплинарной власти начальников; ограничения круга деятельности войсковых комитетов, и установления их ответственности; воспреещения митингов, противогосударственной пропаганды, и въезда на театр войны всяких делегаций и агитаторов. Все это было в той или другой форме и у меня, и получило общее наименование «военной реакции». Но у Корнилова появились предложения и другого рода: усиление комиссариата, путем введения института комиссаров в корпуса, и предоставления им права конфирмации приговоров военно-революционных судов, – а главное, – генеральная чистка командного состава. Эти последние предложения произвели на Керенского впечатление, – «большей широты и глубины взглядов», – чем те, которые исходили из «старых, мудрых голов», опьяненных, по его мнению, «вином ненависти»^[238]... Произошло очевидное недоразумение: корниловская «чистка» должна была коснуться вовсе не людей крепких военных традиций (качество это ошибочно отождествлялось с монархической реакцией), а наемников революции – людей без убеждений, без воли и без способности брать на себя ответственность.

Говорил и от своего имени комиссар Юго-западного фронта Савинков. Соглашаясь с нарисованной нами общей картиной состояния фронта, он указывал, что не вина ре-

²³⁸ «Прелюдия большевизма».

волюционной демократии, если после старого режима осталась солдатская масса, которая не верит своему командному составу, что среди последнего не все обстоит благополучно «и в военном и в политическом отношениях, и что главная цель новых революционных учреждений (комиссары, кроме того, – „глаза и уши Временного правительства“) восстановить нормальные отношения между двумя составными элементами армии.

Закончилось заседание речью Керенского. Он оправдывался, указывал на неизбежность и стихийность «демократизации» армии, обвинял нас, видевших, по его словам, источник июльского поражения исключительно в революции, и ее влиянии на русского солдата, жестоко обвинял старый режим, и в конце концов, не дал нам никаких отправных точек для дальнейшей совместной работы.

Все участники совещания разошлись, с тяжелым чувством взаимного непонимания. И я, с не меньшим. Но в душе осталось, увы, оказавшееся ошибочным, – сознание, что голос наш все-таки услышан.

Мои надежды подкрепило письмо Корнилова, полученное вскоре после его назначения Верховным главнокомандующим.

«С искренним и глубоким удовольствием, я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке, 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь, и восхищаюсь вашей твердостью и муже-

ством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести (до конца) дело воссоздания родной армии, и восстановить ее боеспособность».

Судьба жестоко посмеялась над нашей верой...

Глава XXXIV. Генерал Корнилов

Через два дня после могилевского совещания, генерал Брусилов был уволен от должности Верховного главнокомандующего. Опыт возглавления русских армий лицом, проявлявшим не только полную лояльность к Временному правительству, но и видимое сочувствие его мероприятиям, не удался. Отставлен военачальник, который некогда, при вступлении на пост Верховного, свое провиденциальное появление формулировал так^[239]:

«Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом, и Временным правительством, по соглашению с петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделись от него никогда».

Керенский в показаниях, данных следственной комиссии, объяснил увольнение Брусилова катастрофичностью положения фронта, возможностью развития германского наступления, отсутствием на фронте твердой руки и определенного плана, неспособностью Брусилова разбираться в сложных

²³⁹ 9 июня – ответ на приветствие Могилевского совета.

военных событиях и предупреждать их, наконец, – отсутствием его влияния как на солдат, так и на офицеров.

Как бы то ни было, уход генерала Брусилова с военно-исторической сцены, – отнюдь нельзя рассматривать, – как простой эпизод административного порядка: он знаменует собой явное признание правительством крушения всей его военной политики.

19 июля, постановлением Временного правительства, на пост Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии, – Лавр Георгиевич Корнилов.

Я говорил в VII главе о своей встрече с Корниловым, – тогда главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Весь смысл пребывания его в этой должности заключался в возможности приведения к сознанию долга, и в подчинение, петроградского гарнизона. Этого Корнилову сделать не удалось. Боевой генерал, увлекавший своим мужеством, хладнокровием и презрением к смерти – воинов, был чужд той толпе бездельников и торгашей, в которую обратился петроградский гарнизон. Его хмурая фигура, сухая, изредка лишь согретая искренним чувством речь, – а главное, – ее содержание, – такое далекое от головокружительных лозунгов, выброшенных революцией, такое простое в исповедывании солдатского катехизиса, – не могли ни зажечь, ни воодушевить петроградских солдат. Неискушенный в политиканстве, чуждый по профессии тем средствам борьбы, которые выработали совместными силами бюрократиче-

ский механизм, партийное сектантство и подполье, он, в качестве главнокомандующего петроградским округом, не мог ни повлиять на правительство, ни импонировать Совету, который без всяких данных отнесся к нему с места с недоверием.

Корнилов сумел бы подавить петроградское преторианство, если бы в этом случае и сам не погиб, но не мог привлечь его к себе.

Он чувствовал непригодность для него петроградской атмосферы. И когда 21-го апреля исполнительный комитет Совета, после первого большевистского выступления, постановил, что ни одна воинская часть не может выходить из казарм с оружием, без разрешения комитета – это поставило Корнилова в полную невозможность оставаться в должности, не дающей никаких прав и возлагающей большую ответственность. Была и другая причина: главнокомандующий петроградского округа подчинялся не Ставке, а военному министру. 30 апреля ушел Гучков, и Корнилов не пожелал оставаться в подчинении у Керенского – товарища председателя петроградского совета.

Положение петроградского гарнизона, и военного командования, в столице было настолько нелепым, что приходилось искусственными мерами разрешать этот больной вопрос. Ставкой, совместно со штабом петроградского округа, по инициативе Корнилова, и с полного одобрения генерала Алексеева, был разработан проект организации петро-

градского фронта, прикрывающего доступы к столице через Финляндию и Финский залив. В состав этого фронта должны были войти войска Финляндии, Кронштадта, побережья, Ревельского укрепленного района, – и Петроградского гарнизона, в котором запасные батальоны предположено было развернуть в полевые полки, и свести в бригады; вероятно было и включение Балтийского флота. Такая организация, логичная в стратегическом отношении, в особенности в связи с поступавшими сведениями – об усилении германского фронта на путях к Петрограду, давала главнокомандующему законное право видоизменять дислокацию, производить смену фронтовых и тыловых частей и т. д. Не знаю, возможно ли было таким путем действительно освободить столицу от гарнизона, который становился настоящим бичом ее, Временного правительства и даже, в сентябрьские дни, большевистской части Совета... Правительство донельзя опрометчиво связало себя обещанием, данным в первой его декларации, «неразоружения и невывода из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Но план рухнул сам собой с уходом Корнилова: его заместители, последовательно назначаемые Керенским, были настолько неопределенной политической физиономии, и настолько недостаточного военного опыта, что ставить их во главе такого крупного войскового соединения – не представлялось возможным.

В последних числах апреля, перед своим уходом, Гучков

пожелал провести Корнилова на должность главнокомандующего Северным фронтом, освободившуюся после увольнения генерала Рузского. Генерал Алексеев и я были на совещании с Тома, и французскими военными представителями, когда меня пригласили к аппарату Юза, для беседы с военным министром. Так как генерал Алексеев оставался в заседании, а больной Гучков лежал в постели, то переговоры, в которых я являлся посредником, были чрезвычайно трудны, и технически и по необходимости, ввиду не прямой передачи, облекать их в несколько условную форму. Гучков настаивал, Алексеев отказывал. Не менее шести раз я передавал их реплики сначала сдержанные, потом повышенные.

Гучков говорил о трудности управления, наиболее распущенным, Северным фронтом, о необходимости там твердой руки. Говорил, что желательно оставить Корнилова в непосредственной близости к Петрограду, ввиду всяких политических возможностей в будущем... Алексеев отвечал категорическим отказом. «Политические возможности» обошел молчанием, а сослался на недостаточный командный стаж Корнилова и неудобство обходить старших начальников, более опытных и знакомых с фронтом, как например генерала Драгомирова (Абрама). Когда на другой день, тем не менее, из министерства пришла официальная уже телеграмма, по поводу назначения Корнилова, Алексеев ответил, что он категорически несогласен; а если назначение все же последует помимо его желания, то он немедленно подаст в отставку.

Ни разу еще Верховный главнокомандующий не был так непреклонен в сношениях с Петроградом. У некоторых, в том числе у самого Корнилова, как он мне впоследствии признался, невольно создалось впечатление, что вопрос был поставлен несколько шире, чем о назначении главнокомандующего... что здесь играло роль опасение «будущего диктатора». Однако, сопоставление этого эпизода с фактом учреждения для Корнилова Петроградского фронта – обстоятельство не менее значительное, и также чреватое всякими возможностями – находится в полном противоречии с подобным предположением.

Корнилов в начале мая принял 8-ю армию на Юго-западном фронте. Генерал Драгомиров был назначен главнокомандующим Северного фронта.

Это – второй эпизод, дающий ключ к разгадке установившихся впоследствии отношений, между генералами Алексеевым и Корниловым.

8-ю армию Корнилов, по его словам, принял в состоянии полного разложения. «В течение двух месяцев, – говорит он, – мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины, ободрять офицеров, и внушать войскам необходимость наступления... Тут же я убедился, что твердое слово начальника и определенные действия необходимы, чтобы остановить развал нашей армии. Я понял, что этого твердого слова ожидают и офицеры и солдаты, сознательная часть которых

уже утомилась от полной анархии»...

При каких условиях проходили объезды Корнилова, мы уже видели в главе XXIII. Удалось ли ему за это время пробудить сознание в солдатской массе – не думаю: в 8-й армии Калуж 28 июня и Калуж 8 июля являют одинаково лик героя, и лик зверя. Но среди офицерства и небольшой части настоящих солдат, его обаяние выросло весьма значительно. Выросло оно также, во мнении несоциалистической части русского общества. И когда после разгрома 6 июля, назначенный на крайне ответственный пост – главнокомандующего Юго-западным фронтом, только в порядке непротивления демократизации армии, генерал Гутор впал в отчаяние и протрацию, то его заменить было нечем, кроме Корнилова (в ночь на 8 июля).

...Хотя призрак «генерала на белом коне» витал уже в воздухе и смущал душевный покой многих.

Брусиллов сильно противился этому назначению. Керенский минуту колебался. Но положение было катастрофическим. А Корнилов смел, мужествен, суров, решителен, независим, и не остановится ни перед какими самостоятельными действиями, требуемыми обстановкой и ни перед какой ответственностью. По мнению Керенского^[241], опасные в случае успеха качества идущего напролом Корнилова при паническом отступлении могли принести только пользу. А когда мавр делает свое дело, с ним можно ведь и расстать-

²⁴¹ Показание следственной комиссии.

ся... И Керенский настоял на назначении Корнилова главнокомандующим Юго-западного фронта.

На третий день по вступлении в должность Корнилов телеграфировал Временному правительству: «Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер, и лишит меня единственного средства спасти армию, и использовать ее по действительному ее назначению защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего»...

Ряд политических телеграмм Корнилова, – произвел огромное впечатление на страну, и вызвал у одних страх, у других злобу, у третьих надежду. Керенский колебался. Но... поддержка комиссаров и комитетов... Некоторое успокоение и упорядочение Юго-западного фронта, вызванное между прочим, смелой, решительной борьбой Корнилова с армейскими большевиками... То удручающее одиночество, которое почувствовал военный министр после совещания 16 июля... Бесполезность оставления на посту Верховного Брусилова и безнадежность возглавления вооруженных сил генералом новой формации, уже доказанная опытом Брусилова и Гутора... Настоятельные советы Савинкова... Вот ряд причин, которые заставили Керенского, ясно отдававшего себе отчет в неизбежности столкновения, в будущем, с человеком, всеми фибрами души отрицавшим его военную политику, решиться на назначение Верховным главнокомандующим Корнилова. Не подлежит никакому сомнению, что Ке-

ренский сделал этот шаг только в порыве отчаяния. Такое же чувство обреченности руководило им, вероятно, при назначении управляющим военным министерством Савинкова.

Столкновения начались раньше, чем можно было ожидать. Получив указ о своем назначении, Корнилов тотчас же послал Временному правительству телеграмму, в которой «докладывал», что принять должность и «привести народ к победе, и приближению справедливого и почетного мира» он может только при условиях:

1) ответственности перед собственной совестью и всем народом.

2) полного невмешательства в его оперативные распоряжения, и поэтому, в назначение высшего командного состава.

3) распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии.

4) принятия его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.

Прочтя в свое время в газетах эту телеграмму, я был немало удивлен содержанием первого пункта требований, устанавливавшего, весьма оригинальную, государственно-правовую форму суверенитета верховного командования, впредь до Учредительного собрания. И ждал с нетерпением официального ответа. Его не последовало. Как оказалось, в совете правительства, по получении ультимативно-

го требования Корнилова, шли горячие дебаты, причем Керенский требовал, для поддержания авторитета верховной власти, немедленного устранения нового Верховного главнокомандующего. Правительство не согласилось, и Керенский, обойдя молчанием другие пункты телеграммы, ответил лишь на 2-ой – признанием за Верховным главнокомандующим права выбора себе ближайших помощников.

В отступление от установившегося и ранее порядка назначений, правительство, одновременно с назначением Корнилова, издало указ без его ведома, о назначении генерала Черемисова главнокомандующим Юго-западным фронтом. Корнилов счел это полным нарушением своих прав, и послал новый ультиматум, заявив, что он может оставаться в должности Верховного только при условии, если Черемисов будет удален, и притом немедленно. До выяснения вопроса ехать в Могилев отказался. Черемисов в свою очередь, крайне нервничал и грозил «с бомбами в руках» войти в штаб фронта, и установить свои права главнокомандующего.

Это обстоятельство еще более осложнило вопрос, и Корнилов докладывал по аппарату^[242] в Петроград, что считает более правильным увольнение Черемисова в отставку:

«Для упрочения дисциплины в войсках, мы решились на применение суровых мер к солдатам; такие же меры должны быть применяемы и к высшим войсковым начальникам».

Революция перевернула вверх дном все взаимоотноше-

²⁴² Телеграфный разговор с полковником Барановским.

ния, и существо дисциплины. Как солдат, я должен бы видеть во всех этих событиях подрыв авторитета Временного правительства (если бы он был) и не могу не признать права и обязанности правительства заставлять всех уважать его власть. Но как бытописатель добавлю: у военных вождей не было других способов остановить развал армии, идущий свыше; и если бы правительство поистине обладало властью, и во всеоружии права и силы могло и умело проявлять ее, то не было бы ультиматумов ни от Совета, ни от военных вождей. Больше того, тогда было бы ненужным 27-е августа, и невозможным 25-е октября.

В конечном результате, в штаб фронта прибыл комиссар Филоненко и сообщил Корнилову, что все его пожелания принципиально приняты правительством, а Черемисов назначается в распоряжение Временного правительства. Главнокомандующим Юго-западным фронтом был назначен случайно, наспех, генерал Балуев, а Корнилов 24 июля вступил в должность Верховного.

Призрак «генерала на белом коне» получал все более и более реальные очертания.

Взоры очень многих людей – томившихся, страдавших от безумия и позора, в волнах которых захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались к нему. К нему шли и честные, и бесчестные, и искренние и интриганы, и политические деятели, и воины, и авантюристы. И все в один голос говорили:

– Спаси!

А он – суровый, честный воин, увлекаемый глубоким патриотизмом, неискушенный в политике и плохо разбирающийся в людях, с отчаянием в душе и с горячим желанием жертвенного подвига, загипнотизированный и правдой, и лестью, и всеобщим томительным, нервным ожиданием чьего-то пришествия, – он искренне уверовал в провиденциальность своего назначения. С этой верой жил и боролся, с нею же умер на высоком берегу Кубани.

Корнилов стал знаменем. Для одних – контрреволюции, для других, – спасения Родины.

И вокруг этого знамени началась борьба за влияние и власть людей, которые сами, без него, не могли бы достигнуть этой власти...

Еще 8 июля в Каменец-Подольске имел место характерный эпизод. Там возле Корнилова произошло первое столкновение двух людей: Савинкова и Завойко. Савинков – наиболее видный русский революционер, начальник боевой террористической организации социал-революционной партии, организатор важнейших политических убийств – министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и др. Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали»; презиравший и Временное правительство, и Керенского; в интересах целесообразности, по-своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его, он ви-

дел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение. Завойко один из тех странных людей, которые потом тесным кольцом окружили Корнилова и играли такую видную роль в августовские дни. Кто он, этого хорошенько не знал и Корнилов. В своем показании верховной следственной комиссии Корнилов говорит, что познакомился с Завойко в апреле 1917 года, что Завойко был когда-то «предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губернии, работал на нефтяных промыслах Нобеля в Баку и по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии, в качестве личного ординарца Корнилова. Вот все, что было известно о прошлом Завойко.

Первая телеграмма Корнилова Временному правительству была первоначально отредактирована Завойко, который «придал ей ультимативный характер со скрытой угрозой – в случае неисполнения требований, предъявленных Временному правительству, объявить на Юго-западном фронте военную диктатуру»^[244]. Убеждения Савинкова перевесили. Корнилов согласился даже удалить Завойко из пределов фронта, но скоро вернул опять...

Все это я узнал впоследствии. Во время же всех этих со-

²⁴⁴ Савинков. «К делу Корнилова».

бытий, я продолжал работать в Минске, всецело поглощенный теперь уже не наступлением, – а организацией, хоть какой-нибудь, обороны полуразвалившегося фронта. Никаких сведений, даже слухов о том, что творится на верхах правления и командования, – не было. Только чувствовалось, во всех служебных сношениях, крайне напряженное биение пульса.

В конце июля совершенно неожиданно получаю предложение Ставки: занять пост главнокомандующего Юго-западным фронтом. Переговорил по аппарату с начальником штаба Верховного, – генералом Лукомским: сказал, что приказание исполню и пойду, куда назначат, но хочу знать, чем вызвано перемещение; если мотивами политическими, то очень прошу меня не трогать с места. Лукомский меня уверил, что Корнилов имеет в виду исключительно боевое значение Юго-западного фронта, – и предположенную там стратегическую операцию. Назначение состоялось.

Я простился с грустью со своими сотрудниками и, переведя на новый фронт своего друга генерала Маркова, выехал с ним к новому месту службы. Проездом остановился в Могилеве. Настроение Ставки было сильно приподнятое, у всех появилось оживление и надежды, но ничто не выдавало какой-либо «подземной» конспиративной работы. Надо заметить, что в этом деле военная среда была настолько наивно неопытна, что потом, когда действительно началась «конспирация», она приняла такие явные формы, что только глу-

хие и слепые могли не видеть и не слышать.

В день нашего приезда, у Корнилова было совещание из начальников отделов Ставки, на котором обсуждалась так называемая «корниловская программа» восстановления армии. Я был приглашен на это заседание. Не буду перечислять всех основных положений, приведенных ранее и у меня, и в корниловских телеграммах-требованиях, как, например, введение военно-революционных судов и смертной казни в тылу, возвращение дисциплинарной власти начальникам, и поднятие их авторитета, ограничение деятельности комитетов, и их ответственность и т. д. Помню, что наряду с ясными и бесспорными положениями, в проекте записки, составленной отделами Ставки, были и произведения бюрократического творчества, малопригодные в жизни. Так, например, желая сделать дисциплинарную власть, – более приемлемой для революционной демократии, – авторы записки разработали курьезную подробную шкалу, соответствия дисциплинарных проступков и наказаний. Это – для выбитой из колеи, бушующей жизни, где все отношения попорчены, все нормы нарушены, где каждый новый день давал бесконечно разнообразные уклонения от регламентированного порядка.

Как бы то ни было, верховное командование выходило на новый правильный путь, а личность Корнилова, казалось, давала гарантии в том, что правительство будет принуждено следовать по этому пути. Несомненно, что с советами, комитетами и с солдатской средой, предстояла еще длительная

борьба. Но, по крайней мере, определенность направления давала нравственную поддержку, и реальное основание для дальнейшей тяжелой работы. С другой стороны, поддержка корниловских мероприятий военным министерством Савинкова давала надежду, что колебания и нерешительность Керенского будут, наконец, преодолены. Отношение к данному вопросу Временного правительства, в его полном составе, не имело практического значения, и даже не могло быть официально выражено... Керенский в это время, как будто освободился несколько от гнета Совета; но, подобно тому, как ранее все важнейшие государственные вопросы решались им вне правительства, совместно с руководящими советскими кругами, так теперь, в августе, руководство государственными делами перешло, минуя и социалистические, и либеральные группировки правительства, к триумvirату в составе Керенского, Некрасова и Терещенко.

По окончании заседания, Корнилов предложил мне остаться и, когда все ушли, тихим голосом, почти шёпотом сказал мне следующее:

– Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал N. Он все носится со своей идеей переворота, и возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича; что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне

войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могли ли я рассчитывать на вашу поддержку?

– В полной мере.

Это была вторая встреча и второй разговор мой с Корниловым; мы сердечно обняли друг друга и расстались, чтобы встретиться вновь... только в Быховской тюрьме.

Глава XXXV. Служба моя в должности главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Московское совещание. Падение Риги

Растрогало меня письмо М. В. Алексеева.

«Мыслью моей сопутствую Вам в новом назначении. Расцениваю его так, что Вас отправляют на подвиг. Говорилось там много, но, по-видимому, делалось мало. Ничего не сделано и после 16 июля главным болтуном России... Власть начальников все сокращают... Если бы Вам в чем-нибудь оказалась нужна моя помощь, мой труд, я готов приехать в Бердичев, готов ехать в войска, к тому или другому командующему... Храни Вас Бог!».

Вот уж подлинно человек, облик которого не изменяют ни высокое положение, ни превратности судьбы: весь – в скромной, бескорыстной работе для пользы родной земли.

Новый фронт, новые люди. Потрясенный в июльские дни, Юго-западный фронт мало-помалу начинал приходить в себя. Но не в смысле настоящего выздоровления, как казалось

некоторым оптимистам, – а возвращения приблизительно к тому состоянию, которое было до наступления. Те же тяжелые отношения между офицерами и солдатами, то же скверное несение службы, дезертирство и неприкрытое нежелание воевать, не имевшее лишь резких активных проявлений, ввиду боевого затишья, наконец, та же, но возросшая еще более, большевистская агитация, прикрывавшаяся не раз, флагом комитетских фракций и подготовкой к Учредительному Собранию. Я располагаю одним документом, относящимся ко 2-ой армии Западного фронта. Он чрезвычайно характерен, как показатель необыкновенной терпимости и поощрения разложения армии, проявленными представителями правительства и командования, под предлогом свободы и сознательности выборов. Вот копия телеграммы, адресованной всем старшим инстанциям 2-й армии:

«Командарм, в согласии с комиссаром, по ходатайству армейской фракции социал-демократов большевиков, разрешил устроить, с 15 по 18 октября при армейском комитете курсы подготовки инструкторов означенной фракции, по выборам в Учредительное собрание, причем от организации большевиков каждой отдельной части командирруется на курсы один представитель.

2644.

Подобная терпимость имела место во многих случаях и гораздо раньше, и основывалась на точном смысле положения о комитетах, и декларации прав солдата.

Увлеченные борьбой с контрреволюцией, революционные учреждения, проходили без всякого внимания мимо таких фактов, что в расположении самого штаба фронта, в городе Бердичеве, состоялись общественные митинги, с крайними большевистскими лозунгами, что местная газета «Свободная Мысль» совершенно недвусмысленно угрожала «Варфоломеевской ночью» офицерам.

Фронт держался. Вот все, что можно было сказать про его положение. Временами вспыхивали беспорядки с трагическим исходом, вроде зверского убийства генералов Гиршфельда, Стефановича, комиссара Линде... Предварительные распоряжения и сосредоточение войск, для предстоявшего частного наступления были сделаны, но само производство операции не представлялось возможным, до проведения в жизнь «корниловской программы» и выяснения ее результатов.

И я ждал с великим нетерпением.

Революционные учреждения (комиссариат и комитет) Юго-западного фронта находились на особом положении: они не захватили власть, а часть ее была, в свое время, им

²⁴⁵ Начальник штаба армии.

добровольно уступлена рядом главнокомандующих, – Брусиловым, Гутором, Балугевым. Поэтому, мое появление сразу поставило их в отрицательное ко мне отношение. Комитет Западного фронта, – не замедлил переслать в Бердичев убийственную аттестацию, и на основании ее комитетский орган, в ближайшем же номере, сделал внушительное предостережение «врагам демократии». Я, как и раньше, не прибегал совершенно к содействию комиссариата, а комитету велел передать, что отношения с ним могу допустить только тогда, когда он ограничит свою деятельность строго законными рамками.

Комиссаром фронта был Гобечю. Видел я его один раз при встрече. Через несколько дней он перевелся на Кавказ, и должность принял Торданский^[246]. Приехал и в первый же день отдал «приказ войскам фронта». Не мог потом никак понять, что нельзя двум человекам одновременно командовать фронтом. Иорданский и его помощники Костицын и Григорьев – литератор, зоолог и врач, – вероятно, не последние люди в своей специальности, – были глубоко чужды военной среде. Непосредственного общения с солдатом не имели, жизни армейской не знали, а так как начальникам они не верили, то весь осведомительный материал пришлось им черпать, в единственном демократическом кладезе всей военной премудрости – фронтовом комитете. Был такой слу-

²⁴⁶ Б. редактор журнала «Современный мир», соц.-демократ группы «Единство». В 1921 г. редактировал большевистскую газету в Гельсингфорсе.

чай с Костицыным в сентябре или октябре, уже после моего ареста: судьба столкнула его снова с начальником того юнкерского караула, штабс-капитаном Бетлингом, который в страшный вечер 27 сентября вел нас – «Бердичевскую группу» арестованных – из тюрьмы на вокзал^[247]. Теперь Бетлинг с юнкерской ротой участвовал в составе карательного отряда, руководимого Костицыным, усмирявшим какой-то жестокий и бессмысленный солдатский бунт (кажется в Виннице). И вот наиболее непримиримый член бердичевского комиссариата, хватаясь в отчаянии за голову, говорил Бетлингу:

– Теперь только я понял, какая беспросветная тьма и ужас царят в этих рядах. Как был прав Деникин!

Помню, что этот маленький эпизод, рассказанный Бетлингом во время одного из тяжелых кубанских походов 1918 года, доставил мне некоторое удовлетворение: все-таки прозрел человек, хоть поздно.

Фронтовой комитет был не хуже и не лучше других^[248]. Он стоял на оборонческой точке зрения, и даже поддерживал репрессивные меры, принятые в июле Корниловым. Но комитет ни в малейшей степени не был тогда военным учреждением – на пользу или во вред – органически связанным с подлинной армейской средой. Это был просто смешанный партийный орган. Разделяясь на фракции всех социалисти-

²⁴⁷ См. главу XXXVII.

²⁴⁸ Несомненно, лучше Западного.

ческих партий, комитет положительно варился в политике, перенося ее и на фронт; комитет вел широкую агитацию, собирал съезды представителей, для обработки их социалистическими фракциями, конечно и такими, которые были явно враждебны политике правительства. Я сделал попытку, ввиду назревающей стратегической операции, и тяжелого переходного времени, приостановить эту работу, – но встретил резкое противодействие комиссара Иорданского. Вместе с тем, комитет вмешивался непрестанно во все вопросы военной власти, сея смуту в умах и недоверие к командованию.

На этой почве отношения обострились до того, что комитет и комиссары послали ряд телеграмм, с жалобой на меня военному министру. В них инкриминировалось мне и моему штабу, и удушение демократических учреждений, и поощрение удушающих, и преследование начальников, сочувствующих комитетам, и даже введение телесных наказаний и рукоприкладства. Последние обвинения настолько нелепы, что не стоит опровергать их; в глазах же тех, кто немного хотя бы знал армейскую жизнь, и тогдашние бесправность и забитость русского офицера – это обвинение прозвучит тяжелой и горькой иронией. Одно – несомненная истина, – мое совершенно отрицательное отношение к революционным учреждениям армии. По натуре своей я не мог и не хотел скрывать этого – и до сих пор убежден – особенно после примера корректнейшего, и тактичнейшего из военачальников, командующего 5 армией генерала Данилова – что при-

творство не принесло бы никакой пользы армии. Если расшифровать все эти криминальные действия, в широком комитетском обобщении, то из-за «удушения демократии» выгянет закрытый стотысячный кредит на вредную литературу и отмена незаконных суточных денег^[249]; «преследование» обратится в увольнение единственного генерала, требовавшего обращения его в технического советника при комитете; «поощрение удушающих» – в отказ в немедленном отчислении от должности, без дознания и следствия двух начальников, обвиненных войсковыми комитетами в неуважении к революции, и в оскорблении солдата и т. д. Все это, быть может, мелко, но характеризует обстановку, в которой приходилось работать.

Я охотно допускаю, что ни комиссары, ни комитеты, в своих отношениях к главнокомандующему, не исходили из личных побуждений. Но каждый шаг человека, органически не приемлющего их бытия, не мог не внушать им самых острых, самых фантастических подозрений.

Ставка молчит. «Корниловская программа» все не объявляется. Несомненно, идет борьба. Есть еще надежда на благоприятный исход ее в Петрограде. Но как пойдет проведение ее в жизнь? Какое противодействие встретит она на фронте – в войсках, в комитетах? Я пригласил к себе ко-

²⁴⁹ Вопрос был возбужден контролем. На настойчивые требования комиссара, я предложил ему лично открыть кредит комитету, с тем, что деньги будут тотчас отпущены. Но Иорданский, возмущавшийся «притеснением» штаба, сам от санкционирования расхода воздержался.

мандующих армиями (в середине августа) генералов Эрдели, Селивачева, Рерберга (врем.), Ванновского. Беседовали весь день. Ознакомился с их оценкой положения на фронте, и в свою очередь, учитывая возможность крупных осложнений с войсками, и с комитетами, с момента объявления «программы», ознакомил их с ее сущностью, и предложил обдумать меры, к возможно успешному ее проведению. Ванновский смотрел несколько пессимистически, другие надеялись на благоприятный исход, в особенности генерал Селивачев, прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов.

В сущности, для противодействия какому-либо выступлению против командования ни у кого из нас не было реальной вооруженной силы. Даже в Бердичеве, штаб и главнокомандующий охранялись полубольшевистской ротой и эскадронном ординарцев – прежних полевых жандармов, которые теперь, – из-за одиозного наименования, – старались всеми силами подчеркнуть свою «революционность». Марков, в начале августа, ввел в состав гарнизона 1-й Оренбургский казачий полк, что впоследствии, послужило главнейшим пунктом обвинения нашего в подготовке «вооруженного мятежа». С этой же целью – избавиться от неприятного соседства со всем этим распущенным, и развращенным гарнизоном Лысой горы^[250], разгрузить переполненный Бердичев, и освободить от нервирующего соседства со штабом фрон-

²⁵⁰ Название казарменного района возле Бердичева.

товой комитет, было предположено в начале сентября, перевести штаб фронта в город Житомир. Там квартировали два юнкерских училища, лояльно настроенные в отношении правительства и командования.

* * *

Между тем, в Петрограде и в Могилеве события шли своим чередом, отражаясь в нашем понимании только газетными сведениями, слухами и сплетнями.

«Программы» все нет. Надеялись на Московское государственное совещание^[251], но оно прошло, и не внесло никаких перемен в государственную, и военную политику. Наоборот, даже внешним образом, резко подчеркнуло непримиримую рознь, между революционной демократией и либеральной буржуазией, между командованием и армейским представительством.

Но если Московское совещание не дало никаких реальных результатов, оно раскрыло во всю ширину настроение борющихся, руководящих и правящих. Все единодушно признавали, что страна переживает смертельную опасность... Все понимали, что социальные взаимоотношения

²⁵¹ Состоялось 14 августа 1917 года.

потрясены, все стороны экономической жизни народа подорваны... Обе стороны горячо упрекали друг друга, в служебной частным классовым, своекорыстным интересам. Но не в них была главная сущность: как это ни странно, первопричины социальной, классовой борьбы, даже аграрный и рабочий вопросы, вызывали только расхождение, но не захватывали совещание страстным порывом непримиримой распри. И даже, когда старый вождь социал-демократов Плеханов, при всеобщем одобрении, обратился направо с требованием жертвы, и налево с требованием умеренности, казалось, что не так уж велика пропасть между двумя враждебными социальными лагерями.

Все внимание совещания было захвачено другими вопросами: о власти и армии.

Милюков перечислял все вины правительства, побежденного советами, его «капитуляции» перед идеологией социалистических партий, и циммервальдистами: капитуляции в армии, во внешней политике, перед утопическими требованиями рабочего класса, перед крайними требованиями национальностей.

«Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами, – отчетливо рубил Каледин, – должен быть немедленно и резко поставлен предел».

Маклаков выстилал мягко путь перед ударом: «Я ничего не требую, но не могу не указать на тревогу, которую испытывает общественная совесть, когда она видит, что в среду

правительства приглашены... вчерашние пораженцы». Волнуется Шульгин (правый): «Я хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы действительно сильной, действительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходит в деспотизм, который скорее обрушится на меня, чем на вас, друзей этой власти»... А слева Чхеидзе поет акафисты советам: «Только благодаря революционным организациям, сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада власти и анархии»... «Нет власти выше власти Временного правительства, – заключает Церетелли. – Ибо источник этой власти – суверенный народ – непосредственно через все те органы, какими он располагает, делегировал эту власть Временному правительству»... Конечно, поскольку это правительство покорно воле советов?.. А над всеми ими доминирует голос первоприсутствующего, ищущего «неземных слов», чтобы «передать свой трепетный ужас» перед надвигающимися событиями, и вместе с тем потрясающего... картонным мечом, угрожая скрытым врагам: «Пусть знает каждый, кто раз уже попытался поднять вооруженную руку на власть народную, что эта попытка будет прекращена железом и кровью... Пусть еще больше остерегаются те посягатели, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, свергнуть революционную власть»...

Еще более яркое противоречие сказалось в области военной. Верховный главнокомандующий в сухой, но сильной ре-

чи нарисовал картину гибнущей армии, увлекающей за собою в пропасть страну, и изложил, в весьма сдержанных выражениях, сущность известной своей программы. Генерал Алексеев, с неподдельной горечью, рассказывал печальную историю прегрешений, страданий и доблести былой армии, «слабой в технике, и сильной нравственным обликом и внутренней дисциплиной». Как она дошла до «светлых дней революции» и как потом в нее, «казавшуюся опасной для завоеваний революции, влили смертельный яд». Донской атаман Каледин, представлявший 13 казачьих войск, не связанный официальным положением, говорил резко и отчетливо:

«Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. Все советы и комитеты должны быть упразднены. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена. Дисциплина должна быть поднята в армии и в тылу. Дисциплинарные права начальников должны быть восстановлены. Вождям армии – полная мощь!» С ответом на эти азбучные военные истины выступил Кучин – представитель фронтовых и армейских комитетов: «Комитеты явились проявлением инстинкта самосохранения... они должны были создаться, как органы защиты прав солдата, ибо раньше было только одно угнетение... они внесли в солдатские массы свет и знание... Потом наступил второй период – разложения и дезорганизации... выступила на сцену „тыловая сознательность“, не сумевшая переварить всей той массы вопросов, которую в их

мозг, в их жизнь выкинула революция»... Теперь он не отрицал необходимости репрессий, но «должно сочетать их с определенной работой армейских организаций»... Как это сделать, сказал объединенный фронт революционной демократии: армию должно одушевлять не стремление к победе над врагом, а «отказ от империалистических целей, и стремление к скорейшему достижению всеобщего мира, на демократических началах... командному составу – полная самостоятельность в области оперативной деятельности, и решающее значение (?) в области строевой и боевой подготовки»; цель же организаций – широкое внесение своей политики в войска: «комиссары должны быть проводниками (этой) единой революционной политики Времен. правительства, армейские комитеты – руководителями общественно-политической жизни солдатских масс. Восстановление дисциплинарной власти начальников недопустимо» и т.д.

Что сделает правительство? Найдет ли оно в себе достаточно силы и смелости порвать оковы, наложенные большевистствующим советом^[252]?

Корнилов заявил твердо и дважды повторил: «Я ни одной минуты не сомневаюсь, что (мои) меры будут проведены безотлагательно».

А если не будут, – борьба?

Он говорил еще: «Невозможно допустить, чтобы реши-

²⁵² В августе соотношение сил в Совете стало быстро меняться в пользу большевиков, дав им большинство.

мость проведения в жизнь этих мер, каждый раз проявлялась под давлением поражений, и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали, как результат Тарнопольского разгрома, и потери Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен, ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии».

А 20-го пала Рига.

Стратегически и тактически, фронт нижней Двины был подготовлен вполне. Войск, считаясь с силой оборонительной линии реки, было также достаточно. Во главе войск стояли: командующий армией генерал Парский, командир корпуса генерал Болдырев, – генералы опытные, и в глазах демократии отнюдь не контрреволюционные²⁵³. Наконец, нашему командованию было известно не только направление удара, но через перебежчиков день и даже час атаки.

Тем не менее, 19 августа германцы (8 армия Гутьера) после сильной артиллерийской подготовки, при слабом сопротивлении с нашей стороны, заняли Икскюльский тет-депон и переправились через Двину. 20 августа немцы перешли в наступление и вдоль Митавского шоссе, а к вечеру того же дня Икскюльская группа противника, прорвав наши пози-

²⁵³ Ген. Парский занимает ныне видный пост в советской армии, а ген. Болдырев был впоследствии главнокомандующим противобольшевистским «фронтом Учредительного Собрания» на Волге.

ции на Егеле, стала распространяться в северном направлении, угрожая пути отхода русских войск на Венден. 12-я армия, оставив Ригу, отошла верст на 60–70, потеряв соприкосновение с противником, и к 25-му заняла, так называемые, Венденские позиции. Потери армии выражались одними пленными до 9 000 человек, 81 орудие, 200 пулеметов и т.д. Дальнейшее продвижение не входило в планы немцев, они приступили к закреплению занятого огромного плацдарма, на правом берегу Двины, и тотчас же две дивизии отправили на Западноевропейский фронт.

Мы потеряли богатый промышленный город Ригу, со всеми военными оборудованиями и запасами, а главное потеряли надежную оборонительную линию, падение которой ставило под вечную угрозу, – и положение Двинского фронта, – и направление на Петроград.

Падение Риги произвело в стране большое впечатление. Но среди революционной демократии оно совершенно неожиданно вызвало не раскаяние, не патриотический подъем, а еще большую злобу против командного и офицерского состава. Ставка в одной из своих сводок поместила следующую фразу^[254]:

«Дезорганизованные массы солдат, неудержимым потоком, устремляются по Псковскому шоссе и по

²⁵⁴ 21 августа.

дороге на Бидер-Лимбург».

Это сообщение, несомненно правдивое, но не определяющее причины явления, вызвало бурю в среде революционной демократии. Комиссары и комитеты Северного фронта прислали ряд телеграмм, опровергавших «провокационные нападки Ставки», и удостоверявших, что «в этой неудаче не было позора», что «войска честно исполняют все приказания командного состава... случаев бегства и предательства войсковых частей не было». Комиссар фронта Станкевич, не соглашаясь с тем, что не было позора в таком бесславном и беспричинном отступлении, указывал, между прочим, на целый ряд ошибок и недочетов управления. Весьма возможно, что были недочеты в управлении, и личные, и чисто объективные, вызванные взаимным недоверием, падением исполнительности и распадом технической службы. Но несомненно и то, что войска Северного фронта и особенно 12-й армии были наиболее развалившиеся из всех, и по логике вещей, не могли оказать врагу должного сопротивления. Даже апологет войск 12-й армии, комиссар Войтинский, значительно преувеличивающий ее боевые качества, 22-го телеграфировал петроградскому совету:

«Сказывается неуверенность войск в своих силах, отсутствие боевой подготовки и, как следствие этого, недостаток устойчивости в полевой войне... Многие

части дерутся с доблестью, как и в первые дни, но в других частях проявляются признаки усталости, и панического настроения».

В действительности, развращенный Северный фронт потерял всякую силу сопротивления. Войска его откатывались до того предела, до которого велось преследование передовыми немецкими частями, и затем подались несколько вперед только потому, что обнаружилась потеря соприкосновения с главными силами Гутьера, в намерения которого не входило продвижение далее определенной линии.

Все левые органы печати, между тем, открыли жестокую кампанию против Ставки и командования. Прозвучало слово «предательство»... Черновское «Дело Народа», орган пораженческий, скорбел: «И в душу закрадывается мучительное сомнение: не перекладываются ли на плечи, погибающего тысячами, мужественного и доблестного солдата, ошибки командования, недостатки артиллерийского снабжения, и неспособность вождей». «Известия» объясняли и мотивы «провокации»:

«Ставка старается, запугиванием грозными событиями на фронте, терроризировать Временное правительство, и заставить его принять ряд мер, направленных прямо и косвенно против революционной демократии, и ее организаций...»

В связи со всеми этими обстоятельствами, усилился значительно напор советов против Верховного главнокоманду-

ющего генерала Корнилова – и в газетах промелькнули слухи о предстоящем его удалении. В ответ появился ряд резких резолюций, предъявленных правительству и поддерживавших Корнилова^[255], а в резолюции Совета союза казачьих войск, имелась и такая фраза: «Смена Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль, о бесполезности дальнейших казачьих жертв» и далее, что совет «снимает с себя всякую ответственность за казачьи войска на фронте и в тылу, при удалении Корнилова...»

Между прочим, поддержка эта не встретила полного единодушия, даже в казачьей среде. Правление казаков моего фронта, по поводу этой резолюции вынесло следующее постановление: «Казачество признает своей единой властью Временное правительство, которому и верит. Оно может распоряжаться своими ставленниками, как хочет. Если же, против воли правительства, будут давления на него со стороны политических партий, общественных и классовых организаций, с целью провести свои желания в жизнь, казачество всеми силами поддержит Временное правительство, во всех его начинаниях и стремлениях, направленных к спасению отечества и завоеванных свобод».

Впрочем, сметливые казаки, раскаявшись в оппозиции своему руководящему органу, через несколько дней «разъ-

²⁵⁵ Главного Комитета офицерского союза. Военной лиги. Совета союза казачьих войск. Союза георгиевских кавалеров. Совещания общественных деятелей и других.

яснили» в печати свою резолюцию в том смысле, что постановление центрального союза было дурно понято ими, что совет «не угрожал Временному правительству, а твердо и громко заявил свой протест, против похода известной части печати, и некоторых общественных организаций, на Верховного вождя – ставленника Временного правительства, генерала Корнилова».

Такие обстоятельства, – предшествовали событиям. Вместо умиротворения, страсти разгорались все более и более, углублялись противоречия, сгущалась атмосфера взаимного недоверия, и болезненной подозрительности.

* * *

Я откладывал свой объезд войск, все еще не теряя надежды на благоприятный исход борьбы, и обнародование «корниловской программы»^[256].

С чем я пойду к солдатам? С глубоко запавшей в сердце болью, и со словами призыва «к разуму и совести», скрывающими бессилие, и подобными гласу вопиющего в пустыне? Все это уже было и прошло, оставив только горький след. И будет вновь: мысль, идея, слово, моральное воздействие,

²⁵⁶ До 27 августа, т. е., до разрыва с Корниловым, Керенский не решался написать проект законов, вытекавших из «программ».

никогда не перестанут двигать людей на подвиг; но что же делать, если заглохшую, заросшую чертополохом целину надо взрыхлять железным плугом?.. Что я скажу офицерам, со скорбью и нетерпением ждущим окончания, – последовательного и беспощадного, – процесса медленного умирания армии? Я мог ведь сказать только: если правительство не пойдет на коренное изменение своей политики, то армии – конец.

7-го августа получено было распоряжение двигать от меня на север Кавказскую туземную дивизию («Дикую»), 12-го августа – бывший в тылу в резерве 3-ий конный корпус, потом Корниловский ударный полк. Назначение их, как всегда, не указывалось. Направление же одинаково соответствовало и Северному фронту, в то время весьма угрожаемому, и... Петрограду. Представил командира 3-го конного корпуса, генерала Крымова, на должность командующего XI армией. Ставка ответила согласием, но потребовала его немедленно в Могилев, для исполнения особого поручения. Крымов проездом являлся ко мне. Определенных указаний он, по-видимому, еще не имел, по крайней мере, о них не говорил, но ни я, ни он не сомневались, что поручение находится в связи с ожидаемым поворотом военной политики. Крымов был тогда веселым, жизнерадостным и с верою смотрел в будущее. По-прежнему считал, что только оглушительный удар по советам может спасти положение.

Вслед за этим, получено было уже официальное уведом-

ление, о формировании отдельной Петроградской армии и требование предназначить офицера генерального штаба, на должность генерал-квартирмейстера этой армии.

Наконец, в двадцатых числах, обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер, и вручил собственноручное письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил:

– В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице будет подведен 3-ий конный корпус^[257], во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание, и заодно покончит с советами^[258].

Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение, и опубликованы законы, вытекающие из «корниловской программы». Вас Верховный главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров – официально «для изучения бомбо-метного и минометного дела»; фактически они будут отправлены в Петроград, в офицерский отряд.

В дальнейшем разговоре, он передавал различные ново-

²⁵⁷ 3-ий конный корпус был вызван к Петрограду Временным правительством.

²⁵⁸ Из следственного дела видно, что управляющий военным министерством Савинков и командированный в Ставку Керенским начальник его кабинета, полковник Барановский, сами предусматривали вероятность одновременного выступления с большевиками, под влиянием опубликования «корниловской программы» Совета р. и с. депутатов, и необходимость тогда беспощадными мерами подавить его. (Протокол, приложение XIII к показанию Корнилова).

сти Ставки, рисуя настроение ее в бодрых тонах. Передавал, между прочим, слухи о предстоящих новых назначениях командующих войсками в Киев, Одессу, Москву, о предполагаемом новом составе правительства, среди которого назывались имена и нынешних министров, и совершенно неизвестные мне. Во всем этом вопросе была несколько неясна роль Временного правительства, и в частности Керенского. Решился он на крутой поворот военной политики, уйдет или будет сметен событиями, ход и последствия которых, при создавшихся условиях, не могут предрешить ни чистая логика, ни прозорливый разум.

Весь ход августовских событий я описываю в этом томе, в такой последовательности и в таком свете, как они рисовались тогда, в эти трагические дни, на Юго-Западном фронте, не внося в них той перспективы, которая с течением времени осветила и сцену, и действующих лиц.

Распоряжение о командировании офицеров, – со всеми предосторожностями, чтобы не поставить в ложное положение ни их, ни начальство, было сделано, но вряд ли его успели осуществить до 27-го. Ни один командующий армией в содержание полученных сведений посвящен мной не был, и никто из старшего командного состава фронта фактически не знал о назревающих событиях.

Было ясно, что история русской революции входит в новый фазис. Что принесет он? Многие часы делились своими мыслями по этому поводу – я и Марков. И если он, нерв-

ный, пылкий, увлекающийся, постоянно переходил от одного до другого полярного конца через всю гамму чувств и настроений, то мною овладели также надежда и тревога. Но оба мы совершенно отчетливо видели и сознавали фатальную неизбежность кризиса. Ибо большевистские или полубольшевистские советы – это безразлично – вели Россию к гибели. Столкновение неизбежно. Есть ли там, однако, реальная возможность или только... мужество холодного отчаяния?..

Глава XXXVI. Корниловское выступление и отзвуки его на Юго-западном фронте

27 августа вечером я был как громом, поражен полученным из Ставки сообщением, об отчислении от должности Верховного главнокомандующего, генерала Корнилова.

Телеграммой без номера и за подписью «Керенский» предлагалось генералу Корнилову, – сдать временно должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому, и не ожидая прибытия нового Верховного главнокомандующего выехать в Петроград. Такое распоряжение было совершенно незаконным, и необязательным для исполнения, так как Верховный главнокомандующий ни военному министру, ни министру-председателю, ни тем более товарищу Керенскому, ни в какой мере подчинен не был.

Начальник штаба, генерал Лукомский ответил министру-председателю телеграммой № 640, которую я привожу ниже. Содержание ее в копии передано было нам, всем главнокомандующим телеграммой № 6412, которая у меня не сохранилась, но смысл ее ясен из показания Корнилова, в котором говорится: «Я приказал мое решение („должность не сдавать, и выяснить предварительно обстановку“) и решение генерала Лукомского, довести до сведения главнокомандую-

щих всех фронтов».

Телеграмма Лукомского № 640 гласила:

«Все, близко стоявшие к военному делу, отлично сознавали, что при создавшейся обстановке, и при фактическом руководстве и направлении внутренней политики, безответственными общественными организациями, а также, громадного разлагающего влияния этих организаций на массу армии, последнюю воссоздать не удастся, а наоборот армия как таковая должна развалиться через два-три месяца. И тогда Россия должна будет заключить позорный сепаратный мир, последствия которого были бы для России ужасны. Правительство принимало полумеры, которые, ничего не поправляя, лишь затягивали агонию и, спасая революцию, не спасало Россию. Между тем, завоевания революции можно было спасти лишь путем спасения России, а для этого, прежде всего, необходимо создать действительную сильную власть и оздоровить тыл. Генерал Корнилов предъявил ряд требований, проведение коих в жизнь затягивалось. При таких условиях генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов, и опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части общества и армии, требовавшее скорейшего создания крепкой власти для спасения Родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимыми более решительные меры, кои обеспечили бы водворение

порядка в стране.

Приезд Савинкова^[259] и Львова, сделавших предложение Корнилову, в том же смысле от вашего имени, лишь заставил генерала Корнилова принять окончательное решение, и согласно с вашим предложением отдать окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно.

Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде вами и сообщенное от вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось. Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии, и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции.

Ради спасения России, вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. *Лукомский*».

²⁵⁹ Как увидим впоследствии, Савинков показал, что он «от имени министра-председателя никаких политических комбинаций не предлагал».

Все надежды на возрождение армии, и спасение страны мирным путем, рухнули. Я не делал себе никаких иллюзий, относительно последствий подобного столкновения, между генералом Корниловым и Керенским, и не ожидал благополучного окончания, разве только, что корпус Крымова спасет положение. Вместе с тем, я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отождествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным, и поэтому тотчас же послал ему телеграмму следующего содержания:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июня, на совещании с членами Временного правительства, я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной, и желание исправить содеянное зло. Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования^[260], могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего; видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны; считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по

²⁶⁰ Речь шла о «Корниловской программе».

Марков одновременно послал телеграмму правительству, выражая солидарность с высказанными мною положениями^[261].

Вместе с тем я приказал спросить Ставку, чем могу помочь генералу Корнилову. Он знал, что, кроме нравственного содействия, в моем распоряжении нет никаких реальных возможностей, и поэтому, поблагодарив за это содействие, ничего более не требовал.

Я распорядился: переслать копию моей телеграммы всем главнокомандующим, командующим армиями Юго-западного фронта, и главному начальнику снабжения. Вместе с тем, приказал принять меры, чтобы изолировать фронт от проникновения туда, без ведома штаба, каких-либо сведений о совершающихся событиях, до ликвидации столкнове-

²⁶¹ Главнокомандующие другими фронтами отправили Временному правительству 28 августа вполне лояльные телеграммы, сущность которых выражается в следующих выдержках: **Клембовский**: «... Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целостности родины и свободы повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии». **Западного фронта, генерал Балувев**: «Нынешнее положение России требует безотлагательного принятия исключительных мер, и оставление генерала Корнилова во главе армий является настоятельно необходимым, не взирая ни на какие политическая осложнения...» **Румынского фронта, генерал Щербачев**: «Смена ген. Корнилова неминуемо губительно отразится на армии и защите Родины. Обращаюсь к вашему патриотизму во имя спасения родины». Главнокомандующие упоминали о необходимости введения потребованных Корниловым мероприятий.

ния. Такие же распоряжения получены были от Ставки. Полагаю, можно не прибавлять, что горячие симпатии всего штаба были на стороне Корнилова, и что все с величайшим нетерпением ждали вестей из Могилева, все еще надеясь на благополучный исход.

Марков, каждый вечер, собирал офицеров генерал-квартирмейстерской части, для доклада оперативных вопросов: в этот день, 27-го, он ознакомил их со всеми известными нам обстоятельствами столкновения, и нашими телеграммами, и не удержался, чтобы в горячей речи не очертить исторической важности переживаемых событий, необходимости поставить все точки над «и» и оказать полную нравственную поддержку генералу Корнилову...

Вместе с тем, во исполнение моего приказа, им принят был ряд мер по Бердичеву и Житомиру: усиление дежурной части 1-го Оренбургского казачьего полка, занятие караулами телеграфных станций, радиотелеграфа и типографий, временную цензуру газет и т. д. Штаб хотел было, для ограждения личной безопасности главнокомандующего, и правильной работы штаба, потребовать 1-й Чехословацкий полк, но я отменил это распоряжение, не желая вызывать политических осложнений; и зазорно было русскому главнокомандующему защищаться от своих солдат чужими штыками.

Никаких решительно попыток к личному задержанию кого бы то ни было не делалось, так как это не имело смысла и совершенно не входило в наши намерения.

Между тем, среди фронтовой революционной демократии, произошел большой переполох. Члены фронтового комитета в эту ночь покинули общежитие, и ночевали в частных домах на окраине города. Помощники комиссара были в командировке, а сам Иорданский в Житомире, – и обращенные к нему Марковым приглашения прибыть в Бердичев, как в эту ночь, так и 28-го, не имели успеха: Иорданский все ожидал «коварной засады».

Наступила ночь, долгая ночь без сна, полная тревожного ожидания и тяжких дум. Никогда еще будущее страны не казалось таким темным, наше бессилие таким обидным и угнетающим. Разыгравшаяся далеко от нас историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темные тучи, нависшие над Россией. И мы ждали...

Эта ночь не забудется никогда. Перед мысленным взором моим проходят как живые, пережитые тогда впечатления. Чередующиеся доклады телеграмм с прямого провода: Соглашение, по-видимому, возможно... Надежд на мирный исход нет... Верховное главнокомандование предложено Клембовскому... Клембовский, по-видимому, откажется... Одна за другой копии телеграмм Временному правительству всех командующих армиями фронта, генерала Эльснера и еще нескольких старших начальников, о присоединении их к мнению, высказанному в моей телеграмме. Трогательное исполнение гражданского долга, среди атмосферы, насыщенной подозрительностью и ненавистью...

Своего солдатского долга они уже выполнить не могли... И, наконец, голос отчаяния, раздавшийся из Ставки. Иначе нельзя назвать полученный ночью на 28-е приказ Корнилова:

«Телеграмма министра-председателя за № 4163^[262], во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладын.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне, в эти грозные минуты, призвать всех

²⁶² Телеграмма эта в штабе не была получена. Керенский эпизод со Львовым формулирует так: «26 августа ген. Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Вр. правительством всей полноты военной и гражданской власти, с тем что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной».

русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога – в храмы, молитте Господа Бога, об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы, и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага, – германского племени, – и сделать русский народ рабами немцев, – я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Этот приказ был послан для сведения командующим армиями. На другой день получена была одна телеграмма Керенского, переданная в комиссариат, и с этого времени всякая связь наша с внешним миром была прервана^[263].

Итак – жребий брошен. Между правительством и Ставкой выросла пропасть, которую уже перейти невозможно.

²⁶³ 29 утром случайно попала еще телеграмма генерал-квартирмейстера Ставки, в которой опять высказывалась надежда на мирный исход.

На другой день, 28-го, революционные учреждения, видя, что им решительно ничего не угрожает, проявили лихорадочную деятельность. В Житомире под председательством Иорданского заседали местные войсковые комитеты и представители социалистических партий. Делегаты фронтового комитета, не оправившиеся еще от испуга, пространно докладывали совещанию, как давно уже назревала в Бердичеве контрреволюция, какая делалась подготовка, как разбивались все усилия комитета привлечь в общее русло «революционной жизни» казаков 1-го Оренбургского полка, и т. д. Иорданский принял на себя «военную власть», произвел в Житомире ряд ненужных арестов, среди старших чинов главного управления снабжения, и за своей подписью, от имени своего, революционных организаций и губернского комиссара, выпустил воззвание, в котором весьма подробно, языком обычных прокламаций, излагалось, как генерал Деникин замыслил «возвратить старый режим, и лишить русский народ Земли и Воли».

В то же время, в Бердичеве производилась такая же энергичная работа, под руководством фронтового комитета. Шли непрерывно заседания всех организаций, и обработка типичных тыловых частей гарнизона. Здесь обвинение бы-

ло выставлено комитетом другое: «контрреволюционная попытка главнокомандующего, генерала Деникина, свергнуть Временное правительство, и восстановить на престоле Николая II». Прокламации такого содержания, во множестве распространялись между командами, расклеивались на стенах и разбрасывались с мчавшихся по городу автомобилей. Нервное напряжение росло, улица шумела. Члены комитета, в своих отношениях к Маркову, становились все резче и требовательнее. Получены были сведения о возникших волнениях на Лысой горе. Штаб послал туда офицеров, для разъяснения обстановки и возможного умиротворения. Один из них – чешский офицер, поручик Клецандо, который должен был побеседовать с командами пленных австрийцев, подвергся насилию со стороны русских солдат, и сам легко ранил одного из них. Это обстоятельство еще более усилило волнение.

Из окна своего дома я наблюдал, как на Лысой горе собирались толпы солдат, как потом они выстроились в колонну, долго, часа два митинговали, по-видимому все не решаясь. Наконец колонна, заключавшая в себе эскадрон ординарцев (бывших полевых жандармов), запасную сотню и еще какие-то вооруженные команды, с массой красных флагов, и в предшестве двух броневых автомобилей, двинулась к городу. При появлении броневика, угрожавшего открыть огонь, оренбургская казачья сотня, дежурившая возле штаба и дома главнокомандующего, ускочила наметом. Мы оказа-

лись всецело во власти революционной демократии.

Вокруг дома были поставлены «революционные часовые»; товарищ председателя комитета, Колчинский, ввел в дом четырех вооруженных «товарищей» с целью арестовать генерала Маркова, но потом заколебался и ограничился оставлением в приемной комнате начальника штаба двух «экспертов» из фронтового комитета, для контроля его работы; правительству послана радиотелеграмма: «Генерал Деникин, и весь его штаб, подвергнуты в его ставке личному задержанию. Руководство деятельностью войск, в интересах обороны, временно оставлено за ними, но строго контролируется делегатами комитетов».

Начались бесконечно длинные, томительные часы. Их не забудешь. И не выразишь словами той глубокой боли, которая охватила душу.

В 4 часа 29-го Марков пригласил меня в приемную, куда пришел помощник комиссара Костицин, с 10–15 вооруженными комитетчиками, и прочел мне «приказ комиссара Юго-западного фронта Иорданскаго», в силу которого я, Марков и генерал-квартирмейстер Орлов, подвергались предварительному заключению под арестом, за попытку вооруженного восстания против Временного правительства. Литератору Иорданскому по-видимому, стало стыдно применить аргументы «Земли», «Воли» и «Николая II», предназначенные исключительно для разжигания страстей толпы.

Я ответил, что сместить главнокомандующего может толь-

ко Верховный главнокомандующий, – или Временное правительство, – что комиссар Иорданский совершает явное беззаконие, но что я вынужден подчиниться насилию.

Подъехали автомобили, в сопровождении броневиков, мы с Марковым сели; пришлось долго ждать сдававшего дела Орлова возле штаба; мучительное любопытство прохожих, потом поехали на Лысую гору; автомобиль долго блуждал, останавливаясь у разных зданий; подъехали, наконец, к гауптвахте; прошли сквозь толпу человек в сто, ожидавшую там нашего приезда и встретившую нас взглядами, полными ненависти, и грубою бранью; разведены по отдельным карцерам; Костицын весьма любезно предложил мне прислать необходимые вещи; я резко отказался от всяких его услуг; дверь захлопнулась, с шумом повернулся ключ, и я остался один.

Через несколько дней была ликвидирована Ставка. Корнилов, Лукомский, Романовский и другие отвезены в Быховскую тюрьму.

Революционная демократия праздновала победу.

А в те же дни, государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем, и выпускала на волю многих влиятельных большевиков – дабы дать им возможность, гласно и открыто, вести дальнейшую работу к уничтожению Российского государства.

1-го сентября Временным правительством подвергнут аресту генерал Корнилов, а 4-го сентября Временным пра-

вительством отпущен на свободу Бронштейн-Троцкий. Эти две даты должны быть памяты России.

Камера № 1. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело – рядом зловонное место. По другую сторону – № 2, там Марков; ходит крупными нервными шагами. Я почему-то помню до сих пор, что он делает по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой делать семь. Тюрьма полна неясных звуков. Напряженный слух разбирается в них, и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения. Караул – кажется, охранной роты – люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудит чей-то голос. Откуда? За окном, уцепившись за решетку, висят два солдата. Они глядят жестокими злыми глазами, и истерическим голосом произносят тяжелые ругательства. Бросили в открытое окно какую-то гадость. От этих взглядов некуда уйти. Отворачиваюсь к двери – там в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу так часами. Весь день – один, другой – сменяются «общественные обвинители» у окна и у дверей – стража свободно допускает всех. И в тесную душную конуру льется непрерывным потоком зловонная струя слов, криков, ругательств, рожденных великой темнотой, слепой ненавистью и бездонной грубостью... Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нет спасе-

ния, нет выхода из этого нравственного застенка. О чем они? «Хотел открыть фронт»... «продался немцам»... Приводили и цифру – «за двадцать тысяч рублей»... «хотел лишить земли и воли»... – это – не свое, – это комитетское. Главкомандующий, генерал, барин – вот это свое! «Попил нашей кровушки, покомандовал, гноил нас в тюрьме, теперь наша воля – сам посиди за решеткой... Барствовал, раскатывал в автомобилях – теперь попробуй полежать на нарах, с. с... Недолго тебе осталось... Не будем ждать, пока сбежишь – сами своими руками задушим»... Меня они – эти тыловые воины, – почти не знали. Но все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей – по чьей-то вине – изломанной жизни, все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью. И чем выше стоял тот, которого считали врагом народа, чем больше было падение, тем сильнее вражда толпы, тем больше удовлетворения видеть его в своих руках. А за кулисами народной сцены стояли режиссеры, подогревающие и гнев и восторги народные, не верившие в злодейство лицедеев, но допускавшие даже их гибель для вящего реализма действия, и во славу своего сектантского догматизма. Впрочем, эти мотивы в партийной политике называли с «тактическими соображениями»...

Я лежал закрытый с головой шинелью, и под градом ругательств старался дать себе ясный отчет:

– За что?

Проверка этапов жизни... Отец – суровый воин с добрейшим сердцем. До 30 лет крепостной крестьянин; сдан в рекруты; после 22 лет тяжелой солдатской службы николаевских времен, добился прапорщичьего чина. Вышел майором в отставку. Детство мое тяжелое, безотрадное. Нищета – 45 рублей пенсии в месяц. Смерть отца. Еще тяжелее – 25 рублей пенсии матери. Юность – в учении и в работе на хлеб. Вольноопределяющимся – в казарме на солдатском котле. Офицерство. Академия. Беззаконный выпуск. Жалоба, поданная государю на всесильного военного министра. Возвращение во 2-ю артиллерийскую бригаду. Борьба с отживающей группой старых крепостников; обвинение ими в демагогии. Генеральный штаб. Цензовое командование ротой в 183-м Пултусском полку. Вывел окончательно рукоприкладство. Неудачный опыт «сознательной дисциплины». Да, господин Керенский, и это было в молодости... Отменил негласно дисциплинарные взыскания – «следите друг за другом, останавливайте малодушных – ведь вы же хорошие люди – докажите, что можно служить без палки». Кончилось командование: рота за год вела себя средне, училась плохо и лениво. После моего ухода старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес внятно и раздельно:

– Теперь вам – не капитан Деникин. Поняли?..

– Так точно, г. фельдфебель.

Рота, рассказывали потом, скоро поправилась.

Потом манчжурская война. Боевая работа. Надежды на возрождение армии. Открытая борьба в удушаемой печати с верхами армии, против косности, невежества, привилегий и произвола; борьба за офицерскую и солдатскую долю. Время было суровое – вся служба, вся военная карьера была поставлена на карту... Командование полком. Непрестанные заботы об улучшении солдатского быта. Теперь уже после Пултусского опыта – требовательность по службе, но и бережение человеческого достоинства солдата. Как будто понимали тогда друг друга, и не были чужими. Опять война. Железная дивизия. Близость к стрелку, общая работа. Штаб – всегда возле позиции, чтобы разделить с войсками и грязь, и тесноту, и опасности. Потом длинный страданный путь, полный славных боев, в которых общая жизнь, общие страдания и общая слава сроднили еще более и создали взаимную веру, и трогательную близость.

Нет, я не был никогда врагом солдату. Я сбросил с себя шинель и, вскочив с нар, подошел к окну, у которого на решетке повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства.

– Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь! Если ты не трус, укрывшийся в тылу, если ты был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они...

Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю – просто от сурового окрика, который, невзирая на беспомощность узника, оказывал свое атавистическое действие.

В окне и в дверном глазке появились новые лица... Впрочем, не всегда мы встречали одну наглость. Иногда, сквозь напускную грубость наших тюремщиков, видно было чувство неловкости, смущение и даже жалость. Но этого чувства стыдились. В первую холодную ночь, когда у нас не было никаких вещей, Маркову, забывшему захватить пальто, караульный принес солдатскую шинель; но через полчаса – самому ли стыдно стало своего хорошего порыва, или товарищи пристыдили – взял обратно. В случайных заметках Маркова есть такие строки: «Нас обслуживают два пленных австрийца... Кроме них, нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский), очень добрый и заботливый человек. В первые дни и ему туго приходилось – товарищи не давали прохода; теперь ничего, поуспокоились. Заботы его о нашем питании прямо трогательны, а новости умилительны по наивности. Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут... Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов – ведь еще не всех извели»...

Тяжко на душе. Чувство как-то раздваивается: я ненавижу и презираю толпу – дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный и на гнусное преступление и на высокий подвиг!..

Скоро несение караульной службы поручили юнкерам 2-й житомирской школы прапорщиков. Стало значительно лег-

че в моральном отношении. Не только сторожили узников, но и охраняли их от толпы. А толпа не раз, по разным поводам, собиралась возле гауптвахты и дико ревела, угрожая самосудом. В доме наискось спешно собиралась в таких случаях дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что в спокойном и ясном сознании опасности, когда толпа особенно бушевала, я обдумал и свой способ самозащиты: на столике стоял тяжелый графин с водой; им можно проломить череп первому ворвавшемуся в камеру; кровь ожесточит и опьянит «товарищей», и они убьют меня немедленно, не предавая мучениям...

Впрочем, за исключением таких неприятных часов, жизнь в тюрьме шла размеренно, методично; было тихо и покойно; физические стеснения тюремного режима, после тягот наших походов, и в сравнении с перенесенными нравственными испытаниями – сущие пустяки. В наш быт вносили разнообразие небольшие приключения: иногда какой-нибудь юнкер-большевик, став у двери, передает новости часовому – громко, чтобы было слышно в камере, что на последнем митинге товарищи Лысой горы, потеряв терпение, решили окончательно покончить с нами самосудом, и что туда нам и дорога. Другой раз Марков, проходя по коридору, видит юнкера-часового, опершегося на ружье, у которого градом сыплются слезы из глаз: ему стало жалко нас... Какой странный, необычайный сентиментализм для нашего звериного времени...

Две недели я не выходил из камеры на прогулку, не желая стать предметом любопытства «товарищей», окружавших площадку перед гауптвахтой, и рассматривающих арестованных генералов, как экспонаты в зверинце... Никакого общения с соседями. Много времени для самоуглубления и размышления.

А из дома напротив каждый день, когда я открываю окно, – не знаю, друг или враг, – выводит высоким тенором песню:

Последний nonешний денечек
Гуляю с вами я, друзья...

Глава XXXVII. В Бердичевской тюрьме. Переезд «бердичевской» группы арестованных в Быхов

В тюрьму, кроме меня и Маркова, участие которых в событиях определяется предыдущими главами, были заключены следующие лица:

3) Командующий Особой армией, генерал от инфантерии Эрдели.

4) Командующий 1 армией, генерал-лейтенант Ванновский.

5) Командующий 7 армией, генерал-лейтенант Селивачев.

6) Главный начальник снабжения Юго-западного фронта, генерал-лейтенант Эльснер.

Виновность перечисленных лиц заключалась, в высказанной ими, солидарности с моей телеграммой № 145, а последнего, кроме того, в выполнении моих приказаний об изолировании фронтового района, в отношении Киева и Житомира.

7, 8) Помощники генерала Эльснера, генералы Павский и Сергиевский – лица, уже абсолютно не имевшие никакого отношения к событиям.

9) Генерал-квартирмейстер штаба фронта, генерал-майор Орлов – израненный, сухорукий – человек робкий, и только

исполнявший в точности приказания начальника штаба.

10) Поручик чешских войск Клецандо, ранивший 28 августа солдата на Лысой горе.

11) Штабс-ротмистр князь Крапоткин – старик свыше 60 лет, доброволец, комендант поезда главнокомандующего. Совершенно не был посвящен в события. В случайной беседе его с одним из наших адъютантов выяснилось, что в его распоряжении имеется дисциплинированная поездная охранная команда, которою и сменили, за несколько дней до 27-го, большевистскую охрану дома главнокомандующего. Кроме того, князь Крапоткин говорил всем солдатам «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Других преступлений следствие ему не инкриминировало.

Вскоре генералы Селивачев, Павский и Сергиевский были отпущены. Князю Крапоткину объявили об отсутствии состава преступления 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что нас не будут судить в Бердичеве. Для обвинения нас в мятеже, нужно было сообщество восьми человек, никак не меньше. Наши противники были очень заинтересованы этой цифрой, желая соблюсти приличия... Впрочем, отдельно от нас, при комендантском управлении содержался в запасе, и даже был впоследствии отвезен в Быхов еще один арестованный – военный чиновник Будилович – немощный телом, но бодрый духом юноша, который позволил себе однажды сказать гневной толпе, что она не стоит

и мизинца тех, кого заушает^[264]... Больше ничего преступного за ним никто не числил. В случайно, может быть умышленно, попавшем в мою камеру единственном номере газеты, на второй или третий день ареста, я прочел указ Временного правительства правительствующему сенату, от 29 августа:

«Главкомандующий армиями Юго-западного фронта, генерал-лейтенант Деникин, отчисляется от должности главнокомандующего, с преданием суду за мятеж.

Министр-председатель А. Керенский.

Управляющий военным министерством
Б. Савинков».

Такие же указы в тот же день отданы были о генералах Корнилове, Лукомском, Маркове и Кислякове. Позднее состоялся приказ об отчислении ген. Романовского.

На второй или третий день ареста, на гауптвахте появилась приступившая к опросу следственная комиссия, под наблюдением главного полевого прокурора фронта, генерала Батога, под председательством помощника комиссара Костицына, и в составе членов:

Заведующего юридической частью комиссариата, подполковника Шестоперова;

²⁶⁴ Прodelал с Добровольческой армией кубанские походы и служил ей до самой смерти – от сыпного тифа в 1920 г.

Члена киевского военно-окружного суда, подполковника Франка;

Членов фронтового комитета, прапорщика Удальцова и младшего фейерверкера Левенберга.

Мое показание, в силу фактических обстоятельств дела, было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям: 1) все лица, арестованные вместе со мною, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали; 2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни, в связи с выступлением генерала Корнилова, исходили от меня; 3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна, и губельна для России; но тем не менее, восстания против него не подымал, а, послав свою телеграмму № 145, предоставил Временному правительству поступить со мной, как ему заблагорассудится.

Позднее главный военный прокурор Шабловский, ознакомившись со следственным делом и с той обстановкой, которая создалась вокруг него в Бердичеве, пришел в ужас от «неосторожной редакции» показания.

Уже к 1-му сентября Иорданский доносил военному министерству, что следственной комиссией обнаружены документы, устанавливающие наличие давно подготовлявшегося заговора... Вместе с тем литератор Иорданский запросил правительство, может ли он, по вопросу о направлении дел арестованных генералов, действовать в пределах закона, сообразно с местными обстоятельствами, или же обязан руко-

водствоваться какими-либо политическими соображениями центральной власти. Ему был дан ответ, что действовать надлежит, не считаясь ни с чем, как только с законом, и... принимая во внимание обстоятельства на местах. [265]

В силу такого разъяснения, Иорданский решил предать нас военно-революционному суду, для чего от одной из подчиненных мне ранее дивизий фронта был приготовлен состав суда, а общественным обвинителем предназначен член исполнительного комитета Юго-западного фронта, штабс-капитан Павлов.

Таким образом, интересы компетентности, нелицеприятности и беспристрастия были соблюдены.

Иорданский был так заинтересован скорейшим осуждением меня, и заключенных со мной генералов, что 3 сентября предложил комиссии, не ожидая выяснения обстановки во всем ее объеме, передавать дела в военно-революционный суд по группам, по мере выяснения виновности.

Костицын, зайдя в мою камеру, от имени Маркова, предложил мне обратиться совместно с ним к В. Маклакову, с предложением принять на себя нашу защиту. На посланную телеграмму Маклаков ответил согласием. Кроме того, наши близкие, жившие в Киеве, не рассчитывая на своевременность прибытия Маклакова, ввиду расстройств железных дорог и торопливости г. Иорданского, пригласили трех ки-

²⁶⁵ Официальное сообщение.

евских присяжных поверенных^[266]. Лично меня вопрос этот интересовал весьма условно, так как приговор бердичевского суда был предрешен его составом, обстановкой и настроениями.

Нас угнетала сильно полная неизвестность о том, что делается во внешнем мире. Изредка Костицын знакомил нас с важнейшими событиями, но в комиссарском освещении эти события действовали на нас еще более угнетающе. Ясно было, однако, что власть разваливается окончательно, большевизм все более подымает голову, и гибель страны, по-видимому, непредотвратима.

Около 8–10 сентября, когда следствие было закончено, обстановка нашего заключения несколько изменилась. В камеры стали попадать почти ежедневно газеты, сначала тайно, потом, с 22-го, официально. Вместе с тем, после смены одной из караульных рот мы решили произвести опыт: во время прогулки по коридору, я подошел к Маркову и заговорил с ним; часовые не препятствовали; с тех пор, каждый день мы все принимались беседовать друг с другом; иногда караульные требовали прекращения разговора – мы немедленно замолкали, но чаще нам не мешали. Во второй половине сентября допущены были и посетители; любопытство «товарищей» Лысой горы было, по-видимому, уже удовлетворено, их собиралось возле площадки меньше, и я выходил ежедневно на прогулку, имея возможность видеть всех

²⁶⁶ Возможно, что находятся в Советской России, поэтому имен не называю.

заключенных, и иногда перекинуться с ними двумя-тремя словами. Теперь, по крайней мере, мы знали, что делается на свете, а возможность общения друг с другом, – устраняла гнетущее чувство одиночества.

Из газет мы узнали, как генерал Алексеев «после тяжелой внутренней борьбы» принял должность начальника штаба при «главковерхе» Керенском – очевидно для спасения корниловцев. И как через неделю он вынужден был оставить должность, не будучи в силах работать в тягостной атмосфере нового командования.

Узнали подробно о судьбе Корнилова и о том, что возбужден вопрос о переводе нашей «бердичевской группы» в Быхов, для совместного суда с корниловской группой. Это известие вызвало живейший интерес, и большое удовлетворение. С этого дня главной темой бесед был вопрос: повезут или оставят.

Спрошенный мною по этому поводу при обходе камер, Костицын ответил:

– Ничего нельзя сделать. Ваш же генерал Батог настаивает на том, что перевод недопустим, и что суд должен состояться без замедления здесь, в Бердичеве.

Прокурор Батог – друг революционной демократии! Как странно, реакционер и крепостник. Славившийся жестокостью своих приговоров. Орудие внутренней политики в военном суде старого режима. Тот Батог, который 28 августа, придя ко мне с докладом, и глядя в сторону своими бега-

ющими глазами, патетическим голосом говорил, по поводу моей телеграммы правительству:

– Наконец-то, этим предателям сказано во всеуслышание прямое, и заслуженное ими слово...

Хотел было поделиться с Костицыным своим недоумением, но воздержался: не стоит нарушать трогательной дружбы Батога и Иорданского.

Из газет мы узнали также, что расследование корниловского дела поручено верховной следственной комиссии, под председательством главного военно-морского прокурора Шабловского^[267].

Около 9-го сентября, вечером, возле здания тюрьмы, слышался сильный шум и яростные крики многочисленной толпы. Через некоторое время в мою камеру вошли четыре незнакомых мне лица, смущенные и чем-то сильно взволнованные. Назвали себя председателем, и членами верховной следственной комиссии, по делу Корнилова^[268]. Шабловский несколько прерывающимся еще голосом начал говорить о том, что цель их прибытия – вывести нас в Быхов, и что по тому настроению, которое создалось в Бердичеве, по неистовству толпы, которая сейчас окружает тюрьму, они видят, что здесь нет никаких гарантий правосудия, одна только

²⁶⁷ Члены комиссии: военные юристы, полковники Раупах и Украинцев, судебный следователь Колоколов и представители центрального исполнительного комитета Совета р. и с. д. Либер и Крохмаль.

²⁶⁸ Шабловский, Колоколов, Раупах и Украинцев.

дикая месть. Он прибавил, что для комиссии нет никаких сомнений в недопустимости выделения нашего дела, и в необходимости единого суда над всеми соучастниками корниловского выступления. Но что комиссариат и комитеты противятся этому всеми средствами. Поэтому комиссия предлагает мне, не пожелаю ли я дополнить показания какими-нибудь фактами, которые бы еще более наглядно устанавливали связь нашего дела с корниловским. Ввиду невозможности производить сейчас допрос под рев собравшейся толпы, решили отложить его до другого дня.

Комиссия ушла; вскоре разошлась и толпа.

Что я мог сказать им нового? Только разве о той ориентировке, которую мне дал Корнилов в Могилеве и через посланца. Но это было сделано, – в порядке исключительного доверия Верховного главнокомандующего, которое я ни в каком случае не позволил бы себе нарушить. Поэтому некоторые детали, которые на другой день я добавил к прежним показаниям, не утешили комиссию и не удовлетворили, по видимому, присутствовавшего при дознании вольноопределяющегося – члена фронтового комитета.

Мы тем не менее ждали с нетерпением освобождения из бердичевского застенка. Но надежды наши омрачались все больше и больше. Газета фронтового комитета методически подогревала страсти гарнизона; доходили сведения, что на заседаниях всех комитетов выносятся постановления: не выпускать нас из Бердичева; шла сильнейшая агитация коми-

тетчиков среди тыловых команд гарнизона, собирались митинги, проходившие в крайне приподнятом настроении.

Цель комиссии Шабловского не была достигнута. Как оказалось, еще в начале сентября на требование Шабловского: не допускать сепаратного суда над «бердичевской группой», Иорданский ответил, что, «не говоря уже о переводе генералов куда бы то ни было, даже малейшая отсрочка суда над ними грозит неисчислимыми бедствиями для России: осложнением на фронте и новой гражданской войной в тылу», и что, как по политическим, так и по тактическим соображениям необходимо судить нас в Бердичеве, в кратчайший срок и военно-революционным судом»^[269].

Фронтовой комитет и Киевский совет рабочих и солдатских депутатов, невзирая на все убеждения, уговоры, доказательства посетившего их заседание Шабловского, и членов его комиссии, – на перевод наш не согласились. На обратном пути в Могилеве состоялось совещание по этому вопросу в составе Керенского, Шабловского, Иорданского и Батоба. Все, кроме Шабловского, пришли к совершенно недвусмысленному заключению, что фронт потрясен, солдатская масса волнуется и требует жертвы, и что необходимо дать возможность разрядиться сгущенной атмосфере, ценою хотя бы неправосудия... Шабловский вскочил и заявил, что он не допустит такого циничного отношения к праву и справедливости.

²⁶⁹ Интервью Шабловского в «Речи».

Помню, что рассказ этот вызвал во мне недоумение. Не стоит спорить о точках зрения. Но если, по убеждению министра-председателя, в вопросе охранения государственности, допустимо руководствоваться велением целесообразности, то в чем заключалась вина Корнилова?

14-го сентября состоялся диспут в Петрограде, в последней «апелляционной инстанции» – в военном отделе центрального исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, между Шабловским, – и представителем комитета Юго-западного фронта, поддержанным всецело Иорданским. Последние заявили, что если военно-революционный суд не состоится на месте, в Бердичеве, в течение ближайших пяти дней, то можно опасаться самосуда над арестованными. Центральный комитет, однако, согласился с доводами Шабловского, и свою резолюцию в этом духе послал в Бердичев.

Итак, организованный самосуд был устранен. Но в руках революционных учреждений Бердичева был еще другой способ ликвидации «бердичевской группы», способ легкий и безответственный – в порядке народного гнева...

Пронесся слух, что нас везут 23-го, потом сообщили, что отъезд состоится 27-го в 5 часов вечера, с пассажирского вокзала.

Вывести арестованных без огласки не представляло никакого труда: на автомобиле, пешком в юнкерской колонне, наконец, в вагоне – узкоколейный путь подходил вплотную к

гауптвахте, и выводил на широкую колею вне города и вокзала^[270]. Но такой способ переезда, – не соответствовал намерениям комиссариата и комитетов.

Генерал Духонин из Ставки запросил штаб фронта, есть ли в Бердичеве надежные части, и предложил прислать отряд для содействия нашему переезду. Штаб фронта отказался от помощи. Главнокомандующий генерал Володченко накануне, 26-го, выехал на фронт...

Вокруг этого вопроса искусственно создавался большой шум, и нездоровая атмосфера ожидания и любопытства.

Керенский прислал комиссариату телеграмму: «...Уверен в благоразумии гарнизона, который может из среды своей выбрать двух представителей для сопровождения».

С утра комиссариат устроил объезд всех частей гарнизона, чтобы получить согласие на наш перевод.

Распоряжением комитета, был назначен митинг всего гарнизона на 2 часа дня, т. е. за три часа до нашего отправления и притом на поляне, непосредственно возле нашей тюрьмы. Грандиозный митинг действительно состоялся; на нем представители комиссариата и фронтового комитета объявили распоряжение о нашем переводе в Быхов, предусмотрительно сообщили о часе отъезда, и призывали гарнизон... к благоразумию; митинг затянулся надолго и, конечно, не расходился. К пяти часам тысячная возбужденная толпа окру-

²⁷⁰ В тот же день утром нас водили без караула при одном сопровождающем в баню, за версту от гауптвахты, и это не привлекло ничьего внимания.

жила гауптвахту, и глухой ропот ее врывался внутрь здания.

Среди офицеров юнкерского батальона 2-ой житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан Бетлинг, служивший до войны в 17-м пехотном Архангелородском полку, которым я командовал^[271]. Бетлинг попросил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Мы все оделись и вышли в корridor. Ждали. Час, два...

Митинг продолжался. Многочисленные ораторы призывали к немедленному самосуду... Истериически кричал солдат, раненый поручиком Клецандо, и требовал его головы... С крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара, Костицын и Григорьев. Говорил и милый Бетлинг – несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, нам не было слышно.

Наконец, бледные, взволнованные Бетлинг и Костицын пришли ко мне.

– Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого; только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя.

Я ответил:

– Пойдем.

²⁷¹ Этот доблестный офицер потом один из первых добровольцев – в первом корниловском кубанском походе в 1918 году – был вновь изранен и весной 1919 года умер от сыпного тифа.

Снял шапку, перекрестился: Господи благослови!

Толпа неистовствовала. Мы, – семь человек, окруженные кучкой юнкеров, во главе с Бетлингом, шедшим рядом со мной с обнаженной шашкой в руке, вошли в тесный корридор среди живого человеческого моря, сдавившего нас со всех сторон. Впереди Костицын и делегаты (12–15), выбранные от гарнизона для конвоирования нас. Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа; она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики и смрадные ругательства. Временами их покрывал громкий, тревожный голос Бетлинга:

– Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!..

Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, своєю грудью отстраняют напирющую толпу, сбивающую их жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимся от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи, и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, уши заволкло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо; получил удар Эрдели, и я – в спину и голову.

По пути обмениваемся односложными замечаниями. Обращаюсь к Маркову:

– Что, милый профессор, конец?!

– По-видимому...

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными; женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса:

– Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море – бушующем, ревушем. С огромным трудом нас провели сквозь него, под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон. Рыдающий в истерике и посылающий толпе бессильные угрозы офицер – сын Эльснера, и любовно успокаивающий его солдат-денщик, отнимающий револьвер; онемевшие от ужаса две женщины – сестра и жена Клецандо, вздумавшие проводить его... Ждем час, другой. Поезд не пускают – потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом – какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук, сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь, тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся.

Шум все глуше, тусклее огни. Прощай, Бердичев!

Керенский пролил слезу умиления над самоотвержением «наших спасителей» – так он называл не юнкеров, а комисса-

ров и комитетчиков: «Какая ирония судьбы! Генерал Деникин, арестованный как сообщник Корнилова, был спасен от ярости обезумевших солдат, – членами исполнительного комитета Юго-западного фронта, – и комиссарами Временного правительства. Я помню, с каким волнением мы с незабвенным Духониным читали отчет о том, как горсть этих храбрых людей конвоировала арестованных генералов сквозь толпу тысяч солдат, жаждавших их крови»^[272]... Зачем клеветать на мертвого? Духонин наверно волновался за участь арестованных не меньше, чем за... судьбу их революционной стражи...

Римский гражданин, Понтий Пилат, сквозь тьму времен лукаво улыбался...

²⁷² «Дело Корнилова».

Глава XXXVIII. Некоторые итоги первого периода революции

Нескоро еще история в широком, беспристрастном освещении даст нам картину русской революции. Той перспективы, которая сейчас открывается нашему взору, достаточно только для того, чтобы уяснить себе некоторые частные явления ее и, быть может, отвергнуть сложившиеся вокруг них предрассудки и заблуждения.

Революция была неизбежна, ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью, — решительно всех слоев населения. Но в вопросе о формах ее и достижениях, между ними не было никакого единомыслия, и глубокие трещины должны были появиться, с первого же дня после падения старой власти.

Революция имела образ многоликий. Для крестьян — переход к ним земли; для рабочих — переход к ним прибылей; для либеральной буржуазии — изменение политических условий жизни страны, и умеренные социальные реформы; для революционной демократии — власть и максимум социальных достижений; для армии — безначалие и прекращение войны.

Когда царская власть пала, в стране, до созыва Учреди-

тельного собрания, не стало вовсе легальной, имевшей какое-либо юридическое обоснование, власти. Это совершенно естественно и вытекает из самой природы революции. Но люди, добросовестно заблуждаясь или сознательно искажая истину, создали заведомо ложные теории о «всенародном происхождении Временного правительства» или о «полномочности Совета рабочих и солдатских депутатов», как органа, представляющего якобы «всю русскую демократию». Какую растяжимую совесть нужно иметь, чтобы, исповедуя демократические принципы, и восставая жестоко против малейшего уклонения от четырехчленной формулы, и других правоверных условий законности выборов, считать полномочным органом демократии Петроградский Совет, или Съезд советов, порядок избрания которых имел необыкновенно упрощенный, – и односторонний характер. Недаром Петроградский совет, долгое время, стеснялся даже опубликовать списки своих членов. Что касается верховной власти, то не говоря уже о «всенародности» ее происхождения от «частного заседания Государственной Думы», техника ее построения была настолько несовершенной, что повторяющиеся кризисы могли прервать само существование ее, и всякие следы преемственности. Наконец, действительно «всенародное» правительство не могло бы остаться одиноким, всеми покинутым – на волю кучки захватчиков власти. То самое правительство, которое в мартовские дни с такою легкостью получило всеобщее признание. Признание, но не фактиче-

скую поддержку.

После 3-го марта, и до Учредительного Собрания, всякая верховная власть носила признаки самозванства, и никакая власть не могла бы удовлетворить все классы населения, ввиду непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений.

Ни одна из правивших инстанций (Временное правительство, Совет) не имела за собою надлежащей опоры большинства. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя в Учредительном собрании 1918 года сказало: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями; партии борются за власть, а наше мужицкое дело – одна земля». Но если бы даже, предрешая волю Учредительного Собрания, Временное правительство удовлетворило полностью эти желания большинства, оно не могло рассчитывать, на немедленное подчинение его общегосударственным интересам, и на активную поддержку: занятое черным переделом, сильно отвлекавшим и элементы фронта, крестьянство вряд ли дало бы государству добровольно силы и средства к его устройению, то есть, много хлеба и много солдат – храбрых, верных и законопослушных. Перед правительством оставались бы и тогда, неразрешимые для него вопросы: не воюющая армия, не производительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междуусобия.

Оставим, следовательно, в стороне всенародное и демократическое происхождение временной власти. Пусть она

будет самозванной, как это имело место в истории всех революций и всех народов. Но самый факт широкого признания Временного правительства, давал ему огромное преимущество перед всеми другими силами, оспаривавшими его власть. Необходимо было, однако, чтобы эта власть стала настолько сильной, по существу абсолютной, самодержавной, чтобы, подавив силу, быть может оружием, все противодействия, довести страну до Учредительного собрания, избранного в обстановке, не допускающей подмены народного голоса, и охранить это собрание.

Мы слишком злоупотребляем элементом стихийности, как оправданием многих явлений революции. Ведь та «расплавленная стихия», которая с необычайной легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина–Бронштейна, и вот уже более трех лет, не может вырваться из большевистского застенка.

Если бы такая жестокая сила, но одухотворенная разумом, и истинным желанием народоправства, взяла власть и, подавив своеволие, в которое обратилась свобода, донесла бы эту власть до Учредительного собрания, то русский народ не осудил бы ее, а благословил. В таком же положении окажется всякая временная власть, которая примет наследие большевизма; и судить ее будет Россия не по юридическим признакам происхождения, а по делам ее.

Почему свержение негодной власти старого правительства есть подвиг, во славу которого Временное правитель-

ство предполагало соорудить в столице монумент, а попытка свержения негодной власти Керенского, предпринятая Корниловым, исчерпавшим все легальные средства, и после провокации министра-председателя, есть мятеж?

Но потребность сильной власти далеко не исчерпывается периодом до Учредительного собрания. Ведь бывшее Собрание 1918 года напрасно взывало к стране, уже не о подчинении, а просто об избавлении его от физического насилия буйной матросской вольницы. И ни одна рука не поднялась на защиту его. Пусть то Собрание, рожденное в стихии бунта и насилия, не выражало воли русского народа, а будущее отразит ее более совершенно. Полагаю, однако, что даже люди, с наиболее восторженной верой в непогрешимость демократического принципа, не закрывают глаза на неограниченные возможности будущего, которое явится наследием небывалого в истории, и никем еще не исследованного, физического и психологического перерождения народа.

Кто знает, не придется ли демократический принцип, самую власть Учредительного Собрания и его веления утверждать железом и новою кровью...

Так или иначе, состоялось внешнее признание власти Временного правительства. В работе правительства трудно и бесполезно разделять то, что исходило от доброй воли и искреннего убеждения его, и что носит печать насильственного воздействия Совета. Если Церетелли имел право заявить, что «не было случая, чтобы в важных вопросах Временное

правительство не шло на соглашение», то мы также имеем право отождествлять их работу и ответственность.

Вся эта деятельность, вольно или невольно, имела характер разрушения, не созидания. Правительство отменяло, упраздняло, расформировывало, разрешало... В этом заключался центр тяжести его работы. Россия того периода представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки. За отсутствием средств, и в ожидании строительного периода (Учр. Собр.), зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменили. Другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп – последнее средство оказалось хуже всех. И здание рухнуло. Причинами такого строительства были: первое – отсутствие целостного и стройного плана у русских политических партий, вся энергия, напряжение мысли и воли которых были направлены, главным образом, к разрушению существовавшего ранее строя. Ибо нельзя назвать практическим планом отвлеченные эскизы партийных программ; они скорее законные или фальшивые дипломы на право строительства. Второе – отсутствие у новых правящих классов самых элементарных технических знаний в деле управления, как результат систематического, веками отстранения их от этих функций. Третье – непредрешение воли Учредительного Собрания, требовавшее во всяком случае героических мер к ускорению его созыва, но вместе с тем и не менее героических мер – для

обеспечения действительной свободы выборов. Четвертое – одиозность всего, на чем лежала печать старого режима, хотя бы оно имело в основе здоровую сущность. Пятое – сомнение политических партий, каждая порознь представлявших «волю всего народа» и отличавшихся крайней непримиримостью к противникам.

Вероятно, долго еще можно бы продолжать этот перечень, но я остановлюсь на одном факте, имеющем значение, далеко не ограничивающееся одним лишь прошлым. Революцию ждали, ее готовили, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок. И революция пришла в ночи, застав их всех, как евангельских дев, со светильниками погашенными. Одной стихийностью событий нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не создал заблаговременно общего плана каналов и шлюзов для того, чтобы наводнение не превратилось в потоп. Ни одна руководящая партия не имела программы, для временного переходного периода в жизни страны, программы, которая, по существу и по масштабу, не могла ведь соответствовать нормальным планам строительства как в системе управления, так и в области экономических и социальных отношений. Едва ли будет преувеличением сказать, что единственный актив, который оказался в этом отношении к 27 марта 1917 г. в руках прогрессивного и социалистического блоков, был для первого – предназначение министром-председателем князя Львова, для второго – советы и приказ № 1. Потом уже началось судорожное, бес-

системное метание правительства и Совета.

К сожалению, – эта разница, резко отличающая два периода – переходный и строительный, – две системы, две программы, – до сих пор недостаточно ярко рисуются в общественном сознании.

Весь период активной борьбы с большевизмом прошел под знаком смешения двух этих систем, расхождения взглядов и неумения создать переходную форму власти.

По-видимому, и теперь антибольшевистские силы, углубляя свое политическое расхождение и строя планы на будущее, не готовятся к процессу восприятия власти после крушения большевизма, и подойдут к нему опять с голыми руками и мятущимся разумом. Только теперь процесс этот будет неизмеримо труднее. Ибо второй после «стихийности» мотив оправдания неуспеха революции или, вернее, ее первостепенных деятелей – «наследие царского режима» – значительно побледнел на фоне большевистского кровавого тумана, заставшего русскую землю.

* * *

Перед новой властью (Временное правительство) встал капитальнейший вопрос – о войне. От решения его зависела участь страны. Решение в пользу сохранения союза, и про-

должения войны, основывалось на побуждениях этических, в то время не вызывавших сомнений, и практических – до некоторой степени спорных. Ныне даже первые поколебались после того, как и союзники, и противники отнеслись с жестоким, циничным эгоизмом к судьбам России. Тем не менее, для меня не подлежит сомнению правильность тогдашнего решения – продолжать войну. Можно делать различные предположения, по поводу возможностей сепаратного мира – был ли бы он «Брест-Литовским», или менее тяжелым для государства и нашего национального самолюбия. Но надо думать, что этот мир, весной 1917 года, привел бы к расчленению России и экономическому ее разгрому (всеобщий мир за счет России), или дал бы полную победу центральным державам над нашими союзниками, что вызвало бы в их странах потрясения несравненно более глубокие, чем переживает ныне германский народ. Как в том, так и в другом случае, не создавалось никаких объективных данных, для изменения к лучшему политических, социальных и экономических условий русской жизни, и для уклонения в иную сторону путей русской революции. Только кроме большевизма, – в свой пассив Россия внесла бы ненависть побежденных на долгие годы.

Решив вести войну, надо было сохранить армию, допустив известный консерватизм в ее жизни. Такой консерватизм служит залогом устойчивости армии, и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избежать участия ар-

мии в исторических потрясениях, то нельзя и обращать ее в арену политической борьбы, создавая вместо служебного начала – преторианцев или опричников, безразлично – царских, революционной демократии или партийных.

Но армию развалили.

На тех принципах, которые положила революционная демократия в основу существования армии, последняя ни строиться, ни жить не может. Не случайность, что все позднейшие попытки вооруженной борьбы против большевизма, – начинались с организации армии на нормальных началах военного управления, к которым постепенно старалось переходить и советское командование. Никакие стихийные обстоятельства, никакие ошибки военных диктатур, – и сил, им содействовавших, и противодействовавших, повлекшие неудачу борьбы (об этом – правдивое слово впереди), не в состоянии затемнить этой непреложной истины. Не случайность также, что руководящие круги революционной демократии не могли создать никакой вооруженной силы, кроме жалкой пародии – «Народной армии» на так называемом «фронте Учредительного Собрания». Это именно обстоятельство, привело русскую социалистическую эмиграцию к теории непротивления, отрицания вооруженной борьбы, к сосредоточению всех надежд на внутреннее перерождение большевизма, и свержение его какими-то бесплотными «силами самого народа», которые все-таки, иначе как железом и кровью, проявить себя не могут: «великая, бескровная» с

начала и до конца тонет в крови...

Отмахнуться от огромного вопроса – о воссоздании на твердых началах национальной армии – не значит решить его.

Что же? Со дня падения большевизма, сразу наступит мир и благоволение в стране, развращенной рабством, горшим татарского, насыщенной рознью, мстью, ненавистью и... огромным количеством оружия? Или со дня падения русского большевизма отпадут своекорыстные вождедения многих иностранных правительств, а не усилятся еще больше, когда исчезнет угроза советской моральной заразы? Наконец, если бы даже вся старая Европа, путем нравственного перерождения, перековала мечи на орла, разве невозможно пришествие нового Чингисхана из недр той Азии, которая имеет вековые и неоплатные счета за Европой?

Армия возродится. Несомненно.

Но, потрясенная в своих исторических основах и традициях, она, подобно былинным русским богатырям, немало времени будет стоять на распутье, тревожно вглядываясь в туманные дали, еще окутанные предрассветной мглой, и чутко прислушиваясь к неясному шуму голосов, зовущих ее. И среди обманчивых зовов, – с великим напряжением будет искать подлинный голос... своего народа.